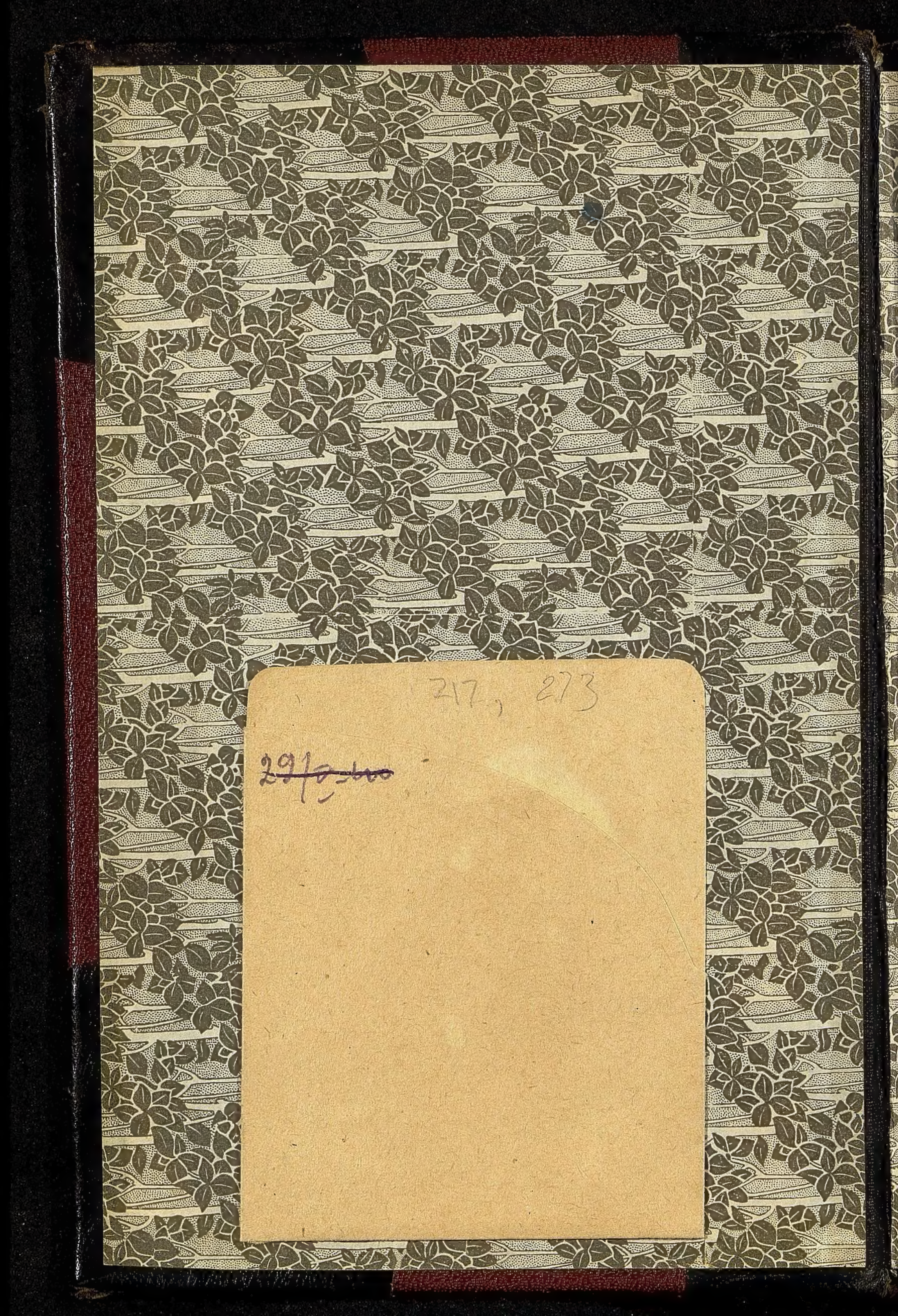
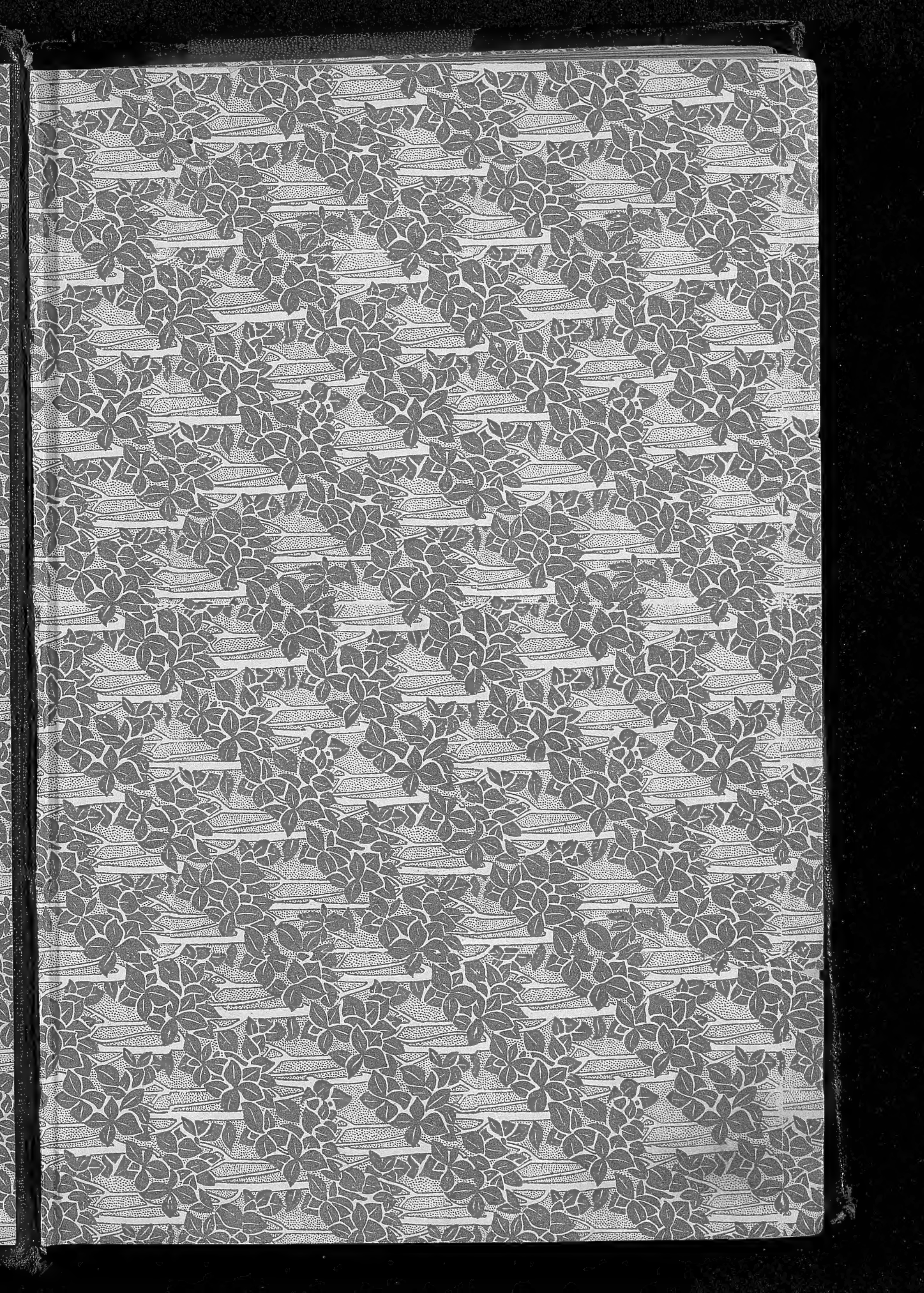
ВСКИЙ
ИСТОРИИ
НСКАГО
ДА

217, 273
~~2910-600~~

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

УКРАИНСКАГО НАРОДА.

Проф. Мих. Грушевскій.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ УКРАИНСКАГО НАРОДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Современная украинская колонизація и ея историческія измѣненія; украинскій этническій типъ.	1
II.	Разселеніе украинскихъ племенъ. Тюркская миграція	11
III.	Культура и бытъ	20
IV.	Торговыя сношенія; начало государственной организаціи. Лѣтописная традиція о началѣ Кіевскаго государства.	32
V.	Кіевское государство въ IX и X вв.—процессъ созиданія.	48
VI.	Кіевское государство въ XI и XII вв. – процессъ разложенія.	67
VII.	Княжества-земли XI—XIII вв. Галицко-волынское государство.	77
VIII.	Политическое и общественное устройство, право и культура XI—XIII вв.	91
IX.	Украинскія земли переходятъ подъ власть вел. кн. Литовскаго и Польши (XIV—XV вв.) . .	116
X.	Украинскія земли въ XV—XVI вв. Польша собираетъ украинскія земли	131
XI.	Общественная и культурная эволюція. Привиллегированныя сословія.	149
XII.	Крестьянство.	167
XIII.	Города. Религіозно-національное и культурное движеніе XVI—XVII вв.	180
XIV.	Козачество—его происхожденіе и развитіе . .	193
XV.	Козачество и козацкія войны до 1648 г. . .	208

Стр.
XVI. Движеніе Хмельницкаго 226
XVII. Событія по смерти Хмельницкаго (1657—1659). 244
XVIII. Смуты 1660—1680 гг. 261
XIX. Соціально-экономическій процессъ въ восточной Украинѣ XVII—XVIII вв. 278
XX. Политическія условія Гетманщины и уничтоженіе стараго строя 291
XXI. Возстановленіе и уничтоженіе козачества въ Правобережной Украинѣ. Гайдамацкія движенія. Судьба крестьянства 313
XXII. Національный и культурный упадокъ въ украинскихъ земляхъ въ XVIII в. и начатки возрожденія – въ Галиціи 326
XXIII. Украинское возрожденіе въ XIX в. 343
XXIV. Современное состояніе украинства 366
Приложеніе: карта.

На русскомъ языкѣ не существуетъ цѣльнаго обзора исторіи украинскаго народа, хотя потребность въ этомъ есть, какъ показываетъ хотя бы успѣхъ переизданной недавно старой «Исторіи Малой Россіи» Бантышъ-Каменскаго, которая усердно покупается, благодаря одному своему заглавію. Мой большой курсъ исторіи Украины ни въ его украинскомъ оригиналѣ [1]), ни въ нѣмецкомъ переводѣ [2]), не можетъ получить значительнаго распространенія въ Россіи. Въ виду этого я рѣшилъ издать свой небольшой курсъ исторіи украинскаго народа, читанный мною весною 1903 г. по приглашенію русской школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Я думаю, что онъ можетъ достаточно хорошо служить для перваго ознакомленія съ этимъ предметомъ. Интересующіеся могутъ обратиться для болѣе подробнаго ознакомленія къ упомянутому моему большому курсу; настоящій очеркъ служитъ собственно краткимъ извлеченіемъ изъ него.

Такъ какъ въ моемъ большомъ курсѣ подробно указана литература отдѣльныхъ вопросовъ и существующія въ наукѣ контроверсіи, я не считалъ нужнымъ обременять настоящій очеркъ такого рода указаніями и въ большинствѣ случаевъ ограничивался ссылками на соотвѣтствующія главы вышедшихъ уже томовъ; интересующіеся легко отыщутъ тамъ нужныя имъ свѣдѣнія и ука-

---

[1]) Історія України-Руси, Львовъ, 1898—1903, вышло четыре тома, до конца XVI в. Съ нынѣшняго года печатается второе изданіе.

[2]) Выходитъ въ Лейпцигѣ, у фирмы B. G. Teubner.

занія на источники. Съ другой стороны при составленіи настоящаго очерка я имѣлъ въ виду читателей съ извѣстною привычкою къ научному чтенію, ищущихъ не внѣшней занимательности разсказа, а научнаго изложенія. Въ краткомъ и сжатомъ видѣ я старался дать возможно точный образъ историческаго процесса, пережитаго украинскимъ народомъ. Дать иную, болѣе легкую и общедоступную картину его исторіи является для меня дѣломъ будущаго.

Написанная годъ тому назадъ, книга выходитъ только теперь, и не въ такомъ видѣ, какъ это для меня было бы желательно. Значительные пробѣлы, особенно въ послѣднихъ главахъ книги, быть можетъ, мнѣ удастся восполнить позже. А пока мнѣ остается еще попросить читателя—исправить досадныя погрѣшности, вкравшіяся въ книгу при печатаніи ея безъ постояннаго непосредственнаго наблюденія, и снисходительно отнестись къ неправильностямъ рѣчи, которыя несмотря на всѣ старанія, остались въ изложеніи и, вѣроятно, въ немаломъ числѣ: мое чутье языка, очевидно, успѣло притупиться за десять лѣтъ жизни за границей.

Львовъ, 1/IX 904.

I.

Въ настоящее время украинская колонизація окружаетъ сплошною и весьма однородною массою сѣверное побережье Чернаго моря, приблизительно между 38° и 59° восточной долготы и 45° до 53° сѣверной широты [1]), въ южной части Россіи и смежныхъ частяхъ Австро-Венгріи [2]). Она обнимаетъ

---

[1]) Не считая украинскихъ островов восточнаго Кавказа, Поволжья и т. п.

[2]) Въ Россіи губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Херсонская, Екатеринославская, Полтавская, Черниговская, Харьковская, значительныя части Таврической, Бессарабской, Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской, Минской, Курской, Воронежской, Донской и Кубанской области, всего до 27 милліоновъ душъ (этнографическія данныя послѣдней переписи 1897 г. не опубликованы, и численность украинскаго населенія можетъ быть выведена только по соображенію съ болѣе старыми статистическими данными).

Въ Австріи: а) Восточная Галиція (на востокъ отъ р. Сана) и горная полоса западной, почти до р. Дунайца,—украинскаго населенія считается здѣсь 3.075 тыс., но сюда нужно причесть нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ, причисляемыхъ къ Полякамъ только потому, что они католики; б) сѣверо-восточная часть Буковины—по переписи 1900 г. 298 тыс.

Въ Венгріи—Карпатское подгорье, главнымъ образомъ, провинціи: Землинъ, Унгъ, Берегъ, Мармарошъ; по переписи 1900 г. считается 429 тыс., но въ дѣйствительности, навѣрно, не меньше 450 т.

Изъ колоній какія нибудь свѣдѣнія имѣются только для Америки (Соединенныхъ Штатовъ, Канады и Бразиліи)—украинскую колонизацію (изъ Австро-Венгріи) нужно считать здѣсь свыше 500 тыс.

горную область по обѣимъ сторонамъ Карпатъ, отъ Магуры до Трансильванскихъ горъ и, огибая нижнее Подунавье, занятое теперь румынскою колонизаціею, простирается широкою полосою вокругъ сѣвернаго берега Чернаго и Азовскаго морей. Сѣверною границею служитъ приблизительно линія р. Припети; двумя выступами, раздѣленными бѣлорусскимъ клиномъ, этнографическая граница выдается за эту линію на сѣверъ: въ бассейнѣ западнаго Буга (почти до р. Нарева) и на лѣвомъ берегу Днѣпра между Сожемъ и Десною. На востокѣ она занимаетъ почти весь бассейнъ Донца, до средняго Дона, а на юго-востокѣ выступаетъ далеко въ бассейнъ Кубани, до Кавказскаго хребта. Это составитъ въ совокупности свыше 750 тыс. кв. километровъ [1]). Исключивъ пограничныя территоріи со смѣшаннымъ населеніемъ, украинская колонизація на указанной территоріи только въ западной части значительно разрѣжена еврейскимъ и польскимъ населеніемъ (до 25%), въ общемъ же отличается большою однородностью состава. Украинское населеніе на этой территоріи нужно считать до 32 милліоновъ (безъ колоній и острововъ), а всего до 34 милліоновъ.

На этой территоріи украинское племя, или, лучше сказать, южная группа восточно-славянскихъ племенъ, составившая нынѣшнее украинское населеніе, жило со временъ славянскаго разселенія [2]). За эти двѣнадцать—тринадцать сто-

---

[1]) Смотри приложенную карту.

[2]) Среди ученыхъ, правда, не разъ высказывались предположенія, что Кіевская область (земля Полянъ) и земли на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ древнѣйшія времена, до XIV—XV в., были заселены племенами не украинской, а великорусской группы, и эта старая колонизація, ослабѣвшая послѣ монгольскаго погрома XIII в., была покрыта болѣе новою украинскою колонизаціею, шедшею съ запада (т. н. теорія Погодина). Но эти предположенія не имѣютъ подъ собой никакихъ положительныхъ данныхъ. Болѣе умѣренные представители этихъ взглядовъ признаютъ теперь несостоятельность ихъ относительно Кіевской области, а если допускаютъ ихъ еще относительно земель заднѣпровскихъ, то, кажется, только изъ нерѣшительности сразу разстаться со старыми воззрѣніями (Історія України-Руси, т. III, гл. 2, примѣчанія).

лѣтій ихъ этнографическая территорія не потерпѣла особенно большихъ измѣненій, хотя самая колонизація претерпѣвала весьма сильныя пертурбаціи. Въ концѣ концовъ она овладѣла своею старою територіею — понесла, правда, значительныя утраты на западныхъ границахъ, но взамѣнъ ихъ раздвинула свои границы на юго-востокъ и, можетъ быть — на востокъ.

Западный украинскій клинъ въ Карпатахъ зажатъ теперь между польскою и словацкою колонизаціею; къ нему примыкаютъ—на сѣверѣ пространства между Вислокомъ и Саномъ съ преобладающею польскою колонизаціею, съ слабыми только остатками украинской, а на южныхъ склонахъ Карпатъ—смѣшанное украинско-словацкое, или совсѣмъ ословаченное украинское населеніе. Уцѣлѣвшее на крайнемъ западѣ украинское населеніе—это только обглоданный скелетъ болѣе древней колонизаціи; еще на нашихъ глазахъ продолжается этотъ процессъ поглощенія Поляками и Словаками ослабленныхъ остатковъ украинскаго населенія въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ,—поглощеніе, которое объясняется укоренившимся политическимъ преобладаніемъ Поляковъ и вѣковымъ отливомъ украинскаго населенія на востокъ и юго-востокъ. Еще въ XVII в. этнографическая украинская граница современниками проводилась до окрестностей Кракова и дальше на сѣверъ до Вислы, въ окрестности Люблина, который еще въ XVII в. считался городомъ почти украинскимъ [1]). Въ планахъ отдѣленія Украйны отъ Польши XVII в. Висла обыкновенно выступаетъ какъ этнографическая граница Украинцевъ и Поляковъ [2]).

---

[1]) Напр. канонткъ Красинскій († 1612), описывая западную границу украинской колонизаціи, обозначаетъ ее такъ: quae Carpathios montes non longe ab urbe attingit Cracovia, а между провинціями ея называетъ и землю Люблинскую — Mizleri Historiarum Poloniae collectio I, p. 418.

[2]) Хмельницкій грозилъ въ 1649 г. прогнать Поляковъ за Вислу. Въ проектѣ раздѣла Польши 1657 г. и въ договорѣ Дорошенка съ Турціею Висла также выступаетъ границею православной вѣры и украинской народности (Історія I гл. 3).

*

На югѣ отъ Карпатъ, кромѣ словацкаго пограничья, украинская колонизація въ тѣхъ же пограничныхъ, смѣшанныхъ областяхъ и по тѣмъ же причинамъ, понесла утраты также въ сторону Мадяръ и Румунъ. На протяженіи одного XIX в. мы можемъ замѣтить сильную ассимиляцію угорскихъ Русинъ Мадярами, благодаря ихъ политическому и экономическому преобладанію, особенно въ равнинныхъ пространствахъ карпатскаго подгорья, съ смѣшаннымъ населеніемъ. Очевидно, украинскіе острова, и теперь еще проходящіе за рр. Солону (Sajo), Красну (Kraszna), Самошъ (Szamos), мы должны считать остатками нѣкогда гораздо болѣе значительной колонизаціи, превращенной въ тонкія кружева этнографической карты благодаря словацкой и мадярской иммиграціи и ассимиляціи.

Въ Трансильваніи теперь уже нѣтъ украинскаго населенія (остатки его исчезли въ началѣ XIX в.); слѣды ея остались въ многочисленныхъ хоро и топографическихъ именахъ на всемъ пространствѣ Трансильваніи. Изъ одной папской буллы (1446) видимъ, что еще въ XV в. здѣсь была значительная украинская колонизація (Rutheni gens satis populosa). Она покрыта теперь колонизаціей румунской, какъ и старая украинская колонизація Подунавья (въ области Прута и сѣвернаго побережья Дуная), ослабленная нашествіями турецкихъ ордъ (особенно Половцевъ). Значительные останки ея на нижнемъ Дунаѣ извѣстны еще въ концѣ XVI в. [1]).

Взамѣнъ этого украинская колонизація расширила, по всякой правдоподобности, свои предѣлы нѣсколько на сѣверъ, оттѣснивъ или ассимилировавъ бѣлорусскую колонизацію; правда, прослѣдить исторически границу украинской и бѣлорусской колонизаціи очень трудно, но въ общемъ представляется почти несомнѣннымъ, что украинская граница здѣсь подвинулась. Также трудно опредѣлить новыя пріобрѣтенія украинской колонизаціи на востокѣ, въ бассейнѣ Донца и Дона.

---

[1]) Li Russiani che sono popoli vicini a questi ma su le rive del Danubio de piu numero et piu feroci dell'altri (тамже).

Нынѣшняя украинская колонизація этой территоріи новаго происхожденія: она развилась главнымъ образомъ въ XVII в., когда послѣ неудачныхъ возстаній противъ Польши выходили сюда массы переселенцевъ изъ земель на лѣвомъ берегу Днѣпра. Но эта колонизація преимущественно только возвращала украинской колонизаціи пространства, утраченныя ею во время движенія тюркскихъ ордъ X—XIII в., и если можно въ общемъ догадываться, что колонизація XVII в. не только возвратила, но и раздвинула старыя границы на востокъ, въ область средняго Дона, то все-таки размѣра этихъ пріобрѣтеній невозможно установить. Область нижняго Дона, теперь занятая великорусскимъ населеніемъ (донскими казаками), наоборотъ, нужно считать ея утратою, такъ какъ въ древнѣйшее время (VI—VII ст.) она была занята тою же группою племенъ, что и область нижняго Днѣпра (т. н. Анты византійскихъ источниковъ), т. е., по всему судя, южною украинскою колонизаціею.

Несомнѣнно новымъ пріобрѣтеніемъ украинской колонизаціи является область Кубани, колонизированная остатками запорожцевъ въ концѣ XVIII в. и потомъ заселявшаяся въ продолженіе XIX в. добровольными и недобровольными украинскими выходцами, поселявшимися въ большомъ числѣ также въ области Кумы и Терека. То же нужно сказать объ украинской колонизаціи Крымскаго полуострова (XIX вѣка). Украинская же колонизація степной полосы, отъ Донца до Днѣстра, и сосѣднихъ частей Бессарабіи, начавшаяся въ XVIII (запорожцами) и продолжавшаяся въ теченіе большей половины XIX в. (бѣглыми крестьянами—крѣпостными), только овладѣла старою территоріею, занятою упомянутою группою „антскихъ“ племенъ еще въ первые вѣка славянскаго разселенія и затѣмъ утраченною со времени движенія тюркскихъ ордъ.

Вообще колонизаціонныя пертурбаціи имѣли мѣсто главнымъ образомъ въ восточныхъ и южныхъ частяхъ украинской территоріи, болѣе равнинныхъ и безлѣсныхъ. Когда кочевыя тюркскія орды двигались изъ средней Азіи степными

пространствами восточной Европы, украинскому населенію приходилось очень тяжело въ открытыхъ, ничѣмъ незащищенныхъ мѣстностяхъ восточныхъ и южныхъ, въ бассейнѣ Дона и средняго Днѣпра и въ степныхъ пространствахъ Черноморья, и оно отливало отсюда въ лѣсистыя и болотистыя мѣстности сѣверной Украйны и въ гористыя области Карпатъ. Въ лѣсныя и болотистыя пространства, также какъ и въ горы, степные хищники заглядывали рѣдко и лишь мелькомъ—на такомъ терренѣ они двигались съ трудомъ, между тѣмъ какъ въ степныхъ, безлѣсныхъ мѣстностяхъ чувствовали себя дома, и если не располагались на кочевку, то являлись для грабежей охотно и часто. Если мы примемъ во вниманіе, что, начиная съ незапамятныхъ временъ и до XVIII в., эти степи отъ Урала и до Добруджи и равнинъ средняго Дуная служили постоянно большою дорогою для разныхъ кочевыхъ ордъ, то намъ будетъ ясно, какое важное значеніе имѣли эти свойства поверхности въ исторіи украинской колонизаціи.

Западная часть—земли Галицкая и Перемышльская, гдѣ лѣсной поясъ сходится съ горною областью Карпатъ, Волынь средняя и сѣверная, и лѣсныя и болотистыя пространства на сѣверѣ отъ Кіева, гдѣ линія лѣса довольно далеко выступаетъ на югъ [1]), играли роль резервуаровъ, куда украин-

---

[1]) Линія лѣса идетъ съ юго-востока на юго-западъ, болѣе или менѣе по линіи Козелецъ-Кременецъ; эта лѣсная область охватываетъ песчаныя, неплодородныя пространства Десны, Тетерева, Припети и ея притоковъ, и Западнаго Буга. Лѣсъ теперь тутъ разрѣженъ, прежде былъ несравненно гуще. Линія лѣса совпадаетъ съ границею песчаной, малопригодной для земледѣлія полосы и полосы хлѣбородной. Полоса предстепная, между областью лѣса и степью, богато орошенная, съ волнистою поверхностью и плодородною почвою, съ значительною лѣсною растительностью, менѣе открытая, опирающаяся о линію лѣса—были областью наиболѣе интенсивной жизни и культуры; наибольшее значеніе въ первые вѣка нашей исторіи имѣла центральная, поднѣпровская ея часть, такъ какъ восточная была болѣе доступна кочевникамъ, а западная не имѣла такихъ удобныхъ водныхъ дорогъ, какъ Поднѣпровье. Но предстепное Поднѣпровье временами также много терпѣло отъ

ское населеніе менѣе защищенныхъ пространствъ отливало подъ натискомъ тюркскихъ ордъ и черезъ нѣкоторое время, когда напоръ кочевниковъ ослабѣвалъ, снова двигалось отсюда въ опустѣвшія пространства на югъ и востокъ.

Отъ временъ, когда украинская группа племенъ впервые овладѣла своею нынѣшнею территоріею, и до XVIII в., когда окончательно сломана сила кочевыхъ ордъ и положенъ конецъ ихъ движенію въ Европу [1]), на глазахъ исторіи нѣсколько разъ происходили такіе массовые отливы и приливы украинскаго населенія. Прежде всего въ связи съ движеніемъ тюркскихъ ордъ: въ X вѣкѣ напоръ Печенѣговъ, въ концѣ XI в.—движеніе Половцевъ, въ XIII в.—монгольско-татарскихъ ордъ, въ концѣ XV—набѣги новосформировавшейся Крымской орды вызываютъ такіе отливы, отступленія украинскаго населенія, и затѣмъ, нѣсколько десятилѣтій спустя—новое поступательное движеніе, болѣе или менѣе успѣшное. Но пока не прекратилось движеніе кочевыхъ ордъ съ востока, такіе походы украинской колонизаціи на востокъ и югъ не приводили къ прочнымъ успѣхамъ. Только съ конца XVI в., подъ вліяніемъ разныхъ причинъ (массовое движеніе крестьянъ изъ западныхъ и сѣверныхъ провинцій, развитіе козачества, ослабленіе, а затѣмъ и полное уничтоженіе Крымской орды, прекращеніе движенія кочевниковъ изъ Азіи), развивается успѣшная и все болѣе и болѣе прочная украинская колонизація въ восточномъ и южномъ направленіи, продолжающаяся затѣмъ въ теченіе XVII, XVIII и даже XIX в.

Кромѣ движенія тюркскихъ ордъ колонизаціонныя пертурбаціи вызывали и иныя причины—напр. развитіе крѣ-

---

кочевниковъ, и потому въ развитіи его видимъ большіе перерывы. Культурныя и общественныя традиціи лучше сохранялись въ западной части украинскихъ земель, хотя центръ ихъ жизни лежалъ на Днѣпрѣ, и только здѣсь она проявлялась могущественно и широко. Степная приморская полоса, вслѣдствіе тюркской имиграціи, не играла въ жизни украинскихъ племенъ выдающейся роли.

[1]) Послѣднею ордою, двигавшеюся въ XVIII в. изъ Азіи, были Калмыки.

постной зависимости въ XVI и XIX в., народныя движенія XVII в. вызвали передвиженія народныхъ массъ на востокъ и югъ, въ малозаселенныя пространства, дальше отъ притѣсненій. Особенно движенія XVII в. вызвали чрезвычайно сильное передвиженіе украинскаго населенія на востокъ.

Эти многократныя массовыя передвиженія имѣли весьма важное значеніе для сформированія украинскаго національнаго типа и языка. Только западная окраина и сѣверное Полѣсье сохранили въ болѣе чистомъ и нетронутомъ видѣ первоначальную колонизацію. Хотя приливы насельниковъ изъ болѣе открытыхъ мѣстъ, въ періодахъ отступленій, вносили и сюда движеніе и новые элементы, все-таки гористая и лѣсная полоса законсервировались лучше. Это обнаруживается и въ сохранившихся здѣсь діалектахъ, весьма разнообразныхъ и мелкихъ, отмѣченныхъ многими архаическими чертами, и такими же архаизмами въ традиціи и бытѣ. На всемъ остальномъ пространствѣ многократныя массовыя передвиженія, сравнительно недавно только закончившіяся, перетасовавъ и перемѣшавъ этническій матеріалъ (хотя и принадлежавшій къ одной и той же группѣ племенъ), сообщили народному типу и языку чрезвычайное и рѣдкое, сравнительно съ этимъ огромнымъ пространствомъ, единство и однородность. Народные говоры, съ ихъ болѣе новыми, вторичными образованіями, и этнографическій типъ украинскаго населенія представляютъ на всемъ пространствѣ отъ Львова до Кубани (почти 2.000 верстъ) только сравнительно слабыя различія и варіаціи.

Этотъ смѣшанный, центральный типъ и служитъ представителемъ украинской народности. Если на нѣкоторыхъ этнографическихъ границахъ (какъ, напримѣръ, на украинско-словацкомъ пограничьѣ на западѣ, или на сѣверѣ—на рубежѣ украинской и бѣлорусской колонизаціи) украинскіе говоры соединены малозамѣтными переходами съ говорами сосѣдей, и самый этническій типъ не выдѣляется рѣзко, то центральный типъ, представляющій собою преобладающее большинство, отмѣченъ цѣлымъ рядомъ характеристическихъ чертъ, отли-

чающихъ его отъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ—Великороссовъ, Бѣлоруссовъ, Поляковъ и Словаковъ.

Если филологи спорятъ о томъ, самостоятельный ли языкъ составляютъ украинскіе діалекты или только нарѣчіе русскаго языка, обнимающаго также діалекты великорусскіе и бѣлорусскіе, это собственно споръ больше формальный, споръ о словахъ: понятіе языка и нарѣчія—понятія относительныя, и едва ли можно установить, какіе количественные и качественные признаки даютъ группѣ говоровъ право на титулъ самостоятельнаго языка. Гораздо существеннѣе, и здѣсь не можетъ быть спору—что группа украинскихъ говоровъ представляетъ отдѣльный, болѣе или менѣе самостоятельный лингвистическій типъ, связанный извѣстными чертами, объединяющими разнообразіе украинскихъ говоровъ въ одно цѣлое—все равно, назовемъ мы его языкомъ или нарѣчіемъ. Эти черты особенно замѣтны въ вокализмѣ и рѣзко отличаютъ украинскіе діалекты, прежде всего ихъ центральную группу, даютъ имъ своеобразную физіономію. Эти отличія проявляются уже въ древнѣйшую эпоху письменности, въ старѣйшихъ мѣстныхъ памятникахъ, XI—XII в., что впрочемъ вполнѣ понятно, такъ какъ главнѣйшія діалектическія группы у Славянъ ведутъ свое начало несомнѣнно еще изъ праславянской эпохи.

Но языкомъ, хотя онъ служитъ наиболѣе яркимъ и существеннымъ показателемъ національной особности, дѣло не ограничивается. Украинскій этническій типъ отличается отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ — Великороссовъ и Бѣлоруссовъ—также и въ другихъ отношеніяхъ: особенностями антропологическими въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. физическимъ устройствомъ тѣла (формою черепа, ростомъ, соотношеніями частей тѣла), и чертами психофизическими, проявляющимися въ народномъ характерѣ, психологіи, складѣ семейныхъ и общественныхъ отношеній. Въ сферѣ фольклора и этнографіи, формахъ частнаго и общественнаго быта украинская народность запечатлѣна многими характеристическими особенностями, и эти особенности, какъ физическія, такъ духовныя,

такъ же имѣютъ за собою, не во всемъ одинаковую, но значительную давность.

Какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ психофизическомъ отношеніи обособленіе народностей украинской, бѣлорусской и великорусской выходитъ далеко за предѣлы исторіи. Выходя изъ своей прародины, эти группы племенъ, уже тамъ отмѣченныя извѣстными отличіями, попадали въ отличную этнографическую среду (такъ, великорусская народность формируется преимущественно на финской почвѣ, бѣлорусская—въ близкомъ общеніи съ литовскою группою, украинская—въ вѣчномъ сосѣдствѣ съ Тюрками), въ отличныя физическія, экономическія и культурныя условія. Дальнѣйшая исторія вела ихъ большею частью совершенно различными дорогами, представлявшими больше отличій, чѣмъ схожестей. Въ результатѣ образовалось народное самочувствіе, которое отличаетъ теперь, совершенно инстиктивно, Украинца и Великоросса, „хохла“ и „кацапа“ [1]), и даетъ себя чувствовать уже на первыхъ страницахъ исторіи.

Съ особою отчетливостью обозначились въ исторіи эти двѣ народности—великорусская и украинская, эти два наиболѣе крупныя славянскія племена. Историческая судьба не разъ сводила ихъ разомъ, причемъ въ первыхъ вѣкахъ ихъ исторической жизни роль зиждущаго, культурно и политически преобладающаго, первенствующаго въ восточной Европѣ элемента играла народность украинская, въ послѣднихъ — народность великорусская. Внѣ этихъ соприкосновеній и одновременно съ ними, историческая жизнь той и другой развивалась самостоятельно и своеобразно, все болѣе увеличивая сумму отличій всего склада ихъ жизни и отдѣляя ихъ національные

---

[1]) Хохолъ — насмѣшливое прозваніе у Великороссовъ для украинцевъ; оно ведетъ свое начало отъ прически Украинцевъ XVII в., когда они, подбривая волоса, оставляли только волоса на серединѣ головы, разными фасонами. Происхожденіе слова „кацапъ“, которымъ презрительно прозываютъ Украинцы Великороссовъ, не такъ ясно; его производятъ теперь очень правдоподобно отъ тюркскаго casap—мясникъ.

типы все болѣе рѣзкою чертою. Передъ нами несомнѣнно двѣ народности, двѣ исторіи.

Литература: Історія України-Руси, т. І, гл. 1 и 3, Величко — Народописна карта українсько-русскаго народа. Львів, 1895. Труды этнографической экспедиціи въ юго-западный край, VII. Соболевскій, Опытъ русской діалектологіи—Живая старина 1892, IV. Михальчукъ, Что такое малорусская рѣчь -- Кіевская Старина 1899, VIII. Анучинъ Малороссы (краткій антропологическій очеркъ)—Брокгаузъ и Ефронъ, Энциклопедическій словарь т. XVIII.

II.

Я уже сказалъ, что своею нынѣшнею территоріею украинская группа племенъ овладѣваетъ во время славянскаго разселенія, двигаясь изъ своей прародины на югъ и западъ.

Въ настоящее время въ наукѣ все глубже проявляется сознаніе, что прародину индоевропейскихъ племенъ нужно искать не въ передней Азіи, гдѣ предполагали ее прежде, а въ восточной Европѣ, и отсюда въ весьма раннее время, которое пробуютъ датировать 2000 лѣтъ передъ нашею эрою, отдѣльныя группы начали распространяться на западъ, югъ и юго-востокъ. Литовская и восточно-славянская группы племенъ были бы въ такомъ случаѣ тѣми, которыя остались на старомъ пепелищѣ или въ ближайшемъ его сосѣдствѣ.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни было съ индоевропейскою прародиною, группа славянская и литовская,—эти ближайшіе родственники среди индоевропейскихъ племенъ, прожили долгое время, уже по выдѣленіи прочихъ группъ, въ близкомъ сосѣдствѣ и общеніи несомнѣнно въ восточной Европѣ. Съ движеніемъ германскихъ племенъ на западъ обозначилась западная граница этихъ литовско-славянскихъ обиталищъ—въ бассейнѣ Вислы. Южная обозначилась съ разселеніемъ

иранскихъ племенъ въ черноморскихъ степяхъ: изъ историческихъ источниковъ о черноморской колонизаціи видимъ, что кочевое (иранское по всякой очевидности) скиѳско-сарматско-аланское населеніе степей не переходило на сѣверъ за пространства нижняго Днѣпра, южнаго Буга и Днѣстра, и далѣе на сѣверъ мы должны предположить колонизацію славянскую. На юго-западѣ въ II в. передъ нашею эрою карпатское подгорье покрываетъ германская (или кельтская, какъ думаютъ другіе) колонизація Бастарновъ; передъ ихъ приходомъ, а также и послѣ ослабленія ихъ славянская колонизація могла простираться до Карпатъ, въ бассейнахъ верхняго Днѣстра, Сана и Вислы, могла прорываться временами и дальше на юго-западъ. Горную же область Карпатъ занимала группа мелкихъ народовъ неяснаго, по всей вѣроятности — ѳракійскаго происхожденія. Все это были народы той же индоевропейской семьи. Только по линіи, перерѣзывавшей восточно-европейскую равнину съ сѣверо-запада на юго-востокъ (ближе обозначить ее не можемъ), границы славяно-литовской колонизаціи встрѣчались съ вовсе чужою—финскою колонизаціею.

Въ этомъ треугольникѣ, который ограничивается линіею Вислы на западѣ, Балтійскимъ моремъ на сѣверѣ, на югѣ занимаетъ области средняго Днѣпра и Днѣстра, а на востокѣ бассейнъ Днѣпра, кромѣ, можетъ быть, его большихъ восточныхъ притоковъ, — съ наибольшимъ правдоподобіемъ нужно искать славянско-литовскую территорію предъ разселеніемъ. Литовская группа занимала ея сѣверную часть, въ сосѣдствѣ балтійскаго побережья, а вѣроятно, также земли между Двиной и Нѣманомъ, славянская — остальныя пространства отъ Карпатскаго подгорья до Алаунской (Валдайской) возвышенности и бассейновъ Волги, постепенно распространяясь по мѣрѣ того, какъ подвигались на западъ и юго-востокъ сосѣднія группы—Иранцы, Ѳракійцы, Германцы. Юго-восточная, украинская группа племенъ уже тогда, предъ разселеніемъ, могла занимать сѣверную и сѣверо-восточную часть своей позднѣйшей территоріи, распространившись потомъ только на югъ и западъ.

Въ указанной территоріи, въ тѣсномъ сосѣдствѣ и общеніи славянскія племена (говорю—племена, потому что ихъ племенная дифференціація должна была проявляться до извѣстной степени уже въ этомъ періодѣ) прожили рядъ столѣтій, достигнувъ довольно высокой степени культуры, о которомъ можемъ судить по лингвистическимъ даннымъ (по существованію у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ общихъ названій, восходящихъ ко временамъ ихъ совмѣстной жизни). Мы видимъ, что у нихъ уже въ полномъ развитіи было земледѣліе, начатки огородничества и садоводства, существовалъ довольно широкій кругъ ремеслъ, обработка металловъ и т. д. Если въ періодъ своего разселенія Славяне порой представлялись ихъ болѣе культурнымъ сосѣдямъ населеніемъ малокультурнымъ, съ преобладаніемъ пастушескаго и охотничьяго быта, то это нужно пояснить исключительными условіями, изъ которыхъ происходятъ эти свѣдѣнія, и временнымъ паденіемъ культуры, весьма обычнымъ въ періодъ движенія, миграціи. Разселеніе Славянъ должно было начаться не позже III вѣка нашей эры. За движеніемъ германскихъ племенъ должно было послѣдовать движеніе Славянъ на западъ. Ослабленіе иранскихъ ордъ Черноморья открывало дорогу на югъ; гунская буря, разрушившая остатки иранской колонизаціи и погнавшая на западъ готскія племена Черноморья, окончательно открыла эти земли славянской колонизаціи.

Движеніе на югъ восточно-славянскихъ племенъ (южной, украинской группы) проявляется въ появленіи въ Черноморьѣ упомянутыхъ уже Антовъ. На крайнемъ юго-востокѣ, въ бассейнѣ Дона и сосѣдствѣ Азовскаго моря мы видимъ ихъ въ серединѣ VI в., и въ то же время они выступаютъ на лѣвомъ берегу нижняго Днѣстра—это былъ тогда крайній предѣлъ ихъ разселенія на западъ [1]). Въ VII в. уходятъ окончательно за Дунай южные славяне (предки балканскихъ племенъ), и восточно-славянская (украинская) колонизація занимаетъ

---

[1]) О нихъ говорятъ Прокопій, также Йорданъ, Ѳеофилактъ.

земли до сѣвернаго берега Дуная. На западѣ прикарпатскія земли и горная область (колонизировавшаяся, впрочемъ, только постепенно, въ продолженіе ряда столѣтій) послѣ движенія Славянъ на западъ и юго-западъ также были открыты для нея. Во второй половинѣ VII в. украинская колонизація, въ главныхъ чертахъ (такъ какъ этнографическія границы не установились, конечно, сразу прочно), могла уже овладѣть своею позднѣйшею территоріею.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о ней мы имѣемъ однако изъ позднѣйшаго времени—X—XI в. Болѣе всего даютъ ихъ этнографическіе обзоры и замѣчанія, собранныя во вступленіи къ древнѣйшей кіевской лѣтописи (т. н. Нестора); они писаны во второй половинѣ XI в., но даютъ указанія и относительно болѣе раннихъ колонизаціонныхъ отношеній, передъ перемѣнами, какія произвело во 2-ой половинѣ X в. движеніе Печенѣжской орды. На основаніи этихъ обзоровъ и другихъ историческихъ источниковъ (т. н. Географъ Баварскій, Константинъ Порфирородный, и др.), а также археологическаго и діалектологическаго матеріала, восточно-славянская колонизація представляется такъ: область верхняго Днѣпра, верховьевъ зап. Двины и Волги занимаютъ племена сѣверной группы—Кривичи, Дреговичи, Радимичи, Вятичи, предки нынѣшнихъ Бѣлоруссовъ и Великороссовъ; они распространяются неустанно на востокъ, колонизуя въ финскія земли, гдѣ вырастаютъ затѣмъ настоящіе центры великорусскаго племени. Племена южной (украинской) группы располагаются въ бассейнѣ средняго и нижняго Днѣпра, простираясь на западъ въ область Карпатъ, на востокъ въ область Дона.

Въ центрѣ украинской колонизаціи, на правомъ берегу Днѣпра, въ окрестностяхъ Кіева сидитъ племя *Полянъ*. Въ концѣ X и XI в. оно занимаетъ небольшой треугольникъ между рѣками Днѣпромъ, Ирпенемъ и Росью. Можетъ быть раньше, прежде печенѣжскихъ натисковъ, Поляне простирались далѣе на югъ за Рось и здѣсь въ болѣе открытыхъ, безлѣсныхъ пространствахъ «чистаго поля», давшаго имъ имя, разселились они первоначально, а только позже оттиснуты были въ сѣверный уголъ

своей территоріи, лѣсистыя и холмистыя окрестности Кіева. Этотъ небольшой треугольникъ—не только географическій, а и историческій центръ украинскихъ племенъ, въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій и для всей восточной Европы. Отсюда, несомнѣнно, вышло имя Руси, хотя мы и не можемъ удовлетворительно объяснить его происхожденіе. Древнѣйшіе источники прилагаютъ имя Руси спеціально къ землѣ Полянъ, названіе Русина къ Полянамъ, хотя съ образованіемъ Кіевскаго государства это имя прилагалось также, въ болѣе широкомъ смыслѣ, и къ цѣлому этому государству, и ко всему восточному славянству, входившему въ составъ „Русскаго", Кіевскаго государства. Правда, редакторъ древнѣйшей Кіевской лѣтописи былъ того мнѣнія, что это имя было принесено въ Кіевъ Варягами (Норманнами), но это былъ только неудачный, псевдо-ученый домыслъ его: въ дѣйствительности имя это связано съ Полянскою землею и выступаетъ на югѣ гораздо прежде, чѣмъ предполагали кіевскіе книжники.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ Полянъ на западѣ жили *Древляне*. Лѣтопись поясняетъ, что они назывались такъ потому, что жили въ лѣсахъ, но ближе не указываетъ предѣловъ ихъ колонизаціи; вѣроятно, они жили въ области Тетерева и Случи, до Припети—на сѣверѣ, и Днѣпра—на сѣверо-востокѣ.

Восточными сосѣдями Полянъ, за Днѣпромъ, были *Сѣверяне*, *Сѣвера*, кажется — самое большое изъ украинскихъ племенъ: лѣтопись говоритъ, что они занимали область Десны, Сейма и Сулы. Кто жилъ дальше на юго-востокѣ, за побережьемъ Сулы, лѣтопись не говоритъ: когда она писалась, и побережье Сулы сильно опустѣло подъ натискомъ тюркскихъ ордъ, но прежде, до второй половины X в., славянская колонизація занимала бассейнъ Дона, простиралась до Азовскаго моря. Объ этомъ весьма опредѣленно говорятъ арабскіе географы IX и X в.—они даже называютъ Донъ, а иногда и нижнюю Волгу, которую считаютъ частью той же рѣки—«Славянскою рѣкою». Тмуторокань на устьѣ Кубани (надъ Керченскимъ проливомъ), бывшая владѣніемъ кіевскихъ князей въ

X и XI в., тогда не была такимъ островомъ, отдѣленнымъ тюркскимъ моремъ, какъ мы видимъ ее въ XI в., а примыкала къ украинской колонизаціи области Дона. Но какое племя жило тутъ—тѣ же Сѣверяне, или иное какое нибудь, этого мы не можемъ сказать.

На нижнемъ Днѣпрѣ сидѣло первоначально племя *Уличей* (или Угличей), вѣроятно на правомъ берегу его. Позже, правдоподобно, подъ натискомъ Печенѣговъ, въ серединѣ X в., передвинулись они дальше на западъ, въ область южнаго Буга. Также покинули они и черноморское побережье: лѣтопись сохранила только воспоминаніе объ ихъ поселеніяхъ на черноморскомъ берегу, также какъ и ихъ западныхъ сосѣдей — *Тиверцевъ*, занимавшихъ земли по Днѣстру и дальше—до Дуная. Подъ натискомъ тюркскихъ ордъ эта украинская колонизація въ концѣ концовъ должна была отступить на сѣверъ и сѣверо-западъ, оставивъ только слабые остатки свои на черноморскомъ побережьѣ и въ степяхъ, извѣстные въ XII—XIII в. подъ именемъ «Бродниковъ», «Берладниковъ».

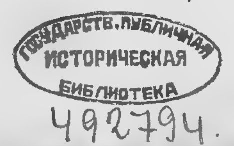
На сѣверъ отъ Тиверцевъ, на западъ отъ Древлянъ жило племя *Дулѣбовъ*. Это старинное племенное названіе, какъ поясняютъ замѣтки Начальной лѣтописи, вытѣснено было позднѣйшими именами—очевидно терминами политическими, происходившими отъ политическихъ центровъ, возникшихъ на территоріи племени: Волынянъ (отъ города Волыня), Бужанъ (отъ г. Бужска). Границъ разселенія племени лѣтопись не указываетъ, говоритъ только, что жило оно по Бугу (западному). Далѣе на западъ, въ нынѣшней Галиціи, обыкновенно помѣщаютъ племя Хорватовъ, но существованіе такого племенного имени среди украинскихъ племенъ очень сомнительно (хотя въ лѣтописи оно разъ названо между украинскими племенами, но это упоминаніе довольно подозрительно). Мы такимъ образомъ не знаемъ, къ какому племени принадлежала старая украинская колонизація верхняго Днѣстра и Карпатскихъ земель, были ли это Дулѣбы, или иное украинское племя.

Эта первоначальная колонизація претерпѣваетъ рядъ перемѣнъ, вслѣдствіе движенія турецко-финскихъ кочевыхъ ордъ, составлявшихъ настоящую историческую язву украинскаго народа, его экономическаго и культурнаго развитія, его колонизаціи, какъ, съ другой стороны, тысячелѣтняя борьба съ этими ордами составляетъ безцѣнную заслугу украинскаго народа передъ европейскою культурою, для которой онъ былъ оплотомъ противъ этихъ азіатскихъ кочевниковъ, по большей части не вышедшихъ на западъ изъ черноморскихъ степей и истощившихъ свои силы и энергію въ этой борьбѣ съ украинскимъ народомъ. Послѣдній принялъ на себя тѣ удары, которые иначе упали бы на западные народы, на ихъ культуру и благосостояніе.

Гуннская орда была передовымъ полкомъ смѣшаннаго турецко-финскаго потока, который двигался за нею, медленно и долго, среди непрестанной борьбы самыхъ этихъ ордъ, въ которой нѣкоторыя изъ нихъ безслѣдно пропадали, и войнъ съ осѣдлымъ населеніемъ,—то задерживаясь и ослабѣвая, то прорываясь сразу, какъ изверженіе вулкана.

Въ періодъ разселенія украинскихъ племенъ проходятъ черезъ черноморскія степи орды Болгаръ и Аваровъ. По ихъ слѣдамъ земли нижняго Дона занимаютъ Хозары, орда неяснаго этнографическаго состава (вѣроятно смѣшанная, финско-турецкая). Она не имѣла разрушительнаго характера другихъ кочевыхъ ордъ и даже была полезнымъ культурнымъ факторомъ, сдерживая натискъ турецкихъ ордъ передней Азіи. Не имѣла особенно тяжелыхъ послѣдствій для осѣдлой колонизаціи Черноморья и миграція Мадьяръ (Угровъ), перешедшихъ черезъ черноморскія степи во 2-й пол. IX в. Ихъ вытѣснили Печенѣги, прорвавшіеся черезъ хозарскій оплотъ, подъ натискомъ напиравшихъ на нихъ съ востока другихъ турецкихъ ордъ—Узовъ и Кипчаковъ.

Между тѣмъ какъ предшествующія финско-турецкія орды большею частью только переходили черезъ черноморскія степи въ земли средняго и нижняго Дуная, чисто турецкая миграція, открываемая Печенѣгами, не выходила изъ черно-

морскихъ степей, а потому имѣла чрезвычайно тяжелыя послѣдствія для украинскаго населенія.

Печенѣги (Пацинаки—у византійскихъ писателей, Баджнакъ—у арабскихъ) прорываются изъ-за Волги въ 70—80-хъ гг. IX в., а въ 890-хъ уже появляются, по слѣдамъ Мадьяръ, надъ нижнимъ Дунаемъ и, овладѣвъ черноморскими степями отъ Дона до Дуная, остаются здѣсь кочевать. Сосѣдство этой многочисленной, воинственной и хищной орды оказалось невыносимымъ для осѣдлаго, земледѣльческаго украинскаго населенія Черноморья, уже отвыкшаго отъ разбойничьихъ находовъ эпохи разселенія, когда оно само принимало участіе въ набѣгахъ Болгаръ и Аваровъ. Оно начинаетъ отступать на сѣверъ и сѣверо-западъ; нѣкоторыя племена—какъ Уличи и Тиверцы, исчезаютъ вовсе въ этой миграціи. Во второй половинѣ X в. Печенѣги начинаютъ нападать и на земли средняго Поднѣпровья, открытыя послѣ отступленія черноморскаго населенія. Окрестности Кіева въ концѣ X в. подвергались непрерывнымъ нападеніямъ. Въ результатѣ земли на югъ отъ Кіева начали пустѣть, и Владиміръ В. принужденъ былъ устроить оборонительную линію по р. Стугнѣ, Остру и Трубежу, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Кіева, строить города и населять ихъ колонистами, выведенными изъ другихъ земель.

Упадокъ печенѣжской орды во второй четверти XI в. остановилъ это отступленіе украинскаго населенія за линію лѣса, куда не проникали набѣги кочевниковъ.

Печенѣжская орда, растрачивая свои силы въ войнахъ съ украинскимъ населеніемъ, одновременно выдерживала натискъ тюркскихъ ордъ, двигавшихся по ея пятамъ въ Европу. Когда пала въ 960-хъ гг. подъ ударами Святослава Хозарская орда, движеніе Тюрковъ въ черноморскія степи усилилось. Впереди шла орда Узовъ (Огузъ), называемая въ кіевскихъ лѣтописяхъ Торками (т. е. Турками), за нею двигалась гораздо болѣе сильная орда Кипчаковъ, называемыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ Половцами или Куманами. Нападеніе Печенѣговъ на Кіевъ въ 1036 г., окончившееся для нихъ очень

неудачно, было послѣднею конвульсіею этой орды: она отступаетъ за Дунай. Черноморскія степи на короткое время занимаютъ Узы; имѣя съ фронта Печенѣговъ, а съ тылу Половцевъ, они не были страшными врагами для украинскихъ земель. Походъ на нихъ южныхъ князей въ 1060 г. окончательно сломилъ силы Узовъ и они вслѣдъ затѣмъ (1064) отступаютъ также за Дунай. Послѣ этого черноморскія степи отъ Урала до Дуная перешли въ нераздѣльное владѣніе Половцевъ, больше чѣмъ на полтора столѣтія.

Эта дикая и воинственная орда кочевала главнымъ образомъ въ донскихъ степяхъ, хотя видимъ ихъ кочевья и на правомъ берегу Днѣпра, особенно позже (въ XII—XIII в.). Они докончили процессъ вытѣсненія украинской колонизаціи изъ степей Черноморья. Только надъ моремъ, на большихъ торговыхъ дорогахъ держались поселенія съ славянскимъ или смѣшаннымъ населеніемъ, какъ Тмуторокань, «Русскій портъ» у устья Дона, Олешье на нижнемъ Днѣпрѣ и другія, менѣе извѣстныя. Въ степяхъ и на черноморскомъ побережьѣ встрѣчаемъ мы ватаги нашихъ промышленниковъ и пиратовъ, предшественниковъ позднѣйшихъ козаковъ: Бродниковъ (отъ бродити), Берладниковъ (отъ города Берладь у нижняго Дуная, служившаго однимъ изъ сборныхъ мѣстъ этихъ «бродягъ»), галицкихъ рыболововъ на нижнемъ Дунаѣ. Ватаги эти бываютъ велики (въ одномъ случаѣ выступаетъ отрядъ изъ 6.000 Берладниковъ), но это только жалкіе остатки старой украинской колонизаціи, вытѣсненной Тюрками изъ Черноморья.

Обжившись въ черноморскихъ степяхъ, Половцы въ 80-хъ гг. XI в. начинаютъ набѣгать все чаще и чаще на земли средняго Днѣпра; въ 1090-хъ гг. ихъ безпрестанные набѣги въ окрестности Кіева и Переяслава воскрешаютъ самыя тяжелыя времена печенѣжскаго натиска и снова разрушаютъ колонизацію южной Кіевщины и Переяславщины, возстановившуюся было въ короткое затишье.

Эти страшныя опустошенія въ концѣ концовъ вызываютъ отпоръ: по иниціативѣ переяславскаго князя Владиміра Мономаха южные князья начинаютъ рядъ походовъ, соединен-

ными силами, въ глубину половецкихъ кочевьевъ. Эти походы въ первой четверти XII в., дѣйствительно, подорвали силу Половецкой орды и ослабили ея агресивность. Но сами князья затѣмъ помогли имъ возобновить свои нападенія, употребляя половецкія орды въ своихъ междоусобіяхъ въ качествѣ вспомогательныхъ отрядовъ. Во второй половинѣ Половцы начинаютъ снова часто нападать на земли Кіевскаго и Переяславскаго княжества, хотя эти нападенія и не имѣютъ прежней интенсивности.

Для обороны пограничныхъ земель отъ Половцевъ и колонизаціи ихъ князья селили здѣсь остатки Печенѣговъ, Тюрковъ и другихъ ордъ, которыя послѣ того, какъ степями завладѣли Половцы, добровольно переходили подъ власть этихъ князей. Въ лѣтописяхъ это разноплеменное тюркское населеніе, подвластное русскимъ князьямъ [1]), носитъ общее названіе Черныхъ Клобуковъ (т. е. черныхъ шапокъ, переводъ тюркскаго имени Кара-калпаковъ). Въ нихъ пробовали видѣть предковъ позднѣйшихъ козаковъ, но это ошибочный взглядъ. Во время монгольскаго нашествія XIII в. эта тюркская колонизація, несомнѣнно, была увлечена этимъ новымъ вихремъ: она вернулась въ степи, не успѣвъ ассимилироваться съ украинскимъ населеніемъ и не оставивъ никакихъ значительныхъ слѣдовъ въ украинскомъ этническомъ типѣ.

Історія України-Руси, т. I гл. 1 и 2, т. II гл. VI.

III.

Если періодъ разселенія сопровождался временнымъ пониженіемъ культурнаго уровня славянскихъ, въ томъ числѣ

---

[1]) Среди него были и Половцы изъ ордъ, потерпѣвшихъ неудачи во внутреннихъ войнахъ Половецкой орды.

и украинскихъ племенъ, то столѣтія по разселеніи, когда вырабатывались начатки государственной организаціи—вѣка VIII, IX и X, были, несомнѣнно, временемъ весьма интенсивнаго культурнаго развитія ихъ. Данныя лингвистики, играющія главную роль при изслѣдованіи славянскаго быта передъ разселеніемъ, могутъ для этого времени комбинироваться съ современнымъ, или нѣсколько болѣе позднимъ (XI—XII в.), историческимъ матеріаломъ и данными археологическими, изъ раскопокъ и находокъ, и даютъ намъ довольно обстоятельный образъ того культурно-бытового фона, на которомъ развиваются общественныя и политическія отношенія періода сформованія Кіевскаго государства (IX—X в.).

Общій культурный уровень нашихъ племенъ этого времени стоитъ уже довольно высоко. Земледѣліе — начатки котораго восходятъ еще ко временамъ общеарійскимъ, въ это время является у нихъ уже въ полномъ развитіи, какъ главная статья хозяйства. Даже въ наименѣе культурныхъ земляхъ, какъ, напр., у Древлянъ, земледѣліе является обычнымъ занятіемъ; въ языческихъ могилахъ Древлянъ и Сѣверянъ находились серпы и зерна нѣсколькихъ родовъ хлѣба. Памятники XI в. даютъ уже очень большой ассортиментъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній (пшеница, овесъ, рожь, ячменный солодъ, просо, горохъ, макъ, ленъ—для масла), равно какъ и земледѣльческихъ орудій. Существовало собираніе сѣна, огородничество и садоводство. Скотоводство, охота, рыболовство, хотя весьма развитыя, какъ средства пропитанія, отходятъ все болѣе и болѣе на второй планъ. Охота имѣетъ главной цѣлью добываніе цѣнныхъ мѣховъ или становится развлеченіемъ высшихъ классовъ. Существуетъ домашняя птица—явленіе очень поздней культуры; въ menu княжескаго агента временъ Ярослава (1 пол. XI в.) курица является такимъ же обычнымъ блюдомъ, какъ хлѣбъ и каша.

Въ лѣсистой полосѣ, съ ея песчаною, малоплодородною почвою, чрезвычайно развито было и имѣло большое значеніе въ хозяйствѣ пчеловодство, въ формѣ бортничества (т. е. въ

качествѣ ульевъ употреблялись искусственно сдѣланныя въ деревьяхъ, въ лѣсахъ, дупла); гораздо рѣже встрѣчаются указанія на пасѣчничество, т. е. разведеніе пчелъ въ настоящихъ ульяхъ. «Медъ и мѣха», «мѣха, воскъ, медъ и рабы»— это главные продукты земель Кіевскаго государства X в., предметы богатства: ими даютъ дань правительству, торгуютъ съ сосѣдними землями, посылаютъ дары. Медъ широко употреблялся и въ домашнемъ обиходѣ, особенно на питье, у низшихъ и высшихъ классовъ. Даже нищимъ Владиміръ въ лѣтописномъ разсказѣ посылаетъ медъ.

Изъ ремеслъ и вообще формъ промышленности обрабатывающей, въ полномъ развитіи видимъ обработку кожи, ткачество и гончарство, обработку дерева и металла. Въ глухой Древлянской землѣ археологическія изслѣдованія не только обнаружили слѣды обработки желѣза, но и заставляютъ предполагать добываніе его на мѣстѣ, изъ болотной руды. Вообще металлическія издѣлія изъ желѣза, мѣди и бронзы, серебра, рѣже—золота, весьма часто встрѣчаются въ украинскихъ могилахъ изъ временъ славянской колонизаціи (особенно въ землѣ Полянъ и Сѣверянъ), и въ большинствѣ принадлежатъ мѣстнымъ ремесленникамъ,—даже нѣкоторыя произведенія болѣе артистической, ювелирной техники.

Пища этого времени также вышла уже изъ примитивной безъискусственности дикаря. Хлѣбъ, каша, вареныя овощи и мясо, вѣроятно въ большемъ количествѣ, чѣмъ теперь, служили пищею народа. Хлѣбъ замѣшивали на дрожжахъ и пекли въ печи; мясо большею частью ѣли вареное. Наиболѣе распространеннымъ напиткомъ былъ медъ; пили также пиво и квасъ; вино было рѣдкостью. Menu высшихъ классовъ даетъ такса для содержанія княжескихъ агентовъ: агентъ (вирникъ) достаетъ для себя и своего слуги ежедневно хлѣбъ, пшено и горохъ на кашу, сыръ, двое курей, комокъ («головажень») соли, теленка и ведро солоду на пиво на цѣлую недѣлю, въ постные дни вмѣсто мяса—рыбу.

Одежда отличалась еще большою простотою; названія ея еще очень мало спеціализированы. Ее составляли сорочка,

штаны, свита, у богатыхъ поверхъ ея—плащъ; на ногахъ родъ плетеныхъ чулокъ и кожаные сапоги, или постолы; на головѣ кожанная или плетеная шапка. Предметомъ щегольства служили парчевыя матеріи, византійской и восточной работы, дорогіе мѣха и золотыя украшенія (цѣпи, медальоны, серьги, височныя привѣски). У небогатыхъ классовъ широко употреблялись украшенія изъ серебра (шейные обручи, браслеты, кольца, ушныя привѣски и т. п.), часто низкопробнаго, и стекла (привозимаго съ востока).

Дома устраивались высоко, въ видѣ двухъ этажей; комнаты были теплыя (истъба—истопка) и лѣтнія. Жилье окружали хозяйственныя постройки и кладовыя. Все это дѣлалось изъ дерева или обмазаннаго глиною плетня; вся каменная постройка—позднѣйшаго, чужого происхожденія, и терминологія ея опирается на греческихъ и нѣмецкихъ словахъ.

Въ характерѣ Славянъ вообще и украинскихъ племенъ спеціально чужеземныя извѣстія отмѣчаютъ съ одной стороны добродушіе и привѣтливость, съ другой—воинственность, свободолюбіе, отсутствіе солидарности и общественной дисциплины. Радушіе и гостепріимство Руси, какъ и вообще Славянъ, было общеизвѣстно, также какъ и строгость семейныхъ отношеній—вѣрность славянскихъ женъ [1].

Въ парѣ съ радушіемъ и искренностью, замѣченною еще Прокопіемъ, стояли черты характера поэтическаго, веселаго, охочаго до развлеченій. Пѣсня и музыка были неразлучными товарищами всѣхъ выдающихся моментовъ жизни у нашихъ племенъ.

«Съ плясаніемъ, гуденіемъ и плесканіемъ» справлялись свадьбы; «долгими пѣснями» прощается съ жизнью Русинка въ описанныхъ ибнъ-Фадланомъ похоронахъ купца-Русина. «Игрища межю селы», на нихъ игры и танцы, и «вся бѣсовьскыя пѣсни» были общераспространенною принадлежностью народнаго быта.

Такою же принадлежностью всякаго праздника было

---

[1]) Прокопій, Маврикій, ибнъ-Дастъ, ибнъ-Якубъ.

бражничанье. «Руси есть веселье пити, не можемъ безъ того жити», — такой афоризмъ вкладываетъ кіевскій книжникъ XI в. въ уста Владиміра В.; его оправдывали веселые Владиміровы пиры, гдѣ лилися рѣкою меды. Языческія церемоніи не обходились безъ попойки; «черезъ годъ послѣ смерти покойника, разсказываетъ ибнъ-Дастъ, берутъ кувшиновъ двадцать меду, несутъ на могилу, тамъ собираются родственники, ѣдятъ и пьютъ». Это ритуальное бражничанье перенесено было потомъ и на христіанскіе праздники.

Въ общемъ изъ всѣхъ этихъ чертъ складывается характеръ мягкій, веселый, окрашенный поэзіею. Характеристика Полянъ, данная древнѣйшею лѣтописью — «обычай имяху тихъ и кротокъ», находитъ себѣ подкрѣпленіе въ другихъ извѣстіяхъ. Но этой кротости, конечно, не нужно преувеличивать. Разбойничьи напады Руси IX—X в. сопровождаются совсѣмъ иными отзывами о ея характерѣ. «Они отважны и смѣлы, напавъ на чужой народъ, не отступаютъ, пока не уничтожатъ его вовсе». «Народъ жестокій и немилосердный, безъ тѣни жалости къ людямъ». Такъ характеризуются военныя дружины Руси у современныхъ арабскихъ и греческихъ писателей. Но à la guerre comme à la guerre.

Религіозное міросозерцаніе до-христіанскихъ временъ имѣло въ своей основѣ культъ природы, въ довольно примитивной, слабо разработанной формѣ. Русско-славянская миѳологія вообще довольно блѣдна и неясна, не только вслѣдствіе скудости извѣстій, а и вслѣдствіе собственной бѣдности: судя по всему, славянское племя не имѣло особенной склонности къ религіозному творчеству.

Наиболѣе ранній источникъ—Прокопій говоритъ о «Славянахъ» и «Антахъ», т. е. о племенахъ южно-славянской и украинской группы, что они чтили одного бога, владыку свѣта, обнаруживавшаго себя въ метеорическихъ явленіяхъ, и рядомъ съ нимъ второстепенныя божества и разныхъ категорій сверхъестественныя существа, говоря нашимъ языкомъ. Въ позднѣйшихъ упоминаніяхъ памятниковъ къ этому первоначальному главному богу наиболѣе близко подходитъ

Перунъ, богъ грома (отъ *пьрати*—поражать); но это уже вмѣстѣ съ тѣмъ и спеціализація первоначальнаго общаго понятія, какъ и Даждьбогъ—Хорсъ [1]), божество солнца, Сварожичъ—огонь, и т. д. Несомнѣнно, что въ этомъ направленіи отъ «единаго» бога неба и свѣта къ спеціальнымъ натуралистическимъ божествамъ шло развитіе миѳологическихъ идей. Параллельныхъ божествъ—представителей свѣтлыхъ и темныхъ силъ, мы не видимъ: сколько-нибудь опредѣленнаго дуализма въ религіозномъ міровоззрѣніи украинскихъ, вообще славянскихъ племенъ не замѣтно.

Главныя божества носятъ опредѣленныя черты персонификаціи; лѣтописное описаніе идола Перуна, поставленнаго въ Кіевѣ, или разсказъ ибнъ-Фадлана о человѣкообразныхъ идолахъ русскихъ божествъ указываютъ и на начатки антропоморфизма. Но это были только слабые начатки, и индивидуальность славянскихъ боговъ выступаетъ еще очень слабо. Мы не находимъ надежныхъ указаній на генеалогію боговъ. Интересный также въ этомъ отношеніи фактъ—отсутствіе богинь въ украинской и вообще славянской миѳологіи [2]).

Затѣмъ вся окружающая природа, воды, лѣса, болота, въ глазахъ обитателя были населены разными таинственными существами, вызывавшими къ себѣ страхъ и почитаніе— нынѣшній Украинецъ, особенно въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ, сохраняетъ еще вполнѣ эти представленія о русалкахъ, водяникѣ, лисовыкахъ или полисунѣ, и разныхъ родахъ «дидькивъ»—домовыхъ, болотныхъ, лѣсныхъ и т. п.

Расположеніе этихъ высшихъ и низшихъ божествъ онъ снискивалъ, какъ и всякіе другіе народы, молитвами и жерт-

---

[1]) Эти два имени—Даждьбогъ и Хорсъ фигурируютъ какъ два отдѣльныя божества; ошибка ли это позднѣйшаго книжника, или солнечное божество дѣйствительно спеціализировалось въ два отдѣльныхъ представленія, трудно сказать категорически.

[2]) Разныя Весны, Лады, Мораны, Живы и т. п. опираются отчасти на недоразумѣніяхъ, отчасти на извѣстіяхъ ненадежныхъ или вовсе апокрифическихъ.

вами. Ибнъ-Дастъ сообщаетъ намъ одну такую молитву: во время жатвы, говоритъ онъ, они берутъ корецъ проса, поднимаютъ къ небу и говорятъ: «боже, дававшій намъ пищу, дай намъ ея и теперь въ изобиліи». Предметами жертвъ является главнымъ образомъ разная пища; имѣемъ лѣтописный разсказъ о человѣческой жертвѣ Перуну въ Кіевѣ, но онъ въ высокой степени подозрителенъ.

Для молитвы и жертвы, вообще для культа служили тѣ мѣста, гдѣ человѣкъ особенно живо чувствовалъ вѣяніе таинственной силы, проникающей природы и служившей собственно предметомъ обожанія. Въ приведенномъ разсказѣ ибнъ-Даста онъ молится небу; туземные памятники XI в. говорятъ о молитвахъ и жертвахъ въ лѣсу, около рѣкъ, ручьевъ и болотъ. Мѣстами существовали человѣкообразные идолы, но о существованіи храмовъ мы не имѣемъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій. Ихъ, очевидно, и не было, какъ не было и спеціальныхъ жрецовъ: общественныя жертвы приноситъ князь или представители общины, бояре и старцы; отъ себя и отъ своей семьи молитвы и жертвы приносилъ каждый самъ. Это и вполнѣ понятно при слаборазвитыхъ формахъ религіи и культа. Были впрочемъ люди, считавшіе себя спеціалистами во всякаго рода религіозныхъ вопросахъ — это волхвы-знахари, вѣдущии и відьом, предки позднѣйшихъ чарівників и вѣдьмъ. Они знали то, чего никто не могъ знать — какъ повліять на таинственныя силы природы, пріобрѣсти ихъ расположеніе и предотвратить бѣду. Но они и сами не свободны отъ вліянія ихъ. Судьба одинаково тяготѣетъ надъ всѣми. Представленіе о ней существовало очень опредѣленное — о немъ говоритъ еще Прокопій, а великій поэтъ XI в. Баянъ выразилъ его въ афоризмѣ:

Ни хытру, ни горазду,
Ни птичю горазду
Суда божія не минути...

Представленія о самостоятельномъ существованіи души отъ тѣла и посмертной жизни покойниковъ выступаютъ вполнѣ

опредѣленно. Они выражаются въ похоронномъ ритуалѣ, въ культѣ предковъ, въ вѣрованіяхъ о переходѣ души по смерти въ новыя существа, появленіи ея между живыми и т. д.

Ибнъ-Фадланъ (X в.) подробно описалъ видѣнный имъ (въ 922 г., вѣроятно въ Итилѣ надъ Волгою) обрядъ погребенія богатаго русскаго купца: по предварительныхъ церемоніяхъ его сожигаютъ въ его лодкѣ, въ богатой обстановкѣ, съ одною изъ наложницъ. Этотъ разсказъ близко соотвѣтствуетъ ритуалу X в., обнаруженному раскопками въ окрестностяхъ Чернигова. Сожженіе покойниковъ вообще было очень распространено на лѣвомъ берегу Днѣпра; въ X в. оно, вѣроятно, господствовало здѣсь. Въ землѣ Полянъ и Древлянъ, наоборотъ, чаще погребали покойниковъ въ землѣ, разомъ съ предметами вооруженія или домашняго хозяйства. Свѣдѣнія о культѣ предковъ вообще бѣдны; въ почитаніи «рода» и «рожаницы» мы, возможно, имѣемъ этотъ культъ, но о немъ очень мало намъ извѣстно. Интересно, что домовые духи— «дидьки», первоначально—духи предковъ, покойниковъ, въ народномъ представленіи являются позже злыми духами, аналогичными съ «бѣсами».

Формы семейнаго союза, сколько можемъ проникнуть въ прошлое украинскихъ племенъ, видимъ уже весьма выработанными. Родство по женѣ, неизвѣстное общеарійской эпохѣ, пріобрѣтаетъ полное значеніе въ періодъ общеславянскій: жена не разрываетъ своихъ отношеній къ своему роду, вступая въ родъ мужа. Старыя формы умычки (похищенія) и покупки перешли въ чисто ритуальные, церемоніальные обряды, и въ такомъ значеніи они существовали рядомъ у разныхъ украинскихъ племенъ [1]). Обычай сожиганія жены, какъ одного изъ предметовъ инвентаря, собственности покойника, перешло въ добровольное доказательство любви и вѣрности. Оно практиковалось въ X в. еще, хотя едва ли было явленіемъ общимъ.

---

[1]) Форма умычки существовала у Древлянъ и Сѣверянъ, какъ описываетъ лѣтопись, форма покупки за „вѣно“ (цѣна) у Полянъ.

Этотъ обычай много повліялъ на репутацію необыкновенной вѣрности славянскихъ женъ; но онѣ вообще, и у украинскихъ племенъ специально, дѣйствительно оправдывали свою репутацію. Наоборотъ, для мужа оставалась въ силѣ большая свобода половыхъ отношеній; конкубинатъ и многоженство, какъ и легкій разводъ, остались обычными явленіями даже и послѣ распространенія христіанства.

Основою общественныхъ отношеній древнѣйшая кіевская лѣтопись представляетъ родъ; это слово въ ней означаетъ однако не родъ, а семью [1]), и семья, несомнѣнно, и была основною формою общественной организаціи нашихъ племенъ этого времени. Только это была семья болѣе широкая и сложная, чѣмъ нынѣшняя, состоящая изъ родителей и малолѣтнихъ дѣтей. Изъ славянскихъ народовъ такая архаическая семья наиболѣе живо сохранилась у Сербовъ, въ ихъ «задругѣ». Въ горныхъ округахъ Галичины и Угорской Руси сохранились и у Украинцевъ мѣстами также большія семьи, подобныя задругѣ (только меньшія — онѣ достигаютъ, самое большее, 25-ти душъ), съ нераздѣльнымъ имуществомъ, подъ управленіемъ «газды» или «завидци», которымъ бываетъ чаще всего (но не исключительно) старшій въ семьѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ Украйны онѣ рѣдки теперь, но въ XVIII в. встрѣчались гораздо чаще. Кромѣ того извѣстны намъ формы, развившіяся изъ этой старой сложной семьи: въ основаніи ихъ лежала кровная связь семьи, но она не исключала участія чужеродцевъ, и первоначально родовыя формы переходили постепенно въ экономическія организаціи, причемъ первоначальная общность имущества отступала все болѣе и болѣе передъ имуществомъ индивидуальнымъ, раздѣльнымъ. Такими были такъ наз. «дворища», «себровства»; «хуторъ» лѣвобережной Украйны также былъ ничто иное, какъ то же «дворище».

Ни дворище, ни газдивство, также какъ и задруга, не

---

[1]) Въ другихъ случаяхъ это слово употребляется въ значеніи поколѣнія, а также и народа.

выростаютъ до цѣлаго села. Кровная и экономическая связь держится только до извѣстнаго предѣла, и изъ первоначальнаго „рода“ выдѣляются новые, самостоятельные. Село—это уже группа родовъ-дворищъ. Первоначальная кровная связь часто помнилась и оставляла слѣдъ въ патронимическихъ названіяхъ (такія названія селъ очень часты на украинской территоріи); но эта связь здѣсь уже гораздо слабѣе, чѣмъ въ „дворищѣ“. Седомъ правитъ уже не старѣйшина, а сходка „старцевъ“. Это уже не родъ, а община. Такъ должно представлять себѣ общину „Русской Правды“, кіевскаго юридическаго кодекса XI в.—„вервь“.

Первоначально извѣстная родовая традиція (ослабленная, конечно) должна была лежать и въ основѣ племенной организаціи; популярныя патронимическія формы племенныхъ названій (хотя бы географическихъ или политическихъ по своему значенію) остались отголоскомъ этого [1]. Но для IX—X в. это былъ только неясный отголосокъ прошлаго; слѣдовъ болѣе широкихъ родовыхъ организацій мы въ нашихъ памятникахъ уже не видимъ. Описывая разселеніе украинскихъ племенъ въ X—XI в., кіевскій книжникъ со всею опредѣленностью, на какую онъ былъ способенъ, объясняетъ, что племенная группировка была этнографическою: племена отличались этнографическими различіями, имѣли свои „обычаи, законы отецъ своихъ и преданія“, свой „норовъ“. Археологическія, отчасти и діалектологическія данныя до извѣстной степени подтверждаютъ этотъ взглядъ кіевскаго лѣтописца, хотя нѣтъ надобности эти племенныя отличія представлять очень значительными.

Территоріальный принципъ, а не родовой, лежитъ и въ основѣ дальнѣйшаго развитія общественныхъ отношеній. Исходною точкою общественной организаціи служитъ городъ, система городовъ.

Колонизаціонныя и общественныя условія дѣлали необхо-

---

[1]) Такое же значеніе имѣетъ употребленіе слова „родъ“ въ значеніи племени, народа, и т. п.

димымъ для группы селъ устройство общаго убѣжища отъ врага; „городъ“, т. е. огороженное, укрѣпленное мѣсто, удовлетворялъ прежде всего этой цѣли. Его постройка и содержаніе создавали извѣстную связь между устраивавшими его селами, связь чисто территоріальную; рядомъ съ этимъ возникали постепенно новыя связи: общая оборона противъ врага, охрана общественнаго спокойствія, преслѣдованіе его нарушителей.

Спеціальныя географическія условія, выгоды сообщенія и т. п. выдвигали отдѣльные города изъ группы сосѣднихъ, дѣлали ихъ центрами болѣе широкихъ округовъ и давали ихъ общинамъ особенное вліяніе во всякаго рода дѣлахъ. Онъ дѣлался „городомъ“ par excellence для сосѣднихъ, тѣ же становились его „пригородами“ и подчинялись его гегемоніи: „что же старѣйшии (т. е. граждане „города“) сдумаютъ, на томже пригороди станутъ“. Возникновеніе такого центра давало себя знать и въ томъ, что населеніе группы округовъ тянувшихъ къ такому центральному городу, принимало часто и имя его, и это имя вытѣсняло старое племенное имя. Такъ, являлись Волыняне, Бужане и Червляне на территоріи Дулѣбовъ, Черниговцы, Переяславцы и Новгородцы на территоріи Сѣверянъ, и т. п. Эти системы городовъ были чрезвычайно важнымъ факторомъ въ дальнѣйшемъ развитіи политическихъ и общественныхъ отношеній украинскихъ племенъ. Развивались онѣ не у всѣхъ племенъ одинаково, въ зависимости отъ болѣе или менѣе интенсивной культуры, отъ бо́льшаго или меньшаго развитія самой городской жизни. Между тѣмъ какъ у Полянъ, Сѣверянъ, Дулѣбовъ эта городская жизнь сильно развита, и уже въ самое раннее время эти городскія организаціи заступаютъ мѣсто старыхъ племенныхъ отношеній,—у Древлянъ, Радимичей, Вятичей не развились крупные городскіе центры, эти земли долѣе удерживаютъ первоначальный аморфный племенной строй, и самыя племенныя имена живутъ дольше.

Этнографическая племенная группировка комбинировалась такимъ образомъ съ территоріальною. Племенная диферен-

ціація лежала несомнѣнно въ основѣ позднѣйшихъ политическихъ отношеній, но на этой первоначальной основѣ новыя комбинаціи создавалъ городъ. Изъ старыхъ географическо-этнографическихъ территорій — земель формируются новыя земли—„волости“ [1]). Территоріи племенъ со слабо развитою городскою жизнью, безъ сильныхъ городскихъ центровъ, притягиваются чужеплеменными центрами: Древляне Кіевомъ, Радимичи и Вятичи Черниговомъ. Съ другой стороны сильное развитіе городскихъ центровъ приводитъ къ распаденію племенной территоріи на нѣсколько княжествъ - земель: такъ, Сѣверщина дѣлится на земли Черниговскую и Переяславскую, въ землѣ Дулѣбовъ появляются земли Владимірская, Луцкая, Червенская и т. п.

Какъ правились эти племенныя и городскія организаціи первоначально, мы имѣемъ очень мало прямыхъ указаній. Прокопій и Маврикій говорятъ о Славянахъ и Антахъ, что они не знаютъ монархическаго правленія, живутъ въ племенной раздробленности, и всякаго рода дѣла рѣшаетъ воля народа. Изображая кіевскіе порядки передъ образованіемъ позднѣйшаго государства, авторъ Повѣсти представляетъ, что важнѣйшія дѣла рѣшало тогда совѣщаніе „Полянъ“, т. е. то, что называется позже вѣчемъ, народное собраніе. Въ исторіи о возстаніи Древлянъ въ половинѣ X в., хотя упоминаются древлянскіе князи, съ комплиментомъ, что они „добры“ и „распасли древлянскую землю“, но рѣшаютъ важнѣйшіе вопросы сами Древляне. Очевидно, и въ тѣхъ племенныхъ и городскихъ организаціяхъ, гдѣ существовали князья-старѣйшины, главную роль играло совѣщаніе „старцевъ“ или „лучшихъ людей“, т. е. старѣйшинъ наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ родовъ. Но мѣстами князей могло и вовсе не быть, и правили общиною въ такомъ случаѣ сами эти „старцы“, ихъ совѣтъ.

Мы не знаемъ, выработалось ли гдѣ нибудь на украинской территоріи, кромѣ Кіева, болѣе сильная княжеская власть, и

---

[1]) Волость—власть, территорія и административная зависимость.

не можемъ, вслѣдствіе того, сказать, достигли ли эти политическія организаціи, на которыя указываютъ намъ такія имена, какъ Волыняне, Лучане и т. д., значительной внутренней силы и концентраціи прежде, нежели сталъ влiять на нихъ княжеско-дружинный укладъ Кіевскаго государства.

Несомнѣнно, на скрѣпленіе связей города съ пригородами, на переходъ этихъ связей въ настоящую зависимость пригородовъ отъ города, какую мы видимъ позже, повліялъ очень сильно княжеско-дружинный строй, и мы видимъ городскія отношенія такъ, какъ они сложились уже въ періодъ развитія этого новаго политическаго фактора. Безъ него гегемонія города надъ пригородами едва ли была очень осязательна. Вполнѣ реальною эта зависимость стала тогда, когда въ „городѣ“ сѣлъ князь или его намѣстникъ, съ бôльшимъ или меньшимъ отрядомъ дружины для поддержанія своего престижа.

Но и этотъ княжеско-дружинный элементъ былъ самъ продуктомъ развитія городской жизни, тѣхъ же условій, какія оживляли эту жизнь.

Подробнѣе—Історія України-Руси, т. I гл. 3.

IV.

Сообщенія, торговля как и въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь были весьма важными факторами культурнаго и общественнаго развитія и государственной организаціи.

Слѣды торговыхъ дорогъ, обмѣна, торговли мы можемъ видѣть на украинской территоріи еще въ эпоху неолита и ранней металлической культуры, передъ разселеніемъ Славянъ. Чужеземныя раковины и различныя стеклянныя издѣлія служатъ краснорѣчивыми доказательствами торго-

выхъ сношеній. Мѣдная и бронзовая фабрикація вся опиралась на ввозѣ изъ-за границы; желѣзныя издѣлія и желѣзо также, несомнѣнно, въ значительной степени ввозились, такъ какъ своего желѣза, конечно, далеко не хватало. Формы и мотивы издѣлій такъ называемаго до-микенскаго и скиѳскаго типа указываютъ вполнѣ ясно на чужеземное происхожденіе, и т. д.

Уже въ эти времена можно съ полною опредѣленностью указать главныя направленія сношеній, которыя потомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, существуютъ и въ періодъ славянской колонизаціи—южный, восточный и западный.

Южный, выходившій изъ финикійскихъ, карійскихъ, позже—греческихъ факторій и колоній черноморскаго побережья, оставилъ документальные слѣды свои въ видѣ греческихъ металлическихъ и керамическихъ издѣлій и монетъ; эти слѣды идутъ въ глубь средняго Поднѣпровья, а сфера вліянія этихъ сношеній шла еще далѣе на сѣверъ.

Въ черноморскихъ степяхъ онъ встрѣчался съ восточною дорогою: иранская колонизація степей служила мостомъ, связывавшимъ ихъ съ переднею Азіею. Если я скажу, что слова „курица", „чоботъ", „топоръ" несомнѣнно иранскаго происхожденія, то это дастъ понятіе о томъ, какъ разнообразны были культурныя заимствованія, происходившія этою дорогой. Археологія даетъ также многочисленныя указанія на эти сношенія. Оставляя въ сторонѣ раковины cyprea moneta неолитическихъ могилъ (раковины эти ловятся въ Красномъ морѣ и Индійскомъ океанѣ) и предметы такъ называемой до-микенской культуры, такъ какъ нельзя вполнѣ утвердительно сказать, приходили ли они съ Черноморья или изъ передней Азіи,—укажемъ на такъ называемый скиѳскій типъ въ металлическихъ (особенно бронзовыхъ) издѣліяхъ: онъ заходитъ въ районъ средняго Поднѣпровья, съ другой стороны идетъ глубоко въ переднюю и центральную Азію и служитъ доказательствомъ широкаго обмѣна, захватывавшаго своими культурными вліяніями и славянскую прародину. Позднѣйшій такъ называемый меровингскій или готскій стиль въ ювелирныхъ

издѣліяхъ, проходящій въ кладахъ отъ Западной Европы до передней и центральной Азіи, служитъ доказательствомъ продолжавшагося обмѣна въ періодъ славянскаго разселенія, для позднѣйшаго времени мы имѣемъ уже обильныя письменныя и нумизматическія указанія.

Съ запада шли культурныя вліянія сначала отъ Кельтовъ, позже отъ Римлянъ. Латинскія и кельтскія слова въ большомъ числѣ встрѣчаются въ общеславянскомъ запасѣ культурныхъ словъ. Археологія даетъ доказательства широкихъ сношеній въ эпоху передъ славянскимъ разселеніемъ въ чрезвычайно многочисленныхъ находкахъ римскихъ монетъ,—преимущественно это серебряныя монеты конца I, затѣмъ II и III вѣка по Р. Х. Особенно богаты находки въ среднемъ Поднѣпровьѣ (по обѣимъ сторонамъ Днѣпра), также на Волыни и въ области Днѣстра. Торговыя сношенія могли, впрочемъ, приносить эту римскую монету не только съ запада, но и съ Черноморья и изъ балканскихъ провинцій. Колонизаціонныя передвиженія II—III вв., очевидно, не остановили этихъ сношеній; только въ IV—V в. онѣ ослабѣваютъ: монеты этого времени встрѣчаются только изрѣдка.

Украинскія племена, разселившись въ новой территоріи, овладѣли и этими извѣстными торговыми дорогами. Данныя IX—X в. даютъ намъ довольно полный обзоръ этихъ сношеній, какъ они развились уже въ рукахъ нашихъ племенъ.

Первою торговою артеріею въ этотъ періодъ выступаетъ „путь изъ Варягъ въ Греки“, какъ называетъ ее кіевскій лѣтописецъ — Днѣпръ. Извѣстный съ именемъ Константина Порфиророднаго византійскій трактатъ „Объ управленіи государствомъ“ (середины X в.) описываетъ купеческіе караваны, ежегодно снаряжавшіеся изъ Кіева въ Константинополь: жители лѣсныхъ приднѣпровскихъ областей строятъ зимою лодки и съ первою водою спускаютъ ихъ въ Кіевъ и другіе торговые города, гдѣ продаютъ русскимъ купцамъ. Эти купцы изъ разныхъ торговыхъ пунктовъ системы Днѣпра и сосѣднихъ—изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова,

Вышгорода и др., съѣзжаются затѣмъ со своими товарами въ Кіевъ. Тутъ, пока снаряжаются суда и стягиваются изъ разныхъ мѣстъ купцы и товары, можемъ себѣ представить огромную ярмарку, гдѣ сводятся счета, перепродаются товары, устанавливаются цѣны. Въ іюнѣ караваны двигаются изъ Кіева; послѣдній сборный пунктъ — подъ Витичевымъ, ниже Кіева, гдѣ собираются суда, чтобы плыть однимъ большимъ вооруженнымъ карованомъ далѣе: въ это время черноморскія степи были въ рукахъ Печенѣговъ, и нужно было вооруженною рукою охранять отъ нихъ караваны, особенно на нѣкоторыхъ, особенно небезопасныхъ мѣстахъ. Выйдя въ Черное море, плыли вдоль берега его въ Константинополь, который въ X в. былъ главнымъ рынкомъ на этомъ „греческомъ“ пути.

Передъ славянскимъ разселеніемъ эту роль играла Ольбія, у днѣпровскаго лимана. Позже, съ упадкомъ ея, значеніе перешло къ подунайскимъ (до ихъ упадка) и особенно крымскимъ городамъ; первое мѣсто среди нихъ занималъ Херсонесъ (Корсунь кіевскихъ памятниковъ), оставившій по себѣ замѣтную традицію въ восточной Европѣ (разные „корсунскіе“ предметы въ старыхъ церковныхъ и иныхъ собраніяхъ). Позже украинскія племена, минуя этихъ посредниковъ, вошли въ непосредственныя сношенія съ Константинополемъ. Несомнѣнно, военные походы Руси на Черномъ морѣ, извѣстные намъ съ начала IX в., имѣли вліяніе и на расширеніе торговыхъ сношеній, проторивши дороги русскимъ купцамъ и доставивъ имъ выгодныя условія торговли. Въ IX—X в. Русь господствовала на Черномъ морѣ. Арабскій географъ Масуди, писавшій во второй четверти X в., поясняетъ, что Черное море называется моремъ русскимъ „потому, что кромѣ Руси никто на немъ не плаваетъ“. Конечно, здѣсь преувеличеніе, но имя Русскаго моря для Чернаго было дѣйствительно весьма популярно въ X—XI и даже XII вв.

Въ началѣ X в. заморская торговля съ Константинополемъ была уже очень значительна. Купцовъ изъ Руси тамъ бывало не только по нѣсколько десятковъ, но и нѣсколько сотъ,

*

считая со слугами. Они приходили, очевидно, съ весенними караванами и оставались въ Константинополѣ по нѣсколько мѣсяцевъ: дольше оставаться не позволяло имъ византійское правительство, вообще очень тяготившееся этою колоніею и окружавшее ее всяческими полицейскими ограниченіями, чтобы подъ именемъ купцовъ не проникали въ Константинополь разные военные авантюристы.

На торговлю съ болѣе отдаленными краями можетъ указывать извѣстіе еврейскаго путешественника XII в. Веніамина изъ Туделы, видѣвшаго русскихъ купцовъ въ Александріи. Съ другой стороны торговля съ Константинополемъ не исключала также торговли съ подунайскими и крымскими городами — съ ними велись оживленныя сношенія и послѣ того какъ тюркскія орды окончательно оттѣснили славянскую колонизацію отъ черноморскаго побережья, сношенія съ Константинополемъ должны были ослабѣть, а крымскіе рынки получили тѣмъ больше значенія (въ XII—XIII вв.).

Предметы этой южной торговли можемъ установить довольно точно: изъ греческихъ городовъ шли фабрикаты,—«паволоки» (шелковыя узорчатыя ткани), парча и другія дорогія матеріи, произведенія греческаго ювелирнаго искусства („всяко узорочье"), стеклянныя издѣлія, пряности, вино и южные фрукты. Все это ввозилось для продажи въ сѣверныя и западныя земли, и для собственнаго обихода: въ украинскихъ находкахъ встрѣчаемъ очень часто византійскіе фабрикаты, особенно издѣлія изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, эмалированныя и филигранныя украшенія, узорчатыя шелковыя и златотканныя матеріи. Вліяніе византійской художественной промышленности на туземныя, особенно кіевскія издѣлія, подражавшія имъ въ XI—XII вв. очень сильно, также свидѣтельствуетъ, какъ распространены были (въ богатыхъ классахъ) и нравились эти византійскія издѣлія. Взамѣнъ ихъ русскіе купцы предлагали Грекамъ дорогіе мѣха, невольниковъ, воскъ. Все это добывалось князьями и ихъ дружиною въ видѣ добычи или дани съ подвластныхъ племенъ, или

вымѣнивалось и покупалось на ярмаркахъ отъ скупщиковъ и бродячихъ мѣнялъ.

Система Днѣпра, собиравшая со всѣхъ концовъ сырыя произведенія для вывоза въ Византію, взамѣнъ приносила византійскіе товары не только въ земли Русскаго государства, но и за предѣлы его. Въ глазахъ Кіевлянина XI в. днѣпровская дорога была прежде всего путемъ изъ Византіи къ Варягамъ, въ сѣверныя, скандинавскія и сѣверно-нѣмецкія земли. Онъ раздѣлялся на двое: одна дорога шла съ верхняго Днѣпра двинскими притоками, черезъ озера Ильмень и Ладожское и Неву—въ Балтійское море; другая выводила въ то же море Зап. Двиною. Кіевскій лѣтописецъ напираетъ на первую, хотя и болѣе далекую, потому что на ней лежалъ главный этапъ русской сѣверной торговли—Новгородъ, между тѣмъ какъ двинская дорога была большею частью въ чужихъ рукахъ. На сѣверъ кіевскіе купцы посылали византійскіе и арабскіе товары, позже, вѣроятно, и свои собственные; оттуда получали сырые продукты, металлы, соль, позже—и западно-европейскіе фабрикаты, при посредствѣ нѣмецкихъ и скандинавскихъ купцовъ.

На западъ главная дорога шла чрезъ Галицію и Чехію въ южную Германію. Уже арабскій географъ первой половины IX в. ибнъ-Хордадбегъ говоритъ о еврейскихъ купцахъ, говорящихъ «по арабски, персидски, римски, французки, испански и славянски»; по его словамъ, они ѣздятъ съ запада на востокъ и съ востока на западъ моремъ и материкомъ (черезъ центральную Европу) и привозятъ евнуховъ, невольницъ и невольниковъ, дорогіе мѣха и мечи. Рафельштетскій таможенный уставъ, изданный около 904 г., говоритъ о русскихъ купцахъ, пріѣзжающихъ въ города средняго и верхняго Дуная. Путешественникъ 2-ой пол. X в. ибнъ-Якубъ говоритъ о русскихъ купцахъ въ Прагѣ и т. д. И въ этой торговлѣ наши купцы, кромѣ экспорта восточно-европейскихъ товаровъ, служили также посредниками въ торговлѣ центральной Европы съ Византіею и переднею Азіею, перепродавая туда византійскіе и арабскіе товары. Важную роль въ

этой торговлѣ, въ качествѣ посредниковъ, играли также упоминаемые ибнъ-Хордадбегомъ и другими писателями еврейскіе купцы.

Торговлю украинскихъ земель съ Востокомъ по монетнымъ находкамъ можно констатировать уже съ VII в. (монеты Сассанидовъ, VII в.). Ибнъ-Хордадбегъ (1-ая пол. IX в.) представляетъ эту торговлю уже въ полномъ развитіи: русскіе купцы ѣздятъ по Каспійскому морю и торгуютъ въ побережныхъ городахъ, или изъ южныхъ портовъ Каспійскаго моря везутъ товары на верблюдахъ въ самый Багдадъ. Прежде чѣмъ украинская торговля достигла такой активности, восточными рынками для нея служили хозарскій Итиль на нижней Волгѣ и болѣе, вѣроятно, поздній, Болгаръ на средней (ок. Казани). Они и въ X в., когда украинскіе купцы вели сами торговыя сношенія съ восточными землями, оставались важными торговыми пунктами: Болгаръ служилъ главнымъ торжищемъ сѣверной Европы съ Востокомъ и едва ли не главною ярмаркою для наиболѣе цѣннаго товара сѣверныхъ земель— дорогихъ мѣховъ. Итиль былъ восточнымъ рынкомъ для земель южныхъ. Тутъ былъ цѣлый кварталъ, заселенный «Славянами и Русью». Черезъ Итиль шли караваны русскихъ купцовъ, направлявшихся въ каспійскіе порты и далѣе на востокъ. Арабскіе купцы обыкновенно дальше Итиля и Болгара въ глубь восточно-европейскаго материка не проникали, хотя нѣкоторые ѣздили и въ Кіевъ, и примыкая къ караванамъ кіевскихъ купцовъ, путешествовали въ земли центральной Европы (о нихъ упоминаетъ ибнъ-Якубъ).

Товары, покупавшіеся арабскими купцами отъ восточно-европейскихъ, очень подробно перечисляетъ Мукадесси (конецъ X в.); на первомъ планѣ стоятъ и тутъ дорогіе мѣха и невольники, также кожи, дерево, янтарь. Отъ Арабовъ покупались шелковыя матеріи, металлическія и спеціально ювелирныя издѣлія, пряности и южные фрукты; однимъ словомъ характеръ торговли тотъ же, что и съ Византіей. Судя по находкамъ восточныхъ монетъ (очень частымъ и богатымъ) [1], наи-

[1]) Составъ этихъ находокъ даетъ также интересныя указанія

большій расцвѣтъ этой торговли падаетъ на первую половину X в. Походы кіевскаго князя Святослава 960-хъ гг., разрушившіе главные рынки—Итиль и Болгаръ, очень тяжело на ней отразились. Итиль захирѣлъ послѣ этого удара, среди тюркскаго потопа; Болгаръ же, не терпѣвшій отъ тюркскихъ ордъ, довольно скоро оправился; но восточная торговля ослабѣла и отъ собственныхъ невзгодъ, начавшихся въ Туркестанѣ съ концомъ X в.

Сердцемъ, гдѣ сходились эти главныя торговыя артеріи восточной Европы и второстепенныя дороги, былъ Кіевъ, одно изъ самыхъ старыхъ культурныхъ гнѣздъ Европы, гдѣ, начиная съ эпохи палеолитической культуры, не прерываются слѣды интенсивной колонизаціи, а позже—и интенсивныхъ культурныхъ сношеній.

Стоя на главной торговой дорогѣ—Днѣпрѣ, ниже устьевъ его главныхъ притоковъ Припети и Десны, онъ былъ сборнымъ пунктомъ и складомъ для всего, что шло всею системою Днѣпра, а эта послѣдняя въ свою очередь собирала товары съ сосѣднихъ, тѣсно примыкавшихъ къ ней системъ: Припеть сближала ее съ системою Зап. Буга и Вислы, Десна съ системою Оки, Сеймъ съ системою Дона (съ нижняго Дона черезъ небольшой перешеекъ—въ Волгу), верхній Днѣпръ—съ Западною Двиною, Волгою и системою озеръ; небольшіе водораздѣлы тогда не представляли большихъ затрудненій—легкія суда просто переволакивались, а товары переносились на плечахъ рабовъ [1]). Съ воднымъ путемъ соединялись въ Кіевѣ сухопутныя дороги—сѣверо-западная, съ Волыни и «изъ Ляховъ», юго-западная черезъ Галицію въ Венгрію и Чехію, сѣверо-восточная—на

относительно направленія торговли: главная масса монетъ, какихъ-нибудь двѣ трети—изъ Туркестана, монеты Саманидовъ, битыя въ Самаркандѣ, Бухарѣ, Шашѣ (теп. Ташкентъ), Балкѣ и т. п. Затѣмъ въ большомъ числѣ встрѣчаются монеты южнаго каспійскаго побережья и багдадскаго калифата. Довольно часты также сѣверо-африканскія монеты.

[1]) Такъ трактатъ Константина Порфиророднаго описываетъ обходъ днѣпровскихъ пороговъ кіевскимъ караваномъ.

Курскъ, въ бассейнъ верхняго Дона и средней Волги, юго-восточная—на Переяславль, въ область нижняго Дона и Волги, и три классическіе южные пути—«Греческій, Солоный и Залозный», ведшіе въ разные пункты черноморскаго и азовскаго побережья. Въ Кіевѣ кипѣлъ торговый обмѣнъ, коммерческое и промышленное движеніе, здѣсь былъ нервный центръ великой восточно-европейской равнины въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій послѣ славянскаго разселенія.

Созданныя благопріятными географическими условіями и скрѣпленныя тысячелѣтними традиціями, оживленныя торговыя сношенія накопляютъ здѣсь культурный опытъ и экономическія средства [1]). Здѣсь скопляются запасы товаровъ и капиталы и формируется могущественное сословіе купцовъ-воиновъ. Въ тогдашнихъ условіяхъ купецъ, держа въ одной рукѣ кошелекъ, въ другой долженъ былъ держать мечъ для обороны его; торговля требовала вооруженной охраны, купеческіе караваны проходили съ оружіемъ въ рукахъ, какъ военныя экспедиціи, и въ каждую минуту караванъ такихъ купцовъ-воиновъ былъ однако готовъ открыть торгъ или затѣять битву, сдѣлать выгодную сдѣлку или запастись добычею, взять контрибуцію, наловить невольниковъ. Здѣсь было гнѣздо этой «Руси», которую арабскій писатель X в. ибнъ-Дастъ характерно описываетъ такъ: «Русь не имѣетъ ни недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашенъ; единственный промыселъ ея—торговля соболями; она нападаетъ на земли Славянъ и забираетъ тамъ невольниковъ, которыхъ продаетъ потомъ въ Итилѣ и Болгарѣ; добыча въ землѣ Славянъ—ея единственное пропитаніе. Когда у Русина рождается сынъ, отецъ новорожденнаго кладетъ передъ ребенкомъ обнаженный мечъ и говоритъ: я не оставлю тебѣ никакого имущества, ты будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь этимъ мечемъ».

---

[1]) Какъ мы видѣли, Кіевъ лежитъ уже въ районѣ славянской и даже, вполнѣ возможно, украинской прародины. Его культурныя традиціи имѣли всѣ шансы пережить періодъ славянскаго разселенія, и самое населеніе, вѣроятно, не измѣнилось рѣзко и всецѣло.

Этотъ кіевскій патриціатъ, сословіе богатыхъ купцовъ-воиновъ, расширяя районъ своихъ торговыхъ сношеній, закладывая свои факторіи и филіи на главнѣйшихъ торговыхъ путяхъ, въ своихъ интересахъ долженъ былъ стремиться къ образованію военныхъ силъ, къ созданію политической организаціи для охраны торговыхъ интересовъ. Затѣмъ охрана дорогъ и сношеній переходила сама собою въ покореніе племенъ, сидѣвшихъ по этимъ торговымъ дорогамъ; собираніе контрибуцій давало цѣнное подспорье торговлѣ и обращалось въ цѣль политической организаціи, созданной этими купцами-воинами и поддерживаемой ими же. Недаромъ имя Руси, т. е. спеціальное имя Кіевщины, прежде чѣмъ стать именемъ государства, становится у иностранныхъ писателей (Константина Порфиророднаго, ибнъ-Даста X в.) именемъ этого класса купцовъ-дружинниковъ, державшихъ въ своихъ рукахъ торговлю и сношенія восточной Европы и связавшихъ въ государственную организацію свою систему торговыхъ дорогъ и факторій. Кіевщина была очагомъ его и сообщила ему свое имя «Руси». Этотъ классъ репрезентовалъ государственную организацію, созданную кіевскимъ патриціатомъ, и передалъ русское имя этой государственной системѣ, системѣ племенъ и земель, входившихъ въ ея составъ.

Такъ представляется происхожденіе «Русскаго», кіевскаго государства на основаніи изученія общественныхъ отношеній X в. въ ихъ современныхъ и ретроспективныхъ источникахъ. Но мы имѣемъ иную традицію о происхожденіи кіевскаго государства въ древнѣйшей кіевской лѣтописи, и объ этой традиціи нужно сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ обратиться къ его исторіи.

Когда кіевскій книжникъ въ половинѣ XI в. взялся за перо, чтобы выяснить себѣ происхожденіе и первые моменты развитія кіевскаго государства [1]), процессъ его сформирова-

---

[1]) Это произведеніе въ своей первоначальной редакціи кратко описывало событія, кончая, по всей вѣроятности, половиною X в. (Игоремъ) и носило тотъ титулъ, который перешелъ затѣмъ къ его

нія былъ стариною достаточно давнею, о которой въ памяти современниковъ сохранилась очень слабая память: отрывочныя имена, стертыя или, наоборотъ, сказочными, легендарными мотивами расцвѣченныя преданія, наконецъ разныя догадки и комбинаціи. Отрывки или упоминанія о нихъ сохранились въ древнѣйшей кіевской лѣтописи. Тутъ имѣемъ легенду о трехъ кіевскихъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, построившихъ Кіевъ, названный по имени старшаго брата—имена остальныхъ и ихъ сестры Лыбеди остались въ названіяхъ кіевскихъ урочищъ; они были родоначальниками Полянскаго племени и предками кіевской княжеской династіи (слѣды этихъ версій остались въ самомъ разсказѣ лѣтописи). Это былъ, конечно, только т. н. этимологическій миѳъ: изъ названій мѣстностей сдѣланы имена героевъ-епонимомъ, основателей города. Другая легенда разсказывала иначе: что на мѣстѣ Кіева существовалъ перевозъ на Днѣпрѣ, перевозчикомъ на немъ былъ нѣкій Кій, отсюда мѣсто называлось Кіевымъ перевозомъ, а потомъ тутъ былъ основанъ городъ Кіевъ.

позднѣйшимъ переработкамъ: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ (вѣроятно, переводъ греческаго слова хронграфъ), откуду есть пошла Русская земля (т. е. Кіевское княжество, Русь въ тѣсномъ смыслѣ), кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть“. Эта первоначальная „Повѣсть“ была затѣмъ расширена и продолжена, и, перейдя черезъ руки нѣсколькихъ редакторовъ, во второй половинѣ XI в., вошла въ составъ исторической компиляціи, древнѣйшей кіевской лѣтописи, по традиціи называемой часто Несторовой лѣтописью, хотя Нестору она, несомнѣнно, не принадлежитъ. Одна редакція ея (сохранившаяся въ сѣверныхъ, великорусскихъ спискахъ, Лаврентьевскомъ кодексѣ и ему подобныхъ) составлена была въ Кіевѣ въ 1116 г. и доведена до 1110 г.; другая редакція, которая дошла до насъ съ южно-русскими продолженіями, не имѣетъ такой точной даты, но составлена была также въ Кіевѣ, во второмъ десятилѣтіи XII в. Въ Кіевѣ она была доведена затѣмъ до 1199 г., а позже къ этому была присоединена хроника событій 1205—1289 гг., составленная отчасти на Волыни, отчасти въ Галиціи. Эта коллекція лѣтописей дошла до насъ въ кодексѣ Ипатьевскомъ и ему подобныхъ. Подробнѣе о древнѣйшей кіевской лѣтописи и ея составныхъ частяхъ—Історія України-Руси, т. I, екскурсъ 1. О ея продолженіяхъ — т. III, послѣдняя глава.

Автора Повѣсти эти легенды и комбинаціи не удовлетворили, и онъ предложилъ свою, очень сложную теорію. По его мнѣнію, Русь—это народъ скандинавскій (варяжскій), его привели въ Новгородъ три брата конунги, во второй половинѣ IX в., на приглашеніе самихъ Новгородцевъ и ихъ сосѣдей, которые, освободившись отъ завоевавшихъ ихъ варяжскихъ дружинъ, не успѣли завести порядка у себя и въ концѣ концовъ порѣшили призвать себѣ Варяговъ въ правители. Изъ Новгорода эти варяжскіе конунги овладѣли Днѣпровскимъ путемъ и самимъ Кіевомъ, и положили начало кіевской княжеской династіи.

Моменты, на которыхъ оперлась эта теорія, довольно ясны. Это—традиція о завоеваніяхъ Варяговъ въ сѣверныхъ, финскихъ и славянскихъ земляхъ, и контрибуціяхъ, которыя они тутъ собирали. Далѣе память о томъ, что въ X и началѣ XI в. въ Кіевѣ были большія дружины Скандинавовъ—Варяговъ (Vaeringjar скандинавскихъ сагъ), [1]) и играли очень важную роль на княжескомъ дворѣ, особенно въ X вѣкѣ, давали ему до нѣкоторой степени даже варяжскую окраску. Наконецъ тотъ фактъ, что эти Варяги, входившіе въ составъ дружины Кіевскаго государства, принимали имя Руси и подъ этимъ именемъ переходили изъ русскихъ земель въ Византію. [2])

Подъ вліяніемъ этихъ фактовъ и традицій сложилъ авторъ Повѣсти, вообще очень склонный къ гипотезамъ и комбинаціямъ [3]), (которыя онъ,конечно, передаетъ въ вполнѣ категорическомъ тонѣ) свою теорію, которая весьма долгое время принималась за непреложную истину, и усилія ученыхъ направлялись только на разъясненіе ея и соглашеніе съ нею историче-

---

[1]) Это слово производятъ обыкновенно отъ староскандинавскаго vàr—вѣра, обѣтъ, т. е. дружина присяжниковъ.

[2]) Благодаря этому въ Византіи, въ византійскихъ памятникахъ второй половины XI в. Русь дѣлается другимъ именемъ Варяговъ—Βαράγγοι φῶς; это обстоятельство могло быть извѣстно автору Повѣсти и повліять на сформированіе его теоріи.

[3]) Эти комбинаціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Повѣсти мы можемъ видѣть in statu nascendi и провѣрять ихъ съ фактами въ рукахъ.

скихъ фактовъ, не укладывавшихся въ ея рамки. Но послѣ того, какъ обнаружились существенныя невѣрности въ этой теоріи, какъ сталъ яснымъ общій характеръ Повѣсти, представляющей собою не безъискусственный пересказъ традицій и фактовъ, какъ представляли себѣ прежде, а ученое (для своего времени) построеніе, теорію,—невозможнымъ стало принимать на вѣру ея сообщеніе. Въ самомъ дѣлѣ, хронологія, напр., Повѣсти не выдерживаетъ критики: появленіе варяжскихъ конунговъ въ Кіевѣ авторъ Повѣсти относилъ къ первымъ десятилѣтіямъ второй половины IX в., въ виду того, что въ 60-хъ годахъ въ Византіи уже знали Русь, а авторъ Повѣсти считалъ эту Русь кіевскою. Но въ дѣйствительности Византійцы знаютъ Русь уже въ началѣ IX в., конечно—Русь, приходившую не изъ Скандинавіи, а изъ украинскихъ земель [1]). Имя Руси связано ближайшимъ образомъ съ землею Полянъ и, очевидно, было ея исконнымъ именемъ. Всѣ старанія отыскать слѣды существованія Руси въ скандинавскихъ земляхъ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Скандинавскія саги, хорошо знающія своихъ земляковъ, ходившихъ на Русь, на службу къ здѣшнимъ князьямъ, ничего не знаютъ и не подозрѣваютъ скандинавскаго происхожденія кіевской княжеской династіи. Весь арсеналъ доказательствъ, собранный защитниками лѣтописной теоріи о варяжскомъ происхожденіи Кіевскаго государства (т. наз. норманистами) [2]), доказываетъ только (что мы знаемъ и безъ того), что въ IX—X вв. въ дружинахъ кіевскихъ князей было много Варяговъ, и что вслѣдствіе этого, напр., въ Византіи не умѣли иногда

---

[1]) Проторили дорогу черезъ восточную Европу въ Византію, конечно, Варяги, бывшіе въ службѣ кіевскихъ князей, главнымъ образомъ съ конца X в., когда Владиміръ В. послалъ варяжскій корпусъ на помощь византійскому императору, и онъ тамъ остался на службѣ. Съ тѣхъ поръ Днѣпръ сталъ для этихъ скандинавскихъ авантюристовъ „путемъ изъ Варягъ въ Греки“, какъ называетъ его авторъ Повѣсти.

[2]) О норманской теоріи и ея положеніи въ современной наукѣ подробнѣе см. въ II екскурсѣ въ I т. Історіи України-Руси.

отличить Варяговъ отъ славянской Руси. Разсказъ Повѣсти о переселеніи цѣлаго скандинавскаго народа, покрывшаго собою въ разныхъ мѣстахъ первоначальное славянское населеніе, совершенно невѣроятенъ, хотя бы потому, что этотъ скандинавскій элементъ не оставилъ ни въ языкѣ, ни въ бытѣ, ни въ правѣ сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ, какъ слѣдовало бы въ такомъ случаѣ надѣяться.

Въ концѣ концовъ, можно вѣрить разсказу Повѣсти о варяжскомъ происхожденіи кіевскихъ князей, или не вѣрить, видѣть здѣсь вѣрную догадку книжника или старую традицію, или оставлять ее подъ сомнѣніемъ, но во всякомъ случаѣ нельзя класть разсказовъ Повѣсти въ основаніе исторіи Кіевскаго государства, принимать ея теорію о томъ, что это государство обязано своимъ возникновеніемъ скандинавскимъ конунгамъ, и т. д.

Имя Руси указываетъ на Полянскую землю и ея старый центръ—Кіевъ. Географическія, культурныя и экономическія условія подкрѣпляютъ это указаніе, поясняя, что здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на восточно-европейской равнинѣ вообще, и въ нашихъ земляхъ—спеціально, должна была почувствоваться нужда въ образованіи постоянныхъ военныхъ силъ, болѣе прочной и интенсивной государственной организаціи и были на-лицо матеріальныя средства къ ея созданію.

Повѣсть передаетъ народную память о томъ, что передъ образованіемъ Кіевскаго государства Поляне «быша обидими Деревляны и инѣми окольными». Дѣйствительно Кіевъ, расположенный на границѣ Полянской земли, на узкомъ клинѣ, между землями Сѣверянъ и Древлянъ, открытый для нападеній днѣпровскихъ пиратовъ, долженъ былъ много терпѣть отъ сосѣдей, и богатые патриціанскіе роды Кіевъ и ихъ представители, «лѣпшии мужи», «державшіе» кіевскую общину и «Русскую» (Полянскую) землю, рано должны были подумать объ организаціи военныхъ силъ.

Можетъ быть, слѣды первоначальной, еще докняжеской военной организаціи Полянской земли уцѣлѣли въ остаткахъ десятичной организаціи, по тысячамъ, сотнямъ и десяткамъ

(существовавшихъ и позже, въ княжеско-дружинный періодъ, въ видѣ должностей тысяцкихъ, сотскихъ и десятниковъ и нѣкоторыхъ слабыхъ указаній на существованіе подраздѣленій на такіе десятичные округа). По всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь слѣды мѣстной, полянской организаціи, и интересно, что между тѣмъ какъ въ другихъ земляхъ тысяча обыкновенно совпадала съ землею, на маленькой полянской территоріи мы видимъ нѣсколько отдѣльныхъ такихъ организацій: центромъ одной тысячи былъ Кіевъ, другой—Бѣлгородъ, третьей—Вышгородъ (а могли быть еще и въ южной части земли). Позже военная организація земли была объединена, и кіевскій князь сталъ во главѣ ея. То обстоятельство, что тысяцкіе существовали въ Кіевѣ и позже, показываетъ, что реформаторомъ не былъ кіевскій тысяцкій, а кто-то другой. Старый ли кіевскій князь завелъ свою особую, зависѣвшую отъ него непосредственно дружину, на мѣсто земскаго ополченія, для болѣе вѣрной и надежной обороны, явился ли чужой вождь—кондотьеръ, взятый со своимъ полкомъ на службу кіевскими патриціями, или дѣйствительно овладѣлъ Кіевомъ узурпаторъ, но явился вождь военныхъ силъ всей земли.

Во всякомъ случаѣ успѣшное развитіе военныхъ силъ Кіева могло начаться только съ появленіемъ спеціальнаго, постояннаго войска—«дружины» на мѣсто стараго земскаго ополченія, и это развитіе началось гораздо скорѣе, чѣмъ представлялъ себѣ авторъ Повѣсти. Далекіе морскіе походы Руси, извѣстные намъ изъ иностранныхъ источниковъ уже съ началомъ IX в., указываютъ, что переходъ къ организаціи постояннаго войска совершился гораздо раньше, и въ VIII в. Кіевъ обладалъ уже большими военными силами, стадія пассивной охраны кіевской торговли и торговыхъ путей была пройдена, и кіевская Русь начала пускаться въ смѣлыя и далекія экспедиціи для пріобрѣтенія невольниковъ и добычи.

Въ началѣ IX в. «губительный именемъ и дѣлами своими народъ Русь» (οἱ ῥῶς), подъ предводительствомъ какого-то, по имени не названнаго воеводы, опустошали малоазіатское побережье, отъ Пропонтиды до Синопа, какъ узнаемъ изъ жи-

тія Георгія Амастридскаго, по поводу чуда, совершившагося надъ этою Русью въ Амастрѣ, около Синопа. На то же время — начало IX или конецъ VIII в., — падаютъ опустошенія южнаго берега Крыма «русскою ратью», подъ предводительствомъ «князя Бравлина». Такимъ образомъ извѣстный походъ Руси на Константинополь въ 860 г., когда эта Русь, пользуясь тѣмъ, что имп. Михаилъ со всѣмъ войскомъ отправился въ Малую Азію, явилась предъ безоружною столицею на двухъ стахъ корабляхъ, — не былъ самъ по себѣ чѣмъ либо новымъ. Русское войско опустошило тогда предмѣстья Константинополя и нагнало на горожанъ сильный страхъ, но вѣсть о возвращеніи императора съ войскомъ принудила его къ отступленію.

Нѣсколько позже имѣлъ мѣсто походъ Руси на южное побережье Каспійскаго моря: отъ позднѣйшаго историка Табаристана (южнаго берега Каспійскаго моря) узнаемъ, что во время правленія Хасана-абу-Зейда (862—884) Русь приходила походомъ на Абесгунъ (славная въ то время пристань въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря), но войско абу-Зейда отразило ихъ.

Эти случайно записанныя, случайно сохраненныя для насъ извѣстія даютъ возможность судить, какія далекія экспедиціи предпринимала Русь. Въ дѣйствительности походовъ этихъ въ теченіе IX в., конечно, было гораздо больше. Они могли исходить частію изъ черноморскихъ земель, подвластныхъ кіевской Руси, а частію отъ этой послѣдней, какъ намекаютъ нѣкоторыя указанія источниковъ. Авторъ Повѣсти безъ колебанія пріурочиваетъ извѣстныя ему сказанія Византійцевъ о походѣ 860 г. къ Кіеву, Руси кіевской. Это пріуроченіе также имѣетъ цѣнность историческаго документа.

Въ IX и особенно X в. цѣнный матеріалъ для кіевской дружины давали дружины скандинавскихъ выходцевъ «Варяговъ». Это были отличные воины, а какъ элементъ чужеплеменный, онъ былъ очень кстати и тамъ, гдѣ кіевскимъ князьямъ нуженъ былъ вѣрный союзникъ, съ Кіевомъ ничѣмъ не связанный — въ отношеніяхъ къ кіевскому патриціату и его

старцамъ, политическое значеніе которыхъ должно было умаляться съ возрастаніемъ значенія князя. Въ X вѣкѣ мы видимъ Норманновъ въ большомъ числѣ между боярами кіевскаго князя и его намѣстниками; варяжское вліяніе на княжескомъ дворѣ было очень сильно вплоть до 1-ой пол. XI в., когда проходитъ на нихъ мода въ Кіевѣ. Память объ этой многочисленности и вліяніи Варяговъ въ прежнія времена въ Кіевѣ, какъ я сказалъ, оказала несомнѣнное вліяніе на созданіе историческо-генеологической теоріи Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Подробнѣе: Історія Україні-Руси, т. I гл. 3 и 4.

V.

Далекіе, большіе [1]) походы Руси IX в. свидѣтельствуютъ не только о значительномъ развитіи военныхъ силъ, но и заставляютъ предполагать существованіе значительной сферы политическаго вліянія кіевской Руси. Патр. Фотій, впрочемъ, въ своихъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ во время осады Русью Константинополя въ 860 г., даетъ и прямое указаніе въ этомъ смыслѣ: онъ говоритъ, что Русь дерзнула напасть на Константинополь послѣ того, какъ покорила своихъ сосѣдей и вслѣдствіе этого стала много о себѣ думать. Источники 1-ой половины X в., позволяющіе заглянуть во внутрь этой политической организаціи, вполнѣ подтверждаютъ фактъ существованія уже въ IX в. широкой сферы вліянія и власти кіевскихъ князей [2]).

---

[1]) Изъ извѣстныхъ намъ походовъ только для 860 г. источники даютъ кое-какія указанія относительно численности русскаго войска: на 200 лодкахъ ихъ нужно считать 6—8 тыс. человѣкъ. Другіе походы, конечно, предпринимаемы были также съ значительными силами.

[2]) По всякой вѣроятности къ кіевской Руси относится записанное подъ 839 г. извѣстіе Бертинскихъ анналъ (собственно—ихъ про-

Изъ первой половины X в. мы имѣемъ цѣликомъ и въ отрывкахъ три договора кіевскихъ князей съ Византіею (907, 911, 945). Сами по себѣ весьма содержательные, они въ соединеніи съ современными арабскими и византійскими извѣстіями и позднѣйшими реминисценціями Повѣсти даютъ намъ очень цѣнное представленіе о государственной системѣ, созданной къ этому времени кіевскими князьями.

Въ договорѣ 945 г. разомъ съ послами кіевскаго великаго князя выступаютъ послы не менѣе двадцати зависѣвшихъ отъ него «свѣтлыхъ и великихъ князей и великихъ бояръ» (какъ называетъ ихъ договоръ 911 г.). Такое же приблизительно число пословъ видимъ, тринадцать лѣтъ спустя, въ Константинополѣ съ княгинею Ольгою: очевидно, эта система княжествъ и провинцій держалась въ серединѣ X в. довольно устойчиво.

Уже самое число этихъ зависимыхъ княжествъ даетъ представленіе объ обширной сферѣ вліянія кіевскихъ князей. Дѣйствительно, тщательное изученіе историческаго матеріала приводитъ къ выводу, что въ продолженіе IX и начала X в. (т. е. кончая княженіемъ Олега) Кіевъ уже ввелъ въ сферу своего вліянія почти всю ту территорію, которая входила и позже въ составъ Кіевскаго государства [1]. Всѣ восточно-

---

долженія), что въ этомъ году къ Людовику Благочестивому прибыли послы византійскаго императора Ѳеофила, и съ ними люди, называвшіе себя послами русскаго короля, посланными отъ него къ Ѳеофилу. Ѳеофилъ просилъ Людовика переслать ихъ отъ себя на родину, такъ какъ изъ Византіи путь имъ былъ прегражденъ какими-то враждебными народами. Вѣроятно, эти дипломатическія сношенія Византіи съ русскимъ правительствомъ были результатомъ нападеній Руси на византійскія земли въ первыхъ десятилѣтіяхъ IX в., подобно тому какъ и послѣ похода 860 г. византійское правительство высылало на Русь посольства и богатыми подарками старалось удержать русскихъ князей отъ новыхъ походовъ.

[1]) Болѣе или менѣе такое представленіе имѣетъ и авторъ Повѣсти, только располагая извѣстные ему факты на прокрустовомъ ложѣ своей теоріи, онъ былъ принужденъ этотъ вѣковой процессъ стиснуть въ нѣсколько лѣтъ, въ началѣ правленія Олега.

славянскія племена, вмѣстѣ съ нѣкоторыми финскими своими сосѣдями, стояли уже въ большей или меньшей зависимости отъ него.

Днѣпровская артерія на сѣверъ отъ Кіева, съ главнѣйшими ея развѣтвленіями, во второй половинѣ IX в. несомнѣнно была уже въ рукахъ кіевскихъ князей. Крайняя торговая станція на этой дорогѣ—Новгородъ стоитъ подъ властью кіевскаго князя, и кн. Игорь, вѣроятно, по принятому уже обычаю посылаетъ туда княземъ своего малолѣтняго князя Святослава (2-ая четверть X в.). Нижній Днѣпръ былъ въ рукахъ кіевскихъ князей уже въ концѣ VIII в. — объ этомъ свидѣтельствуютъ черноморскіе походы Руси въ началѣ IX в. Несмотря на натискъ Печенѣжской орды, на устьѣ Днѣпра Русь держалась еще въ серединѣ X в. (договоръ 945 г. обязываетъ Русь не препятствовать Корсунянамъ въ рыболовствѣ на устьѣ Днѣпра).

Сухопутныя и рѣчныя дороги, ведшія на востокъ черезъ земли Сѣверянъ и Вятичей, были также въ рукахъ кіевскихъ князей уже въ IX в. Подчиненіе этихъ племенъ Кіеву требовало охраны ихъ отъ Хозаръ, державшихъ передъ тѣмъ ихъ въ своей зависимости; но въ IX в. Хозарская орда, видимо, упадаетъ, и борьба съ нею не была затруднительна. Въ началѣ X в. въ главныхъ центрахъ Сѣверской земли сидятъ уже намѣстники кіевскаго князя, а Русь держитъ въ своихъ рукахъ и область Дона: на это указываютъ походы ея на каспійское побережье, которымъ не сочувствовали, но не могли, очевидно, препятствовать хозарскіе каганы, и совершенно ясныя указанія договора 945 г.: кіевскій князь обѣщаетъ не пропускать Черныхъ Болгаръ, жившихъ на кавказскомъ побережьѣ Азовскаго моря, на берегъ крымскій, гдѣ они разоряли византійскія владѣнія. Очевидно, старая Фанагорія, въ нашихъ памятникахъ называемая Тмутороканью, находилась въ это время уже во власти кіевскаго князя. Другой параграфъ того же трактата, гдѣ «русскіе князи» обязываются не воевать греческихъ городовъ въ области Херсонеса и не имѣть до нихъ претензій, даетъ понять,

что власть тмутороканскихъ князей переходила и на крымскій берегъ Керченскаго пролива.

Не столько, можетъ быть, торговые интересы, какъ желаніе обезопасить себя отъ пограничныхъ нападеній, обратило оружіе кіевскихъ князей на покореніе западныхъ сосѣдей, старыхъ обидчиковъ полянскихъ—Древлянъ. Въ первой половинѣ X в. они несомнѣнно были данниками кіевскихъ князей. Лучанъ, жителей южной Волыни, между подвластными Кіеву племенами называетъ трактатъ Константина Порфиророднаго. Дулѣбовъ и Тиверцевъ Повѣсть называетъ вассалами Олега, «толковинами» (такъ назывались автономныя племена, обязанныя только давать военную помощь кіевскому князю), и эта зависимость вполнѣ вѣроятна.

Конечно, эта огромная территорія, отъ верхней Волги и бассейна великихъ озеръ до Чернаго моря и нижняго Дона, стояла въ очень различной степени зависимости отъ кіевскаго князя, какъ то видно отчасти уже и изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, и вообще связь этой политической системы не была прочною. Въ наиболѣе тѣсную зависимость были приведены, судя по нашимъ свѣдѣніямъ, славянскія волости по главнымъ торговымъ путямъ и славянскія колоніи въ финскихъ земляхъ, имѣвшія также большое торговое и экономическое значеніе (онѣ собирали контрибуціи сырыми продуктами, прежде всего мѣхами, и вели торгъ съ туземцами). Тутъ расположены были гарнизоны изъ «русской» дружины, и сидѣли тѣ «свѣтлые и великіе князья и великіе бояры»—родственники кіевскаго князя или его намѣстники. Эта система городовъ и факторій на торговыхъ дорогахъ, съ сидящими въ нихъ «русскими» князьями и «русскими» гарнизонами, составляетъ такъ сказать скелетъ Кіевскаго государства IX—X вв. Округа и цѣлыя племена, болѣе удаленныя отъ торговыхъ дорогъ, не представлявшія торговаго и стратегическаго интереса, были предоставлены сами себѣ, правились своими домашними князьями, и зависимость ихъ отъ кіевскаго князя ограничивалась платою контрибуцій или дани, или только—обязанностью посылать войска въ кіевскіе походы.

*

Вообще, какъ начатки кіевской государственной организаціи были, несомнѣнно, тѣсно связаны съ интересами кіевской торговли, такъ и позже государственные интересы тѣсно сплетались съ торговыми, купеческій классъ—съ правительственнымъ. Цитированный уже выше разсказъ Константина Порфиророднаго о Русскомъ государствѣ 1-ой половины X в. иллюстрируетъ это очень ярко: русская торговля и управленіе, княжеская дружина и купеческій классъ сливаются здѣсь совершенно. Князи со всею Русью (т. е. со всею дружиною) выходятъ на зиму «на полюдье» въ подвластныя славянскія земли и тамъ остаются цѣлую зиму, собирая дань; весною «Русь» стягивается въ Кіевъ и отсюда снаряжаетъ торговые караваны (конечно, не только въ Константинополь, но и на другіе рынки) съ предметами, собранными данями и торговлею. Эта картина сліянія правительственной дѣятельности и торговли находитъ себѣ полное подтвержденіе въ договорахъ кіевскихъ князей съ Византіею: здѣсь торговые интересы составлять главное содержаніе, альфу и омегу дипломатическихъ переговоровъ. Русскіе князья и бояре—одновременно правительство и негоціанты; кіевская правительственная политика стоитъ на службѣ у торговли, какъ въ свою очередь торговля составляетъ ту экономическую основу, на которой опираются князья и правительство.

Какъ и въ нынѣшней организаціи милитарныхъ государствъ, внутренняя политика сводилась къ вопросу о содержаніи возможно бо́льшаго войска—княжьей дружины. Расширеніе подвластной территоріи, увеличеніе района, платящаго дани, и увеличеніе даней давало возможность содержать болѣе многочисленную дружину. Напр., передавая боярину своему Свенельду дань Уличей, а потомъ Древлянъ, Игорь обезпечиваетъ содержаніе цѣлаго отряда дружины, который Свенельдъ долженъ былъ держать на эту дань. Разставивъ дружинные гарнизоны, получавшіе содержаніе изъ даней и припасовъ, собираемыхъ въ ихъ округахъ, князь имѣлъ готовые военные кадры, которые въ случаѣ надобности могли быть мобилизованы и двинуты куда было нужно, оставивъ на мѣстѣ только необхо-

димо нужную часть гарнизона. Наконецъ увеличенiе военной силы давало возможность князю не только расширять сферу своего политическаго влiянiя, но и углублять ее, скрѣпляя свое положенiе и относительно кiевскаго патрицiата, и въ отношенiяхъ къ подвластнымъ «свѣтлымъ и великимъ князьямъ» и воеводамъ.

Эволюцiя Русскаго государства X—XI в. шла въ этомъ направленiи расширенiя и развѣтвленiя системы «русскихъ» намѣстниковъ и ихъ гарнизоновъ, проникновенiя ихъ все далѣе и далѣе въ глубину волостей. Въ разсказѣ Константина Порфиророднаго земли новгородскихъ Славянъ, Кривичей, Дреговичей, Древлянъ, Сѣверянъ—это территорiи, куда только временно, зимою приходятъ русскiя дружины съ князьями «на полюдье»; образъ совершенно вѣрный, съ тою только поправкою, что князья и дружины приходили не только изъ Кiева, какъ говоритъ Константинъ, а и изъ провинцiальныхъ центровъ, гдѣ сидѣли князья, посаженные кiевскимъ княземъ. Во внутреннiя отношенiя земель эти князья не вмѣшивались: онѣ обязаны были только дать положенную дань и содержать князя съ дружиною во время ея собиранiя, на полюдьѣ. Только постепенно къ сбору дани начали присоединяться разныя административныя и судебныя функцiи; это очень хорошо иллюстрируетъ позднѣйшiй разсказъ кiевской лѣтописи (подъ 1071 г.): въ Бѣлоозеро, въ землю финской Веси, приходитъ бояринъ князя Святослава Янъ Вышатичъ для собиранiя дани; пользуясь этимъ, жители приносятъ ему жалобу на волхвовъ, очевидно пользовавшихся покровительствомъ домашнихъ властей и обижавшихъ населенiе; Янъ производитъ слѣдствiе, судитъ и казнитъ волхвовъ. Порядки, существовавшiе въ XI в. только въ глухихъ финскихъ краяхъ, въ X в. имѣли мѣсто и въ земляхъ славянскихъ.

Въ первой половинѣ X в. на цѣлыхъ этнографическихъ территорiяхъ, подвластныхъ Кiеву — у Древлянъ, Вятичей, вѣроятно и у Дреговичей, не было никакихъ кiевскихъ резидентовъ, ни гарнизоновъ. «Примучивъ», напр., Древлянъ и

принудивъ ихъ давать дань, Игорь отдаетъ эту дань Свенельду на содержаніе его дружины, но ни Свенельдъ, ни его агенты не жили въ Древлянской землѣ. Очевидно, онъ собиралъ эту дань во время осенняго полюдья, а въ остальное время находился со своимъ полкомъ при Игорѣ; въ Древлянской же землѣ правили по старому мѣстные «добрые князья», «иже роспасли суть Деревьскую землю», какъ говорятъ о нихъ Древляне въ лѣтописномъ разсказѣ. Но послѣ новаго возстанія Древлянъ въ серединѣ X в. въ ихъ землѣ появляется уже кіевскій князь, при немъ гарнизонъ, а кромѣ того такіе гарнизоны были, очевидно, разставлены въ главнѣйшихъ пунктахъ Древлянской земли.

Управленіе и судъ были источниками доходовъ. Каждый выѣздъ княжьяго намѣстника или его агента на территорію округа сопровождался поборами на содержаніе его и его спутниковъ и сборомъ разныхъ пошлинъ. Поэтому увеличеніе числа княжьихъ намѣстниковъ, учрежденіе новыхъ военно-административныхъ квартиръ, давало новые доходы, возможность содержанія новыхъ отрядовъ дружины, а приростъ дружины, въ свою очередь, давалъ возможность увеличивать число гарнизоновъ и административныхъ квартиръ, расширять административную сѣть государства.

Этотъ процессъ, конечно, не развивался ровно, безъ скачковъ и колебаній. Государственная машина была еще слишкомъ первобытна и неуклюжа, чтобы дѣйствовать ровно и правильно. Личныя отношенія кіевскаго князя къ его подручникамъ и намѣстникамъ значили слишкомъ много, и перемѣны лицъ на кіевскомъ столѣ, политическія и всякія иныя передряги непосредственно отражались на политической системѣ Русскаго государства, расшатывая и ослабляя ея связи и дѣятельность. «Великіе бояре», отъ себя содержавшіе цѣлые корпуса дружины, какъ упомянутый Свенельдъ, и провинціальные, подручные князья становились иногда слишкомъ сильны, и кіевскій князь долженъ былъ тщательно слѣдить за ними и соразмѣрять силы своей собственной дружины такъ, чтобы онѣ держали этихъ провинціальныхъ князей въ дол-

жномъ респектѣ. Эти князья и намѣстники имѣли тенденцію превращать свои княжества въ потомственное владѣніе и ослаблять свою зависимость отъ кіевскаго князя. Такъ какъ это бывали часто родственники кіевскаго князя или люди ему лично обязанные, то смерть кіевскаго князя ослабляла ихъ сознаніе зависимости, а этимъ ослабленіемъ государственной связи съ своей стороны пользовались покоренные племена и ихъ туземные князья, чтобы освободиться отъ зависимости Кіеву или ослабить ее. Поэтому по смерти кіевскаго князя первые годы правленія его преемника проходятъ въ походахъ на непокорныя племена и непокорныхъ «русскихъ» князей и намѣстниковъ, въ домашнихъ войнахъ.

Съ теченіемъ времени, если новый кіевскій князь оказывался на высотѣ своего положенія, онъ упрочивалъ свое положеніе и наново укрѣплялъ расшатанное зданіе Русскаго государства: непокорныя племена бывали «примучены», и при этой оказіи приведены еще въ болѣе тѣсную зависимость отъ Кіева: на мѣсто «дани легкой» налагалась «дань тяжка»; непокорные князья и воеводы были замѣнены болѣе надежными подручниками; составъ дружины обновленъ, и она въ этихъ походахъ выработала въ себѣ извѣстныя чувства привязанности къ новому князю. Реставрація сопровождается болѣе или менѣе значительнымъ прогрессомъ въ развитіи и укрѣпленіи государственнаго зданія, и эта работа завершается наконецъ болѣе или менѣе значительною серіею далекихъ походовъ въ богатыя, культурныя страны—восточныя или византійскія. Въ нихъ находила исходъ военная энергія, накопленная предшествующими походами, предшествующими стараніями князя и не находившая приложенія дома, потому небезопасная для прочности самой государственной машины. Въ случаѣ удачи походъ приносилъ массу добычи, т. е. большія матеріальныя средства, покрывалъ славою своего главнаго предводителя—кіевскаго князя и поднималъ его престижъ въ глазахъ дружины и подвластныхъ князей. Онъ оживлялъ государственную организацію, во едино собирая разбросанную по всему про-

странству государства массу дружины и давалъ чувствовать единство государственнаго организма. Поэтому походы эти постоянно повторялись отъ времени до времени, пока государственная организація не отяжелѣла, утративъ свой наѣзднический, чисто дружинный характеръ (что случилось во второй половинѣ XI в.).

Снарядить такой походъ была вещь нелегкая: нужно было приноровить и мобилизировать значительныя военныя силы, и кромѣ того — нужно было имѣть столько увѣренности въ прочности своей власти и государственной системы, чтобы не опасаться, что походъ кіевскаго князя съ войсками за предѣлы государства будетъ сигналомъ ко всеобщему возстанію— подручныхъ князей и покоренныхъ народовъ. Потому мы и видимъ, что эти походы предпринимаются кіевскими князьями послѣ долгаго правленія, подъ конецъ ихъ княженій.

Такъ представляется въ общихъ чертахъ процессъ развитія кіевскаго государства въ IX—X вв. Въ IX в. мы не имѣемъ возможности пріурочить его къ какимъ либо именамъ: до насъ дошли только оторванныя отъ фактовъ и даже отъ хронологіи имена, какъ «русскій князь-Бравлинъ» (конецъ VIII—начало IX в.), Аскольдъ и Диръ, насильственно соединенные авторомъ Повѣсти въ какую-то пару соправителей и пріуроченные къ походу 860 г. [1]); можно догадываться, что былъ въ первой половинѣ IX или можетъ быть въ VIII в. еще иной князь Олегъ (въ Кіевѣ было двѣ могилы Олега), традиція котораго была перенесена на позднѣйшаго Олега и обогатила такою массою событій и легендъ память объ этомъ послѣднемъ.

Этотъ (въ такомъ случаѣ второй, младшій) *Олегъ* является первымъ изъ кіевскихъ князей съ исторически-опредѣленною физіономіею. Его время—конецъ IX и начало X в., это время

---

[1]) Дира называетъ Масуди, писавшій въ 40-хъ годахъ X в., первымъ между современными славянскими королями. Въ дѣйствительности Дира тогда на свѣтѣ не было, но это упоминаніе подкрѣпляетъ существованіе такого князя въ Кіевѣ въ концѣ IX в.

необыкновенныхъ успѣховъ кіевскихъ князей, увѣнчанныхъ далекими походами, особенно популярнымъ, одѣтымъ легендами походомъ на Византію. Если связанныя въ Повѣсти съ именемъ Олега пріобрѣтенія Кіевскаго государства являются въ значительной степени ученою комбинаціею кіевскаго книжника (и мы разсматривали поэтому ихъ просто какъ результатъ эволюціи Кіевскаго государства въ IX в.), то «вѣщій» князь, подъѣзжающій подъ стѣны Константинополя въ поставленныхъ на колеса корабляхъ, заказывающій своей дружинѣ шелковыя паруса для кораблей и въ концѣ концовъ умирающій отъ собственнаго коня, какъ живая иллюстрація афоризма Бояна о непреодолимой силѣ рока, этотъ князь—не мертвая концепція позднѣйшаго книжника, а живое произведеніе народнаго творчества, и съ нимъ нужно съ этой стороны считаться.

Единственная прочная хронологическая дата и историческій документъ изъ времени Олега — это его договоръ съ византійскимъ правительствомъ, заключенный въ 911 г. и цѣликомъ приведенный въ древнѣйшей кіевской лѣтописи. По хронологіи ея онъ умираетъ непосредственно затѣмъ (осенью 911 г.), но въ дѣйствительности онъ должно быть умеръ позже, судя по тому, что вокругъ этого 911 г. мы видимъ группу далекихъ походовъ Руси, предпринятыхъ, очевидно, однимъ и тѣмъ же княземъ.

Судя по широкимъ торговымъ льготамъ, признаннымъ Руси со стороны византійскаго правительства въ договорѣ 911 и другомъ, сохраненномъ въ лѣтописи въ парафразѣ, съ датою 907 г., этимъ льготамъ должны были дѣйствительно предшествовать какіе-нибудь очень чувствительные удары со стороны Руси; въ это время дѣйствительно могъ имѣть мѣсто походъ Олега на Византію, описанный съ легендарными подробностями въ Повѣсти. Затѣмъ, въ 909/10 г. Русь приходила на Абесгунъ, но этотъ походъ окончился неудачею. Въ концѣ 913 г. Русь предприняла новый походъ на востокъ (на 500 корабляхъ, какъ говоритъ, можетъ быть—преувеличивая, Масуди) и, пользуясь мѣстными неурядицами, въ

продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпрепятственно грабила земли южнаго Каспійскаго побережья. Съ огромною добычею Русь двинулась назадъ, но, если вѣрить Масуди, Хозары отобрали у нихъ на возвратномъ пути добычу и истребили значительную часть войска. Эти восточные походы, промолчанные въ Повѣсти оставили, вѣроятно, память въ народной былинѣ (сохранившейся, какъ всѣ былины вообще — у народа великорусскаго) о походѣ Вольги (Вольга—Олегъ) въ Индѣйское царство, обставленномъ тутъ также сказочными подробностями.

Послѣ Олега въ Повѣсти непосредственно слѣдуетъ *Игорь*[1]); какъ приходился онъ Олегу, не знаемъ. Въ началѣ своего княженія онъ ведетъ войны съ возставшими племенами—Повѣсть знаетъ его войны съ древлянами и уличами. Изъ византійскихъ источниковъ извѣстенъ намъ его походъ на Византію: флотъ Игоря приступилъ къ Константинополю, но греческая эскадра не пропустила его черезъ Босфоръ; тогда Игорь направился къ малоазійскому побережью и занялся грабежомъ его; подоспѣвшія въ концѣ морскія силы Византіи разгромили корабли Игоря. Эта неудача отразилась на торговыхъ льготахъ русскихъ купцовъ въ Византіи: новый договоръ, заключенный въ 945 г., значительно ограничивалъ данныя имъ прежде льготы, и кромѣ того ставилъ предѣлы политикѣ кіевскихъ князей въ земляхъ, сосѣднихъ съ крымскими владѣніями Византіи.

Очень удаченъ былъ зато походъ Руси на востокъ, предпринятый 943/4 г. Походъ этотъ былъ описанъ нѣсколькими восточными писателями и благодаря тому очень хорошо извѣстенъ; кромѣ того онъ былъ воспѣтъ персидскимъ поэтомъ XII в. Низами — впрочемъ въ совершенно фантастическомъ видѣ. Русь проникла тогда сухимъ путемъ до Дербента, увлекая за собою шайки авантюристовъ, пристававшія къ ней

---

[1]) По хронологіи древнѣйшей лѣтописи, онъ княжитъ въ 912—945, въ дѣйствительности онъ, вѣроятно, началъ княжить позже (можетъ быть даже—значительно позже) и умеръ, вѣроятно, тоже позже, по крайней мѣрѣ годъ-два послѣ 945 года.

по дорогѣ; отсюда отправилась на корабляхъ къ устью Куры и Курою проникла до большого и богатаго города Бердаи, овладѣла имъ и производила отсюда набѣги на сосѣднія земли. Пробывъ полгода, русскіе полки безпрепятственно ушли назадъ Курою, на корабляхъ, съ богатою добычею.

Но конецъ Игоря былъ очень печаленъ и вмѣстѣ—очень характеренъ для тогдашнихъ отношеній. Богатая дань съ Древлянской земли, отданная Игоремъ Свенельду, возбудила зависть собственной дружины Игоря, и, побуждаемый дружиною, Игорь отправился къ Древлянамъ, чтобы сверхъ собранной Свенельдомъ дани вынудить у нихъ контрибуціи еще и для себя. Его вымогательства и насилія вывели Древлянъ изъ себя, и они убили Игоря во время этого полюдья; какъ разсказываетъ Левъ Діаконъ, византійскій писатель конца X в., они разорвали Игоря, привязавъ къ двумъ наклоненнымъ вершинамъ деревьевъ.

Вслѣдствіе малолѣтства Игореваго сына Святослава, по смерти Игоря нѣкоторое время правила его жена *Ольга* съ боярами своего мужа. Изъ ея времени лѣтопись знаетъ два событія: войну ея съ Древлянами, закончившуюся тѣмъ, что возставшую землю приведено въ тѣсную зависимость отъ Кіева и наказано избіеніемъ и обращеніемъ въ рабство наиболѣе провинившіяся общины,—и принятіе ею христіанской вѣры. Оба факта переданы въ лѣтописи въ густой легендарной оболочкѣ. Изъ византійскихъ источниковъ извѣстенъ намъ дипломатическій визитъ ея въ Константинополь въ 957 г. Дипломатическій же характеръ, вѣроятно, имѣла и ея миссія къ имп. Оттону въ 959 г., истолкованная потомъ такъ, будто бы Ольга присылала просить присылки епископа и священниковъ на Русь: извѣстіе невѣроятное уже тѣмъ, что крещеніе Ольги имѣло характеръ ея личнаго дѣла, и только послѣ крещенія Руси Владиміромъ получило бо̀льшее значеніе въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній.

Въ началѣ 60-хъ годовъ вступилъ въ управленіе государствомъ *Святославъ*. Несмотря на короткое свое правленіе, онъ принадлежитъ къ наиболѣе характернымъ и сильно

обрисованнымъ фигурамъ среди кіевскихъ князей. Это такъ сказать maximum дружинности среди нихъ; роль князя-правителя, главы государства, у него вполнѣ отступаетъ на второй планъ передъ предводителемъ дружины, странствующимъ рыцаремъ, и онъ блестяще обрисованъ съ этой стороны въ классическомъ, основанномъ на живой народной традиціи разсказѣ Повѣсти.

Послѣ нѣсколькихъ походовъ, направленныхъ на расширеніе и укрѣпленіе политической системы Кіевскаго государства (изъ нихъ Повѣсть знаетъ походы, предпринятые для расширенія и укрѣпленія восточныхъ предѣловъ: походы на Оку и Волгу, на Хозаровъ, на кавказскихъ Ясовъ и Касоговъ, т. е. Осетинъ и Кабардинцевъ, и покореніе Вятичей), Святославъ очень скоро обратился къ далекимъ военнымъ предпріятіямъ (очевидно, регентство передало Святославу государственную машину въ очень хорошемъ состояніи, и она не потребовала большихъ хлопотъ отъ него). Прелюдіею къ нимъ былъ походъ на Хозаръ, загораживавшихъ Руси дорогу въ походахъ на востокъ. За этимъ походомъ, окончившимся полнымъ разгромомъ Хозарской орды [1]), нужно было надѣяться какого нибудь грандіознаго похода на востокъ, въ родѣ Игореваго, но вниманіе Святослава было неожиданно отвлечено въ другую сторону: императоръ Никифоръ Фока прислалъ къ нему посла, сына херсонесскаго протевона Калокира съ богатыми подарками, приглашая напасть на Болгарію и завоевать ее себѣ. Со стороны Никифора это былъ только ловкій маневръ, имѣвшій цѣлью направить Святослава на Болгарію, но перспектива завоеванія Болгаріи очень понравилась Святославу. Можетъ быть, онъ строилъ себѣ въ дальнѣйшемъ еще болѣе смѣлые планы; во всякомъ случаѣ со

---

[1]) Этотъ разгромъ Хозарской орды со стороны Святослава былъ большой ошибкой, потому что Хозарія, хотя и сильно ослабленная уже, все-таки сдерживала тюркскую миграцію въ черноморскія степи. Въ виду этого тюркскаго потопа всѣ пріобрѣтенія политики Святослава на юго-восточной границѣ и на Кавказѣ, были совершенно иллюзоричны.

всею энергіею взялся за покореніе Болгаріи. Но, когда Святославъ готовъ былъ дѣйствительно прочно овладѣть Болгаріею, византійское правительство перемѣнило фронтъ, вошло въ союзъ съ Болгарами и обратилось противъ Святослава. Новый императоръ Іоаннъ Цимисхій обложилъ его въ Доростолѣ (Силистріи) и въ концѣ концовъ Святославъ былъ принужденъ капитулировать. На возвратномъ пути онъ попалъ въ устроенную Печенѣгами засаду на нижнемъ Днѣпрѣ и былъ ими убитъ (972).

Его старшій сынъ Ярополкъ, получившій Кіевъ еще во время болгарской кампаніи отца, не оказался на высотѣ своего положенія. Сынъ Святослава Владиміръ, сидѣвшій въ Новгородѣ, выгналъ его изъ Кіева и овладѣлъ Кіевскимъ государствомъ (около 980 г.). Первые годы его княженія уходятъ затѣмъ на укрѣпленіе расшатанной въ періодъ раздѣленія и междоусобной борьбы системы Кіевскаго государства. Несомнѣнно, это потребовало отъ него сильнаго напряженія энергіи; рядъ походовъ его записанъ въ лѣтописи, но они, конечно, не передаютъ вполнѣ этой кипучей военной дѣятельности новаго кіевскаго князя. Изъ нихъ все таки видимъ, что какъ Святославъ обратилъ особенное вниманіе на восточныя границы Русскаго государства, такъ Владиміръ очень много вниманія удѣлилъ западнымъ. Современный польскій документъ даетъ намъ указаніе на западную границу, установленную этими походами Владиміра: на сѣверо-западѣ она доходила до границы Пруссовъ, на юго-западѣ подходила подъ Краковъ. Здѣсь развилась борьба за политическое вліяніе съ Польшею, во главѣ которой сталъ талантливый князь Болеславъ, но при Владимірѣ перевѣсъ былъ, очевидно, на сторонѣ Руси.

Весьма важную и трудную реформу произвелъ Владиміръ во внутреннихъ отношеніяхъ: онъ не только привелъ въ зависимость отъ себя земли, входившія прежде въ составъ Русскаго государства, но и поставилъ ихъ въ болѣе тѣсную связь съ Кіевомъ, посадивъ во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ ихъ, на мѣсто прежнихъ князей и намѣстниковъ, своихъ много-

численныхъ сыновей. Отсюда беретъ начало династическій принципъ, получающій свое полное развитіе въ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Еще болѣе важное значеніе имѣли культурные элементы, введенные Владиміромъ во внутреннія отношенія государства. Созданное внѣшнею силою и не имѣвшее внутренней связи, кромѣ экономическихъ интересовъ созидавшаго и поддерживавшаго его военно-торговаго класса, это государственное зданіе получаетъ новые устои культурнаго и моральнаго характера, въ видѣ новой, заимствованной изъ Византіи религіи и связаннаго съ нею просвѣщенія, книжности и культуры.

Исходною точкою этого чрезвычайно важнаго въ культурной эволюціи не только украинскихъ племенъ, но и всей восточной Европы явленія были прежде всего политическіе планы Владиміра: стремленіе поднять престижъ своей власти, пріодѣвъ его византійскимъ ореоломъ. Это было общее стремленіе основателей новыхъ государствъ средневѣковой варварской Европы, искавшихъ средствъ укрѣпить свою власть и съ прискорбіемъ чувствовавшихъ свой малый авторитетъ въ глазахъ своихъ товарищей—вассаловъ и прочихъ подданныхъ. Даже среди кіевскихъ князей Владиміръ не былъ первымъ на этомъ пути (только его планы привели къ чрезвычайно важнымъ результатамъ, значеніе которыхъ онъ, очевидно, умѣлъ оцѣнить). Въ своихъ поученіяхъ сыну имп. Константинъ Порфирородный даетъ ему наставленіе относительно того, какъ отдѣлываться ему, когда владѣтель Хозаръ, Венгровъ, *Руси* или какой нибудь иной варварскій народъ, *какъ то часто бываетъ*, обратится къ нему съ просьбою прислать ему корону или иныя императорскія регаліи, или породниться съ нимъ. Съ такими желаніями дѣйствительно обращались разные варварскіе владѣтели къ императорамъ западнаго и восточнаго Рима, Константинополя желая этимъ путемъ позаимствоваться обаяніемъ «вѣчной» имперіи, и съ такимъ предложеніемъ обратился къ византійскому императору Владиміръ.

Поводъ далъ самъ императоръ. Византія переживала трудныя времена вслѣдствіе возстанія, очень опаснаго, под-

нятаго племянникомъ имп. Никифора Вардою-Фокою, и императоръ обратился за помощью къ Владиміру, какъ то не разъ дѣлали его преемники, до Никифора Фоки включительно [1]). Владиміръ не отказалъ въ помощи, но поставилъ свои условія: императоръ Василій и его братъ-соправитель выдадутъ за него свою сестру и, можемъ съ значительною вѣроятностью дополнить разсказъ нашего источника—пришлютъ ему императорскія регаліи [2]). Императоръ потребовалъ, чтобы Владиміръ въ такомъ случаѣ крестился. Владиміръ согласился и дѣйствительно принялъ крещеніе.

Условіе было заключено въ началѣ 988 г.; русскій шеститысячный вспомогательный отрядъ былъ посланъ и сыгралъ важную роль въ подавленіи возстанія [3]); но императоры не спѣшили исполнить свое обѣщаніе. Несмотря на свое могущество, русскій князь въ византійскихъ придворныхъ кругахъ не цѣнился высоко: изъ собранія формулъ императорской канцеляріи знаемъ, что грамоты къ кіевскимъ князьямъ писались съ меньшимъ этикетомъ, чѣмъ хозарскому кагану, не говоря уже о болгарскомъ царѣ. Выдать «порфирородную дочь порфиророднаго византійскаго императора» за этого сѣвернаго варвара было весьма тягостнымъ униженіемъ, и византійскій дворъ, очевидно, уклонялся отъ него. Тогда, чтобы принудить его къ исполненію обѣщаній, Владиміръ обратился къ ахилесовой пятѣ русско-византійскихъ

---

[1]) Обязательство взаимной помощи Руси и Византіи включено даже было въ трактатъ 945 г.

[2]) Весьма вѣроятно, что отсюда ведетъ свое начало очень популярная легенда о присылкѣ императорскихъ регалій Владиміру, но эта позднѣйшая легенда разумѣетъ тутъ правнука Владиміра—Владиміра Мономаха. На своихъ монетахъ Владиміръ Св. дѣйствительно изображенъ въ императорскихъ регаліяхъ

[3]) Византійское правительство оставило его у себя, и этотъ «русскій» корпусъ, или «варяжскій» (такъ какъ рекрутировался онъ главнымъ образомъ изъ Варяговъ) въ качествѣ гвардіи фигурируетъ въ Константинополѣ неизмѣнно до послѣдней четверти XI в.

отношеній—крымскимъ владѣніямъ Византіи, которыя она такъ боязливо охраняла трактатами (945 и 971) отъ притязаній кіевскихъ князей. Владиміръ отправился походомъ въ Крымъ и взялъ столицу византійскихъ владѣній — Херсонесъ. Это оказало дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что имперія была снова въ весьма тяжеломъ положеніи. Имп. Василій поспѣшилъ отправить сестру Анну въ Херсонесъ, тамъ обвѣнчали ее съ Владиміромъ, еще раньше (до крымскаго похода, очевидно) принявшимъ крещеніе, и Владиміръ возвратилъ Херсонесъ Византіи—«за вѣно», въ качествѣ выкупа за жену.

Какъ выдающійся политикъ (вся предшествующая его политическая дѣятельность краснорѣчиво говоритъ, что онъ былъ имъ), Владиміръ умѣлъ оцѣнить политическое значеніе христіанства для своей государственной системы, хотя самого его, какъ видимъ, къ крещенію привели чисто политическія комбинаціи [1]). Христіанство было важнѣйшею составною частью византійской культуры, общественной и государственной организаціи Византіи, и Владиміръ, стремясь къ сближенію, уподобленію своего государства Византійскому, естественно пожелалъ уподобить его и съ этой важной стороны какъ можно—ближе. Онъ, очевидно, понялъ, какое огромное политическое значеніе будетъ имѣть распространеніе среди народовъ его государства, съ ихъ разнообразными, но примитивными, незаконченными религіозными вѣрованіями, религіи новой, единой, религіи культурной съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ и внѣшнимъ блескомъ искусства, вполнѣ законченными формами, выработанною іерархіею, религіи, распространяемой правительствомъ, изъ его руки, которая поэтому и въ дальнѣйшемъ должна будетъ

[1]) Старые кіевскіе памятники стремленіе къ христіанству у Владиміра представляютъ исходнымъ пунктомъ въ его отношеніяхъ къ Византіи; выходитъ это у нихъ довольно неловко. Свидѣтельства современныхъ восточныхъ писателей (Ях'и, Асохика) даютъ совершенно точное представленіе о томъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности.

опираться на княжескую власть, какъ на свою опору, и связывая новымъ, культурнымъ узломъ племена русской политической системы, укрѣплять ихъ зависимость отъ Кіева и кіевской династіи. Не отрицая мотивовъ нравственныхъ, такъ какъ Владиміръ несомнѣнно стоялъ самъ подъ нравственнымъ воздѣйствіемъ новой религіи,—мы все же въ этихъ политическихъ мотивахъ должны искать объясненія той энергіи, съ которою Владиміръ занялся насажденіемъ въ земляхъ Русскаго государства новой религіи и неразлучно связанной съ нею византійской культуры, употребляя все вліяніе своего княжескаго авторитета и не останавливаясь даже передъ принужденіемъ.

Переломъ, впрочемъ, не былъ рѣзокъ, такъ какъ христіанство было издавна хорошо извѣстно въ болѣе значительныхъ городахъ, гдѣ группировалось военно-торговое сословіе, имѣвшее возможность близко знакомиться съ христіанствомъ въ своихъ торговыхъ путешествіяхъ по византійскимъ и западно-европейскимъ землямъ. Послѣ похода 860 г. изъ Константинополя была выслана на Русь миссія, обратившая многихъ въ христіанство, такъ что былъ туда посланъ и епископъ. Вѣроятно, самъ тогдашній князь Аскольдъ былъ христіаниномъ. Въ первой половинѣ X в. была въ Кіевѣ церковь св. Иліи, и въ трактатѣ 944 г. христіане выступаютъ значительною группою среди дружины Игоря. Благодаря этому старанія Владиміра распространить христіанство имѣли полный успѣхъ въ болѣе значительныхъ, особенно южныхъ городахъ, внѣ же ихъ распространялось оно, конечно, медленно и туго.

Владиміромъ заложены были начатки организаціи русской церкви, основана была митрополичья и нѣсколько епископскихъ каѳедръ и создано было нѣсколько монументальныхъ памятниковъ церковнаго зодчества (какъ Десятинная церковь въ Кіевѣ). Привезенныя изъ Херсонеса и поставленныя въ Кіевѣ бронзовыя фигуры коней и статуи указываютъ въ немъ желаніе пріобщить Русь и свѣтскому византійскому искусству. Объ интересѣ къ распространенію

византійскаго образованія свидѣтельствуетъ приведенное въ лѣтописи извѣстіе о томъ, что Владиміръ забиралъ дѣтей у лицъ высшихъ сословій и отдавалъ ихъ «на ученіе книжное»—очевидно, не въ цѣляхъ приготовленія духовныхъ, а вообще образованныхъ людей. Эти стремленія его — ввести Русь въ кругъ интересовъ тогдашняго культурнаго — византійскаго міра, не были напрасны: изъ первыхъ поколѣній кіевскихъ учениковъ мы имѣемъ уже человѣка, стоящаго вполнѣ на высотѣ современной византійской культуры—митр. Иларіона, автора похвальнаго слова Владиміру.

Такъ полагались начала новымъ элементамъ, связавшимъ разноплеменныя провинціи Кіева новою, культурною, могущественною связью, пережившею само Кіевское государство. Рука объ руку съ нею шла иная могущественная связь, также только зарождавшаяся тогда— единства политико-общественнаго уклада, общественныхъ отношеній и права, также глубоко проникшихъ потомъ въ жизнь земель Кіевскаго государства. Со Владиміра начинается этотъ замѣтный въ эволюціи Русскаго государства переходъ отъ князей-наѣздниковъ, сбивавшихъ свое государство силою, ударами кулака, къ князьямъ все-таки болѣе правителямъ. Отецъ Владиміра погибъ, какъ хищный наѣздникъ, «яко волкъ въсхищая и грабя»; отецъ сложилъ голову въ далекомъ походѣ, какъ странствующій рыцарь; Владиміръ умираетъ въ своей столицѣ, и люди плачутъ по немъ—«бояре акы заступника земли ихъ, убозии акы заступника и кормителя». За князьями-насильниками пришелъ князь, обратившій свою дѣятельность на подведеніе культурныхъ фундаментовъ подъ зданіе, воздвигнутое его предшественниками — въ этомъ его политическое значеніе.

Занятый этою внутреннею работою, Владиміръ во вторую половину своего правленія, очевидно, менѣе вниманія обращалъ на внѣшнюю, экстенсивную политику, предоставивъ ее сыновьямъ, разсаженнымъ именно въ наиболѣе небезопасныхъ, требовавшихъ особеннаго вниманія пунктахъ. Въ народной памяти (въ былинахъ) онъ уцѣлѣлъ въ видѣ «ласко-

ваго» князя, занятаго пирами въ своей столицѣ; около этого центра группируются разсказы Владимірова цикла о подвигахъ Владиміровыхъ бояръ, занятыхъ походами и трудами на пользу Русской земли, между тѣмъ какъ Владиміръ играетъ пассивную роль изнѣженнаго сибарита. Народная память не сумѣла оцѣнить значенія мирной дѣятельности Владиміра.

Онъ умеръ 15 іюля 1015 г.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. I гл. 4 и 5.

VI.

Время Владиміра Св. или Великаго было кульминаціонною точкою въ процессѣ образованія Кіевскаго или Русскаго государства, въ механическомъ такъ сказать процессѣ его эволюціи. Процессъ, который можно въ противоположность ему назвать химическимъ—процессъ проникновенія все глубже въ жизнь провинцій этого государства политическихъ, общественныхъ, правовыхъ, культурныхъ формъ и явленій, выработанныхъ жизнью этого государства, развивался еще интенсивнѣе въ теченіе послѣдующихъ столѣтій. Но самый организмъ государства, очевидно, разрушался, ослабѣвала его сила сцѣпленія, его жизненная энергія и экстенсивная способность. Это процессъ разложенія, такой же медленный, какъ и процессъ созиданія; съ періодами ослабленія и даже остановками, онъ потянулся почти на два столѣтія.

Два момента обозначаются въ этомъ процессѣ: обособленіе отдѣльныхъ земель, входившихъ въ составъ Русскаго государства, и ослабленіе самого его центра—Кіева, упадокъ значенія кіевскихъ князей. Въ этихъ направленіяхъ агонія стараго Кіевскаго государства закончилась уже въ половинѣ

XIII в., но благодаря созданію новаго политическаго центра, притянувшаго къ себѣ часть украинскихъ земель (Галицко-Волынское государство), государственная жизнь въ украинскихъ земляхъ продлилась еще одно столѣтіе.

Остановки или задержки въ процессѣ разложенія кіевской государственной системы производили болѣе или менѣе счастливыя усилія отдѣльныхъ членовъ кіевской династіи—возстановить старую государственную систему. Эти усилія почти впродолженіе цѣлаго столѣтія по смерти Владиміра задерживаютъ или ослабляютъ процессъ разрушенія, но вернуть Кіевское государство ко временамъ Владиміра не удавалось никому—какъ вообще не даются такія старанія обернуть назадъ историческую эволюцію.

Самъ Владиміръ умеръ передъ заревомъ семейной усобицы, собираясь походомъ на непокорнаго сына Ярослава. Его смерть была началомъ кровавой борьбы за власть среди его сыновей, потянувшейся на нѣсколько лѣтъ. Побѣда въ ней достается упомянутому Ярославу (въ 1019 г.), правленіе котораго представляетъ ослабленное повтореніе правленія его отца (то же вниманіе для западныхъ границъ государства, борьба съ кочевниками, характеризующая время Владиміра, и усиленное вниманіе къ культурнымъ моментамъ, выдвинутымъ его отцомъ). Однако ему не удается объединить въ своихъ рукахъ всѣхъ земель, принадлежавшихъ къ Кіевскому государству при его отцѣ. Прежде всего ему пришлось подѣлиться отцовскими землями съ братомъ Мстиславомъ, побѣдившимъ его въ битвѣ: Ярославъ уступилъ ему земли по лѣвой сторонѣ Днѣпра. Бездѣтная смерть Мстислава вернула ему эти земли обратно (1036), но и послѣ этого осталась одна изъ значительныхъ волостей внѣ владѣній Ярослава—Полоцкая земля Изяслава Владиміровича.

По смерти Ярослава (1054) собранныя имъ земли раздѣлились на шесть частей между его потомствомъ, и уже никому изъ его сыновей и внуковъ не удалось собрать земли стараго Кіевскаго государства даже въ той мѣрѣ, въ какой удалось это Ярославу—несмотря на всѣ ихъ старанія. Династія все

разросталась, а съ тѣмъ все больше раздроблялось наслѣдіе Владиміра. Изъ семьи Святослава Игоревича уцѣлѣлъ только одинъ Владиміръ, изъ сыновей Владиміра—уже два (былъ и третій, но онъ былъ лишенъ владѣній), отъ сыновей Ярослава пошло уже цѣлыхъ пять династій! Распространеніе христіанскихъ понятій дѣлало невозможнымъ простое избіеніе претендентовъ, практиковавшееся прежде, и число князей возрастаетъ безпрерывно.

Съ другой стороны земли, входившія въ составъ Русскаго государства, перестаютъ быть безучастными зрителями княжескихъ отношеній: по мѣрѣ того, какъ государственная организація проникала глубже въ жизнь земли, земли все болѣе и болѣе проявляютъ стремленія не только приноровиться къ новымъ государственнымъ отношеніямъ, но и приноровить ихъ къ своимъ интересамъ, и на почвѣ новаго, княжеско-дружиннаго уклада возобновить свою земскую жизнь, обособиться въ автономныя политическія тѣла. Княжеско-дружинный строй локализируется, изъ потомства Владиміра В. образуются мѣстныя, земскія династіи, которыя, не имѣя возможности опереться на своихъ дружинахъ (сравнительно небольшихъ), ищутъ опоры въ самомъ населеніи, въ землѣ, прислушиваются къ голосу ея вѣча, стараются пріобрѣсти и пріобрѣтаютъ симпатіи ея. Въ результатѣ кіевскимъ князьямъ-собирателямъ наслѣдства Владиміра В. приходилось вести борьбу не только съ князьями отдѣльныхъ земель, но и съ самими землями, отстаивающими свою обособленность, и центростремительная энергія старой государственной машины ослабляется также и эти центробѣжными стремленіями земель.

На первыхъ порахъ энергія собирателей все-таки преодолѣвала эти препятствія до нѣкоторой степени, и отъ времени до времени они достигали значительныхъ успѣховъ. Изъ трехъ сыновей Ярослава (Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ), сидѣвшихъ на кіевскомъ столѣ, особенно младшій Всеволодъ (1078—1093) ловкою и осторожною политикою успѣлъ собрать значительную часть отцовскихъ земель:

ему принадлежали княжества Кіевское, Черниговское и Переяславское (ядро Русскаго государства), Смоленскъ и Поволжье—большая часть наслѣдства Ярослава. Но это не было спокойное и прочное владѣніе: Всеволоду приходилось до смерти выдерживать борьбу съ младшими родственниками, претендовавшими по наслѣдству на тѣ или другія волости, захваченныя Всеволодомъ, и призывавшими на помощь орды Половцевъ.

Сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ, продолжалъ осторожную политику отца. Уступивъ по смерти отца Кіевъ своему старшему двоюродному брату Святополку, онъ получаетъ этотъ столъ по его смерти (1113 — 1125) и, утративъ однѣ земли изъ отцовскаго наслѣдства, пріобрѣтаетъ рядъ другихъ. Въ общемъ его владѣнія были все же меньше отцовскихъ; наиболѣе чувствительна была утрата Черниговщины (политическое единство средняго Поднѣпровья было такимъ образомъ утрачено безвозвратно). Но владѣніе Мономаха было болѣе прочнымъ, такъ какъ рядомъ походовъ, по его иниціативѣ сломлено силу Половцевъ, у которыхъ искали помощи обезземеленные претенденты (изгои). Онъ пользовался, какъ кіевскій князь, большимъ вліяніемъ, держалъ въ повиновеніи прочихъ князей и сумѣлъ передать Кіевъ послѣ себя непосредственно своему старшему сыну Мстиславу. Сынъ его Мстиславъ (1125—1132) умѣлъ поддержать отцовскій престижъ; это послѣдній князь на кіевскомъ столѣ, поддерживавшій старыя традиціи, умѣвшій держать если не въ повиновеніи, то въ почтеніи прочихъ князей. Полоцкихъ князей, когда они не прислали ему своихъ полковъ въ помощь противъ Половцевъ, онъ лишилъ владѣній и сослалъ въ Византію. Его личныя владѣнія однако были уже сравнительно вовсе не велики: кромѣ Кіева онъ владѣлъ Новгородомъ, Смоленскомъ и послѣ упомянутаго инцидента—также Полоцкомъ. Авторитетъ его опирался больше на личныхъ качествахъ его и на почтительномъ отношеніи къ нему братьевъ, получившихъ прочія земли изъ наслѣдства Мономаха.

Его братъ Ярополкъ, замѣнившій его на кіевскомъ столѣ

(1132—9), не имѣлъ уже этого престижа. Вопросъ о преемствѣ кіевскаго стола посѣялъ раздоръ между потомствомъ Мономаха и вызвалъ борьбу между дѣтьми Мстислава и младшими братьями его. Пользуясь этою распрей черниговская династія—потомки Святослава Ярославича, поднимаетъ голову послѣ долговременнаго подчиненія авторитету династіи Всеволода и предъявляетъ также притязанія на кіевскій столъ, который династія Мономаха хотѣла сохранить исключительно для себя. По смерти Ярополка черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ дѣйствительно успѣлъ захватить Кіевъ и сохранить его за собою до смерти.

По смерти его (1146) начинается еще болѣе ожесточенная борьба князей изъ линій: Мстислава, младшаго Мономаховича Юрія и черниговской, за Кіевъ. Въ ней принимаетъ очень дѣятельное участіе и само кіевское населеніе (особенно сначала, пока была надежда распутать эту усобицу), желая помочь утвердиться на кіевскомъ столѣ династіи Мстислава: Изяславу Мстиславичу (1146—54), потомъ его брату Ростиславу (1154) и сыну Мстиславу (1167—9). Оно хотѣло превратить Кіевскую землю подъ ихъ владѣніемъ въ такое же обособленное и замкнутое государство, въ какія превратились уже нѣкоторыя другія земли. Но исключительное значеніе Кіева, какъ самаго большого и богатаго города, старой столицы, съ которой связывались традиціи о первенствѣ и власти надъ прочими князьями, препятствовало этимъ стремленіямъ: прочія династіи не хотѣли позволить Мстиславичамъ обратить Кіевъ въ свое исключительное владѣніе. Положеніе запутывалось еще болѣе вслѣдствіе отсутствія выработаннаго и признаннаго порядка преемства: принципъ наслѣдованія въ прямой линіи (отъ отца къ сыну) сталкивался съ принципомъ родового старшинства (преемства отъ брата къ брату, и только послѣ младшихъ дядей къ старшимъ племянникамъ). Тридцать пять лѣтъ (1146—1181) проходятъ въ безпрестанныхъ смѣнахъ князей и безпрерывныхъ почти войнахъ за Кіевъ, чрезвычайно тяжело отражающихся на благосостояніи города и земли, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые претенденты (изъ дина-

стій суздальской и черниговской) въ качествѣ союзниковъ призывали половецкихъ хановъ въ свои походы на Кіевъ, и эти походы половецкихъ полчищъ страшно разоряли землю. Нѣсколько разъ подвергается болѣе или менѣе сильнымъ погромамъ и самъ Кіевъ.

Кіевъ и Кіевская земля вообще впродолженіе XII в. быстро падаютъ. Много разныхъ причинъ вліяло на это. Тюркская миграція подорвала благосостояніе Полянской земли; за исключеніемъ сѣвернаго угла, она нѣсколько разъ превращалась въ пустыню; населеніе отливало; хозяйство было въ разстройствѣ, и этотъ упадокъ благосостоянія земли отражался, конечно, очень сильно на его старой столицѣ. Торговля очень терпѣла отъ упадка южныхъ и восточныхъ торговыхъ дорогъ, на которыхъ движеніе было если не прекращено, то сопряжено съ большими трудностями и вообще ослабѣло, послѣ того какъ тюркскія орды засѣли въ степяхъ и вытѣснили оттуда славянское населеніе. Обособленіе земель—бывшихъ провинцій Кіева, развившихъ въ себѣ свои собственные центры и оттянувшихъ значительную часть военно-торговаго класса, этой «Руси», безраздѣльно тяготѣвшей прежде къ Кіеву, вліяло тоже на ослабленіе его. И къ довершенію всего—полстолѣтія неустанныхъ смутъ, войнъ за кіевскій столъ, разореній земли и самого города. Богатство и блескъ Кіева начали исчезать, и это отражалось, въ свою очередь, и на его политической роли.

Младшая линія Мономаховичей, сыновья Юрія, которые, какъ младшіе дядья, по родовымъ счетамъ имѣли старшинство передъ старшими племянниками изъ династіи Мстислава, начинаютъ пренебрегать Кіевомъ. Они претендуютъ на старѣйшинство и послушаніе имъ южныхъ, украинскихъ князей, но въ Кіевѣ сидѣть не хотятъ. Они остаются въ своихъ великорусскихъ владѣніяхъ — землѣ Ростово-Суздальской, и стремятся поднять до значенія новаго политическаго центра эту свою волость и ея новую столицу—Владиміръ на Клязьмѣ. Предоставляя Кіевъ разнымъ minores gentes, они стараются всячески держать ихъ и Кіевъ въ подобающемъ почтеніи и

умышленно содѣйствуютъ упадку Кіева. Въ 1169 г. войско Андрея Юрьевича, во время войны съ кіевскимъ княземъ Мстиславомъ, жестоко разорило Кіевъ, очевидно умышленно— чтобы еще болѣе подорвать его значеніе. Когда въ 1180—90 гг., послѣ безконечныхъ войнъ установился компромисъ между династіею Мстислава и черниговскими князьями, и въ Кіевской землѣ водворилось на нѣкоторое время спокойствіе, преемникъ Андрея, братъ его Всеволодъ умышленно перессорилъ южныхъ князей, очевидно, опасаясь, чтобы Кіевъ и его князья не усилились и не вышли изъ-подъ его вліянія. Его старанія увѣнчались успѣхомъ, началась новая смута и борьба за Кіевъ, и среди нея, въ началѣ XIII в., Кіевъ подвергся снова сильнѣйшему разоренію.

Въ первой половинѣ XIII в. Кіевъ уже сходитъ совершенно на второй планъ. Сильнѣйшіе и болѣе дальновидные князья, какъ упомянутый Всеволодъ, или Романъ (сынъ Мстислава Изяславича), уже пренебрегаютъ имъ, какъ позиціею безнадежною, и создаютъ новые политическіе центры (Всеволодъ— въ Ростово-Суздальской землѣ, Романъ въ Галицко-Волынскомъ, о которомъ буду говорить ниже). Борьба за Кіевъ идетъ дальше, но борятся за него minores gentes: князья изъ черниговской династіи и младшія линіи династіи Мстислава. Наконецъ новое азіатское нашествіе — монгольско-татарской орды въ серединѣ XIII в. окончательно подрываетъ всякое значеніе Кіева и разрушаетъ въ значительной степени даже государственную организацію въ Кіевской землѣ, дезорганизуетъ княжеско-дружинный укладъ въ предстепной полосѣ средняго Поднѣпровья.

Новое нашествіе вышло изъ самой глубины центральной Азіи, гдѣ въ началѣ XIII в. зарождается государство Темуджина. Конфликтъ его съ Ховарезмомъ (нынѣ Хива) перенесъ (въ 1219 г.) его завоевательные планы на западъ. Полководцы Темуджина выступили съ проектомъ завоеванія черноморскихъ степей (Кипчакъ)—проектомъ вполнѣ естественнымъ, такъ какъ географически и этнографически онѣ представляли продолженіе только что покореннаго Туркестана.

Проектъ былъ принятъ, татарское войско черезъ Кавказскій перешеекъ прошло въ донскія степи и здѣсь, въ 1222 г., разгромило Половецкую орду. Старый половецкій ханъ Котянъ обратился къ украинскимъ князьямъ съ просьбою о помощи; убѣжденія и подарки расположили въ его пользу князей, среди которыхъ большое вліяніе имѣлъ кн. Мстиславъ галицкій, женатый на его дочери. Князья порѣшили помочь Половцамъ противъ новой орды, болѣе могущественной и дикой [1]), и двинули свои войска въ донскія степи. На рѣкѣ Калкѣ (теперь Калецъ, ок. Маріуполя) произошла битва, гдѣ Половцы и украинскіе князья потерпѣли страшное пораженіе (1223). Татары прошли затѣмъ до Днѣпра, опустошая встрѣчныя поселенія, потомъ прошли въ Поволжье и сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго времени вернулись въ Туркестанъ. Этотъ походъ ввелъ западный Кипчакъ въ планы завоеваній Темуджина, и это завоеваніе стало вопросомъ времени. По смерти Темуджина, осуществленіе этого плана пало на долю его внука Бату.

Съ большимъ войскомъ [2]), составленнымъ главнымъ образомъ изъ тюркскихъ контингентовъ (въ украинскихъ, вообще восточно-европейскихъ источникахъ они называются Татарами), Бату двинулся въ Поволжье и, пройдя впродолженіе 1236—8 гг. его все, до верховьевъ Волги, опустошительнымъ походомъ, прошелъ въ черноморскія степи—кончать Половцевъ. Въ томъ же 1238 г. окончательно были разбиты ихъ орды; часть ихъ осталась далѣе въ степяхъ, подъ властью Татарской орды, большая часть эмигрировала—въ балканскія земли и въ Венгрію. Въ Венгріи, поселенные сплошною массою, Половцы долго сохраняли свой бытъ и даже ко-

---

[1]) Половцы въ эти послѣдніе дни ихъ жизни въ черноморскихъ степяхъ теряютъ свою агрессивность и подчиняются нѣкоторому вліянію славянской культуры (нпр. два современные Котяну ханы, убитые въ битвѣ съ Монголами 1222 г., носятъ христіанскія имена Юрія и Данила).

[2]) Восточные источники считаютъ его на 150 тыс.

чевой образъ жизни, и пользовались большимъ значеніемъ у правительства.

Болѣе мелкіе походы—на Кавказъ и на пограничныя украинскія земли, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, заняли Бату послѣ половецкаго погрома нѣкоторое время (1238—9 г.); во время этихъ походовъ разорены были Черниговъ и Переяславъ и опустошены сосѣднія мѣстности. Осенью 1240 г. Бату двинулся со всѣми силами на западъ, за Днѣпръ. Въ началѣ декабря онъ обложилъ Кіевъ. Несмотря на подавляющее впечатлѣніе этой огромной, дикой орды, Кіевляне очень энергично защищались; но стѣны были разбиты стѣнобитными машинами, отряды защитниковъ отбиты, и 6 декабря Кіевъ былъ въ рукахъ Татаръ, избившихъ при этомъ массу народа.

Потерявъ довольно времени подъ Кіевомъ, Батый не хотѣлъ уже останавливаться около другихъ городовъ: Татары брали города, которые можно было взять сразу, и оставляли, чего нельзя было сразу взять. Столицы Галицко-Волынской земли Галичъ и Владиміръ были также взяты и страшно опустошены. Весною 1241 г. Бату былъ уже въ Венгріи и намѣревался прочно здѣсь устроиться, но, вѣроятно, извѣстіе о смерти главнаго хана Огодая заставило его поспѣшить въ Азію. Весною 1242 г. онъ прошелъ снова черезъ украинскія земли, но, вѣроятно, спѣшилъ и не тратилъ силъ на завоеванія.

Не успѣвъ однако занять великоханскаго престола, Бату остался въ Кипчакѣ; его столицею сдѣлался Сарай на нижней Волгѣ, и здѣсь кочевала главная орда. Другія три орды—въ нисходящемъ порядкѣ силы и значенія, кочевали на Подоньи и по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Такъ описываетъ ихъ размѣщеніе извѣстный путешественникъ Плано-Карпини, проѣзжавшій здѣсь въ 1246 г.

Въ литературѣ часто преувеличивали значеніе этого нашествія Бату для украинской колонизаціи. Представляли себѣ такъ, что это нашествіе обратило Кіевскую землю и вообще среднее Поднѣпровье въ совершенную пустыню,

истребивъ огромную массу населенія и разогнавъ, принудивъ къ выселенію остальное, такъ что эти земли надолго запустѣли и позже наново колонизировались; что Кіевъ совершенно запустѣлъ и т. д. Въ дѣйствительности все это не было такъ страшно; хотя опустошеніе было очень значительно и подорвало еще болѣе экономическій бытъ Поднѣпровья, Украйны вообще, но запустѣнія оно, несомнѣнно, никакого не произвело: подобные погромы, и даже болѣе тяжелые—длящіеся, повторяющіеся, переживало украинское населеніе и предъ тѣмъ, города здѣшніе также подвергались подобнымъ погромамъ, но это ни къ какому запустѣнію не приводило, и какъ только гроза приходила, старые жители и новые колонисты являлись изъ своихъ убѣжищъ и тѣхъ болѣе защищенныхъ природою мѣстностей, куда эти погромы не заходили. А послѣдующее сосѣдство Татарской орды не было ничѣмъ страшнѣе или тяжелѣе, чѣмъ сосѣдство орды Печенѣжской или Половецкой. Въ качествѣ нѣсколько организованнаго государства, считавшаго восточно-украинскія земли своими вассальными землями, Татарская орда даже имѣла причины быть сдержанною по отношенію къ нимъ, насколько, разумѣется, хватало на это дисциплины внутри самой орды.

Важнѣе было вліяніе на политическія и общественныя отношенія. Кіевъ еще болѣе упадаетъ послѣ погрома 1240 г. Переяславъ и Черниговъ—сосѣдніе центры, также. Жизнь отодвигается на сѣверъ, въ лѣса сѣверной Украйны. Это особенно замѣтно въ Сѣверской землѣ. Экономическій упадокъ и разложеніе государственнаго строя, о которомъ ниже, упадокъ княжеской власти, придворной жизни вызываютъ упадокъ культуры, духовной жизни въ среднемъ Поднѣпровьѣ—этомъ центрѣ старой культуры. Перенесеніе митрополичьей резиденціи изъ Кіева въ великорусскія земли, въ сосѣдство новаго государственнаго центра (1299 г.), служитъ симптомомъ этого упадка. Подробность о томъ, какъ Данило галицкій выбиралъ наиболѣе выдающіяся вещи изъ кіевскихъ церквей для своихъ новыхъ резиденцій—другая мелкая, но

характеристическая черта. Культурная жизнь отливала на западъ и на сѣверъ.

Пользуясь всеобщей паникой, наведенной Татарами въ 1240 г., населеніе, городскія общины начинаютъ выламываться изъ рамъ княжеско-дружиннаго уклада: они предпочитаютъ зависѣть непосредственно отъ Татаръ, чѣмъ отъ князей, давать дань Татарамъ («орать пшеницу и просо Татарамъ», какъ иронически говоритъ о нихъ враждебный этому движенію галицкій лѣтописецъ), чѣмъ нести тяготы княжеской администраціи, платить дани князю, принимать участіе въ этихъ утомительныхъ войнахъ князей между собою и терпѣть отъ нихъ. Ни угрозы, ни разоренія отъ князей, испуганныхъ этимъ грознымъ для нихъ движеніемъ, не могли повліять на нихъ—вернуть ихъ въ прежнія отношенія. Земля разлагалась на отдѣльныя общины, управлявшіяся своими мелкими князьями или совѣтомъ старцевъ, возвращалась къ старому состоянію общинной раздробленности, предшествовавшей образованію централизованнаго Кіевскаго государства.

Сколько нибудь опредѣленныя указанія относительно этого интереснаго движенія мы имѣемъ только для кіевскихъ земель, пограничныхъ съ Волынью: тутъ оно интересовало современнаго автора галицкой лѣтописи—единственной лѣтописи, какую мы имѣемъ для этого времени изъ украинскихъ земель, и онъ сообщилъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Онъ указываетъ этихъ «людей татарскихъ», или «людей, сѣдящихъ за Татарами» на большомъ пространствѣ въ бассейнѣ Случи, Тетерева и верхняго теченія южнаго Буга, но эти данныя имъ мимоходомъ указанія, конечно, не обнимаютъ всего района этого движенія. По всякимъ соображеніямъ, оно охватило также всю южную Кіевщину, вѣроятно, съ окрестностями самого Кіева, Переяславщину, можетъ быть—южную часть Черниговской земли. Этимъ объясняется, почему въ Кіевѣ и Переяславѣ послѣ татарскаго нашествія 1240 г. мы уже не видимъ и не знаемъ никого изъ князей династіи Владиміра В.— ихъ здѣсь и не было, вѣроятно, довольно долгое время.

Въ Черниговской землѣ княжеско-дружинный строй уцѣлѣлъ, особенно въ сѣверныхъ, полѣсскихъ ея частяхъ, но онъ очень измельчалъ здѣсь. Вслѣдствіе большой многолюдности династіи, земля раздробилась на огромное множество мелкихъ княжествъ, среди которыхъ не удавалось почти никому изъ князей образовать болѣе значительныхъ и прочныхъ владѣній, значительнаго государства (можетъ быть, и татарская политика вліяла въ этомъ же направленіи, не позволяя кому либо изъ князей развить болѣе значительныя силы) [1]). Государственная жизнь и традиціи княжеско-дружиннаго уклада въ бо̀льшихъ размѣрахъ держались во второй половинѣ XIII в. почти исключительно въ западной Украйнѣ, въ государствѣ Галицко-Волынскомъ.

Подробнѣе: Історія України Руси т. II гл. 1—3 и 6, т. III гл. 3 (во второмъ и въ нѣмецкомъ изданіи—т. III, гл. 2).

VII.

Разложеніе кіевскаго государственнаго организма проявлялось, какъ было сказано, въ ослабленіи значенія Кіева и кіевскихъ князей, и въ обособленіи отдѣльныхъ земель во владѣніи отдѣльныхъ династій изъ потомковъ Владиміра В.

Сама *Кіевская* земля стремилась также къ обособленію, имѣя свою излюбленную династію въ потомствѣ Мстислава Мономаховича и перенося въ ней свои симпатіи обыкновенно отъ отца къ сыну, то есть предпочитая наслѣдованіе въ

---

[1]) Только въ Брянскѣ (въ сѣверной Черниговщинѣ, старой землѣ Вятичей), который дѣлается теперь выдающимся (сравнительно) центромъ въ черниговскихъ земляхъ, бывали временами довольно сильные (опять-таки сравнительно) и вліятельные князья въ XIII и XIV вв.

прямой линіи наслѣдованію родовому. Но этому препятствовали историческія традиціи Кіева: каждый князь, сѣвъ на кіевскомъ столѣ, въ силу этихъ традицій хотѣлъ быть старѣйшимъ между князьями, имѣть на нихъ вліяніе и увеличивать свои владѣнія для скрѣпленія этого вліянія; съ другой стороны князья не хотѣли уступить его въ исключительное владѣніе потомковъ Мстислава, позволить имъ сдѣлаться настоящей кіевской династіею. Поэтому борьба за Кіевъ идетъ до конца, и до самаго татарскаго погрома политическія отношенія не устанавливаются прочно. По этой же причинѣ— нѣтъ большого худа безъ маленькаго добра—Кіевская земля сохраняла свое единство: здѣсь не выработались мѣстныя династіи, не обособились второстепенные центры въ отдѣльныя княжества, потому что перемѣны на кіевскомъ столѣ встряхивали слишкомъ часто всю политическую систему земли.

Въ составъ земли кромѣ старой Полянской земли входила земля Древлянъ, такъ что территорія Кіевской земли занимала кромѣ нынѣшней Кіевской губерніи (но исключая ея южный край) еще значительную часть губерніи Волынской (восточную). Жизнь культурная и политическая сосредоточивалась на старой полянской территоріи и то въ ея сѣверной части, около Кіева, такъ какъ южная часть часто бывала разоряема, пустѣла и въ XII—XIII в. заселена была въ значительной степени тюркскими военными колонистами, малокультурными и чуждыми мѣстной жизни. Населеніе Древлянской земли также жило особнякомъ и не принимало дѣятельнаго участія въ политической жизни Кіева, его стремленіяхъ и симпатіяхъ. Политическія стремленія этого послѣдняго мы отчасти знаемъ: они были направлены къ тому, чтобы дать утвердиться въ землѣ симпатичной Кіеву династіи Мстислава и установить прочный порядокъ и спокойствіе въ землѣ; но эти стремленія не осуществились. Жизненный интересъ для Кіева представляла также организація обороны и наступательной борьбы съ Тюрками, такъ страшно подрывавшими благосостояніе земли, и князья, обращавшіе въ эту сторону свою энергію, пользовались симпатіями населенія.

Изъ городовъ земли (Вышгородъ, Бѣлгородъ, Юрьевъ, Каневъ, Торческъ, Овручъ) ни одинъ не выдвинулся настолько, чтобы играть какую нибудь самостоятельную роль. Кіевъ даже и остатками своего богатства, культуры, славы вполнѣ доминировалъ надъ ними. Только погромъ 1240 г. надолго подорвалъ его значеніе, и, какъ было сказано, Кіевская земля, вѣроятно—въ весьма значительной части, разложилась тогда на рядъ обособленныхъ общинъ, связь земли разрушилась.

Иначе сложились отношенія въ старой землѣ Сѣверянъ. Ея наибольшій центръ Черниговъ, подобно Кіеву, притянулъ также территоріи съ слабо развитою политическою жизнью— земли Радимичей и Вятичей, которыя, также не играя выдающейся роли въ политической жизни земли, остаются прочно связанными съ Черниговомъ впродолженіе ряда столѣтій. Но на самой сѣверской территоріи кромѣ Чернигова развился другой старинный политическій и культурный центръ—Переславъ, который оттянулъ къ себѣ южную часть этой территоріи, и она раздѣлилась на княжества Черниговское и Переяславское. Это раздвоеніе восходитъ къ очень старымъ временамъ, вѣроятно—предшествовало вліянію кіевской государственной организаціи и исходило изъ старинныхъ организацій городскихъ. Уже въ разсказахъ о событіяхъ и отношеніяхъ начала X в., въ договорахъ съ Византіею Переяславъ выступаетъ какъ равнозначный съ Черниговомъ центръ, а тотъ и другой—какъ наиболѣе важные послѣ Кіева центры въ русской государственной системѣ на югѣ, въ украинскихъ земляхъ, политическіе и культурные очаги. При всякихъ политическихъ комбинаціяхъ они получаютъ своихъ особыхъ князей, и если черниговскіе князья проявляютъ стремленіе присоединить къ черниговскимъ владѣніямъ Переяславское княжество, то переяславское населеніе, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго желанія примкнуть къ единоплеменной Черниговской землѣ, хотя колонизаціонныя условія земли заставляли его тяготѣть къ сѣверу, къ болѣе защищеннымъ естественными условіями мѣстностямъ Черниговщины: стремленіе къ политической самобытности въ немъ слишкомъ сильно.

Переяславскому княжеству историческая судьба вообще очень неблагопріятствовала. Оно лежало совершенно внѣ линіи лѣса, совершенно открытымъ со стороны Подонья, и со времени миграціи тюркскихъ ордъ, послѣ того какъ украинское населеніе степей отлило отсюда и открыло предстепную полосу нападеніямъ Тюрковъ, положеніе Переяславской земли стало тяжелѣе, чѣмъ какого либо другого княжества. Значеніе Переяслава и Переяславской земли, очевидно, сложилось въ совершенно иныхъ, болѣе благопріятныхъ колонизаціонныхъ условіяхъ, а съ X в. видимъ ихъ постепенный упадокъ. Временами Переяславское княжество подвергалось такимъ сильнымъ разореніямъ, что пустѣло почти совершенно (напр. въ концѣ XI в.). Поэтому борьба съ Тюрками составляла тутъ еще болѣе жизненный вопросъ, чѣмъ для Кіева, и переяславскіе князья особенно замѣтны на этой аренѣ.

Само по себѣ небольшое [1]) и ослабленное этимъ тюркскимъ натискомъ, Переяславское княжество не могло играть выдающейся роли. Ему приходилось держаться на сторожѣ съ одной стороны отъ притязаній черниговскихъ князей, съ другой стороны кіевскіе князья хотѣли держать его въ зависимости отъ себя, и въ первой половинѣ XII в. Переяславъ дѣйствительно попалъ было въ положеніе кіевскаго аннекса. Чтобы не дать втянуть себя въ сферу вліянія тѣхъ или другихъ, Переяславская община предпочитаетъ брать князей изъ далекой ростово-суздальской династіи, которая въ силу отдаленности своихъ владѣній не могла превратить ее въ свою провинцію. Превратиться въ замкнутый политическій организмъ Переяславской землѣ не удалось до самаго татарскаго погрома 1240 г., а послѣ этого погрома исчезаютъ здѣсь всякіе слѣды сколько нибудь интенсивной государственной жизни.

Черниговское княжество, наоборотъ, обособилось очень

---

[1]) Если исключить слабо населенныя окраины, пограничныя со степью, оно занимало сѣверо-западную половину нынѣшней Полтавской губерніи и южный край Черниговской.

скоро. Земля была достаточно сильна для этого [1]), а династія (въ видѣ линіи Ярослава и его сына Святослава) попалась талантливая и достаточно энергическая. Пользуясь несдержанностью Святослава, узурпировавшаго (въ 1073 г.) Кіевъ, другія линіи, правда, попробовали было лишить сыновей Святослава отцовскихъ земель, но Святославичи (особенно талантливый и энергическій Олегъ, предокъ послѣдующей черниговской династіи), опираясь на сочувствіе земли и беззастѣнчиво пользуясь тюркскими ордами какъ союзниками противъ князей обидчиковъ, такъ сильно боролись, причиняли такое безпокойство, такія опустошенія своими союзными ордами, что въ концѣ концовъ Черниговское княжество было имъ возвращено и осталось въ ихъ рукахъ до конца. Претендуя на Кіевъ и Переяславль и захватывая Кіевъ очень часто, вообще держась очень агрессивной внѣшней политики, черниговскіе «Ольговичи» не пускали никого изъ другихъ династій въ свои черниговскія земли и умѣли удержать ихъ въ цѣлости въ исключительномъ своемъ владѣніи.

Династія эта была очень многочисленна (со второй половины XII в. это были исключительно потомки Олега—другія линіи вымерли). Она отличалась довольно значительною солидарностью и выработала, хотя въ очень несовершенномъ видѣ, нѣкоторый порядокъ перехода столовъ (по принципу родовому, т. наз. «лѣствичное восхожденіе»—переходъ, въ порядкѣ старшинства, съ меньшихъ княжествъ на большія), такъ что конфликты и войны между князьями разныхъ линій династіи Олега были сравнительно рѣдки; и земля жила довольно спокойною жизнью. Но съ умноженіемъ династіи земля все болѣе и болѣе дробилась на мелкія княжества, обособлявшіяся все болѣе и дробившіяся въ свою очередь въ теченіе послѣдующихъ столѣтій на еще болѣе мелкія княжества, переходившія по величинѣ и характеру своему въ боль-

---

[1]) Она занимала нынѣшнюю Черниговскую губернію (кромѣ южной ея части), почти всю Орловскую и значительныя части Могилевской, Калужской, Тульской и Курской.

шія имѣнія. Они развились особенно въ сѣверо-восточной части Черниговскаго княжества, въ старой землѣ Вятичей, куда отливаетъ жизнь изъ южной Черниговщины послѣ монгольскаго нашествія 1240 г. Черниговъ теряетъ значеніе, выдвигается Брянскъ, въ землѣ Вятичей. Изъ другихъ городовъ болѣе важными были Новгородъ Сѣверскій, вторая столица послѣ Чернигова (она не обособилась, такъ какъ новгородскій столъ обыкновенно служилъ только ступенью къ черниговскому), Любечъ—старый торговый городъ на Днѣпрѣ, игравшій роль въ X в., но позже заглохшій, и Курскъ—центръ юговосточной части, превратившійся въ пограничный со степью городъ въ періодъ развитія тюркской миграціи.

Волынская земля (старая территорія Дулѣбовъ) [1]) также отличалась изстариннымъ развитіемъ сильныхъ городскихъ центровъ—такимъ въ центрѣ Волыни былъ г. Волынь (сообщившій имя землѣ), позже совершенно затертый и лишенный значенія основаннымъ въ его сосѣдствѣ Владиміромъ (основалъ его, какъ показываетъ имя, Владиміръ В.), въ южной Волыни Луцкъ, въ западной—Бужскъ, позже Червень и еще позже Белзъ, въ сѣверной—Берестье и Дорогичинъ. Развитіе нѣкоторыхъ изъ этихъ центровъ, какъ Волыня, Луцка, Червеня, выходитъ совершенно за границы нашихъ свѣдѣній (вообще относительно этой западной части Украины очень скудныхъ)—мы видимъ ихъ уже важными центрами въ X в., а развились—по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, очевидно—еще раньше. Такого стремленія къ обособленію, какъ, напр., у Переяславцевъ, у этихъ городскихъ центровъ мы не замѣчаемъ (наиболѣе слабо связана была съ остальною Волынью сѣверная, Берестейско-Дорогичинская область); но все-таки земля представляла собою все время систему яснообозначенныхъ областей, часто обособлявшихся въ отдѣльныя княжества.

---

[1]) Она занимала большую (западную) половину нынѣшней Волынской губ., части губерній: Люблинской, Сѣдлецкой и Гродненской (земли по зап. Бугу) и сѣверо-восточный уголъ нынѣшней Галиціи.

*

Волынь получилъ при раздѣлѣ наслѣдства Ярослава одинъ изъ его сыновей, но семьѣ его не удалось удержать въ своихъ рукахъ это владѣніе. Обстоятельства складывались такъ, что она отъ времени до времени все попадала въ руки кіевскихъ князей, и соединялась съ Кіевскою землею. Только въ серединѣ XII в. обособляется она прочно въ рукахъ потомства Изяслава Мстиславича, на которое мѣстное населеніе смотрѣло, какъ на свою династію, и чувствовало къ нему симпатіи. Въ рукахъ внуковъ и правнуковъ Изяслава Волынь раздѣляется, по своимъ составнымъ частямъ, на цѣлый рядъ княжествъ, но постепенно эти многочисленныя линіи угасаютъ и къ серединѣ XIII в. она собирается въ однѣхъ рукахъ— кн. Василька Романовича.

Земля жила сравнительно спокойною жизнью. Устойчивость отношеній, установляющихся уже съ другой четверти XII в., способствовала выработкѣ здѣсь крупныхъ городскихъ центровъ, богатаго мѣщанства и родовитаго и вліятельнаго боярства, въ среду котораго въ XIII в. приливаетъ много служилыхъ князей, малоземельныхъ и безземельныхъ: такъ полагается начало могущественному сословію князей и бояръ, которое потомъ даетъ Волыни характеръ наиболѣе аристократическій среди украинскихъ земель (въ вѣкахъ XIV—XVI и позже). Тюркскій натискъ не давалъ себя чувствовать здѣсь. Фронтъ волынской политики обращенъ больше на сѣверо-западъ, противъ Польши, съ которой шли извѣчные споры за пограничныя земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень живыя сношенія.

Земля *Галицкая* (нынѣшняя восточная Галиція) обособилась очень рано и рѣзко уже въ послѣдней четверти XI в. Добились этой волости изъ рукъ старшихъ родственниковъ князья-изгои Ростиславичи, и ихъ потомство (собственно одного изъ нихъ—Володаря) правило этою землею впродолженіе столѣтія. Это была очень энергическая и талантливая династія; она успѣла отстоять свое владѣніе отъ аппетитовъ окружавшихъ его сосѣдей, развить очень значительныя силы и пріобрѣсть очень вліятельное положеніе. По отношенію къ

прочимъ украинскимъ землямъ и князьямъ политика галицкихъ князей характеризовалась тѣмъ, что они зорко слѣдили за волынскими князьями, подозрѣвая въ нихъ планы на Галицію, конечно—не безъ основанія, и старались поэтому не дать имъ усилиться. Въ остальномъ всѣ интересы обращали ихъ вниманіе на западъ; съ юга Венгрія, овладѣвъ украинскими землями на югъ отъ Карпатъ, стремилась перейти за Карпатскій хребетъ и уже съ конца XI в. показывала намѣренія овладѣть Галиціею [1]); на сѣверо-западѣ галицкіе князья встрѣчались съ стремленіями Польши раздвинуть свою границу въ смежныхъ земляхъ Галиціи. Это былъ старый споръ за пограничныя земли, которому много вниманія отдавалъ Владиміръ В. и Ярославъ и который теперь достался въ удѣлъ князьямъ галицкимъ и волынскимъ (только они не умѣли выступать на этой границѣ солидарно, до самаго объединенія Галиціи съ Волынью). Все это вводило галицкихъ князей въ кругъ европейской политики; противъ Венгріи они искали опоры въ союзѣ съ Византіею, и т. п.

Династія Ростиславичей была немногочисленна. Послѣ того, какъ талантливый и беззастѣнчивый сынъ Володаря Володимірко правдами и неправдами объединилъ галицкія волости въ однѣхъ рукахъ, онѣ оставались долго нераздѣльными. Внутреннія войны были здѣсь почти неизвѣстны, и земля, подъ покровомъ дипломатіи своихъ князей, жила такою спокойною жизнью, какъ никакая другая изъ украинскихъ земель. Это дало возможность усилиться экономическому благосостоянію земли и особенно повліяло на сформированіе богатаго, могущественнаго и тѣсно-сплоченнаго боярства; во второй половинѣ XII в. оно чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что открыто стремится къ тому, чтобы держать князя подъ сво-

[1]) Въ концѣ XII в. и въ началѣ XIII во время галицкихъ смутъ, венгерскимъ королямъ удавалось нѣсколько разъ, хотя на короткое время, посадить на галицкомъ столѣ своихъ принцевъ. На этомъ основаніи они принимаютъ съ XIII в. титулъ „королей Галиціи“ и эти историческія права потомъ послужили имп. Маріи Терезіи основаніемъ къ претензіямъ на Галицію при раздѣлѣ Польши.

имъ вліяніемъ и не останавливается передъ дворцовыми революціями и иными рѣзкими дѣйствіями для достиженія своихъ плановъ [1]).

Главными центрами Галицкой земли являются сначала Перемышль, Звенигородъ и Теребовль. Владимірко дѣлаетъ своею столицею Галичъ, который сообщаетъ свое имя землѣ. Въ XIII в. въ сосѣдствѣ Звенигорода (который потомъ глохнетъ совершенно) появляется Львовъ, въ XIV в. пріобрѣтающій значеніе новой столицы.

Прекращеніе династіи Володаря въ Галицкой землѣ (въ 1198 или 1199) привело къ соединенію ея съ Владимірскимъ княжествомъ на Волыни, въ рукахъ владимірскаго князя Романа. Онъ еще прежде, во время борьбы галицкихъ бояръ съ послѣднимъ Володаревичемъ Владиміромъ, былъ уже призываемъ на галицкій столъ, но не удержался на немъ, а теперь, по смерти Владиміра поддержалъ свою кандидатуру военною силою и сѣлъ на галицкомъ столѣ вполнѣ прочно. Это послужило началомъ объединенія Галицкой и Волынской земли въ одно государство и создало новую политическую силу на Украинѣ, которая въ рукахъ такого весьма талантливаго и энергическаго князя, какимъ былъ Романъ, казалось, была призвана занять мѣсто Кіева, стать политическимъ центромъ украинскихъ земель. Несмотря на очень короткую политическую карьеру, Романъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Украинѣ (и внѣ ея); чрезвычайно быстро появляются о немъ легенды, пѣсни (остатки ихъ сохранились донынѣ въ украинской и бѣлорусской народной словесности). На него, очевидно, смотрѣли, какъ на человѣка, призваннаго обновить расшатанный политическій строй Украины. Упорная, острая борьба его съ всесильнымъ галицкимъ боярствомъ доставила ему попу-

---

[1]) Такъ, когда призванные галицкими боярами князья Игоревичи (изъ черниговской династіи), раздраженные самовластіемъ бояръ, задумали ихъ вырѣзать, и дѣйствительно много бояръ было убито, оставшіеся въ живыхъ бояре обратились за помощью въ Венгрію, и когда нѣкоторые изъ князей попали въ руки венгерскаго войска, бояре выпросили ихъ и повѣсили—мстя за смерть своихъ товарищей.

лярность въ народныхъ массахъ. Когда онъ, въ войнѣ со своимъ тестемъ, кіевскимъ княземъ Рюрикомъ, приступилъ къ Кіеву, Кіевляне отворили ему ворота, очевидно, надѣясь, что въ сильныхъ рукахъ Романа Кіевъ достигнетъ снова былой славы и могущества. Но надежды эти не оправдались: Романъ не захотѣлъ взять себѣ Кіевъ, а предпочелъ держать здѣсь, въ зависимости отъ себя, разныхъ второстепенныхъ князей: считалъ ли онъ кіевскія отношенія безнадежно запутанными, или данный моментъ не представлялся ему удобнымъ для того, чтобы взяться самому за эти отношенія, но, во всякомъ случаѣ, онъ предпочелъ обратить все свое вниманіе на Галицію, богатую, неистощенную, и тутъ укрѣпить свое положеніе. Но безъ Кіева его галицко-волынское государство оставалось мѣстнымъ—оно было слишкомъ западною окраиною Украины, чтобы изъ Галича или хотя бы Владиміра держать въ рукахъ восточно-украинскія отношенія.

Случайная смерть впрочемъ скоро прервала дѣятельность Романа—прежде чѣмъ онъ успѣлъ вполнѣ обнаружить свои планы и укрѣпить свое положеніе, онъ былъ убитъ во время похода въ Польшу въ 1205 г. Послѣ него остались совсѣмъ маленькіе сыновья—старшему, Данилу, было три года, младшему, Васильку, годъ. Придавленное Романомъ галицкое боярство поднимаетъ голову; опасаясь, что сыновья его унаслѣдуютъ стремленія отца къ сильной власти, они выдвигаютъ претендентовъ изъ разныхъ княжьихъ династій, играя ими какъ пѣшками и не позволяя утвердиться; была и венгерская партія, предпочитавшая править землею подъ номинальною властью венгерскаго короля; наиболѣе смѣлые изъ бояръ пробовали занять княжескій столъ въ Галичѣ сами. Венгрія и Польша принимали дѣятельное участіе въ этихъ смутахъ, стараясь захватить что нибудь изъ наслѣдства Романа; въ 1214 году былъ заключенъ между ними компромиссъ относительно раздѣла между ними этого наслѣдства, но онъ не получилъ реальнаго значенія. Эти смуты, захватившія и Волынь и доходившія иногда до очень острыхъ формъ, потянулись на цѣлыхъ тридцать лѣтъ: только въ 1230-хъ гг. Данило съ братомъ проч-

но овладѣваютъ Волынью и начинаютъ замѣтно брать верхъ надъ враждебными партіями въ Галиціи, проявляя рѣдкую энергію и настойчивость въ этомъ собираніи своей «отчины». Татарскій ураганъ 1240 г. только на минуту прервалъ эту работу ихъ. Рѣшительная побѣда подъ г. Ярославомъ въ 1245 г. надъ послѣднимъ претендентомъ—зятемъ венгерскаго короля, запечатала господство Данила въ Галиціи. Онъ отдалъ Волынь Васильку, но при рѣдкой солидарности братьевъ этотъ раздѣлъ владѣній былъ совсѣмъ не чувствителенъ.

Утвердившись въ Галичинѣ, Данило могъ приступить къ осуществленію болѣе широкихъ плановъ. Онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду расширить свое вліяніе на восточную Украину, взять въ свои руки Кіевъ. Но на дорогѣ этихъ плановъ стояли Татары и покровительствуемое ими движеніе «людей Татарскихъ» (описанное выше): оно охватило широкою полосою границы Волыни, вѣроятно—широко распространилось и въ ближайшихъ мѣстностяхъ къ Кіеву. Данило, очевидно, понималъ и принципіальную опасность этого движенія для его власти, для всего государственнаго строя, и спеціальное неудобство для Галицко-волынскаго государства—имѣть татарскихъ вассаловъ непосредственно у своей границы. Татары стремились перенести это движеніе въ галицко-волынскія земли, подчинить ихъ непосредственно себѣ. Вообще отношенія Татарской орды къ Галицко-волынскому государству были неопредѣленны. Восточно-украинскія княжества и общины были приведены въ непосредственную зависимость отъ орды: платили татарамъ дань, и князья ихъ обращались въ Орду за утвержденіемъ. Данило, когда Орда показала охоту поддержать одного изъ претендентовъ на Галицкій столъ, также явился съ поклономъ въ Орду и призналъ надъ собою власть хана. Но роль татарскаго вассала внушала ему отвращеніе. Непосредственно послѣ своей поѣздки въ Орду онъ увлекается планомъ христіанской лиги для борьбы противъ Татаръ, мысль о которой ему дали папскіе послы, высланные къ Татарамъ. Онъ входитъ въ сношенія съ папою, сближается съ венгерскимъ королемъ и польскими князьями. Реаль-

ной помощи все это ему не дало; папа прислалъ ему корону, но его планы крестоваго похода не имѣли успѣха, и Данило прерываетъ свои сношенія и переговоры о церковной уніи. Не дождавшись помощи отъ католической Европы, онъ собственными силами рѣшается вступить въ борьбу съ Татарами: пробы ихъ—вызвать или поддержать движеніе противъ князей въ сосѣднихъ волынскихъ и галицкихъ земляхъ были слишкомъ опасны. Данило начинаетъ рядъ походовъ на территорію «людей Татарскихъ» (1254—5), стремясь терроромъ и опустошеніями подавить это опасное движеніе. Мягкій отъ природы, онъ не останавливался передъ разрушеніемъ цѣлыхъ городовъ и массовыми избіеніями, чтобы сломить упорство этихъ противниковъ княжеско-дружиннаго уклада. Въ дальнѣйшемъ планѣ, послѣ опустошенія и приведенія къ покорности (конечно—вынужденной и очень непрочной) пограничныхъ областей Случи, Тетерева и южнаго Буга, онъ имѣлъ въ виду походъ на Кіевъ, но какія-то другія заботы отвлекли его, а между тѣмъ Орда, обезпокоенная этими походами Данила и его сношеніями съ папою, двинула къ границамъ его новыя, болѣе значительныя силы подъ предводительствомъ Бурандая. Послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, поддерживая внѣшность добрыхъ отношеній, Бурандай какъ бы по дорогѣ вступилъ со своими войсками на волынскую территорію и потребовалъ отъ Данила и Василька разрушенія всѣхъ городскихъ укрѣпленій. Захваченные въ расплохъ, они не рѣшились принять этого вызова, и цѣлый рядъ укрѣпленій было сожжено и разрушено руками самихъ княжьихъ людей (1259).

Этотъ фактъ произвелъ страшное, подавляющее впечатлѣніе. Данило убѣдился въ невозможности борьбы съ Татарами. Рушились планы подавленія Татарскихъ людей, расширенія Галицко-волынскаго государства на востокъ—оно было обречено на мѣстное значеніе, для западной Украины только; линія татарскихъ вассальныхъ общинъ замыкала для него восточную.

Мысль объ этомъ татарскомъ ярмѣ отравила жизнь Да-

нилу. Его широкіе планы въ отношеніяхъ польскихъ и литовскихъ также не принесли особенныхъ успѣховъ, если не считать нѣкотораго расширенія границъ на сѣверѣ (пріобрѣтеніе Люблина отъ поляковъ, покореніе Ятвяговъ). Одинъ изъ его сыновей, уже по его смерти, получилъ великокняжескій столъ въ новосформировавшемся Литовскомъ государствѣ, но это былъ мимолетный успѣхъ, и Данило уже не видѣлъ его; онъ умеръ вскорѣ послѣ погрома Бурандая († 1264).

Его наслѣдники не вышли изъ границъ мѣстной, галицко-волынской политики, обращенной главнымъ образомъ на западъ. При томъ съ увеличеніемъ династіи, галицко-волынскія земли на нѣкоторое время раздѣлились на нѣсколько владѣній, и былая солидарность галицкихъ и волынскихъ князей ослабѣла; въ началѣ XIV в. онѣ однако собрались снова въ однѣхъ рукахъ—во владѣніи Юрія Львовича. Участіе галицко-волынскихъ князей въ литовскихъ дѣлахъ не принесло никакихъ существенныхъ результатовъ для ихъ государства. Пользуясь ослабленіемъ Польши и ея внутренними смутами, галицкіе князья старались расширить на счетъ ея свои владѣнія; кн. Левъ даже старался добыть краковскій столъ, но безуспѣшно. Свѣдѣнія наши вообще становятся очень бѣдными съ прекращеніемъ послѣдней изъ украинскихъ лѣтописей княжескаго цикла—Волынской [1]).

Въ началѣ 1320-хъ годовъ оба послѣдніе представители галицко-волынской династіи умерли, не оставивъ сыновей.

---

[1]) Династическія отношенія представляются такъ:

Романъ † 1205.

Данило † 1264 — Василько † 1299

Левъ кн. галицкій — Мстиславъ кн. волынскій (наслѣдникъ Владиміра) — Владиміръ † 1288 князь волынскій

Юрій

Андрей галицкій — Левъ волынскій.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. II, гл. 4–6, III, гл. 1–2 (во 2-мъ украинскомъ и нѣмецкомъ изданіяхъ это будутъ т. II гл. 4—7, III гл. 1).

Изъ разныхъ претендентовъ, галицко-волынское боярство, которое въ это время имѣло большую силу, предпочло одного изъ польскихъ князей, родственника угасшей династіи по матери, галицкой княжнѣ,—Болеслава-Тройденовича, принявшаго при этомъ православіе и имя Юрія. Его симпатіи къ католицизму и чужеземцамъ-католикамъ, которыми онъ окружалъ себя, однако скоро подорвали его популярность и дали возможность боярамъ, недовольнымъ вліяніемъ этихъ чужеземцевъ, возбудить противъ Юрія-Болеслава населеніе; противъ него организовался заговоръ и 25/III 1340 онъ погибъ отъ отравы, а пользовавшіеся его покровительствомъ католики подверглись избіенію.

Бояре прочили на его мѣсто его родственника (женатаго на галицко-волынской княжнѣ) князя Любарта Гедиминовича, изъ литовской династіи, и онъ непосредственно затѣмъ былъ признанъ княземъ въ земляхъ Галицко-волынскаго государства. Но одновременно, при первой вѣсти о смерти Юрія-Болеслава выступили съ планами на Галицко-волынскія земли другіе сосѣди—Венгрія, со своими «историческими» правами и Польша, которая послѣ отреченія отъ своихъ западныхъ земель въ пользу Пруссіи и Чехіи, стремилась достигнуть реванша на востокѣ, въ украинскихъ земляхъ. Начинается упорная борьба за галицко-волынское наслѣдство, открывающая походъ Польши въ украинскія земли, который завершился ихъ полнымъ присоединеніемъ—въ XVI—XVII вв.

VII.

Несмотря на неустойчивость связи, соединявшей земли стараго Русскаго, или Кіевскаго государства, механическій характеръ этой связи, частые перерывы и затѣмъ раннее обособленіе земель, эта связь оставила глубокіе слѣды въ бытѣ и культурѣ земель, входившихъ въ составъ этого госу-

дарства. Такіе слѣды культурнаго вліянія, какъ распространеніе государственной—христіанской религіи, русско-византійской книжности и искусства, которыми эти земли обязаны были этой государственной связи, слишкомъ осязательны и очевидны. Менѣе обращало вниманія глубокое проникновеніе въ жизнь этихъ земель юридическихъ институтовъ и нормъ, формъ общественной и политической организаціи, выработанныхъ Кіевскимъ государствомъ. Оно доказывается схожестью, часто разительною, юридическаго быта и параллелизмомъ въ дальнѣйшемъ развитіи земель сѣверо-восточныхъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства, съ землями украинскими и бѣлорусскими, вошедшими въ составъ вел. княжества Литовскаго и Польши. Схожести эти объясняются общимъ наслѣдствомъ, полученнымъ всѣми этими землями отъ Кіевскаго государства; кругъ этихъ общихъ формъ и нормъ гораздо шире того, что мы имѣемъ въ сохранившихся сборникахъ кіевскаго права (такъ называемая Русская Правда, въ ея разныхъ редакціяхъ), и сравнительное изученіе политическихъ и общественныхъ отношеній, права и быта этихъ земель открываетъ передъ нами все новыя и новыя общія явленія, восходящія къ этому общему наслѣдству Кіевскаго государства [1].

---

[1]) Это обстоятельство, что въ основаніи государственнаго и частнаго быта Московскаго государства лежатъ формы, выработанныя Кіевскимъ государствомъ, вмѣстѣ съ династическою связью, создавало въ правительственныхъ и литературныхъ кругахъ Московскаго государства сознаніе тѣсной связи съ государствомъ Кіевскимъ, превратившееся въ убѣжденіе, что Московское государство является его естественнымъ и непрерывнымъ продолженіемъ и единственнымъ наслѣдникомъ его (послѣ паденія государственной жизни въ украинскихъ земляхъ). Въ этомъ смыслѣ создаются легенды (напр. о византійскихъ императорскихъ регаліяхъ, принесенныхъ Владиміру Мономаху и пришедшихъ отъ него къ московскимъ великимъ князьямъ), разрабатывается исторіографическая схема въ московскихъ хроникахъ и лѣтописныхъ компиляціяхъ; „этими историческими правами" доказываютъ московскіе великіе князья свои права на украинскія и бѣлорусскія земли велик. княжества Литовскаго, и т. д. Это же представленіе о Москов-

Мы теперь бросимъ взглядъ на формы государственныхъ и общественныхъ отношенiй, выработанныя столѣтiями государственной жизни украинскихъ племенъ.

Систему земель Кiевскаго государства связывала династическая идея: представленiе, что земли, входившiя въ составъ этого государства, составляютъ исключительно владѣнiе рода св. Владимiра, его монополiю. Владимiръ св., устранивъ всѣхъ значительныхъ владѣтелей изъ другихъ родовъ и раздавъ всѣ важнѣйшiе центры своимъ многочисленнымъ сыновьямъ создалъ основу для такого воззрѣнiя. Его потомки, за весьма небольшими исключенiями, не ищутъ себѣ владѣнiй внѣ его наслѣдiя, но съ другой стороны каждый его потомокъ претендуетъ на владѣнiе какою нибудь частью въ этомъ наслѣдiи; «тако ли мнѣ нѣту части въ Русской землѣ?», является формулою этихъ притязанiй, и дѣйствительно, до времени

скомъ государствѣ, какъ непосредственномъ, органическомъ продолженiи Кiевскаго, легло въ основу и нынѣшней исторiографiи: обычная схема „русской исторiи“ начинается обозрѣнiемъ колонизацiи восточной Европы, захватываетъ исторiю Кiевскаго государства, до половины XII в., съ половины XII в. переходитъ (обыкновенно съ кiевскаго погрома 1169 г.) къ новосформировавшемуся великорусскому княжеству Ростово-суздальскому, какъ смѣнившему Кiевъ новому политическому центру, и затѣмъ слѣдитъ за исторiею великорусскаго народа, пристегивая къ этой исторiи отъ времени до времени тотъ или другой эпизодъ изъ исторiи Украины и Бѣлоруси. Эта схема пустила такiе глубокiе корни, что даже весьма серьезные и чуждые политиканства люди не могутъ отрѣшиться отъ представленiя, что исторiя украинскаго народа начинается съ XV–XVI в., а вся предшествовавшая жизнь южной группы племенъ принадлежитъ исторiи „общерусской“, т. е. великорусской (эти понятiя постоянно спутываются въ силу доминирующей роли великорусскаго племени въ новѣйшей исторiи). Только съ трудомъ и очень медленно проникаетъ въ ученую литературу сознанiе того яснаго и совершенно очевиднаго факта, что Кiевское государство, его права, бытъ и культура были созданiемъ украинской народности, а его право и культура у великорусской народности является *рецепцiею*, почти также какъ право и культура византiйская или напр. польская въ жизни украинскаго народа XVII–XVIII вв.

полнаго разложенія Кіевскаго государственнаго строя мы почти не находимъ князей безземельныхъ. На почвѣ этого представленія о коллективныхъ правахъ княжьяго рода на земли Кіевскаго государства возникаетъ сознаніе коллективнаго интереса и обязанности—заботиться о цѣлости этого обще-родового достоянія, не давать чужеземцу или чужеродцу захватить какую нибудь часть въ «отчинѣ» князей [1]). Жесточайшею и опаснѣйшею ересью, съ точки зрѣнія этого принципа, понятно, должно было представляться также стремленіе населенія обойтись вовсе безъ князя (такое стремленіе мы видѣли въ народномъ движеніи XIII в.), какъ съ другой стороны дикою и предосудительною является въ глазахъ тогдашняго общества попытка галицкаго боярина—сѣсть самому на княжьемъ столѣ. Земля не можетъ быть безъ князя, и княземъ можетъ быть только членъ кіевской династіи св. Владиміра—такое представленіе принято было не только въ княжеско-дружинныхъ кругахъ, но и усвоено самимъ тогдашнимъ обществомъ, и отступленія отъ этого принципа являются симптомомъ разложенія стараго строя.

Всѣ князья, какъ члены одного рода и совладѣльцы, въ принципѣ равноправны. Въ дѣйствительности, конечно, слабѣйшіе князья находились въ очень ощутительной зависимости отъ сильнѣйшихъ, разница между ними чувствовалась очень сильно, но покрывалась терминологіей родственныхъ отношеній, которая смягчала отношенія иллюзіей этой родственности: болѣе слабые князья «имѣютъ въ отца мѣсто» сильнѣйшаго, повинуются ему не какъ суверену, а какъ старшему родственнику. Поэтому между наиболѣе мелкимъ княземъ и наибольшимъ бояриномъ въ теоріи лежитъ непроходимая бездна: князь не можетъ быть «подручнымъ», слугою другого

---

[1]) Эта свѣжесть (впрочемъ, кажущаяся, до извѣстной степени) родовыхъ отношеній среди княжеской династіи, при полномъ упадкѣ родового быта въ народѣ, объясняется или переживаніемъ (они у аристократіи, во владѣтельныхъ династіяхъ бываютъ гораздо живѣе), или реставраціей отжившихъ уже родовыхъ понятій за отсутствіемъ иного принципа отношеній.

князя, какъ простой человѣкъ, они всѣ «братья» между собою (эта терминологія у нихъ въ большомъ ходу), и какъ таковые—они равноправны, хотя и не равносильны.

Эту видимость патріархальныхъ отношеній старательно поддерживали сами князья, чтобы сглаживать шероховатости своихъ отношеній, усердно подогрѣвали публицисты и моралисты, идеею братства и родовой общности стараясь удержать князей отъ внутреннихъ войнъ и развить въ нихъ идею общегосударственнаго интереса,—но она все таки уже въ XI—XII в. была фикціею, и въ дѣйствительности только прикрывала реальныя отношенія, зависѣвшія отъ большаго или меньшаго могущества, отъ владѣній того или другого князя, а не его положенія въ родословной династіи Владиміра св.

Родовые счеты, конечно, пользовались въ княжескихъ кругахъ извѣстнымъ вниманіемъ; родовое старшинство давало извѣстныя права на лучшія волости, на старшій столъ, но если его носитель не сумѣлъ реализировать этихъ правъ, то старшинство его оставалось пустымъ звукомъ, и въ положеніи старѣйшины оказывался кто нибудь ниже стоящій въ генеалогіи, но болѣе сильный и ловкій. До упадка Кіева позицію старѣйшины давало обладаніе кіевскимъ столомъ: кіевскій князь становился «въ отца мѣсто», независимо отъ того, былъ ли онъ старшимъ въ родѣ или нѣтъ: родовой терминъ и тутъ покрывалъ преобладаніе чисто политическое.

Такой «старѣйшина», являясь въ отношеніи прочихъ князей патріархомъ, главою рода, долженъ былъ, по представленію современниковъ, быть блюстителемъ справедливости, надѣлять волостями младшихъ представителей рода, требовать отъ нихъ оправданія въ проступкахъ, судить за нихъ (судомъ князей) и наказывать, заботиться о добрѣ рода и его общемъ достояніи—«Русской землѣ»; ему предоставлялась иниціатива въ общихъ предпріятіяхъ, касавшихся ея интересовъ. «Младшіе» должны были показывать ему почтеніе и послушаніе «какъ отцу». Эти моральныя права въ рукахъ могущественнаго и авторитетнаго князя превращались фактически въ

настоящую власть надъ прочими князьями, и только прикрывали ее; у князей слабыхъ, невліятельныхъ, они оставались также только пустымъ звукомъ.

Во внутреннемъ своемъ управленіи, князь малый, или великій, не зналъ однако никакого вмѣшательства старѣйшины, вообще другого князя, онъ являлся вполнѣ хозяиномъ въ своей волости—насколько умѣлъ поставить себя по отношенію къ «землѣ» и къ ея органу—вѣчу.

Княжеско-дружинный укладъ въ періодъ своего развитія вообще сильно придавилъ политическую, самоуправляющуюся силу земли, общины. Если въ предшествующей стадіи княжеская власть, гдѣ она существовала, стоитъ на второмъ планѣ сравнительно съ совѣтомъ, вѣчемъ общины, то изъ періода созданія Русскаго государства это вѣче выходитъ въ состояніи атрофіи, безсилія. Князь со своею дружиною забралъ въ свои руки политику, судъ и администрацію [1]) и населеніе такъ привыкло къ этому, что чувствовало себя безпомощнымъ, когда князя въ трудную минуту не было на-лицо, и некому было распорядиться: «тяжко бяше Кияномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Кіевѣ», замѣчаетъ мѣстный лѣтописецъ по одному такому случаю (1156 г.). Способности къ управленію землею вѣче города въ украинскихъ земляхъ такъ и не развило [2]); оно не показываетъ и охоты ограничивать политическія и административныя компетенціи князя въ свою пользу, но, пользуясь тѣмъ, что паденіе княжескаго могущества въ періодъ разложенія политической системы заставляло князя искать опоры въ самомъ населеніи его волости и прислушиваться къ его голосу, оно поднимало свой голосъ въ обстоятельствахъ необычайныхъ, грозившихъ спокойствію и благосостоянію земли, или при какихъ либо рѣз-

---

[1]) Здѣсь я не говорю объ общинахъ, не имѣвшихъ княжескихъ агентовъ и вполнѣ предоставленныхъ себѣ самимъ въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ.

[2]) Поэтому, освобождаясь отъ княжеско-дружиннаго уклада въ XIII в., земли распадались на отдѣльныя общины, безъ болѣе широкой организаціи.

кихъ либо рѣзкихъ аномаліяхъ княжеско-дружиннаго управленія, и властно, какъ настоящій суверенъ, высказывало свои желанія и требованія князю.

Изъ украинскихъ земель мы имѣемъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности вѣча для Кіева XII в.; несомнѣнно, что въ силу исключительныхъ, тревожныхъ условій, въ какихъ находилась Кіевская земля, вѣчевая дѣятельность здѣсь отличалась и наибольшею энергіею. Изъ этихъ свѣдѣній видимъ, что и здѣсь вѣче не пріобрѣло никакихъ опредѣленныхъ формъ, ни постоянныхъ и опредѣленныхъ функцій, а осталось явленіемъ экстраординарнымъ. Вѣче иногда проявляло свою дѣятельность, когда дѣло шло о замѣщеніи кіевскаго стола новою особою: оно заявляло свое сочувствіе кандидату на столъ, или призывало князя болѣе симпатичнаго, вмѣшивалось въ борьбу претендентовъ или прогоняло немилаго князя (такое напряженіе энергіи, впрочемъ, было очень рѣдкимъ). Но еще чаще перемѣны на кіевскомъ столѣ происходили безъ всякаго участія вѣча, когда оно не интересовалось особенно никакою княжескою особою, или не чувствовало себя въ силахъ оказать вліяніе на событія, и хотя князья признавали за вѣчемъ право высказываться въ вопросахъ о князѣ, выбирать себѣ князя, но чаще всего рѣшали эти дѣла между собою, вовсе не справляясь съ желаніемъ вѣча.

Населеніе собиралось на вѣче по приглашенію князя, чтобы высказать ему свой взглядъ на политическія дѣла: князь при этомъ обыкновенно желалъ знать, можетъ ли онъ расчитывать на моральную и матеріальную поддержку населенія. Особенно это бывало тогда, когда князь, начиная войну, хотѣлъ знать, можетъ ли расчитывать на всеобщее ополченіе населенія, и вѣче заявляло ему въ такомъ случаѣ свою готовность или отказъ.

Также собиралось оно и по собственной иниціативѣ, чтобы обратить вниманіе правительства на какія либо злоупотребленія (напр. въ 1146 г. Кіяне на вѣчѣ ставятъ Игорю Ольговичу свои требованія относительно улучшенія суда, и подъ условіемъ исполненія ихъ соглашаются признавать его кня-

земъ), или потребовать отъ него чтобы, онъ измѣнилъ политику, прекратилъ опасную войну, покорился и т. п. Вообще вѣче считаетъ себя вправѣ вмѣшаться во всѣ сферы политической жизни, организаціи или управленія земли, и это право признается за нимъ и князьями, но, сдѣлавъ въ ней поправку, какая казалась ему необходимою, оно возвращало текущее управленіе его обычнымъ хозяевамъ; оно было коррективомъ княжеско-дружиннаго управленія, но не правило само [1]).

Оно не выработало для себя никакихъ опредѣленныхъ формъ. Не существовало ни опредѣленныхъ сроковъ, ни мѣста собраній, ни опредѣленной иниціативы созванія вѣча, ни формъ репрезентаціи. Вѣче могло быть собрано равно княземъ и частнымъ человѣкомъ; въ немъ могли принимать участіе всѣ жители города и его пригородовъ; рѣшающій голосъ имѣли всѣ полноправные граждане, отцы семействъ; рѣшеніе считалось правильнымъ, когда за нимъ заявлялось такое подавляющее большинство, что оно могло игнорировать оппозицію; рѣшеніе города было обязательно для пригородовъ, для всей земли, независимо отъ того, были на вѣчѣ ихъ представители, или нѣтъ.

Внѣ вмѣшательства вѣча все управленіе находилось въ рукахъ князя съ его дружиною. Онъ могъ свободно распоряжаться своею волостью—дарить, промѣнивать, выдѣлять изъ нея части для другихъ князей; онъ могъ своею властью начинать войну и заключать миръ, объявить походъ — вся военная организація была въ его вѣдѣніи; онъ издавалъ законы и распоряженія, въ его рукахъ была администрація и судъ — онъ производилъ ихъ самъ непосредственно, или черезъ своихъ чиновниковъ и агентовъ, которыхъ самъ назначалъ; онъ распоряжался доходами земли, налагалъ новыя подати и дани новыя или перемѣнялъ прежнія, наконецъ—принималъ весьма дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Личность

---

[1]) Гораздо большаго значенія достигло вѣче въ сѣверо-западныхъ общинахъ—Новгородѣ, Псковѣ, отчасти Полоцкѣ, гдѣ оттѣснило князя совершенно на второй планъ.

князя пользовалась большимъ уваженіемъ, она считалась почти неприкосновенною, даже въ тяжелыхъ смутахъ и передрягахъ: такіе факты, какъ убійство князя населеніемъ въ Кіевѣ въ 1146 г. или повѣшеніе князей галицкими боярами, озлобленными массовымъ избіеніемъ бояръ—были явленіями исключительными. Но византійское ученіе о богоуставленности власти еще не успѣло распространиться въ обществѣ.

Непремѣннымъ участникомъ княжьяго управленія былъ совѣтъ бояръ, или, какъ называютъ его позднѣйшимъ, московскимъ терминомъ—«дума». Бояре считали своимъ существеннымъ правомъ быть участниками не только княжьяго управленія, но и плановъ и замысловъ его, и если князь не исполнялъ своей обязанности «думать съ дружиною», то это вызывало неудовольствіе, уходъ бояръ со службы, или даже возстанія, какъ бывало въ Галиціи, гдѣ бояре слишкомъ глубоко пустили корни въ землѣ, чтобы переходить въ другую волость. Но при всемъ томъ боярскій совѣтъ, какъ и вѣче, не выработалъ для себя ни опредѣленныхъ формъ, ни спеціальныхъ компетенцій: князь совѣтовался съ тѣми боярами, которые были подъ рукою, или которыхъ онъ желалъ видѣть на совѣщаніи; составъ совѣта въ виду этого могъ постоянно мѣняться, могъ быть болѣе или менѣе многочисленнымъ. Но опять-таки, подъ опасеніемъ раздражить бояръ, князь не могъ умышленно обходить и исключать изъ своего совѣщанія тѣхъ или другихъ лицъ: его собственный интересъ требовалъ, чтобы его дружина была въ курсѣ его дѣлъ, и онъ могъ всегда расчитывать всегда на ея солидарность съ нимъ.

Кромѣ князя и его дружины органомъ центральнаго управленія былъ также княжій дворъ, въ своей организаціи совмѣщавшій, какъ обыкновенно бывало въ такихъ примитивныхъ государствахъ, функціи государственнаго управленія и княжьяго хозяйства. Должности съ яснѣе выраженнымъ государственнымъ характеромъ—какъ *дворецкій* (начальникъ двора, онъ же, очевидно, judex curiae, надворный судья), и *печатникъ* (*канцлеръ*) являются довольно поздно, вѣроятно подъ вліяніемъ запада (дворецкій—palatinus, comes palatii). Многочис-

ленные «тіуны», часто набиравшіеся изъ рабовъ, завѣдывали хозяйствомъ, но они, какъ и прочіе слуги князя исполняли разныя порученія государственнаго характера, являлись въ роли княжьихъ агентовъ въ мѣстномъ управленіи, и т. д.

Элементы центральнаго и мѣстнаго управленія соединяются въ должности *тысяцкаго*, вѣнчавшей старую десятичную организацію, сохранившуюся въ XI—XII в. какъ архаизмъ въ ослабленныхъ или сильно видоизмѣненныхъ формахъ. Тысяцкихъ, *соцкихъ* и *десятскихъ* назначаетъ уже князь; они имѣли военно-административныя, отчасти финансовыя компетенціи; впрочемъ изъ нихъ имѣемъ свѣдѣнія только о тысяцкихъ, являющихся старѣйшими чинами земли, замѣстителями и представителями князя, и фигурирующихъ очень часто, въ войнѣ и мирѣ.

Въ меньшихъ административныхъ центрахъ встрѣчаемъ *посадниковъ*, какъ военно-административную власть. Въ качествѣ судебныхъ агентовъ встрѣчаемъ только тіуновъ; техническаго термина для судей не имѣемъ—можетъ быть, эта функція тогда еще не спеціализировалась вполнѣ опредѣленно.

Внѣ этой административной схемы оставалась широкая область самоуправленія сельскихъ и городскихъ общинъ, куда княжьи чиновники вмѣшивались очень рѣдко, и этимъ объясняется, какъ государство могло обходиться съ такою несложною административною машиною. Управленіе, собираніе податей, полиція, въ извѣстныхъ размѣрахъ судъ чинили сами общины, или болѣе сложныя ихъ организаціи (какъ позднѣйшія «копы»). Есть основаніе думать, что общины иногда выкупали извѣстною суммою у князя судебныя пошлины своей территоріи, и тогда совершенно освобождались отъ вмѣшательства княжьихъ агентовъ не только въ управленіе, но и въ судъ свой. Къ сожалѣнію, объ этомъ самоуправленіи общинъ источники говорятъ очень мало.

Организацію суда, даже княжескаго, знаемъ очень мало — больше извѣстенъ намъ процессъ, судопроизводство княжьихъ судовъ. Видимъ, что роль судьи отличалась большою

пассивностью. Слѣдствіе производитъ сама сторона, она же исполняетъ приговоръ. Процессъ имѣетъ строго формальный, регламентированный характеръ, и субъективной оцѣнкѣ судьи остается очень мало мѣста,—явленіе вполнѣ понятное, если вспомнить, что судъ производили часто частные слуги князя (тіуны), иногда несвободные, и судъ былъ единоличный. Въ качествѣ судебныхъ доказательствъ широко употреблялись показанія свидѣтелей и присяга; письменныя доказательства въ юридическихъ сборникахъ XI—XII в. (Русская Правда) еще не фигурируютъ вовсе. Апелляціи не существовало—судья представлялъ особу князя, какъ его замѣститель. Кромѣ суда княжьяго и общиннаго существовалъ судъ доминіальный—господина надъ его рабами и слугами, и судъ церковный въ извѣстныхъ, соприкасающихся съ религіею, дѣлахъ и надъ церковными людьми.

Церковная организація была устроена по византійскому образцу и въ этотъ періодъ стояла въ тѣсной зависимости отъ константинопольскаго патріархата. Даже стремленій къ ослабленію этой зависимости мы еще не встрѣчаемъ. Митрополиты присылались изъ Греціи, изъ Грековъ же. Епископы избирались обыкновенно князьями, преимущественно изъ людей мѣстныхъ. Князья принимали вообще близкое участіе въ вопросахъ церковнаго управленія, даже въ религіозныхъ спорахъ, и вообще какъ въ Византіи, такъ и въ старомъ Русскомъ государствѣ православная церковь имѣла весьма сильно выраженный государственный характеръ, жила въ тѣсномъ союзѣ и зависимости отъ правительственной власти и нисколько этимъ не тяготилась, усвоивъ византійское воззрѣніе, что свѣтская власть не только должна показывать покровительство церкви, но и имѣть надзоръ надъ церковными дѣлами.

Въ общественной организаціи отличались три категоріи— а) правящій классъ, люди княжьи, или дружина, б) правимое населеніе—«люди» въ тѣсномъ смыслѣ, и в) третья, образовавшаяся съ организаціей православной церкви,—люди церковные (духовенство и люди, питавшіеся при церкви или находившіеся подъ ея спеціальнымъ покровительствомъ). Въ ка-

ждой изъ этихъ категорій рѣзко отграничены классы людей свободныхъ, полноправныхъ, и несвободныхъ—безправныхъ, но на границѣ этихъ двухъ классовъ создаются экономическими отношеніями группы людей, экономически зависимыхъ и потому въ своихъ гражданскихъ правахъ ограниченныхъ. Среди свободныхъ отличаются *люди лѣпшии*, лучшіе, и люди меньшіе, также люди городскіе и волостные. Такимъ образомъ дифференціація была довольно значительная, но, исключая раздѣленіе на свободныхъ и несвободныхъ, она не отличалась рѣзкимъ разграниченіемъ, отдѣльные классы соединялись переходными группами, и передвиженіе изъ одной въ другую вовсе не исключалось.

Имя дружины (отъ *другъ*—товарищи, пріятели) подчеркивало свободныя отношенія ея къ князю, которыя дѣйствительно существовали не только въ теоріи, но въ значительной степени и на практикѣ. Дружинникъ, особенно изъ старшихъ, выдающихся (они называются «княжьими мужами», «боярами», «огнищанами»), считаетъ себя не слѣпымъ слугою, а товарищемъ князя, поэтому онъ долженъ знать его мысли и планы. Ихъ связываетъ свободный договоръ: дружинникъ можетъ во всякое время оставить князя и перейти къ другому. Поэтому дружина складывалась изъ разныхъ этнографическихъ и общественныхъ элементовъ, слѣдовавшихъ за своимъ княземъ изъ волости въ волость. Въ большинствѣ однако, особенно съ тѣхъ поръ, какъ княжьи династіи прочно сѣли въ отдѣльныхъ земляхъ,—дружина, и спеціально — ея высшій классъ состоялъ изъ людей мѣстныхъ, изъ высшихъ классовъ мѣстнаго общества, часто изъ поколѣнія въ поколѣніе находившихся на службѣ князя и даже по наслѣдству занимавшихъ извѣстныя должности: въ интересѣ самого князя было имѣть въ своей службѣ вліятельныхъ мѣстныхъ людей, въ интересахъ богатыхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ—стоять ближе къ власти. Но двери въ это сословіе никогда не были закрыты постороннимъ элементамъ; даже въ наиболѣе сплоченное боярство Галиціи, гдѣ особенно развились боярскія династіи, все же проникали и достигали высокаго

положенія люди «отъ племени смердья», «поповы внуки», хотя на нихъ и смотрѣли косо. Прерогативою старшей дружины въ сравненіи съ аристократіею земскою, не-служилою была высшая, двойная «вира»—выкупъ за голову убитаго.

Содержалась эта старшая дружина и ея рядовые контингенты (т. н. отроки) изъ даней, административныхъ и судебныхъ доходовъ. Слѣдовъ помѣстной практики—вознагражденія за службу землями, мы въ эту эпоху не встрѣчаемъ. Выдающіеся бояре держали отъ себя, на своемъ содержаніи также болѣе или менѣе значительные отряды дружины. Общая численность ея зависѣла отъ доходовъ князя; въ концѣ XI в. кіевскій князь можетъ выставить въ поле 800 своихъ отроковъ. Мелкіе князья имѣли, конечно, и дружины очень малочисленныя.

Земская аристократія—бояре (изъ болярипъ, большій) [1], первоначально родовая, давно уже превратилась въ аристократію имущественную—классъ богатыхъ купцовъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ, а съ упадкомъ торговли и промышленности въ дальнѣйшихъ столѣтіяхъ землевладѣніе становилось все болѣе существеннымъ признакомъ этого класса, и въ XIV—XV в. бояринъ дѣлается синонимомъ привиллегированнаго землевладѣльца.

Эта имущественная аристократія, благодаря экономическому преобладанію, занимала вліятельное положеніе въ общественной жизни и широко проникая въ дружину князя, имѣла непосредственное вліяніе и на управленіе. Княжеско-дружинный строй, будучи изначала созданіемъ этихъ богатыхъ классовъ, и позже стоитъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ и связи. Исторія кіевскаго народнаго движенія 1113 г., когда низшіе слои населенія, пользуясь смертью князя, принялись грабить дома княжескихъ чиновниковъ, евреевъ, а въ перспективѣ предвидѣлось разграбленіе вообще богатыхъ людей, и боярство единственное спасеніе видѣло въ томъ, чтобы какъ можно

---

[1]) Это было ея исконнымъ именемъ—позже усвоила его старшая дружина.

скорѣе имѣть въ Кіевѣ новаго князя,—достаточно хорошо иллюстрируетъ эти отношенія. Впрочемъ, самые юридическіе кодексы кіевскіе (Русская Правда) ясно указываютъ на близость правительства къ богатымъ классамъ: охрану ихъ интересовъ они имѣютъ въ виду прежде всего. Демагогія была чужда княжескому правительству.

Единственную юридическую привиллегію боярства сравнительно съ прочимъ населеніемъ видимъ въ сферѣ наслѣдственнаго права: при отсутствіи сыновей бояре могли передавать свое имущество дочерямъ; князь не бралъ имущества по смерти бояръ и боярскихъ слугъ, не имѣвшихъ сыновей, какъ бралъ у прочихъ классовъ. Выкупъ за голову земскаго боярина былъ одинаковъ со всѣми, и рядовое мѣщанство и крестьянство было вообще равноправно съ боярствомъ, хотя его экономическое преобладаніе и проводило крестьянство и мѣщанство въ весьма ощутителную зависимость отъ бояръ.

Среди сельскаго населенія ядро составляли т. н. *смерды*, т. е. свободные и экономически самостоятельные крестьяне, сидѣвшіе на своихъ земляхъ и имѣвшіе собственное хозяйство. Это свободное крестьянство пользовалось всѣми гражданскими правами, самоуправленіемъ и самосудомъ въ своихъ общинахъ (остатки этого крестьянскаго общественнаго суда сохранились еще въ XVI в. въ такъ наз. копныхъ судахъ, тогда уже эксплуатировавшихся правительствомъ для слѣдственныхъ и полицейскихъ цѣлей). Въ болѣе важныхъ случаяхъ, когда подвергалось сильной опасности благосостояніе и спокойствіе земли, привлекалось оно, несомнѣнно, и къ воинской повинности. О обложеніи его данями и повинностями, за недостаткомъ современныхъ данныхъ, можемъ составить понятіе изъ позднѣйшихъ указаній, XV—XVI в., относительно порядковъ, предшествовавшихъ распространенію крѣпостного права и барщинныхъ работъ; изъ нихъ видимъ, что основаніемъ обложенія служила крупная хозяйственная единица, называвшаяся *дворищемъ* (на Волыни и въ Галиціи), *землею* (въ Кіевской землѣ), *селомъ* (Сѣверской) и заключавшая въ себѣ обыкновенно нѣсколько крестьянскихъ семей: величи-

на ея бывала очень разнообразна и ничѣмъ не регулировалась. Подати отличались большимъ разнообразіемъ, даже въ одномъ и томъ же селѣ; въ основаніи ихъ лежала старинная *дань*, которую платили мѣхами, медомъ, деньгами (позже данью спеціально называлась дань медовая, денежная же называлась посощиною, а дань хозяйственными продуктами въ Кіевской и Волынской землѣ называлась подымщиною). Другимъ изстариннымъ поборомъ было *полюдье*: первоначально это была обязанность содержать князя съ его дружиною при ихъ ежегодныхъ обходахъ за данью, позже она превратилась въ регулярную подать, собиравшуюся независимо отъ того, пріѣзжалъ ли дѣйствительно князь или его агентъ, или нѣтъ; она носитъ позже разныя спеціальныя названія: поволовщина или болкуновщина (болкунъ—волъ), поклонъ, станъ. Наконецъ существовали оплаты для разныхъ княжьихъ агентовъ, въѣзжавшихъ на территорію общины за данями. Эти основныя категоріи обложенія со временемъ обростали разными придатками, изъ которыхъ затѣмъ выростали самостоятельныя подати и вносили отмѣченное выше чрезвычайное разнообразіе въ систему податей. Работы извѣстны намъ достовѣрно только городовыя и мостовыя: обязанность строить и поправлять городскія укрѣпленія и мосты, къ которымъ была приписана данная община. Но рядомъ съ ними очень рано, возможно— еще во времена Кіевскаго государства, въ сосѣдствѣ княжьихъ дворовъ окрестные крестьяне начали привлекаться къ различнымъ работамъ: подводамъ, косьбѣ сѣна, уборкѣ хлѣба и т. д.

Кромѣ крестьянъ-собственниковъ, на своемъ хозяйствѣ, существовали крестьяне безземельные, хозяйничавшіе на чужихъ земляхъ или въ качествѣ батраковъ работавшіе во дворѣ своего «господина», за плату, или отрабатывая долгъ. Они называются *изгоями, сябрами и закупами* (подъ этимъ именемъ выступаютъ они въ постановленіяхъ Русской Правды). Они свободны, но ихъ зависимость отражается и на ихъ гражданскихъ правахъ: закупъ не можетъ быть свидѣтелемъ, кромѣ мелкихъ тяжбъ, и его «господинъ» можетъ наказы-

вать его «про дѣло». Только очень тонкая граница отдѣляла этихъ экономически-зависимыхъ людей отъ рабскаго званія, и они очень легко въ него попадали. Такъ, закупъ обращался въ рабство за бѣгство отъ господина, за проступокъ—когда съ него нужно было взыскать штрафъ, а онъ не имѣлъ, чѣмъ заплатить; кромѣ этихъ законныхъ поводовъ, обращались они въ рабство и незаконно: богатые люди безъ церемоніи обращали ихъ въ рабство за упущеніе въ работѣ, за утрату вещей, продавали въ рабство третьимъ особамъ и т. д. Эти злоупотребленія были такъ часты и рѣзки, что даже княжье правительство должно было обратить вниманіе на нихъ и издать—можетъ быть, подъ вліяніемъ того же народнаго движенія 1113 г., которымъ были вызваны ограниченія противъ лихвы,—рядъ постановленій противъ этихъ злоупотребленій. Эти постановленія однако въ очень недостаточной степени охраняли закупа отъ злоупотребленій господина.

Тяжелыя условія жизни, упадокъ торговли и земледѣлія подъ вліяніемъ тюркскихъ опустошеній вели къ уменьшенію свободнаго крестьянства, мелкаго свободнаго промысла и къ увеличенію числа безземельныхъ батраковъ и несвободныхъ. Разоренныя крестьянскія хозяйства увеличивали собою имѣнія бояръ, а ихъ хозяева попадали въ безсрочную службу закупничества, съ тѣмъ, чтобы оттуда при первомъ случаѣ быть переведенными въ категорію холопей. Условія кредита были очень тяжелы, 15% считалось очень легкимъ, «христіанскимъ» процентомъ, а неоплатный должникъ попадалъ въ закупы или неволю. Лишеніе свободы практиковалось даже по закону въ цѣломъ рядѣ случаевъ.

Русская Правда указываетъ такіе источники рабства: если свободный или свободная вступили въ бракъ съ рабою или рабомъ, не выговоривъ себѣ свободы, или поступали въ дворовую службу безъ такой гарантіи; если банкротъ признавался обанкротившимся по легкомыслію или недобросовѣстности, его продавали въ рабство, въ пользу кредиторовъ; въ рабство обращались закупы за проступки; туда же попа-

дали лица, которыя были не въ состояніи заплатить судебнаго штрафа (эти штрафы были вообще очень велики). Наконецъ очень распространеннымъ источникомъ рабства былъ плѣнъ во время войны.

По праву рабъ — «холопъ» не былъ юридическою особою; онъ не можетъ быть ни субъектомъ, ни объектомъ преступленія, законъ имѣетъ въ виду только матеріальный убытокъ, который можетъ быть причиненъ рабомъ или въ его лицѣ сдѣланъ его господину. Онъ не несетъ никакой отвѣтственности за свои поступки и не имѣетъ никакихъ правъ. Господинъ имѣетъ надъ нимъ неограниченныя права, и въ эти отношенія законъ не вмѣшивается вовсе.

Подъ вліяніемъ общественнаго прогресса и христіанской проповѣди такой принципіальный взглядъ на раба однако не выдерживался. Дѣлались исключенія для высшихъ категорій несвободныхъ слугъ княжьихъ и боярскихъ; видимъ начатки вмѣненія рабу его проступка. Изъ случайныхъ указаній видимъ, что въ дѣйствительности рабы имѣли часто имущество, вели торговыя операціи и т. д. Если экономическій процессъ переводилъ въ категорію несвободныхъ все бо́льшія массы людей полноправныхъ и экономически самостоятельныхъ, то съ другой стороны улучшалось и повышалось положеніе этого все возраставшаго класса несвободныхъ.

Обращаясь отъ общественныхъ и экономическихъ отношеній къ быту и культурѣ украинскихъ земель XI—XIII в., я выберу нѣсколько болѣе характерныхъ моментовъ ихъ жизни— право, религіозныя идеи, книжность.

Источниками для изученія права служатъ, кромѣ договоровъ съ Византіею X в., юридическіе кодексы, подъ общимъ именемъ Русской Правды. Въ нихъ можемъ мы установить три основныя редакціи: древнѣйшую, 1-ой полов. XI в., вторую—второй половины XI в. и третью —первой четверти XII в. Всѣ онѣ, очевидно, составлены въ Кіевѣ, частными лицами, на основаніи судебныхъ рѣшеній и княжескихъ распоряженій. Несмотря на то, что онѣ даютъ картину права только для первой половины разсматриваемаго періода, кіевское право

и въ нихъ носитъ уже ясные признаки долгаго развитія и разработки. Къ сожалѣнію, мы знакомимся въ нихъ главнымъ образомъ съ уголовнымъ правомъ и процессомъ и очень мало—съ правомъ гражданскимъ.

Общественное значеніе преступленія признается уже вполнѣ ясно. Въ оцѣнкѣ его преобладаетъ взглядъ матеріальный, то есть проступокъ оцѣнивался по его результатамъ—степенью вреда, но видимъ и ясные начатки и болѣе прогрессивной субъективной оцѣнки, уже начиная съ древнѣйшей редакціи: принимается въ расчетъ напряженіе злой воли въ проступкѣ, сознательность и вмѣняемость его (различается состояніе аффекта отъ состоянія нормальнаго); но понятія рецидива и степени участія въ проступкѣ этому праву еще неизвѣстны.

Въ системѣ наказаній Русской Правды главное мѣсто занимали месть и денежный штрафъ. Месть или слѣдуетъ за приговоромъ или предшествуетъ ему (послѣднее случалось, вѣроятно, чаще), и судъ только рѣшаетъ, имѣлъ ли право на месть и не подлежитъ ли за нее наказанію мститель. Въ силѣ оставляетъ ее и послѣдняя редакція Русской Правды. Если мстителя не было, или онъ отказывался отъ права мести, преступленіе оплачивалось штрафомъ. Штрафомъ карались и проступки противъ правъ собственности. Кромѣ штрафа въ пользу пострадавшаго, взимался штрафъ въ пользу правительства. Подъ вліяніемъ византійскаго права нѣсколько разъ правительство пробовало ввести смертную казнь, но она всякій разъ отмѣнялась, очевидно—слишкомъ противилось обычаю. Тѣлесное наказаніе практиковалось также только надъ рабами.

Изъ сферы гражданскаго права обращаютъ на себя вниманіе постановленія о займѣ; они указываютъ на широкое развитіе кредита. Законодательство оказываетъ спеціальное покровительство торговому кредиту, старается свести до minimum'а формальности для кредитныхъ сдѣлокъ между купцами и дѣлаетъ всякія снисхожденія для банкротствъ, происшедшихъ безъ вины купца. При всемъ томъ проценты были высоки, и только подъ вліяніемъ кіевскаго движенія 1113 г. правительство сдѣлало попытку ограничить слишкомъ вопіющія злоупотребленія лихвы.

Въ наслѣдственномъ правѣ многое остается неяснымъ. Существуетъ наслѣдованіе по закону и по завѣщанію, но кругъ наслѣдниковъ въ обоихъ случаяхъ собственно одинъ и тотъ же: отецъ правитъ имуществомъ семьи и потому ограниченъ въ распоряженіи имъ. Больше правъ имѣетъ мать, относительно своей части. Объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ членовъ семьи при жизни отца Р. Правда не говоритъ почти ничего, очевидно—признавая за нимъ весьма широкую патріархальную власть въ семьѣ, но много занимается обстоятельствами, возникающими по его смерти. Для положенія женщины интересенъ законъ, что плата за ея убійство имѣетъ быть та же, что плата за мужчину; но за убійство виновной жены мужъ платитъ только половину платы. При жизни мужа жена юридической роли не играетъ, очевидно, никакой, но получаетъ большое значеніе по его смерти, если остается вдовой, какъ глава семьи и опекунша, и право беретъ ее въ очень заботливую опеку противъ притязаній дѣтей и родственниковъ.

Въ дѣйствительности и при жизни мужа жена пользовалась, несомнѣнно, большимъ значеніемъ; мы видимъ, что княгини принимаютъ большое участіе въ управленіи, а Мономахъ въ своемъ поученіи сыновьямъ остерегаетъ ихъ не давать женамъ надъ собою власти. Вообще въ семейныхъ отношеніяхъ стараго украинскаго быта было много здоровыхъ задатковъ; позднѣйшее вліяніе христіанства содѣйствовало упорядоченію и нѣкоторой идеализаціи этихъ отношеній, но съ другой стороны аскетическое недовѣріе и презрѣніе къ женщинѣ дѣйствовало въ совершенно обратномъ направленіи.

Усвоеніе христіанскихъ идей и византійской церковности было главною чертою духовной жизни этой эпохи. Въ большихъ культурныхъ центрахъ, гдѣ еще предшествовавшія культурныя сношенія приготовили почву христіанству, христіанизація общества сдѣлала уже большіе успѣхи въ продолженіе одного столѣтія, и въ Кіевѣ уже въ концѣ одинадцатаго столѣтія видимъ массу домовыхъ церквей, многочисленные монастыри и людей, искренно и сильно преданныхъ

христіанскому ученію. Внѣ такихъ центровъ оно распространялось медленно и съ количественнымъ умноженіемъ послѣдователей тратило много въ своей чистотѣ—приноровлялось къ остаткамъ старой религіи, смѣшивалось съ ними, и такъ слагалась смѣсь элементовъ христіанскихъ и языческихъ, получившая въ старыхъ памятникахъ характерное названіе «двоевѣрія». Языческіе праздники, принявъ имя христіанскихъ или механически присоединенные къ нимъ, существовали далѣе, вплоть до нашего времени; на христіанскихъ святыхъ переносились свойства языческихъ божествъ; къ христіанскимъ обрядамъ присоединялись старые, языческіе (напр. свадебные, поминальные и т. д.).

Но двоевѣріе было только болѣе рѣзкимъ проявленіемъ того соединенія христіанской внѣшности и языческой жизни, которое въ менѣе яркихъ формахъ совершенно ясно выступаетъ и у меньшинства, съ формальной стороны вполнѣ усвоившаго христіанство и получавшаго похвальные титулы «благовѣрныхъ», «христолюбцевъ». Обрядъ, внѣшняя набожность, какъ стороны легче усвояемыя, главнымъ образомъ принимались обществомъ и часто рекомендовались самимъ духовенствомъ такъ усиленно, что отодвигали на второй планъ нравственное содержаніе христіанства. Построеніе церквей, посѣщеніе богослуженія, постъ, милостыня и приношенія духовенству сдѣлались главными проявленіями благочестія [1]). Въ жизни удалось христіанской проповѣди повліять на ограниченіе свободы половыхъ отношеній и нѣсколько упорядочить бракъ, сдѣлать кое что для улучшенія семейныхъ отношеній (хотя въ эту сферу она входила очень мало); несомнѣнно, она повліяла на улучшеніе положенія несвободныхъ, можетъ быть, сдѣлала кое что для смягченія крайностей лихвы. Успѣхи ея въ этой сферѣ облегчались содѣйствіемъ правительства и законо-

---

[1]) Характернымъ проявленіемъ этого преобладанія внѣшняго благочестія служатъ споры о томъ, можно ли поститься въ среду и пятницу, если въ этотъ день приходится праздникъ; споры эти весьма сильно волновали духовенство и интеллигенцію украинскихъ и великорусскихъ земель во 2-ой пол. XII в.

дательства, въ значительной степени подчинившагося ея вліянію.

О силѣ вліянія христіанскаго ученія на наиболѣе искренно отдавшееся ему меньшинство можемъ судить по распространенію аскетизма, весьма несвойственнаго природѣ первобытнаго Славянина. Христіанизація Русскаго государства падаетъ на эпоху чрезвычайнаго развитія монашества въ Византіи и чрезмѣрнаго уваженія къ нему: монашество признавалось какъ бы нормою христіанской жизни, а всякое благочестіе въ мірѣ только слабою копіею христіанства. Эти воззрѣнія перешли и въ украинское общество, и со всѣмъ пыломъ неофитовъ были усвоены людьми съ болѣе чуткимъ моральнымъ чувствомъ. Уже въ половинѣ XI в. возникаетъ цѣлый рядъ монастырей въ Кіевѣ, но настоящимъ творцомъ монашества здѣсь былъ игуменъ печерскаго монастыря Ѳеодосій изъ Курска. Организованный имъ, по византійскимъ образцамъ, Печерскій монастырь сдѣлался главнымъ очагомъ аскетизма и образцомъ для всѣхъ монастырей восточной Европы. Въ XII и XIII в. монашество получаетъ большое развитіе; его центромъ остается до полнаго своего упадка Кіевъ, гдѣ въ XII в. знаемъ до 20 монастырей, но они распространяются и во всѣхъ остальныхъ земляхъ. Основаніе монастыря является почти обязательнымъ дѣломъ для каждаго выдающагося князя. Возникаютъ они и по иниціативѣ самихъ монаховъ. Культурное значеніе ихъ и вліяніе на христіанизацію несомнѣнны. Но самъ по себѣ аскетизмъ имѣлъ и нежелательныя вліянія, а самый принципъ—что только внѣ міра возможно истинное христіанское житіе, заставлялъ относиться къ мірской жизни пренебрежительно и не признавать возможности строгихъ нравственныхъ требованій относительно нея, такъ что это вызывало протестъ болѣе дальновидныхъ моралистовъ противъ увлеченія монашествомъ.

Школа и книжность пришли изъ Византіи какъ аттрибуты христіанства. Цѣлью обученія являлось расширеніе свѣдѣній о христіанскомъ ученіи, возможность преуспѣвать въ благочестіи. Литературный запасъ, который получила Русь

готовымъ—въ видѣ греческихъ оригиналовъ и старо-славянскихъ переводовъ, имѣлъ рѣзко выраженную церковную окраску: преобладала церковно учительная литература, а и то, что сообщалось изъ другихъ знаній, имѣло служебное значеніе по отношенію къ ней или было проникнуто церковностью. Это оказало свое вліяніе и на оригинальное творчество, запечатлѣвъ его на цѣлый рядъ столѣтій тѣмъ же религіознымъ характеромъ.

Объ организаціи и способахъ обученія знаемъ очень мало. Оно происходило, очевидно, по византійскому образцу, въ монастырскихъ и каѳедральныхъ школахъ, гдѣ учили такъ наз. дидаскалы и маистры, и такія школы должны были появиться и въ украинскихъ земляхъ со временъ Владиміра и Ярослава, о которыхъ лѣтописи сообщають, что они собирали дѣтей для науки въ большомъ числѣ, Кромѣ такого коллективнаго школьнаго обученія имѣло, конечно, мѣсто и одиночное, когда желавшій поучиться ученикъ поступалъ въ ученіе къ грамотею, «маистру». Большинство учениковъ въ этой наукѣ не шло далѣе умѣнія читать. Письмо и счетъ были дальнѣйшею, высшею ступенью обученія. Всѣ другія свѣдѣнія почерпались изъ чтенія переводныхъ византійскихъ учебниковъ и энциклопедій, и объясненій учителя, если таковой былъ; наибольшую сумму свѣдѣній они могли дать изъ исторіи (хотя это были сухіе и не всегда достовѣрные факты), меньше и хуже всего—изъ естественныхъ наукъ.

Знаніе греческаго языка, открывавшее двери къ оригинальной византійской литературѣ, было еще высшею степенью ученія, а вѣнцемъ его—литературное образованіе, усвоеніе тайнъ риторики, стиля, чего очень трудно было достигнуть безъ руководства наставника. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ рядъ людей, XI—XIII в., вполнѣ овладѣвшихъ и литературною манерою и содержаніемъ византійской образованности, стоявшихъ вполнѣ на ея уровнѣ, какъ митр. Иларіонъ, Кириллъ еп. туровскій, Климентъ Смолятичъ, нѣкоторые анонимные авторы. Но эти «философы» составляли меньшин-

ство сравнительно съ людьми, писавшими «по-просту», простыми, болѣе или менѣе талантливыми начетчиками.

Объ оригинальной литературѣ этого времени мы вообще имѣемъ очень неполныя представленія. Вслѣдствіе позднѣйшихъ невзгодъ и упадка культурной жизни въ украинскихъ земляхъ послѣдующихъ столѣтій, до насъ дошло главнымъ образомъ то, что сохранилось въ земляхъ сѣверныхъ, великорусскихъ, и такъ какъ до половины XII в. великорусскія земли стояли въ болѣе тѣсной зависимости отъ Кіева, то и сохранились здѣсь главнымъ образомъ произведенія XI и первой половины XII в. Такимъ образомъ мы имѣемъ очень мало матеріала для сужденія о литературномъ движеніи въ украинскихъ земляхъ во второй половинѣ XII и XIII в., да и для предшествующаго времени никакъ не можемъ положиться на полноту нашего матеріала.

Сообразно общему характеру просвѣщенія, наибольшее развитіе получила литература учительная — поученія, въ формѣ проповѣдей и посланій, и житія святыхъ. Они, конечно, находились въ тѣсной зависимости отъ византійскихъ образцовъ: даже авторы житій идутъ слѣпо за византійскими шаблонами, заимствуя изъ нихъ не только пріемы, но и факты, или даже просто приспособляя византійскія житія къ своимъ святымъ. Больше оригинальности и свѣжести видимъ въ исторической литературѣ, несомнѣнно очень развитой, но сохранившейся для насъ только въ видѣ нѣсколькихъ лѣтописныхъ компиляцій XII—XIII вв. Христіанская окраска на ней отразилась въ неодинаковой степени: мы встрѣчаемъ партіи, вышедшія, очевидно, изъ-подъ пера людей свѣтскихъ или со свѣтскими интересами, участниковъ политическихъ событій и войнъ, и въ нихъ въ полной свѣжести доходитъ до насъ вѣяніе жизни (напр. средняя часть Кіевской лѣтописи XII в., нѣкоторыя части Галицко-волынской). Литературная манера обыкновенно проста, безпритязательна; исключеніе составляетъ вступительная часть галицкой лѣтописи, въ которой мы имѣемъ, очевидно, произведеніе тогдашней украинской литературной школы, съ ея красивымъ, образнымъ, иногда слишкомъ изу-

крашеннымъ и тяжелымъ стилемъ, выработавшимся изъ слія-нія элементовъ византійскаго риторства и украинскаго поэтическаго творчества. Къ ней принадлежитъ цѣлый рядъ произведеній конца XII и начала XIII в.—окончаніе кіевской лѣтописи XII в., Моленіе Даніила и—знаменитое Слово о полку Игоревѣ.

«Слово о полку Игоревѣ» является единственнымъ сохранившимся въ цѣлости произведеніемъ поэтическаго творчества, но оно заключаетъ въ себѣ указанія на цѣлый рядъ произведеній и даже поэтовъ, да и самою своею техникою, своимъ стилемъ, усвоившимъ въ изобиліи элементы стараго язычества, массою картинъ и образовъ сжатыхъ, сведенныхъ до намековъ, свидѣтельствуетъ о существованіи поэтической традиціи, очень старой, культивировавшейся въ рядѣ поколѣній, опиравшейся съ одной стороны на византійской литературѣ, въ ея славянско-украинскомъ одѣяніи, съ другой стороны—на поэзіи народной. Нѣкоторые обломки этого поэтическаго творчества дошли до насъ также и въ нашихъ лѣтописныхъ компиляціяхъ.

Изъ искусствъ сохранились произведенія архитектуры, живописи, фрески и миніатюры, мозаики и эмали, немного рѣзьбы на камнѣ и очень много декорацій на металлѣ, въ ювелирскихъ издѣліяхъ. Въ архитектурѣ и живописи, мозаики и эмальерствѣ украинскіе мастера были непосредственными учениками и подражателями Грековъ; первые, старѣйшіе памятники вышли изъ рукъ греческихъ мастеровъ, но уже во второй половинѣ XI в. появляются свои, домашніе ученики—изъ первой половины XII в. мы имѣемъ уже несомнѣнные памятники работы домашнихъ мастеровъ (напр. въ монастырскихъ церквяхъ св. Михаила и св. Кирила въ Кіевѣ). Подражая византійскимъ образцамъ, они вносили и свои собственныя особенности въ свою работу; съ теченіемъ времени эта новая примѣсь должна была выступать все рѣзче, но къ сожалѣнію и тутъ, какъ и въ литературѣ, для наиболѣе интереснаго для насъ времени, XIII—XIV в. мы почти не имѣемъ ничего. Въ жалкихъ остаткахъ церковной архитектуры Га-

лиціи видимъ слѣды западнаго вліянія, и это сочетаніе элементовъ византійскихъ, украинскихъ и западныхъ представляло бы для насъ большой интересъ, но матеріалъ слишкомъ скуденъ, да и тотъ не собранъ и не изученъ достаточно.

Больше интереса и разнообразія представляютъ богатые остатки древняго прикладнаго искусства—въ издѣліяхъ ювелирныхъ. Тутъ съ вліяніями византійскими изначала смѣшиваются чрезвычайно старыя и сильныя на украинской территоріи вліянія восточныя, и тѣ и другія болѣе или менѣе самостоятельно перерабатываются украинскими мастерами. Мы встрѣчаемъ здѣсь большое богатство техники, орнаментаційныхъ мотивовъ (рѣзьба, дутый орнаментъ, оксидировка, эмаль, филигранъ, бисерный орнаментъ), и если для однихъ мотивовъ можемъ указать близкіе образцы въ искусствѣ византійскомъ или восточномъ, то въ другихъ мы имѣемъ, очевидно, оригинальныя комбинаціи или только очень далекіе отзвуки чужихъ образцовъ. Техника этихъ издѣлій украинскихъ мастеровъ стоитъ очень высоко—гораздо выше аналогическихъ западно-европейскихъ издѣлій XI—XII вв.

Вообще жизнь и культура украинскихъ земель XI—XIII вв. отличается большимъ разнообразіемъ элементовъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ вліяній, встрѣчавшихся на украинской территоріи, и значительною выработанностью. Въ ней чувствуется сила развитія и движенія, и она могла дать намъ весьма интересные результаты—при благопріятныхъ условіяхъ развитія. Слабою стороною ея было то, что она опиралась на слишкомъ незначительное верхнее меньшинство въ обществѣ. Паденіе государственной жизни, паденіе богатаго городского и землевладѣльческаго боярства подорвало ее вполнѣ, и изъ нея упѣлѣли только тѣ жалкіе остатки, какіе могли быть усвоены народными массами да темнымъ сельскимъ духовенствомъ,—остатки, которые не даютъ намъ никакого представленія о богатомъ культурномъ движеніи старой Руси.

Подробнѣе—Історія України-Руси, т. III гл. 4 и 5 (во второмъ украинскомъ и нѣмецкомъ изданіи это будетъ т. III гл. 3 и 4).

---

*

IX.

Мы упомянули выше, что Галицко-волынскія земли на мѣсто убитаго Юрія-Болеслава въ 1340 г. признали своимъ княземъ Любарта Гедиминовича, князя изъ литовской династіи. Онѣ были не единственнымъ пріобрѣтеніемъ литовской династіи въ украинскихъ земляхъ. XIV вѣкъ былъ временемъ чрезвычайно дѣятельнаго и успѣшнаго собиранія земель стараго Русскаго государства, съ ихъ ослабленнымъ или разложившимся вовсе государственнымъ строемъ, литовскими князьями, представителями новой, только что формирующейся политической силы.

Сильно запоздавшая и въ культурномъ и въ общественномъ развитіи своемъ литовская народность въ XIII в. начинаетъ, можетъ быть—не безъ вліянія грозившаго ей смертью нѣмецкаго натиска съ Балтійскаго поморья, чрезвычайно быстро и успѣшно организоваться политически и одновременно притягиваетъ къ себѣ разбитые остатки стараго Русскаго государства. Мендовгъ, считающійся основателемъ Литовскаго государства и дѣйствительно только лишь организующій литовскія племена въ болѣе сильную и сплоченную государственную организацію, владѣетъ уже цѣлымъ рядомъ мелкихъ бѣлорусскихъ княжествъ въ бассейнѣ Нѣмана, Припяти и Березины и старается распространять свою власть далѣе, въ земли черниговскія, смоленскія, полоцкія (въ серединѣ XIII в.). Галицко-волынскіе князья недружелюбно смотрѣли на эту новую политическую силу, но остановить ея роста не успѣли; не удались и ихъ династическіе планы—путемъ союзовъ и браковъ провести своихъ князей въ это Литовское государство: одинъ изъ сыновей Данила Шварно дѣйствительно получилъ было литовскій великокняжескій престолъ отъ сына Мендовга — Войшелка, но умеръ вслѣдъ затѣмъ, и новыя литовскія династіи освобождаются отъ всякаго вліянія галицко-волынскихъ князей. Съ началомъ XIV в. въ литовскихъ

земляхъ становится прочною ногою династія Гедимина и съ удвоенною энергіею собираетъ бѣлорусскія и украинскія земли.

Этотъ процессъ собиранія очень мало извѣстенъ въ деталяхъ. Проходилъ онъ большею частію безъ шуму, безъ громкихъ конфликтовъ, безъ большихъ войнъ, безъ большихъ перемѣнъ въ строѣ присоединяемыхъ земель и потому очень мало оставилъ слѣдовъ въ хроникахъ, тѣмъ болѣе, что изъ этихъ земель и не сохранилось для насъ изъ XIV в. никакихъ мѣстныхъ лѣтописей и очень мало актоваго матеріала. Стоя гораздо ниже въ культурномъ и общественномъ развитіи, литовская народность подпадала вліянію славянскаго элемента, его государственныхъ и общественныхъ формъ, религіи, быта, письменности [1]); отчасти въ силу этой культурной бѣдности Литвы, отчасти изъ политическихъ соображеній, литовскіе князья и позже старались какъ можно меньше перемѣнять въ строѣ и отношеніяхъ своихъ славянскихъ аннексовъ: «мы старины не рушаемъ, а новины не уводимъ», было ихъ лозунгомъ. На первыхъ же порахъ литовская оккупація вносила минимальныя перемѣны въ жизнь присоединяемыхъ земель: нетронутыми оставались всѣ правовыя нормы, фактическія отношенія, очень часто оставались по мѣстамъ и прежніе князья (гдѣ они были), и только въ видѣ высшей власти являлся теперь надъ ними какой нибудь членъ литовской династіи, или самъ великій князь, а отношеніе новаго правительства къ новой провинціи ограничивалось самое большее требованіемъ войска въ походы. При та-

---

[1]) Бѣлорусскій языкъ сдѣлался письменнымъ и дипломатическимъ языкомъ в. кн. Литовскаго на все послѣдующее время (литовскій языкъ въ письменности не употреблялся); право и политико-общественная схема, выработанная Кіевскимъ государствомъ, легли въ основу государственнаго права в. кн. Литовскаго; сама династія литовская сильно обрусѣла: между ея членами во второй половинѣ XIV в. большинство было православныхъ и совсѣмъ обрусѣвшихъ. Вліяніе оказывала особенно бѣлорусская стихія, такъ какъ бѣлорусскія земли раньше были присоединены и тѣснѣе связаны съ в. кн. Литовскимъ, чѣмъ земли украинскія.

кихъ отношеніяхъ и при бѣдности нашихъ источниковъ неудивительно, что мы иногда только позже узнаемъ объ этой перемѣнѣ—присоединеніи той или другой земли къ в. кн. Литовскому, а время и обстоятельства этого факта остаются неизвѣстными.

Въ первой четверти XIV в. большинство бѣлорусскихъ земель уже такъ или иначе было связано съ в. кн. Литовскимъ, и литовскіе князья протягивали руки къ землямъ украинскимъ. Изъ позднѣйшихъ извѣстій и нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній выходитъ, что уже тогда, въ первой четверти XIV в. (при послѣднихъ Романовичахъ галицко-волынскихъ, или въ безкняжье время по ихъ смерти) оторвана была отъ Галицко-волынскаго государства и присоединена къ в. кн. Литовскому волость Берестейско-дорогичинская, т. е. земли по среднему теченію Зап. Буга. Позднѣйшая генеалогическая статья говоритъ, что одинъ изъ литовскихъ князей, котораго она называетъ Видомъ и помѣщаетъ между Мендовгомъ и братомъ (и предшественникомъ) Гедимина Витенемъ, присоединилъ къ в. кн. Литовскому значительную часть Древлянской земли, то есть сѣверо-западной Кіевщины. Это извѣстіе заслуживаетъ полнаго вниманія: послѣ того, какъ въ зависимость отъ в. кн. Литовскаго пришла вся Турово-пинская земля (а это случилось, вѣроятно, еще въ концѣ XIII или началѣ XIV в.), литовскіе князья совершенно естественно стали приводить подъ свою власть и ближайшія кіевскія волости а такими были именно земли старыхъ Древлянъ. При Гединминѣ уже и Кіевъ, очевидно, стоялъ въ сферѣ политическаго вліянія Литвы, хотя кіевскій князь (тогда видимъ тутъ какого-то маленькаго князька, по имени Федора, неизвѣстнаго происхожденія) формально находился еще подъ властью Татарской орды. Подъ власть литовской династіи Кіевъ окончательно пришелъ уже при сынѣ Гедимина, Ольгердѣ, который отобралъ его отъ послѣдняго князя, Федора, и посадилъ тутъ своего сына Владиміра (около 1360 г.); вмѣстѣ съ Кіевомъ въ зависимость отъ него перешли и огромныя, запустѣвшія пространства на лѣвомъ берегу Днѣпра (земли стараго Переяс-

славскаго княжества, и сосѣднія съ нимъ территоріи); въ XV—XVI вв. они причислялись къ Кіеву.

При Ольгердѣ же перешли въ зависимость отъ в. кн. Литовскаго земли стараго Черниговскаго княжества и край по среднему теченію Днѣстра и южнаго Буга, который теперь получаетъ имя Подолья. Въ этомъ краѣ первоначально соперничали вліянія Кіева и Галича, позже онъ былъ притянутъ Галицко-волынскимъ государствомъ, но движеніе «татарскихъ людей» поставило его въ непосредственную власть Татарской орды. Когда у Ольгерда, въ 1360-хъ годахъ, произошелъ разрывъ съ Татарами, его племянники, сыновья Коріата Гедиминовича, засѣли въ подольскихъ городахъ, укрѣпили ихъ противъ Татаръ и образовали еще одно княжество, зависѣвшее отъ в. кн. Литовскаго.

Въ черниговскія отношенія Ольгердъ вмѣшался по связи ихъ съ смоленскими: главнѣйшимъ изъ черниговскихъ столомъ—Брянскомъ владѣли тогда смоленскіе князья, и Ольгердъ, старавшійся овладѣть Смоленскомъ, захватилъ Брянскъ въ 1350-хъ годахъ (ок. 1357—8 гг.). Это было началомъ его дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ черниговскихъ земляхъ; подробностей ихъ не знаемъ, только въ послѣдней четверти XIV в. видимъ важнѣйшіе столы западной части Черниговской земли (Брянскъ, Новгородъ, Черниговъ, Стародубъ) въ рукахъ нѣсколькихъ князей изъ литовской династіи, а въ восточной—мелкихъ князей изъ старой династіи, въ зависимости отъ Литвы; эту зависимость поддерживалъ рядъ крѣпостей, находившихся въ непосредственной власти литовскихъ князей.

Такимъ образомъ вся восточная Украина въ послѣдней четверти была приведена въ зависимость отъ в. кн. Литовскаго. Этотъ блестящій результатъ былъ достигнутъ въ сравнительно непродолжительное время, безъ большихъ хлопотъ и безъ особеннаго напряженія. Населеніе безъ сопротивленія переходило въ зависимость отъ в. кн. Литовскаго; прежніе князья или оставались на своихъ мѣстахъ, подъ верховенствомъ князей изъ новой династіи, или были безъ

труда смѣщаемы,—слишкомъ были они слабы, чтобы сопротивляться. Татарская орда, считавшая эти земли своими «улусами», была слишкомъ разстроена и ослаблена во второй половинѣ XIV в., чтобы оказать серьозное противодѣйствіе. Изъ 60—70-хъ гг. мы имѣемъ извѣстіе о конфликтахъ Литвы съ Татарами, вызванныхъ, очевидно, этимъ движеніемъ въ украинскія земли (предъ тѣмъ Орда была даже союзникомъ Литвы), но они не могли остановить литовской оккупаціи. Татарскіе ханы и потомъ считали восточную Украйну своимъ улусомъ и претендовали на дань; эти претензіи иногда до нѣкоторой степени удовлетворялись, иногда же отражались вооруженною силою, но во всякомъ случаѣ не мѣшали фактической оккупаціи украинскихъ земель литовскими князьями, (впрочемъ, совершенно уже ассимилировавшимися и превратившимися въ украинскихъ князей литовской династіи).

Далеко бо̀льшаго напряженія требовали отъ литовскихъ князей западныя земли Украины, и имъ въ концѣ концовъ не удалось удержать ихъ—не удалось собрать въ своихъ рукахъ всей Украины.

Я уже упомянулъ, что, когда галицко-волынскія земли, или точнѣе — галицко-волынское боярство, погубившее Юрія-Болеслава, превозгласило своимъ княземъ Любарта Гедиминовича, съ претензіями на галицко-волынскія земли выступила Венгрія и Польша. Одновременный походъ ихъ въ Галицію, при первой вѣсти о смерти Юрія-Болеслава, наводитъ на мысль, что уже тогда существовало между ними соглашеніе въ галицкомъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ оно существовало между ними послѣ; это была династическая комбинація въ родѣ компромисса 1214 г.: Венгрія давала Польшѣ carte blanche въ галицко-волынскихъ земляхъ, сохраняя свои «историческія права» на нее и впредь, польскій же король въ случаѣ отсутствія у него мужского потомства обѣщалъ передать послѣ себя польскую корону венгерской династіи [1]. Въ силу

[1]) Въ силу этого соглашенія послѣ Казиміра польскимъ королемъ дѣйствительно сталъ Людовикъ изъ венгерской (анжуйской) династіи.

этого соглашенія Казимиръ въ своей борьбѣ за галицко-волынскія земли находилъ поддержку въ Венгріи; дѣятельнымъ союзникомъ его былъ также папа. Любартъ главнымъ образомъ долженъ былъ опираться на мѣстныя, украинскія силы Волыни: Ольгердъ и прочіе литовскіе князья очень мало ему помогали [1]); въ 40—50-хъ гг. помощь ему давали Татары, но и ихъ временами склонялъ на свою сторону Казимиръ, а позже отношенія ихъ къ литовскимъ князьямъ были и вовсе испорчены. Въ такихъ условіяхъ развилась упорная и чрезвычайно важная своими послѣдствіями (какъ начало оккупаціи Польшею украинскихъ земель) борьба за галицко-владимірское наслѣдство.

Первый походъ Казимира въ 1340 г. не имѣлъ важныхъ результатовъ: Дмитро Дедько, старѣйшій изъ галицкихъ бояръ, правившій отъ имени Любарта Галиціею, призвалъ на помощь Татаръ, и Казимиръ, подъ грозою татарскаго нашествія, въ договорѣ съ Дедькомъ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ притязаній на Галицію. Онъ ихъ не оставилъ однако. Уже около 1345 г. видимъ въ рукахъ Казимира западную, галицкую окраину — Саноцкую землю, а въ 1349 г.; обезпечивъ себѣ нейтральность Татаръ, онъ сильнымъ и внезапнымъ походомъ захватилъ Галицію и значительную часть Волыни. Но Любартъ немедленно оправился, возвратилъ себѣ Волынь и старался отнять у Казимира Галицію, но здѣсь польская оккупація держалась устойчивѣе, Перемирье 1352 г. оставило въ фактическомъ владѣніи Казимира Галицію, въ рукахъ литовскихъ князей Волынь, и не-

---

[1]) При своей чрезвычайной экстенсивности Литовское государство и теперь, и позже было слабо организовано: многочисленныя и разноплеменныя земли, собранныя литовскими князьями, не были сконцентрированы въ одинъ сильный организмъ, и къ сильнымъ напряженіямъ эта государственная организація не была способна. Притомъ до самаго XV в. ея силы и вниманіе постоянно были отвлечены борьбою съ нѣмецкими рыцарскими орденами, неустанно опустошавшими литовскія земли и стремившимися къ завоеванію сосѣднихъ литовскихъ территорій.

смотря на то, что борьба продолжалась послѣ того четверть столѣтія, доходя по временамъ до очень сильнаго напряженія, только временами той или другой сторонѣ удавалось подвинуть границу своей оккупаціи въ ту или другую сторону, въ главныхъ же чертахъ владѣнія спорящихъ сторонъ держались устойчиво: Галиція, съ Холмскою землею, оставалась въ оккупаціи польско-венгерской [1]), волынскія земли—во власти Любарта. Причину неудачи Любарта въ Галиціи, кромѣ неравенства силъ, нужно видѣть также въ томъ, что боярство, правившее здѣсь отъ имени Любарта, не пользовалось популярностью, а Казиміръ съ первою же оккупаціею постарался конфискаціями и репрессіями ослабить наиболѣе ревностныхъ противниковъ Польши и ввести новые элементы, въ видѣ польскихъ, нѣ-

---

[1]) До смерти Казимира (1370) Галиція находилась въ фактическомъ владѣніи Польши. Такъ какъ у него не было сыновей, то, на основаніи старыхъ соглашеній, польская корона перешла къ венгерскому королю Людовику, соединившему въ своихъ рукахъ Венгрію и Польшу. Но такъ какъ и у Людовика не было сыновей, а наслѣдованіе дочерей не было предусмотрѣно предшествовавшими трактатами и встрѣчало довольно сильныя препятствія, то Людовикъ, не считая польскую корону вѣрною, старался обезпечить Венгріи владѣніе Галиціею и потому сначала далъ ее во владѣніе своему вѣрному человѣку Владиславу, кн. опольскогому (изъ онѣмеченныхъ польскихъ князей Силезіи), какъ венгерскій ленъ (1372 г.), а потомъ обратилъ въ венгерскую провинцію и раздалъ въ управленіе венгерскимъ намѣстникамъ (1379 г.). Только въ 1387 г., устроивъ бракъ кор. Ядвиги съ Ягайломъ, т. е. найдя новую точку опоры противъ Венгріи (которая къ тому была тогда въ чрезвычайно плачевномъ положеніи вслѣдствіе внутреннихъ смутъ), польское правительство снарядило походъ и присоединило Галицію къ Польшѣ. Хотя Венгрія опротестовала это нарушеніе своихъ правъ, но болѣе энергично выступить тогда была не въ состояніи. Вопросъ о правахъ на Галицію подымался на дипломатическихъ конференціяхъ, рѣшеніе его откладывалось все далѣе и далѣе и наконецъ дѣло это заглохло въ половинѣ XV в. вовсе. Только, когда былъ поднятъ вопросъ о раздѣлѣ Польши въ XVIII в., выступили на свѣтъ Божій снова эти историческія права Венгріи на Галицію и, какъ я упоминалъ, послужили поводомъ къ присоединенію ея къ Австріи, вмѣстѣ съ сосѣдними провинціями.

мецкихъ и иныхъ колонистовъ и землевладѣльцевъ, которые имѣли всѣ поводы благопріятствовать польской оккупаціи.

Въ концѣ концовъ эта упорная борьба Польши съ литовскими князьями, или лучше сказать, съ украинскимъ народомъ, который поддерживалъ этихъ князей въ борьбѣ съ польскою оккупаціею [1]), была прервана неожиданною династическою комбинаціею, которой суждено было имѣть чрезвычайно важное вліяніе на всю дальнѣйшую исторію восточной Европы. Польское правительство т. е. малопольскіе паны, правившіе Польшею по смерти кор. Людовика, устроили бракъ его наслѣдницы на польскомъ тронѣ королевы Ядвиги съ сыномъ и наслѣдникомъ Ольгерда на престолѣ вел. кн. Литовскаго Ягайломъ, [2]) и Ягайло, очень заинтересованный надеждою соединить подъ своею властію Литву и Польшу, для ея осуществленія далъ согласіе на цѣлый рядъ условій, поста-

---

[1]) Какъ я уже сказалъ, Любартъ велъ борьбу почти исключительно силами своей Волынской земли, то есть мѣстнаго украинскаго населенія, которое очень стойко держалось Любарта и энергически оборонялось отъ польской оккупаціи (особенно выдаются въ нашихъ небогатыхъ источникахъ двѣ осады польско-венгерскими войсками Белза въ 1352 и 1377 г., когда его гарнизоны оказали необыкновенную стойкость и отвагу). Съ свойственною литовскимъ князьямъ податливостью для славянской культуры, Любартъ очень скоро приноровился къ мѣстной жизни, и его правленіе значило сохраненіе старыхъ общественныхъ и культурныхъ отношеній, между тѣмъ какъ польская оккупація несла смерть имъ подъ наплывомъ польской шляхты и польскаго права. Въ виду этого борьба имѣла глубокое, народное значеніе.

[2]) Вотъ генеалогія этой династіи (отмѣчаю только интересныхъ для насъ ея членовъ).

Путуверъ (варіанты: Pucuverus, Lutuverus) † около 1293 г.

Витень † 1315 — Гедиминъ † 1341

Ольгердъ † 1377 см. ниже — Кейстутъ † 1382 — Коріатъ — Любартъ † ок. 1385

Витовтъ † 1430 — Сигизмундъ † 1440 — Юрій — Алекс. — Конст. — Федоръ (подольскіе князья) — Федоръ † 1431.

вленныхъ ему польскими правителями. Между прочимъ онъ обѣщалъ присоединить къ Польшѣ на вѣчныя времена земли вел. кн. Литовскаго [1]). Въ этомъ смыслѣ выдана была имъ грамота, 15/VIII 1385 г., въ г. Кревѣ (такъ называемая Кревская унія), и затѣмъ въ 1386 г. послѣдовалъ его бракъ съ Ядвигою.

На основаніи Кревскаго акта всѣ земли в. кн. Литовскаго, въ томъ числѣ всѣ украинскія земли (не говоря о Галиціи, которую польскіе правители сами присоединили къ Польшѣ немного позже), должны были превратиться въ польскія провинціи, а самое в. кн. Литовское, какъ политическій организмъ—перестать существовать. Польская дипломатія почеркомъ пера пріобрѣтала огромныя пространства, превышавшія територію самого Польскаго государства. Но этотъ тріумфъ былъ пока только на пергаментѣ, а реализировать такія дипломатическія пріобрѣтенія иногда бываетъ гораздо труднѣе, чѣмъ достигнуть въ трактатахъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Князья, владѣвшіе какими либо землями княжествомъ въ границахъ в. кн. Литовскаго, по приказу Ягайла выдали грамоты, гдѣ обязывались не только быть вѣрными Ягайлу, его королевѣ и дѣтямъ, но и принадлежать (adherere, pertinere) къ Польскому королевству. Ягайло, сидя на польскомъ престолѣ, соединялъ въ своемъ лицѣ титулы польскаго короля и литовскаго вел. князя и этимъ единствомъ покрывалъ разницу между принад-

---

линія Ольгерда:

Ольгердъ

Владиміръ кн. кіевскій — Ягайло † 1434 — Свитригайло † 1452

Олелько † ок. 1454 — Владиславъ † 1444 — Казиміръ † 1492

Семенъ † 1470 — Михаилъ † 1481 — Іоаннъ-Альбрехтъ † 1501 — Александръ † 1505 — Сигизмундъ † 1548

Сигизмундъ-Августъ † 1572

[1]) Demum etiam Iagalo sepedictus dux promittit terras suas Litvaniaeet Russiae coronae regni Poloniae perpetuo applicare. Въ послѣдующихъ актахъ это выражено яснѣе и полнѣе.

лежностью къ Польшѣ и къ в. кн. Литовскому. И пока въ фактическихъ отношеніяхъ не измѣнялось ничего, могло спокойно существовать кревское обязательство. Но, лишь только польскіе политики захотѣли осуществить на дѣлѣ кое-что изъ кревскаго акта, протестъ былъ неизбѣженъ, и выразителемъ его явился Витовтъ, двоюродный братъ Ягайла, сынъ убитаго имъ Кейстута Гедиминовича.

Витовтъ сначала добивался отъ Ягайла только возвращенія отцовскихъ владѣній. Союзъ съ крестоносцами далъ однако ему такое сильное оружіе, что онъ идетъ затѣмъ дальше въ своихъ требованіяхъ. Онъ пріобрѣтаетъ позицію замѣстителя Ягайла въ управленіи великимъ княжествомъ (1392), упрочиваетъ свое положеніе, а въ 1398 г., подъ вліяніемъ раздраженія, которое вызвали среди князей и бояръ в. кн. Литовскаго претензіи краковскаго двора на нѣкоторые внѣшніе признаки зависимости земель вел. кн. Литовскаго отъ Польши, провозглашается «королемъ литовскимъ и русскимъ». Неудача, которая постигла его вслѣдъ затѣмъ въ большомъ походѣ на Татаръ (1399), заставляетъ его нѣсколько ограничить свои планы; онъ удовольствовался признаніемъ со стороны Польши за нимъ титула и значенія великаго князя Литвы и Руси, подъ номинальнымъ верховенствомъ польскаго короля (1400), и только передъ смертью его поднялся снова вопросъ о коронаціи Витовта королемъ и установленіи полной независимости Литвы отъ Польши. Смерть Витовта (1430) прервала и на этотъ разъ эти планы. Но во всякомъ случаѣ политическая самостоятельность великаго княжества Литовскаго, уничтоженная (чисто теоретически, конечно) Кревскимъ актомъ, была всѣмъ этимъ возстановлена и утверждена трактатами (особенно актомъ Городельскимъ 1413 года). Кревское обязательство потеряло значеніе. Великое княжество Литовское имѣло впредь существовать подъ властію отдѣльнаго великаго князя, совершенно самостоятельно, только подъ чисто номинальнымъ или моральнымъ супрематомъ польскаго короля, а съ тѣмъ вмѣстѣ и заключавшееся въ кревскомъ обязательствѣ присоединеніе къ Польшѣ украинскихъ

земель—Подолья, Волыни, Кіевщины, Черниговскихъ земель, теряло всякое значеніе и надежду на осуществленіе. Присяжныя грамоты украинскихъ князей, съ обязательствомъ принадлежать къ Польшѣ, оставались единственнымъ слѣдомъ этого дипломатическаго тріумфа Польши.

Польское правительство не мирилось съ этою неудачею. Скрѣпя сердце дѣлало оно уступки Витовту, но крѣпко держало въ памяти кревское обязательство, надѣясь осуществить его при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; почти на два столѣтія эта идея дѣлается руководящею въ польской политикѣ. Поэтому въ самыхъ трактатахъ, утверждавшихъ политическую самостоятельность великаго княжества Литовскаго (даже въ трактатѣ 1413 г.), повторяетъ оно фразу о присоединеніи къ Польшѣ земель великаго княжества Литовскаго—теперь казалось бы потерявшую всякое значеніе [1]), обставляетъ по возможности всякими неясностями вопросъ о переходѣ великаго княжества отъ одного великаго князя къ другому и очевидно надѣется, что при этомъ ему удастся улучить удобный моментъ и превратить дѣйствительно земли великаго княжества Литовскаго въ польскія провинціи. Оно надѣялось осуществить это въ моментъ смерти Витовта (пущена была версія, что Витовтъ, умирая, отказалъ великое княжество Ягайлу); но вопросъ о коронаціи такъ раздражилъ литовскіе правящіе круги, что объ обращеніи великаго княжества въ польскую провинцію нельзя было и заикнуться. Великимъ княземъ немедленно былъ избранъ братъ Ягайла Свитригайло, и Ягайло долженъ былъ немедленно дать на этотъ выборъ свое согласіе. Вслѣдъ затѣмъ вопросъ о Подольѣ (о которомъ я буду говорить ниже) привелъ къ совершенному разрыву между великимъ княжествомъ Литовскимъ и Польшею, началась война, и Свитригайло, оказав-

---

[1]) Въ грамотахъ, выданныхъ литовскою аристократіею одновременно съ этими трактатами въ 1401 и 1413 г. и заключавшихъ въ себѣ обѣщаніе вѣрности польскому королю какъ сюзерену, о присоединеніи (такъ назыв. инкорпораціи) земель великаго княж. Литовскаго къ Польшѣ, наоборотъ, нѣтъ никакихъ упоминаній.

шійся очень щекотливымъ на пунктѣ своей политической самостоятельности, и слышать ничего не хотѣлъ о какихъ-либо компромиссахъ и подчиненіи верховенству Польши. Польское правительство, послѣ безплодныхъ попытокъ, рѣшилось наконецъ вовсе отдѣлаться отъ Свитригайло, и пользуясь неудовольствіемъ среди литовской аристократіи на симпатіи Свитригайла къ «русскимъ» (бѣлорусскимъ и украинскимъ) элементамъ, приготовило государственный переворотъ (1432 г.). Но превратиться въ подданныхъ Польскаго королевства не имѣли ни малѣйшаго желанія и противники Свитригайла; поэтому польское правительство должно было согласиться на выборъ вмѣсто Свитригайла другого великаго князя и расчитывать только на его уступчивость. Литовскія земли, возставъ противъ Свитригайла, провозгласили княземъ брата Витовта Сигизмунда; но бѣлорусскія и украинскія остались вѣрны Свитригайлу, и съ ихъ помощью Свитригайло нѣсколько лѣтъ боролся съ Сигизмундомъ, стараясь возстановить свою власть надъ всѣмъ великимъ княжествомъ (1432—1435).

Пока Свитригайло держался въ земляхъ великаго княжества, Сигизмундъ долженъ былъ показывать всяческую уступчивость по отношенію къ польскому правительству, поддерживавшему его, и послушно подписывалъ обязательства, какія диктовало ему польское правительство. Но это была вынужденная покорность, и съ полнымъ паденіемъ Свитригайла (1438) Сигизмундъ сейчасъ же подымаетъ голову и ищетъ опоры въ союзахъ противъ Польши и ея претензій. Онъ погибаетъ впрочемъ вслѣдъ затѣмъ отъ заговора (1440), но по смерти его на великое княжество избирается младшій сынъ Ягайла Казимиръ, и независимое положеніе Литвы подчеркивается еще яснѣе: Казимиръ, или, вѣрнѣе, руководившіе малолѣтнимъ княземъ литовскіе правители совершенно разрываютъ отношенія съ польскимъ королемъ Владиславомъ, желавшимъ видѣть въ Казимирѣ только своего намѣстника въ Литвѣ и самовольно здѣсь распоряжаться, и одно время (1443) Литва стояла опять передъ перспективою войны съ Польшею.

Скоро послѣдовавшая затѣмъ гибель Владислава (1444) давала великому княжеству Литовскому прекрасный случай вполнѣ и навсегда разорвать династическую связь съ Польшею. Но въ силу той двойственности, какую литовская аристократія вообще показывала въ отношеніи къ Польшѣ (о ней буду говорить ниже), она не рѣшилась на такой рѣзкій шагъ. Вмѣсто того, чтобы повліять на Казимира въ смыслѣ отказа отъ всякихъ правъ на польскую корону, литовскіе правители послѣ долгихъ проволочекъ согласились на выборъ Казимира на польскій престолъ, только связали его различными обѣщаніями относительно сохраненія литовской автономіи и цѣлости земель вел. княжества [1]. Надѣясь и впредь сохранить полное вліяніе на своего воспитанника, они даже не захотѣли обезпечить свою полную самостоятельность выборомъ отдѣльнаго великаго князя. Это было большою ошибкою съ ихъ стороны, такъ какъ поставленный между противоположными стремленіями польской и литовской политики, Казимиръ скоро выходитъ изъ-подъ вліянія литовскихъ круговъ и рѣшительно склоняется на сторону Польши, а пользуясь своимъ вліяніемъ въ правящихъ кругахъ Литвы, не допускаетъ до выбора отдѣльнаго великаго князя (этого хотѣли потомъ въ великомъ княжествѣ) и ослабляетъ рѣзкую по отношенію къ Польшѣ политику правящаго класса вел. княжества. До самой смерти († 1492) Казимиръ удерживаетъ въ личной уніи, подъ своею властью, Польшу и великое княжество Литовское. Но дальше личной уніи дѣло не шло: великое княжество остается совершенно отдѣльнымъ и самостоятельнымъ государствомъ, связаннымъ съ Польшею исключительно личностью государя, и раздраженные неуступчивостью польскаго правительства въ вопросѣ о спорныхъ земляхъ и въ переговорахъ о новой формулировкѣ государственныхъ отношеній Литвы и Польши [2], литовскіе

---

[1]) Остается неяснымъ и спорнымъ, дали ли такія обязательства литовскимъ правителямъ и представители польскаго правительства.

[2]) Литовскіе правители хотѣли исключить существовавшія въ прежнихъ трактатахъ фразы о присоединеніи Литвы къ Польшѣ и супрематѣ послѣдней.

правители при каждомъ случаѣ умышленно подчеркивали свою полную отдѣльность отъ Польши, хотя и не умѣли пойти дальше довольно безвреднаго будированія.

Встрѣтивъ такія препятствія въ осуществленіи своей программы, выраженной въ Кревскомъ актѣ, польское правительство должно было въ концѣ концовъ убѣдиться, что включеніе въ составъ Польши цѣлаго великаго княжества Литовскаго—цѣль слишкомъ далекая. Не отрекаясь, а только отлагая ея осуществленіе до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, оно рѣшило пока отобрать отъ великаго княжества тѣ земли, которыя интересовали его уже издавна—украинскія земли стараго Галицко-волынскаго государства, которыхъ ей не удалось добыть въ долгой борьбѣ за галицко-владимірское наслѣдіе — Волынь, Подолье и Берестейско-дорогичинскую землю средняго Буга [1]).

Подолье было на короткое время, въ началѣ XV в. превращено въ польскую провинцію Ягайломъ; но Витовтъ вытребовалъ его себѣ назадъ. Въ моментъ смерти Витовта польскіе шляхтичи Галиціи и Подолья (проникшіе сюда особенно во время этого короткаго господства Польши на Подольѣ), впередъ приготовивъ заговоръ, захватили столицу Подолья Каменецъ и присоединили Подольскую землю къ Польшѣ. Это именно и привело къ разрыву между Свитригайломъ и Ягайломъ; Ягайло, по настоянію Свитригайла, который держалъ его у себя въ плѣну, далъ распоряженіе возвратить Подолье великому княжеству Литовскому, но оно не было исполнено. Восточнаго Подолья, по среднему теченію Южнаго Буга, съ городами Браславомъ и Винницею, Полякамъ не удалось удержать въ своихъ рукахъ: Свитригайло непосредственно затѣмъ возвратилъ его себѣ; но западное, пограничное съ Галиціею, гдѣ польская шляхта была уже довольно многочисленна, держалось Польши, и Свитригайлу не удалось отобрать его отъ По-

---

[1]) Старая Дорогичинская земля, расширенная на сѣверѣ — вѣроятно колонизаціею ятвяжскихъ земель, носила позже названіе Подляшья, т. е. сосѣдней съ Польшею провинцій.

ляковъ. Въ 1440-хъ годахъ устанавливается уже прочно это раздѣленіе — восточное Подолье принадлежало къ великому княжеству Литовскому, западное къ Польшѣ, хотя литовское правительство и не мирилось долго съ этою утратою.

Ободренные захватомъ Подольской земли, польскіе политики задумали воспользоваться разрывомъ съ Свитригайломъ, чтобы завладѣть также и Волынью. Лѣтомъ 1431 г. Ягайло съ большими силами двинулся сюда, захватилъ оставленный Свитригайломъ безъ боя Владиміръ, но на осадѣ Луцка разбилась энергія и силы Поляковъ, и имъ пришлось отказаться отъ своихъ притязаній: заключая перемиріе съ Свитригайломъ, они выговорили себѣ владѣніе Запад. Подольемъ, но должны были промолчать вовсе Волынь, и даже потомъ, диктуя разныя условія Сигизмунду Кейстутовичу, не рѣшились требовать отреченія отъ Волыни. Но мысли о присоединеніи ея они не покидали. Когда Свитригайло, совершенно ослабленный, старался разбить какъ нибудь союзъ Польши съ Сигизмундомъ, вошла съ нимъ въ переговоры галицкая шляхта, которая въ своихъ интересахъ и на свой страхъ особенно сильно поддерживала планъ присоединенія къ Польшѣ сосѣднихъ украинскихъ земель (ея дѣломъ былъ захватъ Подолья, и теперь она очень энергически занялась Волынью). Она обѣщала Свитригайлу поддержку, и онъ въ своемъ отчаянномъ положеніи обѣщалъ передать Польшѣ Волынь, гдѣ онъ еще держался, за цѣну поддержки противъ Сигизмунда. Хотя польское правительство не признало этого условія, не желая разрывать со Сигизмундомъ, но во всякомъ случаѣ въ польскихъ кругахъ смотрѣли на Волынь какъ на близкую добычу, и надѣялись по смерти Свитригайла вступить во владѣніе ею. Но Свитригайло, не получивъ изъ Польши никакой поддержки, не считалъ себя ничѣмъ обязаннымъ, и предъ смертью, вѣрный государственной идеѣ великаго княжества Литовскаго, передалъ Волынь не Полякамъ, а тогдашнему великому князю литовскому Казимиру (1452). Это возбудило чрезвычайное негодованіе въ Польшѣ. Поляки готовились къ походу

на Волынь, но Казимиръ своимъ вліяніемъ нѣсколько прохладилъ этотъ воинственный жаръ Поляковъ, и въ концѣ концовъ взаимныя притязанія Литвы и Польши, встрѣтившись, нейтрализировались: Волынь осталась за великимъ княжествомъ Литовскимъ, Западное Подолье—за Польшею.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. IV гл. 1 и 3.

X.

Такимъ образомъ единственнымъ реальнымъ пріобрѣтеніемъ Польши изъ той широкой программы, которую она поставила себѣ въ уніи съ Литвою, было пока Западное Подолье. Остальныя украинскія земли входили попрежнему въ составъ великаго княжества Литовскаго, сохранявшаго свою самостоятельность и стоявшаго только въ шаткой и слабой связи съ Польшею.

Но эта шаткая и слабая связь, эта унія съ Польшею оказывала весьма сильное воздѣйствіе не только на общественный строй и право (объ этомъ будемъ говорить ниже), но и на все направленіе внутренней политики великаго княжества Литовскаго. Произведенныя имъ измѣненія создали чрезвычайно опасное раздвоеніе, этнографическій расколъ Руси и Литвы, весьма скоро сказавшійся и чрезвычайно пагубно отразившійся на государственной жизни великаго княжества Литовскаго. Пока не сказались эти перемѣны во внутреннихъ отношеніяхъ великаго княжества Литовскаго, украинскія, равно и бѣлорусскія земли чувствовали себя въ немъ вполнѣ дома. Ими правили въ большинствѣ случаевъ вполнѣ обрусѣвшіе, вполнѣ искренно ассимилировавшіеся съ ними князья Гедиминовой династіи. Старый строй земли оставался безъ значительныхъ перемѣнъ. Если въ центральномъ управленіи великаго княжества играли главную роль литовскіе роды, то и они стояли подъ сильнымъ вліяніемъ славянской, старорусской культуры, глубоко проникав-

шей весь складъ великаго княжества, а главное — центральное управленіе не оказывало особенно ощутительнаго вліянія на жизнь земель, жившихъ своею замкнутою, почти вовсе самостоятельною жизнью подъ управленіемъ своихъ князей. Украина состояла главнымъ образомъ именно изъ такихъ большихъ, почти самостоятельныхъ княжествъ, которыя въ дальнѣйшей эволюціи политической системы великаго княжества Литовскаго имѣли всѣ шансы превратиться въ отдѣльныя государства, почти несвязанныя ничѣмъ между собою (т. е. повторить исторію разложенія Кіевскаго государства). Волынь составляла владѣніе Любарта, потомъ его сына Федора, Кіевская земля—Владиміра Ольгердовича, на Подольѣ сидѣлъ послѣдній изъ Коріатовичей, Федоръ; въ Черниговскихъ земляхъ были двѣ значительныя волости Ольгердовичей: Димитрія и другого Димитрія-Корибута.

Съ концомъ XIV в. во всемъ этомъ происходитъ рядъ перемѣнъ. Во-первыхъ, правительство Ягайла—Витовта, сильное сознаніемъ опоры, которую давало имъ еще ненарушенное соединеніе Литвы и Польши, въ 1390-хъ гг., рядомъ сильныхъ и хорошо расчитанныхъ ударовъ, безъ церемоніи уничтожаетъ всѣ наиболѣе сильныя удѣльныя княжества въ земляхъ великаго княжества Литовскаго и обращаетъ ихъ въ простыя провинціи. Такъ, между прочимъ, отобраны были отъ Димитрія Корибута его Черниговскія земли (еще раньше потерялъ свои владѣнія, эмигрировавъ въ Москву, другой Димитрій). Въ нѣсколько пріемовъ забрана Волынь отъ Федора Любартовича (взамѣнъ дали ему владѣніе въ Черниговскихъ земляхъ, но это была такая жалкая замѣна, что обиженный князь даже не взялъ ее). Съ Подолья Витовтъ согналъ Федора Коріатовича. Кіевскую землю взяли отъ Владиміра Ольгердовича, получившаго взамѣнъ маленькое Слуцкое княжество въ Бѣлоруссіи, и, пройдя черезъ нѣсколько рукъ, она превратилась въ началѣ XV в. въ простую провинцію. Въ украинскихъ земляхъ послѣ этого, въ первой половинѣ XV в., единственнымъ значительнымъ владѣніемъ осталось княжество, составленное изъ черниговскихъ волостей для безпокойнаго претендента Свитригайла (1420—1430), остальныя—второстепенныя, какъ кня-

жество Ратненское (въ сѣверной Волыни) Федора Ольгердовича, Пинское—одного изъ потомковъ Гедимина, Острожское—одного изъ уцѣлѣвшихъ родовъ изъ старой кіевской династіи, и т. д. Для государственной системы великаго княжества Литовскаго эти и имъ подобныя княжества, конечно, никакой опасности не представляли.

Это превращеніе сильнѣйшихъ княжествъ въ простыя провинціи, розданныя въ управленіе обыкновеннымъ намѣстникамъ, не только спасло единство великаго княжества Литовскаго отъ грозившаго ему разложенія, но имѣло и чрезвычайно важное значеніе на эволюцію политическихъ и общественныхъ отношеній украинскихъ (и бѣлорусскихъ) провинцій, отдавъ ихъ подъ непосредственную власть центральнаго правительства и открывъ болѣе широкую дорогу воздѣйствію его внутренней политики на складъ и отношенія этихъ земель. Ибо хотя государственная система великаго княжества Литовскаго до полной централизаціи никогда не дошла, и довольно значительная провинціальная обособленность земель, съ широкимъ участіемъ мѣстныхъ элементовъ (княжескихъ и боярскихъ) въ управленіи, существовала и позже, все же въ смыслѣ воздѣйствія внутренней политики центральнаго правительства была большая разница между простыми провинціями сравнительно съ прежними почти независимыми княжествами.

А во внутренней политикѣ правительства въ это время происходилъ и постепенно выяснялся важный переломъ.

Въ Кревскомъ актѣ Ягайло между прочимъ обязался окрестить въ католичество всѣхъ некрещенныхъ Литовцевъ и исполнилъ это обѣщаніе. Онъ организовалъ католическія эпархіи въ литовскихъ земляхъ и, очевидно, подъ вліяніемъ своихъ польскихъ, католическихъ совѣтниковъ придалъ новоорганизованной католической церкви значеніе церкви государственной, господствующей, покровительствуемой сравнительно съ православною церковью Литовской Руси.

Подъ вліяніемъ, очевидно, тѣхъ же совѣтниковъ, Ягайло стремится сдѣлать изъ литовскихъ бояръ-католиковъ новый

привиллегированный классъ: польскіе политики, и съ ними Ягайло, очевидно, расчитывали, что, будучи обязана своимъ привиллегированнымъ положеніемъ Польшѣ и католичеству, эта литовская аристократія сдѣлается приверженцами и хранителями уніи Литвы съ Польшею. Расчетъ былъ совершенно вѣрный, и съ точки зрѣнія уніи политика эта была совершенно послѣдовательна, но въ этомъ же направленіи пошелъ и Витовтъ, хотя былъ противникомъ уніи: вѣроятно, его увлекали фамильныя традиціи, связывавшія его семью ближе съ литовскимъ элементомъ [1]), и онъ, безъ всякой настоятельной надобности, усиленно старался выдвинуть литовскую аристократію и на ней опереться, въ противовѣсъ родамъ княжескимъ и боярскимъ, бѣлорусскимъ и украинскимъ (и ассимилированнымъ ими литовскимъ). Ягайло и Витовтъ провозглашаютъ уравненіе бояръ-*католиковъ* (т. е. Литвиновъ) въ правахъ съ польскою шляхтою, признаютъ имъ исключительное право на государственныя должности, только ихъ допускаютъ до наиболѣе важныхъ государственныхъ актовъ, какъ уніонные трактаты. Витовтъ всюду выдвигаетъ ихъ, оттѣсняя православные роды, и т. д.

Это, конечно, чувствовалось. Литовская Русь сознавала, что ее оттѣсняютъ на второй планъ, лишаютъ всякаго политическаго значенія, католическая же литовская аристократія входитъ очень скоро во вкусъ своего привиллегированнаго положенія и, понимая, что такое исключительное положеніе

---

[1]) Отецъ Витовта Кейстутъ, въ противоположность другимъ Гедиминовичамъ, крѣпко держался литовской національности и репрезентовалъ въ политической системѣ великаго княжества литовскій элементъ. Въ виду такой традиціи, Ягайло упорно не хотѣлъ давать Витовту владѣній въ литовскихъ земляхъ, надѣлялъ его бѣлорусскими и украинскими, и даже принудилъ принять православіе (позже Витовтъ снова перешелъ на католичество). По традиціи и изъ оппозиціи этимъ стремленіямъ Витовтъ тѣмъ болѣе тяготѣлъ къ литовскому элементу, т. е. къ литовскому, крещенному въ католичество боярству, и покровительствовалъ католицизму.

ея держится на поддержкѣ Польши и уніи, дѣйствительно, начинаетъ цѣнить связь съ Польшею. Отсюда начинается та двойственность ея политики, о которой я упоминалъ: правящіе литовскіе круги съ одной стороны хотятъ сохранить автономію великаго княжества Литовскаго, потому что съ превращеніемъ его въ польскую провинцію потеряли бы свое значеніе, съ другой стороны—хотятъ удержать возможно тѣсную связь съ Польшею, такъ какъ, разрывая съ Польшею, пришлось бы искать опоры въ самомъ великомъ княжествѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ—дать соотвѣтствующее мѣсто элементамъ славянскимъ, аристократіи украинскихъ и бѣлорусскихъ земель. Эта двойственность была причиною нерѣшительности литовской политики по отношенію къ Польшѣ: она останавливалась на полдорогѣ и тѣмъ облегчала польскую политику по отношенію къ Литвѣ.

Облегчалъ ее, конечно, и самъ національный расколъ. Когда Свитригайло, занявъ мѣсто Витовта, захотѣлъ исправить его ошибку, и, не лишая значенія литовскихъ вельможъ, хотѣлъ дать соотвѣтствующее мѣсто Литовской Руси, это вызвало чрезвычайное неудовольствіе среди литовской аристократіи. Она не хотѣла дѣлиться своимъ исключительнымъ положеніемъ и пошла навстрѣчу интригамъ польскаго правительства противъ Свитригайла, провозгласила вел. княземъ Сигизмунда Кейстутовича. Это была большая услуга польской политикѣ съ ея стороны, не ея вина, если реальныхъ выгодъ изъ нея не удалось Польшѣ извлечь тогда.

Сигизмунда признали литовскія земли; бѣлорусскія и украинскія остались вѣрными Свитригайлу. Этнографическое раздвоеніе стало фактомъ очевиднымъ и было подчеркнуто современниками, которые называютъ Сигизмунда великимъ княземъ литовскимъ, Свитригайла—вел. княземъ русскимъ. Послѣдующая борьба Свитригайла съ Сигизмундомъ должна была рѣшить—останется ли литовская аристократія господствующею, или центръ тяжести передвинется въ сторону элементовъ бѣлорусскихъ и украинскихъ. Послѣдніе это понимали—ихъ князья и бояре поддерживали Свитригайла, быв-

шаго издавна ихъ союзникомъ и другомъ, съ чрезвычайною энергіею [1]). Но Свитригайло оказался, при большой энергіи и настойчивости, плохимъ полководцемъ, и дѣло литовской «Руси» было проиграно: въ 1435 г. Свитригайло потерпѣлъ рѣшительное пораженіе: въ битвѣ надъ р. Святою, около Вилькомира, погибло его войско; однихъ плѣнныхъ князей лѣтописи насчитываютъ 26, а масса было убито...

Литовская аристократія въ выборѣ Сигизмунда не была счастлива: онъ оказался врагомъ аристократіи вообще и старался выдвигать людей худородныхъ, а родовитыхъ преслѣдовалъ, какъ говоритъ позднѣйшій лѣтописецъ, представитель аристократическихъ воззрѣній. Поэтому вскорѣ онъ погибъ отъ аристократическаго заговора. Зато съ провозглашеніемъ вел. княземъ малолѣтняго Казимира правленіе взялъ въ свои руки кружокъ литовскихъ аристократовъ, и взялъ прочно.

Но на первыхъ порахъ, въ виду трудностей, какія окружали ихъ сначала: въ виду движеній внутри государства, разрыва съ Польшею, опасностей со стороны другихъ сосѣдей,—литовскіе правители считали нужнымъ кое что сдѣлать для удовлетворенія и «Руси». Волынь оставлена въ рукахъ ея героя—Свитригайла. Кіевскую землю отдали сыну бывшаго кіевскаго князя Владиміра—Олельку, оченъ умѣренному представителю украинскаго княжья, близко стоявшему къ литовской аристократіи. Его сынъ и преемникъ на кіевскомъ столѣ Семенъ былъ женатъ на дочери одного изъ виднѣйшихъ литовскихъ вельможъ Гаштовта, бывшаго главы регентства, и въ силу этихъ родственныхъ связей и своей «умѣренности» былъ даже выставленъ кандидатомъ на великаго князя со стороны литовскихъ правителей. Все это давало нѣкоторую иллюзію національной гармоніи, признанія со стороны литовской аристократіи значенія «Руси» въ государствѣ.

Но эти исключительныя комбинаціи прошли, положеніе

---

[1]) Народныхъ массъ эта борьба не двинула, она была дѣломъ князей и бояръ, борьбою двухъ аристократій. Народъ былъ участникомъ пассивнымъ.

литовскихъ правителей упрочилось, они не находили нужнымъ кокетничать бѣлорусско-украинскою аристократіею вел. княжества, и этой послѣдней, и вообще литовской Руси пришлось скоро почувствовать свое униженіе. Когда въ 1470 г. умеръ кіевскій князь Семенъ Олельковичъ, литовскіе правители не согласились дать кіевскаго стола его брату Михаилу и потребовали отъ Казимира, чтобы онъ обратилъ Кіевскую землю въ обыкновенную провинцію, а намѣстникомъ туда назначилъ Литвина-католика Гаштовта. Казимиръ исполнилъ ихъ желаніе, и это чрезвычайно огорчило Кіевлянъ. Они заявили, что лучше погибнуть, чѣмъ примутъ намѣстникомъ Литвина, и усиленно просили Казимира, чтобы онъ далъ имъ въ Кіевъ кого нибудь изъ князей, если не православнаго, то хоть католика. Но литовскіе правители стояли на своемъ, а съ ними и Казимиръ, и Кіяне въ концѣ концовъ должны были принять Гаштовта.

Разсказывая этотъ эпизодъ, Полякъ - современникъ Длугошъ прибавляетъ, что вражда Руси и Литвы въ это время вообще такъ обострилась, что Казимиръ, опасаясь какихъ нибудь смутъ, умышленно долго оставался въ вел. княжествѣ. По его словамъ — Кіевляне, вообще литовская Русь, горько жаловались, что Литва—давніе данники Руси, превратилась теперь въ ихъ правителей.

Обойденный кіевскимъ столомъ Михаилъ Олельковичъ съ нѣсколькими другими князьями составилъ заговоръ. Насколько можно судить изъ скудныхъ извѣстій, онъ имѣлъ цѣлью завладѣть великокняжескою властью—посадить на престолѣ в. кн. Литовскаго одного изъ князей, можетъ быть, самого Михаила Олельковича. Заговорщики расчитывали на помощь московскаго вел. князя и намѣрены были заплатить за нее восточною окраиною вел. княжества. Но заговоръ былъ открытъ; нѣкоторые участники успѣли бѣжать въ Москву, а Михаилъ съ другимъ княземъ были схвачены и казнены (1481).

Въ этомъ эпизодѣ очень интересны эти надежды на помощь изъ Москвы: какъ литовская партія опиралась на вліяніи и силахъ католической Польши, такъ обойденные украин-

скіе и бѣлорусскіе аристократы начинаютъ обращать свои взоры въ сторону православной Москвы, этого извѣчнаго соперника вел. княжества Литовскаго въ собираніи земель стараго Кіевскаго государства, какъразъ теперь поднимавшагося изъ долговременнаго упадка и становившагося грознымъ сосѣдомъ Литвы [1]). Эта тенденція въ сторону Москвы была ясна литовскому правительству, и оно сознавало ея небезопасность. Тотъ же Длугошъ говоритъ, что Казиміръ удерживалъ литовскихъ правителей отъ вмѣшательства въ новгород-

[1]) Московскіе князья по исторической и династической традиціи посчитали себя наслѣдниками Кіевскаго государства и открыто поставили такую программу въ политикѣ съ концомъ XV в., какъ увидимъ сейчасъ. Съ другой стороны вел. князья литовскіе, пока унія съ Польшею не свела ихъ съ этой дороги, сознательно стремились къ собранію подъ своею властію всѣхъ земель стараго Кіевскаго государства; прусскимъ рыцарямъ Ольгердъ заявлялъ: omnis Russia ad Letwinos debet simpliciter pertinere. Соперничество этихъ двухъ собирателей во 2-ой пол. XIV в. обозначилось вполнѣ ясно, и в. кн. Литовское, проникавшееся все глубже культурнымъ наслѣдіемъ Кіевскаго государства, соперничало съ Москвою въ собираніи его матеріальнаго наслѣдства весьма успѣшно, хотя ему и не доставало выдержки московской политики. Перемѣны, произведенныя уніею во внутреннихъ отношеніяхъ в. кн. Литовскаго убили его притягательную силу, какую имѣло оно для земель стараго Кіевскаго государства, да и вниманіе литовскаго правительства обратилось на иные вопросы. Но пока Московское государство переживало время застоя и упадка при двухъ Василіяхъ, въ сравненіи съ импозантнымъ правленіемъ Витовта и даже первою половиною правленія Казимира перемѣна положенія и шансовъ старыхъ соперниковъ не была замѣтна. Только въ концѣ правленія Казимира Литва начинаетъ сознавать свою слабость, созданную внутреннимъ раздвоеніемъ. Послѣдующія войны съ Москвою съ ужасающею очевидностью открыли всю глубину ея упадка, и московское правительство выступаетъ открыто съ программою присоединенія изъ-подъ литовской власти всѣхъ земель стараго Кіевскаго государства, какъ отчины московскихъ князей. Въ 1493 г. в. князь московскій начинаетъ титуловать себя въ сношеніяхъ съ литовскимъ «государемъ всея Руси», а во время переговоровъ 1504 г. домогается «Кіева, Смоленска и прочихъ городовъ», грозя не оставить иначе Литвы въ покоѣ.

скія дѣла и борьбы съ Москвою, указывая, что Литовская Русь, на случай такой войны, можетъ взять сторону Москвы и обратиться противъ литовской партіи, чтобы свести счеты съ нею.

Съ 70-хъ гг. начинаетъ ясно сказываться тяготѣніе къ Москвѣ на сѣверо-восточномъ пограничьѣ стараго Черниговскаго княжества, гдѣ издавна соперничали вліянія Литвы и Москвы. Здѣшніе мелкіе князья изъ старой черниговской династіи начинаютъ переходить со своими владѣніями изъ-подъ власти вел. кн. литовскаго подъ власть вел. кн. московскаго. Литовское правительство прежде, сознавая свою притягательную силу, признавало въ этомъ отношеніи, въ своихъ интересахъ, полную свободу перехода, но теперь, напуганное этимъ движеніемъ, начало отрицать законность такихъ переходовъ. Начались военныя дѣйствія, но успѣхи московскихъ войскъ, среди этого тяготѣнія, оказались настолько значительными, что литовское правительство поспѣшило ихъ прекратить. За Москвою признаны владѣнія перешедшихъ князей, но на будущее время рѣшено такихъ переходовъ не допускать (1493). Они, однако, возобновились вскорѣ (очевидно— не безъ согласія Москвы), еще въ болѣе грозныхъ размѣрахъ. Мотивомъ, опять-таки—подсказаннымъ изъ Москвы, выставлено религіозное гоненіе на православныхъ въ вел. кн. Литовскомъ; національная причина подмѣнена религіозною. Оправдываясь имъ, Москва принимаетъ дальше князей, а между ними переходятъ, со своими землями, владѣтели бо̀льшаго калибра, потомки московскихъ эмигрантовъ — Семенъ Можайскій, державшій отъ вел. князя литовскаго Черниговъ, Стародубъ и пр., и Василій Шемячичъ съ Новгородомъ Сѣверскимъ. Цѣлая Черниговская земля переходила подъ власть Москвы; вел. кн. московскій поспѣшилъ выслать свои войска, и они докончили присоединеніе Черниговской земли. Среди полнаго упадка духа литовское правительство заключило въ 1503 г. новый договоръ съ Москвою, которымъ признало за нею всѣ ея пріобрѣтенія, въ томъ числѣ почти всю (исключая небольшую приднѣпровскую полосу) старую Черниговскую землю.

Нѣсколько лѣтъ позже обиженная новымъ вел. княземъ и королемъ Сигизмундомъ украинская княжеская семья Глинскихъ, съ Михаиломъ Глинскимъ, чрезвычайно вліятельнымъ любимцемъ вел. кн. Александра, попавшимъ въ немилость при его преемникѣ, во главѣ, организуетъ заговоръ и возстаніе, расчитывая на помощь в. князя московскаго и крымскаго хана. Это былъ эпизодъ, аналогическій съ княжескимъ заговоромъ 1481 г., и имѣлъ цѣлью, очевидно, посадить Глинскаго на престолѣ вел. княжества. Но ханъ вовсе не поддержалъ возстанія, а московскій вел. князь очень слабо, и оно очень скоро было подавлено, не вызвавъ даже среди украинскаго и бѣлорусскаго княжья и боярства сколько нибудь значительнаго движенія— не говоря уже о народѣ. Старанія Глинскихъ поднять Кіевскую землю были безуспѣшны, а сосѣдняя Волынь—эта par excellence княжеская земля осталась совершенно равнодушною. Вожди заговора ушли на московскую территорію (1508).

Это возстаніе было послѣднею конвульсіею русской партіи въ вел. кн. Литовскомъ. Оно показало полную неспособность этихъ украинскихъ и бѣлорусскихъ магнатовъ къ какому нибудь энергическому дѣйствію, отсутствіе солидарности, сплоченности, энергіи. Ихъ пѣсня была уже спѣта съ паденіемъ Свитригайла—сами они не въ состояніи вступить въ борьбу съ литовскою партіею. Ихъ тяготѣніе къ Москвѣ не имѣло въ себѣ также никакого болѣе глубокаго, сознательнаго содержанія; въ лучшемъ случаѣ Москва разсматривалась только, какъ союзникъ для переворота въ вел. кн. Литовскомъ. Это были движенія небольшихъ кучекъ, слѣпой реакціи безъ опредѣленнаго плана и программы. Большинство княжья и боярства помирились съ тою второстепенною ролью, какую оставляла ему (главнымъ образомъ въ мѣстномъ управленіи бѣлорусскихъ и украинскихъ земель) литовская аристократія, и отложили мысль о борьбѣ. Національный вопросъ въ Польсколитовскомъ государствѣ должны были поднять иные общественные элементы; но тогда, когда догорала аристократическая фронда, ихъ еще не предчувствовалъ никто.

Впрочемъ, движенія конца XV и начала XVI в. не оста-

лись безъ вліянія на литовско-польское правительство: испуганное тѣмъ употребленіемъ, какое дѣлалось изъ религіозныхъ мотивовъ, оно становится болѣе осторожнымъ, и напр. оставляетъ мысль объ осуществленіи уніи своихъ православныхъ подданныхъ съ католическою церковью, занимавшую его передъ тѣмъ.

Не остались эти событія безъ вліянія и на дальнѣйшую судьбу вел. кн. Литовскаго. Послѣ страшныхъ потерь, понесенныхъ въ борьбѣ съ Москвою (кромѣ Черниговской земли потеряна была, послѣ возстанія Глинскаго, еще Смоленская), Москва дѣлается кошмаромъ вел. кн. Литовскаго. Сознаніе національнаго раздвоенія убиваетъ нравственную силу послѣдняго. Кромѣ Москвы выдвинулся еще другой сосѣдъ, по отношенію къ которому литовское правительство чувствовало себя безсильнымъ—Крымская орда, показавшая свою страшную руинную силу одновременно съ Москвою. Слабость государства въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей входитъ въ общее сознаніе правящихъ круговъ в. кн. Литовскаго. Это въ концѣ концовъ даетъ возможность польскимъ политикамъ осуществить свои завѣтные планы относительно Литвы.

Несмотря на удары, падавшіе на вел. кн. Литовское, литовская аристократія твердо держалась программы, которую диктовали ей ея классовые интересы: поддерживать возможно тѣсную связь съ Польшею, но охранять автономію и политическую самостоятельность вел. кн. Литовскаго. Благодаря тому, что вел. князья, бывшіе одновременно и польскими королями—Сигизмундъ и Сигизмундъ-Августъ, также не были сторонниками уніи, Литва долго отклоняла всѣ попытки Поляковъ—привести къ осуществленію свой старый планъ инкорпораціи вел. кн. Литовскаго, такъ что въ продолженіе всей первой половины XVI в. этотъ вопросъ казался совершенно безнадежнымъ [1]). Даже собраться на общій сеймъ съ Поля-

[1]) Въ 1499 г., когда Польша хотѣла во что бы то ни стало заручиться содѣйствіемъ Литвы противъ Турокъ, польскіе политики даже дали согласіе на измѣненіе формулы уніи въ духѣ полной равноправности и независимости вел. кн. Литовскаго, какъ желали

ками (расчитывавшими въ такомъ случаѣ найти союзниковъ среди самыхъ представителей вел. кн. Литовскаго, особенно среди низшаго дворянства—шляхты) литовскіе правители никакъ не соглашались. Но въ 1560-хъ годахъ начинается поворотъ, неблагопріятный для литовскихъ правителей. Литва неосторожно навлекла на себя войну съ Москвою, вмѣшавшись въ ливонскій вопросъ, и эта война, очень несчастливая для Литвы и требовавшая чрезвычайнаго напряженія силъ и вѣчныхъ податей на войско, вызывала чрезвычайное неудовольствіе, особенно среди низшаго дворянства. Допущенное незадолго передъ тѣмъ до участія въ парламентарной жизни вел. княжества, оно постепенно выходитъ изъ-подъ вліянія магнатовъ и начинаетъ подымать голосъ за тѣсную унію вел. кн. Литовскаго съ Польшею, такъ какъ такая обѣщала содѣйствіе Поляковъ въ войнахъ и иныхъ нуждахъ земель вел. кн. Литовскаго, а самой шляхтѣ обѣщала расширеніе шляхетскихъ вольностей по польскому образцу и уничтоженіе прерогативъ магнатства, всевластно правившаго въ вел. кн. Литовскомъ. Вел. князь и король польскій Сигизмундъ-Августъ, до сихъ поръ равнодушный къ вопросу объ уніи, подъ вліяніемъ этихъ же и, можетъ быть, еще иныхъ мотивовъ становится также горячимъ сторонникомъ инкорпораціи вел. кн. Литовскаго. Литовскіе магнаты очутились такимъ образомъ въ очень трудномъ положеніи, подвергаясь давленію сверху и снизу; но такова была сила этой всевластной, тѣсно сплоченной магнатской олигархіи, что она все-таки держалась, до созванія общаго сейма не допускала, представителей шляхты держала на конференціяхъ съ Поляками въ полномъ подчиненіи, и поколебавшись и сдѣлавъ рядъ уступокъ на первыхъ порахъ, на конференціи 1564 г., затѣмъ взяла ихъ назадъ и совершенно затормозила вопросъ объ уніи.

литовскіе автономисты. Когда вслѣдъ затѣмъ вел. кн. литовскій Александръ сдѣлался и польскимъ королемъ, онъ октроировалъ новый актъ уніи, въ духѣ польскихъ стремленій, но въ Литвѣ его не считали правосильнымъ.

Когда послѣ безплодныхъ сеймовъ 1565—66 гг., по вопросу объ уніи состоялся въ концѣ 1568 г., въ Люблинѣ, новый сеймъ, съ участіемъ представителей литовскихъ сословій, литовскіе магнаты и здѣсь умѣли удержать представителей шляхты въ полномъ послушаніи и свели общій сеймъ къ конференціямъ двухъ отдѣльныхъ сеймовъ. Когда же они замѣтили, что король намѣренъ энергично поддержать польскія стремленія и подъ вліяніемъ Поляковъ готовъ даже оказать давленіе на представителей Литвы, ночью подъ 1 марта 1569 г. эти представители тайкомъ уѣхали изъ Люблина. Они надѣялись такимъ образомъ «сорвать» сеймъ, но расчетъ ихъ оказался неудачнымъ. Поляки были раздражены долгими безуспѣшными переговорами и теперь, имѣя въ полномъ своемъ вліяніи короля, рѣшили идти на проломъ и покончить съ Литвою. Подъ вліяніемъ однако энергической оппозиціи литовскихъ магнатовъ, они рѣшили оставить нѣкоторую тѣнь литовской автономіи, но зато отобрать отъ вел. кн. Литовскаго и присоединить къ Польшѣ спорныя земли, на которыя они издавна имѣли виды.

Непосредственно по отъѣздѣ литовскихъ представителей, польскіе сенаторы на конференціи съ королемъ, въ присутствіи шляхетскихъ депутатовъ [1]), выступили съ проектомъ: относительно уніи постановить заочное рѣшеніе, безъ литовскихъ представителей, какъ самовольно и незаконно уѣхавшихъ [2]), а прежде всего присоединить къ Польшѣ Волынь и Подляшье, немедленно опубликовать грамоты объ этомъ присоединеніи и призвать сенаторовъ и шляхетскихъ депутатовъ этихъ провинцій къ участію въ сеймѣ. Король заявилъ, что находитъ эти предложенія вполнѣ справедливыми и солидаризуется съ ними, т. е. готовъ осуществить

---

[1]) Польскій сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ—сената, гдѣ засѣдали епископы и высшіе чины, и палаты посольской, гдѣ засѣдали выборные депутаты шляхетскаго сословія.

[2]) Въ польской судебной процедурѣ это называлось контумаціей; нечего и говорить, что въ данномъ случаѣ приложеніе этого правила было явною натяжкой.

эти желанія противъ воли литовскихъ представителей. Рѣшено было приготовиться на всякій случай къ войнѣ съ Литвою и для этого постараться привлечь на свою сторону Татаръ. О присоединеніи Волыни и Подляшья немедленно разосланы грамоты въ эти провинціи и сенаторамъ и депутатамъ приказано явиться на сеймъ подъ угрозою отнятія имѣній и должностей. Приступлено къ редакціи сеймовыхъ рѣшеній о присоединеніи этихъ земель; ихъ стилизировали почти одинаково, съ полнымъ пренебреженіемъ къ историческимъ фактамъ: король, отъ имени котораго писались эти рѣшенія, заявлялъ, что онъ, памятуя свою обязанность—возвратить Польшѣ принадлежавшія ей издревле земли, въ виду напоминаній и просьбъ собранныхъ на сеймѣ представителей [1]), рѣшилъ присоединить къ Польшѣ Подляшье и Волынь, какъ земли, принадлежавшія издавна Польшѣ и только во время правленія Казимира Ягайловича, бывшаго одновременно вел. княземъ литовскимъ и королемъ польскимъ, насильственно присоединенныя къ Литвѣ. Потомъ, съ участіемъ представителей Подляшья и Волыни, редакція этихъ инкорпораціонныхъ хартій подверглась различнымъ измѣненіямъ, но историческая мотивировка оставлена въ томъ же противорѣчіи съ историческими фактами [2]); такими мелочами тогда никто не былъ озабоченъ, разъ ступивъ на почву насильственнаго разрѣшенія вѣковыхъ стремленій польской политики.

---

[1]) Вслѣдствіе неясной (можетъ быть—умышленной) стилизаціи выходило, будто въ этихъ совѣщаніяхъ и просьбахъ принимали участіе и представители вел. кн. Литовскаго.

[2]) Въ дѣйствительности въ XII—XIII в. Поляки въ пограничныхъ войнахъ иногда на короткое время захватывали части Подляшья; при Ягайлѣ оно короткое время было во владѣніи князей мазовецкихъ, какъ *литовскій* ленъ, и затѣмъ опять нѣсколько лѣтъ по смерти Сигизмунда Кейстутовича. Поляки же привыкли смотрѣть на него какъ на свою провинцію вслѣдствіе того, что мелкая мазовецкая шляхта, переселяясь сюда, въ значительной степени полонизировала его уже въ XV в. Объ усиліяхъ Поляковъ захватить Волынь я говорилъ уже; до сихъ поръ они были безуспѣшны и Польшѣ Волынь не принадлежала никогда.

Сенаторы и депутаты Волыни и Подляшья долго не являлись; главнымъ образомъ ихъ удерживалъ страхъ репрессій со стороны в. кн. Литовскаго, да и слишкомъ внезапно и странно все это сдѣлалось. Король наконецъ приступилъ къ конфискаціи имѣній и должностей ослушниковъ, и это оказало дѣйствіе—сенаторы и депутаты явились. Они очень неохотно присягали на вѣрность Польской коронѣ, особенно нѣкоторые волынскіе магнаты—требовали, чтобы были обезпечены права ихъ народности, религіи, ихъ сословныя преимущества [1]), и просто уклонялись. Но ultima ratio—угроза конфискаціей въ концѣ сдѣлала свое дѣло: присяга была принесена, и представители новоприсоединенныхъ провинцій заняли среди представителей другихъ польскихъ провинцій «издавна принадлежавшія имъ мѣста», какъ выражались Поляки.

Волынскимъ обывателямъ оказаны были разныя любезности: на Волыни оставлено въ силѣ и на будущее время доселѣ дѣйствовавшее право (въ видѣ второй редакціи Литовскаго статута, получившаго вслѣдствіе того имя Волынскаго); мѣстный языкъ (собственно—выработанную канцелярскою практикою в. кн. Литовскаго макароническую бѣлорусско-украинско-польскую смѣсь) сохраненъ въ мѣстномъ дѣлопроизводствѣ и въ сношеніяхъ центральнаго правительства съ мѣстными учрежденіями (за исключеніемъ только городскихъ общинъ); шляхтѣ «греческой вѣры» предоставлены одинаковыя права съ католиками, обѣщали назначать ихъ на всѣ должности; мѣстныя должности должны были раздаваться только мѣстнымъ уроженцамъ. Это послѣднее обѣщаніе дано было и Подляшанамъ, въ остальномъ же для этой земли не дѣлалось исключеній, такъ какъ въ ней существо-

[1]) Интересна была рѣчь кн. Вишневецкаго, который требовалъ, чтобы православные роды не были третированы ниже католическихъ, чтобы старинные княжескіе роды оставлены были при своихъ почетныхъ прерогативахъ; онъ указывалъ на то, что эти украинскіе княжескіе и магнатскіе роды, и вообще украинскій народъ не уступаютъ въ благородствѣ и славѣ „никакому другому народу на свѣтѣ“.

вали во многомъ уже и раньше польскіе порядки, польское право, польскій языкъ.

Правители в. кн. Литовскаго, со стороны которыхъ опасались вооруженнаго противодѣйствія и польскіе политики и населеніе Волыни и Подляшья, въ концѣ концовъ не рѣшились ни на какой энергическій протестъ противъ произведеннаго Польшею захвата. Положеніе ихъ дѣйствительно было тяжелое: надъ Литвою тяготѣла дольше тяжелая война съ Москвою, шляхетское сословіе было противно политикѣ магнатовъ, и даже на солидарность магнатовъ украинскихъ земель, на которыя положила теперь руку Польша, не могли расчитывать литовскіе олигархи въ силу исключительности своей политики и стараго раздвоенія Литвы и Руси. И вмѣсто войны, которой ждали отъ нихъ, въ концѣ концовъ ихъ депутація явилась на сеймъ съ жалкими словами по поводу присоединенія Волыни и Подляшья и заявленіемъ готовности продолжать переговоры объ уніи. Такой легкій успѣхъ и безнаказанность раззадорили польскихъ политиковъ, и шляхетскіе депутаты, вообще болѣе смѣлые въ своихъ планахъ, чѣмъ сенаторы, выступили съ требованіемъ, чтобы къ Польшѣ было присоединено также восточное Подолье, незадолго передъ тѣмъ сформированное въ особое Браславское воеводство, и Кіевская земля. Проектъ присоединенія Браславскаго воеводства былъ принятъ и сенаторами, и королемъ очень сочувственно, его включили въ постановленіе о присоединеніи Волыни, какъ бы часть Волынскихъ земель [1]), браславскимъ сановникамъ велѣли присягнуть, и въ продолженіе какихъ нибудь двухъ недѣль присоединеніе Браславщины было покончено, не встрѣтивъ никакихъ затрудненій.

Не то съ Кіевскою землею. О правовой сторонѣ, конечно, никто не думалъ. Но эта обширная, малонаселенная, подвергавшаяся непрестаннымъ нападеніямъ Татаръ и порубежная съ страшнымъ Московскимъ государствомъ страна болѣе

[1]) Исторически это было совсѣмъ невѣрно, но въ XVI в. Браславщина стояла въ близкой связи съ Волынью.

холоднымъ польскимъ политикамъ казалась (какъ и оказалось дѣйствительно) непосильнымъ бременемъ для Польши, съ ея чрезвычайно слабою государственною и военною организаціей. Поэтому большинство сенаторовъ, и король съ ними, несочувственно приняли этотъ проектъ шляхетскихъ депутатовъ. Но они штурмовали неустанно, и ихъ настойчивость имѣла успѣхъ [1]). На другой день послѣ присяги браславскаго воеводы (3 іюня) состоялась конференція, на которой посламъ удалось склонить на свою сторону многихъ сенаторовъ и короля. Король заявилъ, что онъ рѣшилъ присоединить Кіевскую землю къ Польшѣ и прикажетъ кіевскому воеводѣ принести присягу. Тѣмъ же днемъ датирована и грамота о присоединеніи Кіевской земли: она тутъ является также землею, извѣка принадлежавшею къ Польшѣ, а для успокоенія кіевскихъ обывателей имъ предоставляются тѣ же гарантіи, что и волынскимъ.

Литовскіе представители, прибывшіе какъ разъ передъ тѣмъ на сеймъ, не имѣли энергіи протестовать противъ этихъ новыхъ захватовъ: они чувствовали, «что у нихъ обрѣзаны крылья». Послѣ тщетной и довольно слабой оппозиціи приняли они октроированную формулу уніи, добившись только незначительныхъ уступокъ въ ней. Прежняя личная унія замѣнена очень тѣсною реальною: Польша и Литва имѣютъ составлять одно государство, съ однимъ, сообща избираемымъ главою, съ общимъ сеймомъ; только отдѣльныя министерства сохраняются въ Литвѣ.

Въ половинѣ августа окончился этотъ сеймъ, записавшій свое имя такъ глубоко въ исторіи Восточной Европы, въ нѣсколько засѣданій осуществлявшій то, чего не могли достигнуть долгія войны и столѣтія дипломатическихъ торговъ

---

[1]) Слѣдуетъ упомянуть, что ихъ поддерживали Волыняне и Браславляне: новоприсоединенныя къ Польшѣ провинціи имѣли всѣ причины желать, чтобы съ присоединеніемъ не разрывалась ихъ связь съ прочими украинскими землями—чтобы и онѣ были присоединены къ Польшѣ.

и ухищреній. Прославляемый позднѣйшими польскими историками какъ актъ любви и братства, въ дѣйствительности онъ былъ цѣпью насилій на чужихъ правахъ и убѣжденіяхъ, осуществленныхъ давленіемъ правительственной власти—и тяжелыхъ обстоятельствъ... Это, впрочемъ, не дѣлаетъ и литовскихъ автономистовъ мучениками идеи: ими руководили также эгоистическіе мотивы — интересы олигархіи, во имя которыхъ они подавляли и оппозицію своей шляхты, стремившейся къ благодатямъ польскихъ шляхетскихъ привилегій.

Итакъ Польша собрала подъ своею властію почти всѣ украинскія земли. Внѣ границъ ея, кромѣ Руси Угорской и украинскихъ округовъ Молдавіи (Буковины), послѣ 1569 г. оставались только: территорія по среднему Бугу и верхней Припяти—земли Брестская и Пинская, составившія Брестское воеводство и оставшіяся въ составѣ в. кн. Литовскаго,—и Черниговщина. Но вел. кн. Литовское послѣ 1569 г. находилось подъ такимъ полнымъ воздѣйствіемъ польскаго правительства, права и культуры, что и упомянутая Берестейско-пинская территорія все равно что принадлежала къ Польшѣ. Черниговская земля съ 1503 г. принадлежала Московскому государству; но въ началѣ XVII в., во время московскаго смутнаго времени, Польша завладѣла этою территоріею, и она осталась за нею—изъ него сформировано Черниговское воеводство. Правда, это владѣніе продолжалось недолго, только до великаго возстанія 1648 г. Но все-таки, хоть на время, Польшѣ удалось собрать украинскія земли почти цѣликомъ. Вел. кн. Литовское послужило для нихъ какъ бы этапомъ въ переходѣ подъ власть Польши, въ сферу вліянія ея государственнаго строя, права и быта.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. IV гл. 2—4.

XI.

Въ сферѣ соціальной эволюціи самое состояніе подъ властью великихъ князей литовскихъ, въ составѣ великаго княжества Литовскаго для украинскихъ земель служило только этапомъ въ переходѣ въ кругъ вліянія польскаго общественнаго строя и права. Западная часть украинскихъ земель—Галичина, земли Холмская, Белзская и Подольская, присоединенныя непосредственно къ Польшѣ въ продолженіе 2-ой половины XIV и въ первой половинѣ XV вѣка, уже въ это время подпадаютъ воздѣйствію польскаго права. Центральныя украинскія земли въ продолженіе всего XV и большей части XVI в. находились подъ правомъ великаго княжества Литовскаго. Но это право, создавшееся на основѣ права древнерусскаго, выработаннаго Кіевскимъ государствомъ, со времени уніи 1385 г. развивалось подъ сильнымъ воздѣйствіемъ права польскаго, особенно во 2-ой половинѣ XV и въ XVI вѣкѣ. Такимъ образомъ нахожденіе подъ правомъ литовскимъ вводило и эти земли въ сферу воздѣйствій права польскаго, только черезъ фильтръ литовскаго государственнаго строя эти воздѣйствія проникали сюда въ разжиженномъ видѣ, вліяніе польскаго строя распространялось въ замедленномъ темпѣ. То, что западныя украинскія земли прошли во второй половинѣ XIV и въ первой половинѣ XV в., центральныя проходили въ теченіе XVI в., а восточныя—черниговскія земли, принадлежавшая въ XVI в. Москвѣ, и Переяславщина—лежавшая пустынею весь XVI вѣкъ, прошли черезъ это воздѣйствіе только въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій XVII в., предшествовавшихъ движенію 1648 г.

Впрочемъ, и западныя украинскія земли, вошедшія въ составъ Польши, не сразу были организованы по польскому образцу. И въ нихъ на первыхъ порахъ, оставалось довольно много отъ прежнихъ порядковъ, такъ что позже это переходное время называлось «временемъ русскаго права»,

«tempore iuris ruthenicalis». Полное уравненіе этихъ провинцій съ польскими и введеніе польскаго права было провозглашено въ 1434 г., по смерти Ягайла. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ систематическая перестройка по польскому образцу государственнаго строя, администраціи и сословныхъ отношеній падаетъ на середину XVI в., окончательно же организуются на польскій ладъ и подвергаются глубокому вліянію польскаго быта центральныя украинскія земли только съ 1569 г., когда непосредственно присоединяются къ Польшѣ (эта же дата имѣетъ значеніе и для Брестской земли, хотя формально и невошедшей въ составъ Польши). Правда, на Волыни, въ Браславской и Кіевской земляхъ оставлено прежнее право и на будущее время, но его значеніе при массовомъ движеніи польскихъ привиллегированныхъ элементовъ въ эти земли и распространеніи польскихъ порядковъ становится вскорѣ совершенно иллюзоричнымъ, и можно сказать, что въ послѣдней четверти XVI в. вся Украйна по самый Днѣпръ была организована уже по польскому праву и польскимъ порядкамъ. Въ первой половинѣ XVII в. это право и порядки переходятъ и за Днѣпръ, до крайнихъ предѣловъ украинской колонизаціи на востокѣ.

Политическій и общественный строй Польши въ XIV—XV вв. какъ разъ окончательно слагался. Его характеристическою особенностью, особенно важною въ дальнѣйшемъ воздѣйствіи на строй украинскихъ земель, было чрезвычайное развитіе сословности и необыкновенное преобладаніе дворянства. Послѣ того, какъ городское сословіе было совершенно выдѣлено изъ государственной организаціи и сдѣлалось государствомъ въ государствѣ (объ этомъ ниже), остальное населеніе уложилось въ два рѣзко разграниченные общественные контрасты: всевластное дворянство и безправное крестьянство. Подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, права государства по отношенію къ крестьянину всецѣло переходятъ къ помѣщику—не только права на всякаго рода повинности, поступавшія прежде государству, но и право суда и административная власть. Кре-

стьянство исключается изъ подъ власти государственныхъ чиновниковъ, которыхъ права переходятъ къ помѣщикамъ; государственная подать ограничивается ничтожною платою 2 грошей съ лана обработанной земли (30 морговъ или 20 десятинъ). Одновременно шляхта освобождаетъ себя почти вовсе отъ служебныхъ обязанностей по отношенію къ государству, которыя были raison d'être ея сословныхъ привиллегій. Самая власть правительства надъ ней, вообще правящая и исполнительная власть ослабѣваютъ. Судъ переходитъ къ избираемымъ шляхтою судьямъ. Единственнымъ независимымъ отъ нея органомъ являются такъ наз. старосты—королевскіе чиновники съ полицейскими и судебными компетенціями и исполнительною властью, но съ ослабленіемъ правительственной власти и старосты дѣлаются представителями шляхетскаго класса и его интересовъ [1]). Развитіе парламентаризма въ XV в даетъ шляхтѣ голосъ и вліяніе въ общегосударственныхъ вопросахъ, и въ дальнѣйшемъ развитіи съ одной стороны—ослабляетъ значеніе родовой и служебной аристократіи, пановъ сенаторовъ, съ другой—подрѣзываетъ силу королевской власти, такъ что къ концу XVI в. Польша окончательно формируется въ шляхетско-демократическую державу, монархію только по имени, гдѣ правитъ исключи-

---

[1]) Старосты сначала, въ XIV в., являются намѣстниками короля, съ весьма широкими полномочіями, въ большихъ провинціяхъ. Позже число ихъ умножается, и они превращаются въ обыкновенныхъ административно-полицейскихъ правителей небольшихъ округовъ (повѣтовъ), на которые раздѣлялись воеводства и земли, и притомъ почти единственными представителями мѣстнаго управленія, такъ какъ болѣе древнія должности—воеводъ и каштеляновъ, превратились почти въ простые титулы. Кромѣ того позже, въ XVII—XVIII в., старостами называются также „державцы" большихъ коронныхъ имѣній, которые, по тогдашнимъ понятіямъ, не были государственными чиновниками, а только арендаторами государственныхъ имуществъ („староства не судебныя"): имъ въ этихъ имѣніяхъ принадлежала только обыкновенная патримоніальная юрисдикція надъ крестьянами, мѣщанами и служилою шляхтою, какая принадлежала помѣщикамъ и державцамъ вообще. Поясняю это ввиду частыхъ упоминаній въ дальнѣйшемъ.

тельно шляхетскій классъ, прилагающій только къ себѣ имя «народа» («народъ шляхетскій»). Узурпировавъ всѣ права по отношенію къ прочимъ сословіямъ, онъ заботливо проводитъ принципъ равенства въ своей средѣ (шляхетскій демократизмъ) и направляетъ законодательство, общественный строй и жизнь исключительно съ точки зрѣнія интересовъ своего сословія.

Въ этомъ направленіи, подъ вліяніемъ польскаго права, непосредственнымъ и посредственнымъ (чрезъ законодательство и практику великаго княжества Литовскаго), видоизмѣнялся въ XIV—XVII вв. и строй украинскихъ земель. Разнообразіе общественныхъ классовъ и группъ, съ ихъ незамѣтными переходами при отсутствіи рѣзкихъ сословныхъ границъ, отличавшее древнерусскій общественный строй, замѣняется рѣзко отграниченными сословіями—привиллегированнымъ шляхетскимъ и безправнымъ крестьянскимъ. Городъ, бывшій прежде центромъ жизни земли и ея представителемъ, исключается изъ земскаго строя и атрофируется. Самоуправляющая земля замѣняется самоуправляющеюся шляхетскою кастою [1]). Аномаліи общественныхъ отношеній усугубляются еще тѣмъ, что привиллегированнымъ классомъ въ украинскихъ земляхъ стаютъ все болѣе и исключительнѣе Поляки, въ положеніи непривиллегированномъ, порабощенномъ оказывается туземное, украинское населеніе. Соціальная несправедливость обостряется національною рознью, сознаніемъ національнаго гнета, подмѣниваемымъ чувствомъ совпадающаго съ нимъ гнета религіознаго. Поляки (и ополяченные туземцы) держатъ въ своихъ рукахъ всю власть, всю силу,

[1]) Въ старомъ самоуправленіи земли, котораго особенно идеализировать также не слѣдуетъ, преобладали также правящіе классы. Но это преобладаніе было только фактическое, въ разныхъ обстоятельствахъ далеко не одинаковое, съ принципіальными правами на участіе всего свободнаго населенія; сами правящіе классы не были такъ рѣзко отграничены, не были наслѣдственною кастою, какъ шляхта, и ихъ права не были такъ регламентированы въ ихъ безграничности, какъ этой послѣдней.

всѣ доходы, всѣ земли. Туземная Русь обращена въ польскихъ гелотовъ, въ нищую, презираемую массу польскихъ слугъ и чернорабочихъ; ея культура, религія, бытъ доведены до полнаго упадка, обнищанія, униженія этимъ польскимъ господствомъ. Все это придаетъ еще большую жгучесть неудовольствію обдѣленныхъ слоевъ и группъ туземнаго украинскаго населенія и усиливаетъ интенсивность послѣдующей борьбы.

Таковы были главныя черты общественнаго процесса, развивающагося въ украинскихъ земляхъ в. кн. Литовскаго и Польши въ XIV—XVII вв. Какъ сказано, въ земляхъ, принадлежавшихъ къ в. кн. Литовскому, этотъ процессъ былъ отсроченъ или замедленъ. Но въ большинствѣ случаевъ общественная эволюція в. кн. Литовскаго шла въ направленіи къ польскимъ порядкамъ, или болѣе самостоятельнымъ процессомъ, или воспринимая нормы польскаго права — вслѣдствіе уніи съ Польшею.

Общественное устройство в. кн. Литовскаго исходило отъ права и общественнаго строя, выработаннаго Кіевскимъ государствомъ [1]). Но при всемъ уваженіи къ нимъ литовскаго правительства и принципіальномъ консерватизмѣ его, этотъ старый общественный строй очень рано начинаетъ подвергаться весьма существеннымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ государственнаго процесса в. кн. Литовскаго. Это государство съ сильно выраженнымъ военнымъ характеромъ, съ широкими завоевательными планами, окруженное соперниками и врагами, всю энергію внутренней политики обращало на выработку возможно большой военной силы, военныхъ контингентовъ: оставляя присоединяемымъ украинскимъ и бѣлорусскимъ землямъ ихъ старый строй и порядки, ихъ автономію, оно ставило имъ только одно требованіе—чтобы всѣ эти земли и всѣ сословія ихъ участвовали возможно больше въ военныхъ тягостяхъ государства. Послѣдовательное проведеніе этого принципа—возможно широкаго привлеченія населенія къ военной

---

[1]) См. выше, гл. IX.

службѣ, возможно полной эксплоатаціи его въ интересахъ военныхъ, приводило къ весьма существеннымъ послѣдствіямъ для правовыхъ и общественныхъ отношеній. Основаніемъ военнаго обложенія сдѣлано землю, землевладѣніе, и въ интересахъ военной службы оно подвергается чрезвычайно сильной регламентаціи и контролю правительства, и въ результатѣ это въ концѣ концовъ приводитъ къ ограниченію самаго права собственности и распоряженія недвижимыми имуществами: правительство допускаетъ его въ такихъ границахъ и постольку, поскольку это согласуется съ интересами военной службы, и собственникомъ земель становится какъ бы само государство. Уже въ XV в., какъ можно видѣть изъ юридическихъ документовъ, владѣніе военнослужебнаго сословія имѣетъ характеръ ограниченный, условный, говоря западноевропейскою средневѣковою терминологіею—характеръ прекарный, и практика землевладѣнія весьма близко напоминаетъ западный феодализмъ [1]). Владѣлецъ можетъ пользоваться своею землею только до тѣхъ поръ, пока въ состояніи нести службу, связанную съ этимъ владѣніемъ; онъ можетъ

---

[1]) Вслѣдствіе этой схожести термины: „феодализмъ", „феодальный" часто прилагаются къ характеристикѣ строя в. кн. Литовскаго, и даже существовала теорія заимствованія феодальнаго права в. кн. Литовскимъ съ запада. Въ дѣйствительности такого заимствованія не было, конечно; прекарныя формы землевладѣнія развились подъ вліяніемъ потребностей государственной организаціи, какъ показываютъ это параллели въ военнослужебномъ землевладѣніи Московскаго государства, и въ менѣе яркихъ и скоро преходящихъ формахъ—также и въ землевладѣніи западныхъ украинскихъ земель, находившихся подъ польскимъ правомъ. Не создались они и сразу, вслѣдствіе какого нибудь рѣзкаго перелома — по праву завоеванія литовскими князьями этихъ земель, какъ допускали нѣкоторые; перелома въ отношеніяхъ земли литовская оккупація вообще не создавала, какъ мы видѣли выше. Но въ ошибку впадаютъ и противники этихъ взглядовъ, принимая въ позднѣйшихъ прекарныхъ формахъ остатки стараго, до-литовскаго строя: наши источники вполнѣ отрицаютъ существованіе такихъ формъ въ строѣ Кіевскаго государства, и мы имѣемъ въ нихъ, несомнѣнно, результатъ позднѣйшей эволюціи.

передать наслѣдникамъ или отчудить свое имѣніе только съ вѣдома и разрѣшенія правительства, слѣдящаго за тѣмъ, чтобы новый владѣлецъ былъ способнымъ къ службѣ. Эта практика переносится на всѣ роды военнослужебнаго землевладѣнія, будетъ ли это владѣніе данное правительствомъ подъ условіемъ службы, или унаслѣдованное. То же воззрѣніе переносится также и на землевладѣніе не военнослужебное—крестьянское. Создается убѣжденіе, что крестьянинъ сидитъ на землѣ не своей, а пользуется государственною, подъ условіемъ исправнаго отбыванія въ ней повинностей въ пользу государства или того лица, которому правительство переуступитъ права на крестьянскія повинности взамѣнъ военной службы [1]). Какія огромныя послѣдствія производили въ общественномъ строѣ такія воззрѣнія въ ихъ практическомъ приложеніи, увидимъ ниже.

Прежде всего остановимся на эволюціи военнослужебныхъ, привиллегированныхъ классовъ.

Въ присоединенныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ литовское правительство застало извѣстные намъ классы: княжескихъ военнослужебныхъ людей, верхняя категорія которыхъ носила имя бояръ; земскую, землевладѣльческую аристократію, называвшуюся также боярами (эти двѣ категоріи мѣстами слились, несомнѣнно, очень тѣсно); затѣмъ мѣщанъ, крестьянъ-собственниковъ, и другія группы, которыя намъ пока не нужны.

Прежде всего отмѣтимъ, что къ верхнимъ, аристократическимъ слоямъ эволюція в. кн. Литовскаго присоединяетъ еще одну—самую верхнюю и аристократическую, классъ князей. Мы уже отчасти знаемъ этотъ классъ и его происхожденіе. Это бывшіе владѣтельные князья изъ старой династіи и изъ потомковъ Гедимина, а также нѣсколько родовъ изъ старыхъ литовскихъ, мѣстныхъ династій, совершенно обрусѣвшихъ. Съ сплоченіемъ в. кн. Литовскаго, особенно послѣ по-

---

[1]) „Своего ничего не маемъ, одно божье да государево", такъ говорили даже сами крестьяне въ XVI вѣкѣ.

грома сильнѣйшихъ князей 1390-хъ гг., они превращаются все болѣе и болѣе въ крупныхъ вотчинниковъ; правда, сильнѣйшіе изъ нихъ поддерживаютъ нѣкоторыя традиціи—пишутся «божьей милостью», удерживаютъ разные аттрибуты государственной власти, но, вообще говоря, со времени Витовта это только аристократія, а не государи (за немногими исключеніями—какъ Свитригайло, Олельковичи кіевскіе). Со времени Витовта же, вообще много потрудившагося надъ тѣмъ, чтобы подорвать значеніе этого класса, а окончательно—съ упадкомъ Свитригайла, они теряютъ также и вліяніе на государственное (центральное) управленіе. Оно переходитъ къ аристократическимъ не-княжескимъ литовскимъ родамъ, собравшимъ огромныя богатства, огромныя лятифундіи. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми украинскими и бѣлорусскими богатыми боярскими родами, эти литовскіе магнаты составляютъ, рядомъ съ князьями, вторую категорію аристократіи в. кн. Литовскаго—«князья и паны», какъ она обыкновенно обозначается въ законодательныхъ и иныхъ памятникахъ в. кн. Литовскаго. Изъ украинскихъ земель гнѣздомъ этой аристократіи была Волынь, кишѣвшая княжескими родами [1]), такъ что мелкаго дворянства и государственныхъ земель было здѣсь чрезвычайно мало. Здѣсь сидѣли княжескіе роды кн. Острожскихъ, Сангушковъ, Черторыйскихъ, Дубровицкихъ, Збарожскихъ, Вишневецкихъ, Порицкихъ и Воронецкихъ, Четвертинскихъ, Жеславскихъ, Корецкихъ и т. д., и нѣсколько богатыхъ панскихъ родовъ, какъ Боговитины, Монтовты, Кирдеи, Загоровскіе, Семашки. Княжескіе и панскіе роды Волыни, по сохранившейся переписи 1528 г., высылали около трехъ четвертей всего военнаго контингента, выставлявшагося Волынью, и только одна четверть оставалась для прочихъ землевладѣльцевъ. Наоборотъ царствомъ мелкой шляхты было Подляшье (и здѣсь особенно сѣверный—Бѣльскій повѣтъ) и кіевское

[1]) Она была вообще наиболѣе княжескою землею въ в. кн. Литовскомъ, между тѣмъ какъ гнѣздомъ панскихъ родовъ, менѣе многочисленныхъ, но въ суммѣ болѣе богатыхъ, были литовскія и бѣлорусскія земли бассейна Нѣмана.

Полѣсье, а въ районѣ верхней Припяти (княжества Кобринское и Пинское), рядомъ съ мелкимъ боярствомъ (какъ и внутри другихъ лятифундій) былъ развитъ также классъ крестьянскій, по прекращеніи княжескихъ династій, превратившихся въ крестьянъ, «господарскихъ», государственныхъ.

Эта княжеско-панская аристократія, владѣльцы большихъ имѣній, пользовались разными фактическими и даже юридическими прерогативами—въ сферѣ суда и административно-военнаго устройства. Въ ихъ же рукахъ было все управленіе: должности центральнаго управленія распредѣлялись въ тѣсномъ кругу фамилій, преимущественно литовской аристократіи, должности мѣстныя—между аристократіею данной земли (это даже было гарантировано правительствомъ во многихъ уставныхъ земскихъ грамотахъ). Какъ мы видѣли, съ середины XVI в. выступаетъ противъ ихъ преобладанія мелкое дворянство; одновременно и правительство, по образцу польскаго устройства, проводитъ рядъ реформъ, поднимавшихъ значеніе мелкаго дворянства и уравнивавшаго его съ князьями-панами; но фактическаго значенія и преобладанія этой аристократіи все это, конечно, не уничтожило.

Сословіе мелкаго, рядового дворянства формировалось въ великомъ княжествѣ Литовскомъ подъ вліяніемъ польскаго устройства. Приложеніе польскихъ нормъ не обошлось однако безъ большихъ затрудненій. Литовское правительство прилагало усилія къ тому, чтобы привлечь къ военной службѣ возможно большее число населенія. Не только крупные и средніе землевладѣльцы, но и мѣщане и болѣе состоятельные крестьяне переводились «на боярскую службу», т. е. освобождались отъ прочихъ обязанностей и податей, а взамѣнъ того должны были по призыву власти являться въ походъ, на свой счетъ снарядившись и на свой счетъ содержа себя во время похода. При этомъ, конечно, этотъ классъ военно-служебныхъ людей не отличался большою устойчивостью — въ него входили ежеминутно новые разночинные элементы и такимъ же образомъ выходили, когда военная служба становилась имъ неподручною: съ боярской службы переводились

на «службу тяглую» или облагались иными повинностями, по собственному желанію, или по распоряженію властей, если онѣ находили данное лицо неспособнымъ къ отправленію боярской службы. Кромѣ того классъ лицъ, несшихъ боярскую службу, соединялся съ крестьянствомъ разными посредствующими категоріями—такъ назыв. слугъ, несшихъ военную службу въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ и отправлявшихъ разныя службы при замкахъ, ремесленниковъ, также привлекавшихся къ походамъ, и т. д. Замкнуть эту обширную, разношерстную массу въ рѣзко опредѣленныя границы, по образцу польской шляхты, было очень трудно.

Правительство сначала имѣло намѣреніе, какъ мы знаемъ, создать въ Литвѣ по образцу Польши юридически привиллегированное сословіе изъ Литвиновъ-католиковъ и сдѣлало было нѣсколько пробъ въ этомъ направленіи. Непосредственно послѣ крещенія Литвы въ католичество, въ 1387 г. Ягайло издалъ жалованную грамоту для бояръ - католиковъ (т. е. литовской народности), гдѣ признавалъ имъ различныя привиллегіи по образцу польской шляхты; грамота эта, впрочемъ, больше обѣщала, чѣмъ сообщала правъ въ дѣйствительности: очевидно, распространеніе на всю многочисленную категорію бояръ литовскаго происхожденія привиллегій польской шляхты нанесло бы слишкомъ чувствительный ударъ государственному обложенію. Иначе ставилъ дѣло Городельскій актъ 1413 г.: чтобы пользоваться сословными привиллегіями, ближе разъясненными этимъ актомъ, недостаточно было быть бояриномъ-католикомъ, — нужно было для этого имѣть гербъ, а для этого необходимо было пожалованіе великимъ княземъ и еще принятіе какимъ нибудь польскимъ шляхетскимъ родомъ къ своему гербу. Эти процедуры однако вслѣдствіе уже своей сложности не привились. При томъ же оказалось, что сформировать такое привиллегированное сословіе съ исключеніемъ православныхъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ родовъ, невозможно. Поэтому постановленія Городельскаго акта, какъ и грамоты 1387 г., въ значительной степени остались мертвою буквою, и формированіе привиллегированнаго со-

словія пошло путемъ практики. Желая ослабить Свитригайла и отвлечь отъ него его православныхъ партизановъ, великій князь Сигизмундъ въ 1434 г. опубликовалъ грамоту объ уравненіи православныхъ князей и бояръ въ шляхетскихъ привиллегіяхъ съ католиками; Русины могутъ, съ согласія польскихъ шляхетскихъ родовъ, присвоять себѣ гербы ихъ, какъ и Литвины [1]). Однако планъ сформированія спеціально гербовой аристократіи—такъ называемыхъ «клейнотниковъ», не привился, и позднѣйшія грамоты о гербахъ, какъ аттрибутѣ шляхетства, уже не упоминаютъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пропадали всякія опредѣленныя рамки для новой привиллегированной шляхты. Но допустить всю огромную и разношерстную массу землевладѣльческаго сословія, несшаго военную службу, до постепенно возраставшихъ и расширявшихся, по польскому образцу, сословныхъ привиллегій, правительство стѣснялось. Земскій привилей 1447 г. освободилъ крестьянъ, сидѣвшихъ на шляхетскихъ земляхъ, отъ юрисдикціи государственныхъ чиновниковъ и подчинилъ ихъ юрисдикціи помѣщика. Практика XV в. (засвидѣтельствованная земскими привилеями украинскихъ зе-

---

[1]) Еще раньше, непосредственно послѣ выбора великимъ княземъ Сигизмунда, въ 1432 г. послы Ягайла подписали грамоту такого же содержанія, объ уравненіи православной русской шляхты съ литовскою въ пользованіи шляхетскими привиллегіями, но неизвѣстно, была ли она утверждена Ягайломъ. Какъ эта, такъ и грамота 1434 г. не устанавливала однако полной равноправности Русинъ съ Литвинами: они не отмѣняли и, слѣдовательно — оставляли въ силѣ постановленіе Городельскаго акта, что только католики могутъ занимать государственныя должности. Хотя это постановленіе не вполнѣ соблюдалось, и православные князья и паны занимали постоянно должности — главнымъ образомъ въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ (на должности центральнаго управленія и столичныя попадали они очень рѣдко), - но все-таки постановленіе Городельскаго акта оставалось въ силѣ, и его иногда припоминали для примѣненія на практикѣ. Формально отмѣнено оно было на сеймѣ великаго княжества Литовскаго 1563 г. Этотъ же сеймъ призналъ также и безразличность гербовъ для шляхетскаго званія.

мель начала XVI в.) давала важныя прерогативы членамъ привиллегированнаго сословія въ судѣ (право переносить свои тяжбы непосредственно въ судъ великаго князя, судиться съ участіемъ членовъ своего сословія и т. п.). Кодифицированное въ Литовскомъ статутѣ 1529 г. право великаго княжества Литовскаго очень настойчиво проводило принципъ юридическихъ преимуществъ шляхтича, разсматривая проступки противъ шляхтича или его имущества какъ квалифицированные. Литовскій статутъ въ новой редакціи 1566 г. имѣетъ еще болѣе рѣзко выраженныя черты шляхетскаго кодекса, покровительствующаго шляхетскому сословію, и кодифицируетъ весьма важныя права, данныя шляхетскому сословію въ сферѣ государственнаго и мѣстнаго управленія: обязательное участіе шляхетскихъ представителей, съ рѣшающимъ голосомъ въ сеймахъ, провинціальные шляхетскіе сеймики, выборные шляхетскіе суды, учрежденія, вполнѣ приближавшія строй земель, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, къ строю шляхетскаго Польскаго государства. Жалуя шляхетское сословіе такими важными прерогативами, литовское правительство, дѣйствительно, имѣло причины озабочиваться точнымъ установленіемъ круга людей, которые могли пользоваться этими прерогативами, и искало критерія для этого.

Я не буду останавливаться на всѣхъ попыткахъ его укажу только то, что имѣло потомъ дѣйствительно значеніе въ сформированіи шляхетскаго сословія. Итакъ для утвержденія шляхетства признавалась важнымъ аргументомъ давность въ пользованіи боярскими правами: въ первой половинѣ такимъ терминомъ non post признавалось правленіе Казимира († 1492). Позже важнымъ доказательствомъ шляхетскихъ правъ стала упомянутая перепись обязанныхъ военною службою бояръ 1528 г.—на нее ссылались, какъ на свидѣтельство принадлежности къ военному сословію. Наконецъ произведенная въ серединѣ XVI в. (разновременно и въ разныхъ формахъ) ревизія государственныхъ земель и правъ на владѣніе до извѣстной степени выяснила наличный составъ привиллеги-

рованнаго землевладѣльческаго сословія. Такъ, одновременно съ расширеніемъ привиллегій дворянства, передъ 1569 г., болѣе или менѣе обозначенъ былъ и составъ его.

Низшія категоріи боярства — малоземельные, захудавшіе роды, или бояре, несшіе кромѣ военной службы разныя другія натуральныя повинности, остались внѣ привиллегированнаго сословія, и за ними осталось старое имя бояръ: вслѣдствіе слишкомъ широкаго своего объема это имя было признано непригоднымъ для обозначенія привиллегированнаго сословія и уже со второй половины XV в. начиная, вытѣсняется другими, заимствованными изъ Польши названіями—«земянъ» и особенно—«шляхты».

Такимъ образомъ къ 1569 г. шляхетское сословіе в. кн. Литовскаго очень близко подошло уже къ своему образцу—шляхетскому сословію Польши. 1569-й годъ завершилъ эту эволюцію, спеціально для центральныхъ украинскихъ земель, принесши окончательное уравненіе съ польскою шляхтою въ двухъ чрезвычайно существенныхъ пунктахъ: освобожденіи шляхетскаго землевладѣнія отъ связывавшихъ его ограниченій и освобожденіи самой шляхты отъ военной службы и государственныхъ повинностей, какія сохранились еще до тѣхъ поръ. Первое—освобожденіе дворянскаго землевладѣнія, приготовлялось рядомъ предшествующихъ законовъ (въ Литовскомъ статутѣ 1529 и 1566 гг.), расширявшихъ вообще или для спеціальныхъ родовъ владѣнія право наслѣдованія и распоряженія, и въ 1569 г. распространилось не только на украинскія земли, присоединенныя на Люблинскомъ сеймѣ къ Польшѣ, но и на земли, оставшіяся въ составѣ в. кн. Литовскаго. Обязанность военной службы во всѣхъ походахъ для шляхты весьма тщательно сохранялась и строго регламентировалась вплоть до самаго 1569 г., и отъ нея освободилась тогда только шляхта земель, включенныхъ въ составъ Польши—Подляшья и земель Волынской, Браславской и Кіевской. Для земель, оставшихся въ составѣ в. кн. Литовскаго, обязанность службы

осталась въ силѣ и впредь [1]) и только путемъ практики вышла изъ употребленія.

Тѣмъ завершилась эволюція шляхетскаго сословія въ украинскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ в. кн. Литовскому (во второй половинѣ XVI в., какъ было уже упомянуто, достигло оно и равноправности съ княжеско-панскимъ магнатскимъ сословіемъ). Гораздо скорѣе прошелъ этотъ процессъ въ земляхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ непосредственно уже въ XIV и первой половинѣ XV в.

Польское правительство не спѣшило здѣсь вводить польскую систему администраціи и сословныхъ отношеній во всей полнотѣ, хотя съ введеніемъ массы привиллегированныхъ польскихъ колонистовъ, съ переходомъ всей высшей администраціи въ руки Поляковъ—польское право и практика стали широко проникать въ мѣстные порядки отношенія, путемъ практики, даже независимо отъ правительственныхъ мѣръ. Отчасти, можетъ быть—въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ стояли эти земли, отчасти — просто въ интересахъ управленія и государственнаго хозяйства, правительство не вводило здѣсь (главнымъ образомъ говорю о Галиціи) шляхетскаго земскаго самоуправленія, держало населеніе въ исключительной власти своихъ намѣстниковъ — воеводъ и старостъ, а въ подробностяхъ администраціи и суда оставляло многое изъ старой, галицко-волынской практики. Мѣстную шляхту, безъ различія происхожденія и національности, оно привлекало къ военной службѣ гораздо большей, чѣмъ какая существовала въ польскихъ земляхъ, и подвергало шляхетское землевладѣніе разнымъ ограниченіямъ, неизвѣстнымъ въ польскихъ земляхъ (то самое, только въ менѣе сильныхъ и развитыхъ формахъ, что видимъ мы въ в. кн. Литовскомъ). Конечно, это очень тяготило шляхту этихъ земель, особенно польскую, пришедшую изъ польскихъ провинцій. Въ своихъ сословныхъ интересахъ, безъ различія

---

[1]) Подтверждена была въ третьей кодификаціи права в. кн. Литовскаго—статутѣ 1588 г.

національности, здѣшніе землевладѣльцы были заинтересованы въ полномъ уравненіи этихъ провинцій съ чисто-польскими и хлопотали передъ правительствомъ въ этомъ направленіи. Ягайло далъ было обѣщанія въ этомъ смыслѣ, но провозглашено было это уравненіе украинскихъ провинцій Польши съ провинціями польскими только новымъ королемъ Владиславомъ, въ 1434 г. Шляхта освобождалась отъ мѣстныхъ повинностей, и въ управленіи и судѣ вводились польскіе порядки. Не сразу они были дѣйствительно введены вполнѣ, но во всякомъ случаѣ во второй половинѣ XV в. Галичина, Подолье, Белзкая земля вполнѣ организуются на польскій ладъ, здѣшняя шляхта усвояетъ вполнѣ права и порядки польскіе и одновременно—основательно ополячивается.

Туземная, украинская стихія очутилась здѣсь въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ украинскія провинціи великаго княжества Литовскаго [1]). Эти послѣднія провинціи остались почти совершенно нетронутыми въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ—сюда почти не проникали чуждыя культурно и національно элементы, управленіе осталось въ рукахъ мѣстныхъ аристократовъ, мѣстное право и культура пользовались полнымъ уваженіемъ власти, и Русь имѣла всякое основаніе считать себя выше стоящими въ культурномъ и правовомъ развитіи, чѣмъ правящая національность. Въ виду этого и позднѣйшія реформы въ духѣ польскаго права до самаго присоединенія къ Польшѣ не приносятъ непосредственнаго ущерба національности: мѣстная украинская жизнь перестраивается на польскій ладъ, не переставая еще быть украинскою; сформированное по образцу польской шляхты шляхетское сословіе, какъ и старая аристократія, не разрываютъ своей связи съ національностью, остаются украинскими.

Совершенно иначе было съ западными украинскими землями. Онѣ присоединялись къ государству, довольно все-таки старому, съ выработаннымъ строемъ и порядками, ко-

---

[1]) За исключеніемъ Подляшья, которое во многомъ попало въ условія, аналогическія съ украинскими провинціями Польши.

*

торое не имѣло поводовъ смотрѣть съ особеннымъ почтеніемъ на побѣжденную національность. Всю высшую администрацію заняли съ самаго начала чужеземцы, главнымъ образомъ Поляки, склонные смотрѣть на мѣстное право и культуру, какъ нѣчто низшее, хотя и безъ всякаго основанія,—въ силу того, что это были покоренныя провинціи, которыхъ право и культура имъ не импонировали, какъ Литвѣ. Также смотрѣли на мѣстную стихію иноземная, главнымъ образомъ польская шляхта и нѣмецко-польское мѣщанство, въ огромномъ количествѣ вводившіяся съ правительствомъ въ эти провинціи. Эта колонизація и эта польская администрація вносили польское право, польскія воззрѣнія, и, прежде чѣмъ польское право введено было формально, оно стало господствующимъ. Вопросъ объ освобожденіи отъ тяжелыхъ государственныхъ повинностей и сильной власти правительственной администраціи дѣлалъ и для украинскихъ землевладѣльцевъ весьма симпатичнымъ введеніе польскаго права и польскаго строя: сословные интересы заставляютъ ихъ сближаться съ Поляками—пришельцами, сплотиться съ ними въ одну соціальную партію. Впрочемъ эта украинская шляхта—потомки старыхъ боярскихъ родовъ была подорвана конфискаціями и отобраніемъ земель, гдѣ владѣльцы не могли доказать своихъ правъ документально (nullo iure possessores): онѣ переходили въ руки пришлыхъ элементовъ, на основаніи королевскихъ пожалованій. Благодаря всему этому, прежде чѣмъ національные интересы успѣли сплотить остатки украинскаго владѣльческаго сословія, оно увидѣло уже себя залитымъ польскою шляхетскою колонизаціею, оттѣсненною отъ власти, отъ вліянія въ шляхетскомъ самоуправленіи, и вмѣстѣ съ сознаніемъ своего безсилія оно постепенно подпадаетъ и культурному вліянію польскаго элемента, усвояетъ воззрѣніе Поляковъ на украинскій элементъ и украинскую культуру, какъ нѣчто низшее въ сравненіи съ польскою, и денаціонализируется въ весьма сильной степени.

Полный упадокъ украинскаго элемента подъ вліяніемъ этихъ условій обозначился вполнѣ ясно уже въ 1-ой половинѣ

XV в. Во второй половинѣ исчезаютъ остатки стараго строя, самая память о немъ. Большинство стараго украинскаго боярства—все, что было въ немъ болѣе богатаго, влiятельнаго, принятаго въ польскую среду, тонетъ въ ней. Остатки украинской шляхты остаются въ такомъ меньшинствѣ, что не идутъ въ счетъ. Украинскую нацiональность—и то въ видѣ темнаго стихiйнаго чувства или сознанiя разницы религiозной, сохраняютъ только крестьяне, мелкое мѣщанство и православное духовенство—сословiя, не имѣвшiя голоса ни въ государственной жизни, ни въ мѣстномъ управленiи; единственнымъ признаннымъ представителемъ этихъ земель служитъ шляхта, а она имѣетъ яркую и цѣльную польскую окраску. Украинское населенiе живетъ въ нихъ, но только какъ этнографическая масса, а не нацiя; православная, «русская» церковь—единственный институтъ, носящiй нацiональную форму. Это уже совершенно ясно выступаетъ въ XVI в., даже въ началѣ его. «Нѣтъ Руси, есть только паны и хлопы», могли бы сказать «обыватели» (т. е. шляхтичи) «Русскаго воеводства» [1]) въ XVI в., какъ говорили въ XIX в.

1569 г. широко отворилъ двери изъ западныхъ воеводствъ въ центральныя украинскiя земли этой шляхтѣ, которая, сидя на украинской землѣ и живя потомъ украинскаго крестьянина, привыкла игнорировать все туземное, смотрѣть на украинскiй народъ, какъ на гелотовъ польской народности, на его языкъ культуру, традицiи, право—какъ на неизмѣримо низшее сравнительно съ польскимъ, такъ что, по ея мнѣнiю, всему туземному, что нѣсколько подымалось надъ общимъ жалкимъ

---

[1]) Административное дѣленiе на воеводства и повѣты, окончательно установившееся предъ 1569 г., раздѣляла украинскiя земли на 8 воеводствъ: 1) Русское (Галицiя), раздѣлявшееся на земли, Львовскую, Галицкую, Перемышльскую, Сяноцкую и Холмскую (столица Львовъ); 2) Белзское (столица Белзъ); 3) Подольское (Каменецъ); 4) Волынское (Луцкъ): 5) Подляское (земли Дорогичинская, Мельницкая и Бѣльская); 6) Берестейское (Брестъ); 7) Браславское (Винница); 8) Кiевское (Кiевъ). Къ нимъ присоединилось сформированное въ 1635 г. девятое—воеводство Черниговское.

уровнемъ, была одна дорога — самоскорѣйшаго перехода въ польскій лагерь, въ польскую національность. Безконечною вереницею потянулись эти Kulturträger-ы на Волынь, въ Кіевщину и за Днѣпръ, занимая должности, основываясь въ выпрошенныхъ отъ правительства, пустыхъ или отобранныхъ отъ «безправныхъ» владѣльцевъ земляхъ, въ полученныхъ за женами въ приданое имѣніяхъ, неся съ собою привычное имъ польское право, внушая, съ наивною дерзостью людей «высшей расы», презрительное понятіе о всемъ туземномъ.

Одновременно съ этимъ польскимъ потокомъ (имѣвшимъ чрезвычайно важное значеніе въ ополяченіи центральныхъ украинскихъ земель) высшіе слои украинскаго общества новоприсоединенныхъ къ Польшѣ (въ 1569 г.) провинцій уже въ силу своей принадлежности къ Польскому государству приходили въ соприкосновеніе съ польскимъ обществомъ, польскимъ правомъ и культурою. Это право, имѣвшее уже передъ тѣмъ притягательную силу для шляхты в. кн. Литовскаго благодаря своимъ заманчивымъ шляхетскимъ привиллегіямъ и послужившее образцомъ для реформъ в. кн. Литовскаго уже передъ уніею,—эта культура, находившаяся какъ разъ въ періодѣ своего расцвѣта (вторая половина XVI в. считается «золотымъ вѣкомъ» польской литературы), шляхетскія par excellance (польская литература этого времени также стоитъ въ тѣсной связи съ политическою и общественной жизнью, съ сословными стремленіями шляхты, имѣетъ сильную шляхетскую окраску)—начинаютъ овладѣвать украинскою шляхтою новоприсоединенныхъ провинцій очень быстро. Я упоминалъ уже, что, напримѣръ, гарантированное центральнымъ украинскимъ землямъ право Литовскаго статута само собою очень скоро вышло изъ употребленія, замѣнившись правомъ польскимъ. Весь строй, жизнь, отношенія высшихъ сословій украинскихъ земель полонизируются очень быстро и очень сильно: въ первой четверти XVII в. видимъ этотъ процессъ уже въ полномъ развитіи.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. V гл. 1—2.

XII.

Оборотною стороною этого процесса формированія шляхетскаго сословія и его привиллегій была эволюція крестьянскаго сословія на Украинѣ, народной массы, на счетъ правъ которой главнымъ образомъ создавались привиллегіи шляхетскаго сословія.

Мы знаемъ, какъ представлялась эта народная масса въ эпоху Кіевскаго государства: масса свободнаго и экономически независимаго крестьянства, — основное ядро, однако истощаемое неблагопріятными экономическими условіями и категоріи свободныхъ, но экономически зависимыхъ безземельныхъ, — и несвободныхъ, возрастающія на счетъ класса крестьянъ-собственниковъ. Оскудѣніе сословія крестьянъ-собственниковъ и развитіе на ихъ счетъ—съ одной стороны, категорій безземельныхъ и несвободныхъ, съ другой—боярскаго землевладѣнія, орудовавшаго трудомъ несвободныхъ и безземельныхъ, характеризуютъ эволюцію крестьянскаго сословія въ XII — XIII в. Дальнѣйшая судьба крестьянства, въ XIV—XVI в., сводится къ такимъ главнымъ моментамъ: несвободные исчезаютъ постепенно, переходя преимущественно въ категоріи крестьянъ безземельныхъ, зависимыхъ; положеніе крестьянъ-собственниковъ понижается до уровня тѣхъ же безземельныхъ, экономически зависимыхъ категорій; ихъ личная свобода, гражданскія и имущественныя права подвергаются ряду ограниченій и на мѣсто прежнихъ даней развивается издѣльная, барщинная повинность. Одновременно изъ фискальныхъ мотивовъ проводится строгая регламентація крестьянскаго землевладѣнія и хозяйственныхъ отношеній, разрушающая прежнія формы крестьянскаго хозяйства, болѣе сложныя экономическія единицы, и низводящая ихъ къ минимальнымъ—дворамъ-хозяйствамъ, а развитіе господскихъ запашекъ, фольварочнаго хозяйства все болѣе уменьшаетъ величину крестьянскаго участка.

Начнемъ съ несвободныхъ. Когда мы послѣ долгаго перерыва получаемъ, въ серединѣ XV в., довольно значительный документальный матеріалъ, въ украинскихъ земляхъ Польши несвободныхъ уже нѣтъ: они не существуютъ юридически, а фактически встрѣчаются только въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Въ земляхъ в. кн. Литовскаго они существуютъ не только въ XV, но и XVI в. (такъ наз. «паробки», «челядь невольная» или просто «челядь»), и право вполнѣ признаетъ ихъ существованіе, хотя постепенно ограничиваетъ источники рабства. Но жизнь шла впереди законодательства, и XVI в.—это время вымиранія рабства въ практикѣ; только въ видѣ исключеній встрѣчаемъ мы группы рабовъ на большихъ фольваркахъ въ половинѣ XVI в., въ видѣ дворовыхъ работниковъ, иногда имѣющихъ и небольшое собственное хозяйство (на господской землѣ); въ это время, при помѣркѣ земель они переводятся обыкновенно на крестьянскіе участки, въ категорію тяглыхъ крестьянъ. Литовскій статутъ 1588 г., уничтоживъ всѣ иныя категоріи рабовъ кромѣ взятыхъ на войнѣ невольниковъ, поручаетъ перевести этихъ рабовъ другихъ категорій, равно и дѣтей полоненниковъ на крестьянскіе участки, и считать ихъ за крестьянъ-отчичей (крѣпкихъ землѣ).

Это постановленіе, какъ и вообще практиковавшіеся въ продолженіе XVI в. переводы остатковъ рабовъ на крестьянскіе участки, въ категоріи тяглыхъ крестьянъ, объясняютъ намъ ретроспективно, какъ исчезъ когда-то такъ многочисленный классъ несвободныхъ: онъ перешелъ въ категорію крестьянъ, сидѣвшихъ на господскихъ земляхъ. Слѣды прежняго рабскаго состоянія сохранялись иногда въ спеціальныхъ ограниченіяхъ правъ, въ особомъ положеніи и именахъ этихъ переведенныхъ (какъ, напр., люди каланные, «несвободные» слуги разныхъ наименованій), но еще чаще они безслѣдно смѣшиваются съ остальною массою крестьянства. Этотъ переходъ многочисленнаго класса несвободныхъ въ категорію крестьянъ безземельныхъ, сидѣвшихъ на господскихъ земляхъ, отравляетъ —позволю себѣ такъ выразиться—рабскими аттрибутами своего юридическаго и экономическаго положенія упомянутую категорію,

а по мѣрѣ того, какъ исчезала граница между свободными и экономически независимыми крестьянами-собственниками и крестьянами безземельными, сидѣвшими на господскихъ земляхъ, аттрибуты несвободнаго и экономически зависимаго состоянія несвободныхъ и безземельныхъ [1]) переносятся и на эту свободную массу крестьянъ-собственниковъ.

Въ XVI в. въ болѣе чистомъ видѣ это крестьянство сохранилось только мѣстами, гдѣ не было усиленной земледѣльческой культуры, фольварочнаго хозяйства, господскихъ запашекъ,— въ Полѣсьѣ пинскомъ и волынскомъ, въ Кіевской землѣ и за Днѣпромъ (тамъ гдѣ существовала осѣдлая колонизація). Здѣсь повинности ограничивались данями (весьма, впрочемъ, значительными), издѣльныхъ работъ не существовало, кромѣ городовыхъ и самое большее «толокъ», т. е. небольшого участія въ полевыхъ работахъ княжескихъ и господскихъ дворовъ, гдѣ они были; личныя и имущественныя права крестьянъ не подвергались значительнымъ ограниченіямъ. Въ мѣстностяхъ же съ болѣе значительною земледѣльческою культурою все болѣе и болѣе распространялась и возрастала барщина, «панщина», типъ крестьянъ «работныхъ», «тяглыхъ», обремененныхъ работою и всячески ограниченныхъ въ своихъ былыхъ правахъ.

Зародышъ «работныхъ» людей слѣдуетъ видѣть въ былыхъ несвободныхъ—холопахъ, паробкахъ, переведенныхъ на крестьянскіе участки и обложенныхъ постоянною работою при господскомъ хозяйствѣ. Особенно крестьяне малоземельные, сидѣвшіе не на полныхъ участкахъ, а на огородахъ или неболь-

---

[1]) Положеніе безземельныхъ и экономически зависимыхъ крестьянъ разныхъ категорій, работавшихъ на господскихъ земляхъ, имѣло такъ много аналогій съ положеніемъ несвободныхъ сельскихъ работниковъ, что въ разныхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ, перешедшихъ отъ нихъ потомъ на крестьянство свободное и экономически независимое, почти невозможно отличить то, что было пережиткомъ несвободнаго или полусвободнаго состоянія. Говоря ниже объ этомъ наслѣдствѣ несвободныхъ, я буду подразумѣвать одновременно и возможные пережитки полусвободнаго состоянія.

шихъ полевыхъ участкахъ (такъ наз. загородники, огородники, коморники), стоятъ въ ближайшей типологической связи съ такими паробками, сидящими на небольшихъ участкахъ господской земли и работающими на господскомъ дворѣ. Но со временемъ это обложеніе панщиною обнимаетъ все болѣе и болѣе широкій кругъ свободнаго крестьянства. Въ в. кн. Литовскомъ широко практикуемая раздача крестьянскихъ земель—т. е. правъ на платимыя крестьянами государству дани и повинности (въ замѣнъ за боярскую службу, которую обязанъ былъ нести за эти земли ихъ держатель), затираетъ разницу между крестьянами свободными и панскими, сидящими на господскихъ земляхъ, и въ концѣ концовъ пріемы частнаго помѣщичьяго хозяйства, съ панщиною и усиленною регламентаціею хозяйственныхъ и всякихъ иныхъ отношеній села прилагаются и къ крестьянамъ, оставшимся на земляхъ нерозданныхъ, управляемыхъ непосредственно государственною властью («Устава на волоки», 1557 г.). Въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Польши, на украинское крестьянство были непосредственно перенесены порядки, выработавшіеся въ селахъ собственной Польши XIV—XV в.

XIV—XV вѣка въ Польшѣ были временемъ чрезвычайнаго распространенія нѣмецкаго права въ городскихъ и сельскихъ общинахъ. Оно первоначально было примѣнено въ широкихъ размѣрахъ послѣ опустошеній, произведенныхъ Татарами въ XIII в.: для заселенія опустошенныхъ мѣстностей призывались нѣмецкіе колонисты, а для ихъ привлеченія эти колоніи организовались по образцу нѣмецкихъ городскихъ общинъ, только что достигнувшихъ самоуправленія (главнымъ образомъ саксонскихъ, поэтому право называется по имени ихъ метрополіи магдебургскимъ, «майборскимъ»). Общины изымаются изъ-подъ власти всѣхъ государственныхъ чиновниковъ, права которыхъ переносятся на организатора колоній — «войта» (фогтъ, advocatus), правящаго колоніей съ участіемъ выбранныхъ ею представителей, а всѣ отношенія къ государству ограничиваются платою опредѣленнаго въ фундаційной грамотѣ «чинша» (census) съ мѣры земли—«лана» (laneus, 30

морговъ, 20 десятинъ). Эти мѣры привлекали дѣйствительно значительныя массы нѣмецкихъ колонистовъ, а денежный доходъ, который давали чинши (очень цѣнный при тогдашнемъ господствѣ натуральнаго хозяйства и рѣдкости денегъ) такъ приходится по вкусу правительству и частнымъ владѣльцамъ, что на нѣмецкомъ правѣ начинаютъ основываться городскія и сельскія общины и въ мѣстахъ заселенныхъ, и даже — переводятся на это право, т. е. организуются по этому типу, готовыя уже городскія и сельскія поселенія. Въ XIV—XV вв. нѣмецкое право совершенно перестраиваетъ сельскія отношенія въ собственной Польшѣ, а съ присоединеніемъ украинскихъ земель оно и здѣсь распространяется правительствомъ и частными владѣльцами.

Несмотря на свои, повидимому, либеральныя тенденціи (широкое самоуправленіе, регламентированіе отношеній писаннымъ договоромъ), нѣмецкое право въ своемъ дальнѣйшемъ приложеніи имѣло вовсе неблагопріятныя послѣдствія для крестьянства. Изъятіе изъ-подъ власти правительственныхъ чиновниковъ привело въ концѣ концовъ только къ тому, что эти общины оказались въ полной, безконтрольной и безграничной власти помѣщика; изъ самоуправленія ничего не осталось, а должности наслѣдственныхъ войтовъ были скуплены или иными способами уничтожены, лишены значенія. Разорвана была старая традиція, практика, дотолѣ до нѣкоторой степени охранявшая права крестьянъ, а фундаційныя грамоты оказались гарантіями очень слабыми, и ихъ, особенно по отношеніямъ къ сельскимъ поселеніямъ, помѣщики и правительство вовсе не держались строго. Съ концомъ XV в. система чиншей уступаетъ мѣсто усиленному обложенію работою, панщиною, и она распространяется одинаково и въ селахъ нѣмецкаго права и такъ наз. «права русскаго», т. е. въ селахъ, не организованныхъ непосредственно по типу нѣмецкаго права, а подвергавшихся воздѣйствію той смѣси польскихъ порядковъ съ формами нѣмецкаго права, какую выработала практика Польши и теперь переносила въ украинскія земли.

Причина такого сильнаго развитія барщины лежала въ уси-

ленномъ распространеніи фольварочнаго хозяйства, господскихъ запашекъ съ концомъ XV в. Это было время всеобщаго развитія земледѣльческаго хозяйства въ Сѣверной Европѣ, вызваннаго экономическимъ переворотомъ—развитіемъ морской торговли, упадкомъ цѣны денегъ, оживленіемъ оборота капиталовъ. Совершенствуются способы агрикультуры, развивается интенсивное хозяйство и подъ вліяніемъ этихъ условій чрезвычайно расширяется площадь господскихъ запашекъ. Участвуя въ этомъ общемъ экономическомъ движеніи, Польша перешла еще черезъ спеціальные моменты, содѣйствовавшіе оживленію торговли хлѣбомъ, а въ дальнѣйшей послѣдовательности—усиленному распространенію помѣщичьяго хозяйства. Въ 1466 г. она пріобрѣла собственный морской портъ въ Данцигѣ (Гданскѣ), и это оживило ея вывозную торговлю. Шляхта, которая какъ разъ въ это время пріобрѣтаетъ рѣшающій голосъ во внутренней политикѣ и законодательствѣ, проводитъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію вывоза продуктовъ своего хозяйства: отмѣняются пошлины на предметы шляхетскаго хозяйства, облегчается торговля и движеніе по сухопутнымъ дорогамъ и т. д. Развивается вывозъ въ балтійскіе порты (преимущественно въ Данцигъ) продуктовъ сельскаго хозяйства—лѣсныхъ товаровъ, волокна и особенно хлѣба. Цѣны на хлѣбъ растутъ: въ 1514 г. корецъ ржи стоилъ 65 грошей, въ 1564 г. 186 грошей, между тѣмъ содержимость монеты уменьшилась за это время только въ $1^1/_2$ раза, значитъ, цѣна хлѣба возрасла въ два раза за эти пятьдесятъ лѣтъ. Потребность въ рабочихъ рукахъ приводитъ къ чрезвычайному развитію барщины и благодаря изъятію крестьянъ изъ правительственной власти и юрисдикціи помѣщики производятъ очень быстро и легко это обложеніе.

Все это приводитъ къ чрезвычайному оживленію фольварочнаго, господскаго хозяйства въ земляхъ Польши, а затѣмъ и в. кн. Литовскаго. Расширяются запашки; путемъ не только обработки новыхъ пространствъ, но еще болѣе—путемъ покупки и принудительной экспропріаціи земли изъ крестьянскихъ рукъ увеличивается площадь господскихъ земель. Число

фольварковъ возрастаетъ чрезвычайно быстро. Если прежде существовали на Украйнѣ цѣлыя волости, большія группы селъ безъ единаго фольварка, а главнымъ назначеніемъ фольварка, вообще—господскаго хозяйства служило прокормленіе господской семьи и слугъ, теперь—сельское хозяйство ведется для вывоза, а фольварки закладываются вездѣ, гдѣ скопляется мало-мальски значительное число крестьянскихъ рукъ. Все господское хозяйство ведется крестьянскимъ, крѣпостнымъ трудомъ, и его возрастаніе производится цѣною прогрессивнаго увеличенія панщины, барщинныхъ работъ.

Въ XV в. въ Галиціи, гдѣ эти перемѣны давали себя скорѣе и сильнѣе чувствовать, еще очень часто встрѣчаемъ панщину очень небольшую, по нѣскольку дней въ годъ; но встрѣчается уже и еженедѣльная—по одному дню въ недѣлю. Въ концѣ XV в. она начинаетъ сильно возрастать. Шляхта Холмской земли на сеймикѣ 1477 г. постановила, что отнынѣ во всѣхъ имѣніяхъ крестьянинъ, кромѣ денежнаго чинша и хлѣбной дани, долженъ работать съ одноланового хозяйства не менѣе одного дня въ недѣлю своему помѣщику и кромѣ того исполнять цѣлый рядъ дополнительныхъ работъ, въ суммѣ дающихъ около $^1/_2$ дня еженедѣльно, и столько разъ приходить на толоку (работу на господскомъ хлѣбѣ), сколько пожелаетъ помѣщикъ. На сеймахъ 1519 и 1520 гг. шляхтѣ удается провести уже для всего государства, для земель не только помѣщичьихъ, но и государственныхъ и духовныхъ постановленіе, что крестьяне должны работать minimum одинъ день въ недѣлю на владѣльца и что отъ этого постановленія могутъ быть свободны только тѣ крестьяне, которые выкажутся письменнымъ документомъ, что панщина была у нихъ замѣнена денежною оплатою. Если въ дѣйствительности это постановленіе не было проведено въ точности повсюду, то съ другой стороны въ дѣйствительности, какъ на это намекаютъ самыя сеймовыя постановленія, панщина была уже тогда гораздо выше, и далѣе развивалась затѣмъ выше указанной нормы. Въ половинѣ XVI в., какъ видно изъ правительственныхъ распоряженій въ государственныхъ имуществахъ, умѣренною, можно сказать-минималь-

ною панщиною считалась двухдневная панщина съ лана: въ 1570 г. правительственные ревизоры въ тѣхъ селахъ, гдѣ панщина не дошла до этой высоты, вводили такую панщину, совершенно не считаясь съ фундаційными грамотами и всякими привиллегіями. Но очень часто встрѣчается уже и трехдневная работа въ недѣлю, и даже ежедневная—только не по цѣлому дню. При томъ, такъ какъ крестьянскіе участки паралельно съ возрастаніемъ господскихъ запашекъ дробятся и мельчаютъ, двухдневная или трехдневная панщина считается уже не съ лана, а съ хозяйствъ полулановыхъ или меньшихъ.

Вообще вторая половина XVI в. была временемъ чрезвычайнаго увеличенія панщины; актовыя книги Галиціи переполнены жалобами государственныхъ (королевскихъ) крестьянъ (крестьяне помѣщичьи не имѣли права жаловаться, и не было никакой инстанціи для нихъ) на отягощеніе ихъ работами, вопреки прежнимъ порядкамъ и документамъ. Правительство однако оказывало имъ очень слабую поддержку; референдарскій судъ, вѣдавшій эти дѣла, былъ очень тяжелою машиною, да и королевскія распоряженія старостамъ и державцамъ, запрещавшія эти отягощенія, очень плохо исполнялись. Въ украинскихъ земляхъ, болѣе удаленныхъ отъ правительственныхъ центровъ, крестьяне даже не пробовали искать защиты у правительства, хотя и здѣсь,—болѣе медленно, въ связи съ мѣстными условіями, и съ большими колебаніями развивался тотъ же процессъ (двухдневную панщину съ лана ввело въ государственныхъ имуществахъ в. кн. Литовскаго уже устава на волоки 1557 г.). И при этомъ одновременно съ возрастаніемъ панщины и раздробленіемъ хозяйствъ дани и чинши не только не уменьшались, но имѣли тенденцію возрастать.

Параллельно съ этимъ превращеніемъ крестьянина въ рабочую силу помѣщика и въ значительной зависимости отъ тѣхъ же экономическихъ факторовъ, которые приводили къ развитію панщины, происходило ограниченіе личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, доканчивавшее ихъ обращеніе въ помѣщичій инвентарь. Здѣсь можно указать три главныхъ момента

а) изъятіе крестьянъ изъ-подъ власти государственныхъ властей и подчиненіе полной и безапелляціонной власти и юрисдикціи помѣщика; б) ограниченіе личной свободы и права передвиженія; в) ограниченіе или полное уничтоженіе права крестьянина на землю.

Въ Польшѣ изъятіе помѣщичьихъ крестьянъ изъ правительственной власти и юрисдикціи государственныхъ органовъ было уже совершившимся фактомъ въ то время когда польское право начало распространяться въ западныхъ украинскихъ земляхъ: ему посодѣйствовало распространеніе нѣмецкаго права съ его иммунитетомъ, а совершалось оно путемъ частныхъ привиллегій въ продолженіе XIV в. и перешло затѣмъ въ общую практику (обобщенною законодательствомъ 1457 г.). Въ земляхъ, принадлежавшихъ къ вел. кн. Литовскому, оно было установлено жалованною грамотою Казимира 1449 г. Завершилъ же это изъятіе и подчиненіе крестьянина полной и безконтрольной власти помѣщика принципъ, провозглашенный въ польской правительственной практикѣ уже въ первой половинѣ XVI в.—что государственные суды не могутъ принимать жалобъ крестьянъ на своего помѣщика, и что въ эти отношенія не можетъ вмѣшиваться никакая власть, ниже самъ король. Этотъ принципъ былъ усвоенъ практикою и вел. кн. Литовскаго, и право жалобы осталось только за государственными крестьянами, по отношенію къ управителямъ и держателямъ этихъ государственныхъ имѣній. Но, какъ я уже упомянулъ, референдарскій судъ, вѣдавшій эти дѣла, былъ организованъ крайне бюрократично, и обращеніе къ этой инстанціи было для крестьянъ связано съ такими трудностями, что это право жалобъ существенной пользы имъ не приносило, а крестьянство центральныхъ и восточныхъ украинскихъ земель и вовсе не пользовалось имъ.

Ограниченіе личной свободы крестьянъ стояло также съ одной стороны, въ тѣсной связи съ развитіемъ барщины, съ другой—въ связи съ вопросомъ о правѣ крестьянина на землю. Въ Польшѣ, гдѣ крестьянинъ считался лишь пользователемъ господской земли, допускалась первоначально значительная

свобода передвиженія; законодательствомъ половины XIV в., Казимира Великаго, оно было ограничено, но еще не уничтожено. Въ западныхъ украинскихъ земляхъ шляхта въ XV в. допускаетъ передвиженіе крестьянъ, но подъ своимъ контролемъ и такъ сказать—въ своей антрепризѣ: крестьянинъ выходитъ не самъ, а его выводитъ помѣщикъ того имѣнія, куда крестьянинъ имѣетъ охоту перейти, и расчитывается за него съ его прежнимъ господиномъ по всякимъ обязательствамъ его; такъ сочетала шляхта интересы колонизаціи и владѣнія: крестьянинъ можетъ передвигаться только въ той же сферѣ шляхетскихъ имѣній. Чтобы выйти изъ нея, крестьянину не было другой дороги кромѣ бѣгства, и оно практикуется очень широко.

Съ концомъ XV в. развитіе панщины ведетъ къ еще большимъ ограниченіямъ крестьянскихъ передвиженій, и къ этой тенденціи польской шляхты вообще — присоединяется и шляхта западныхъ украинскихъ земель. До сихъ поръ регулировался выходъ только крестьянъ-хозяевъ; младшими членами крестьянскихъ семействъ законодательство не занималось. Съ распространеніемъ барщины стало выгодно переводить ихъ на мелкіе участки, облагая панщиною, и не выпускать изъ села. Сеймъ 1496 г. постановилъ, что крестьянскіе сыновья могутъ выходить изъ села въ ограниченномъ числѣ, и не иначе какъ съ согласія помѣщика; изъ хозяевъ не можетъ выйти изъ села больше одного въ годъ. Сеймъ же 1505 г. вообще обусловилъ всякій выходъ крестьянина изъ села позволеніемъ, «доброю волею» (bona voluntate) помѣщика.

Въ этомъ же направленіи, хотя и иными дорогами — не путемъ законодательства, а практики шли отношенія и въ земляхъ великаго княжества Литовскаго. Уже въ актахъ XV в. рядомъ съ людьми «вольными», «похожими» (отъ «ходить»), «не засѣдѣлыми» мы встрѣчаемъ здѣсь такъ назыв. «отчичей» или людей «неотхожихъ». Первые могутъ, пока не «засѣдѣли» своей свободы, выйти изъ имѣнія съ движимымъ своимъ имуществомъ, покинувъ свою усадьбу и землю, вторые—этого

права не имѣютъ. Несомнѣнно, что создано было это различіе двоякимъ происхожденіемъ крестьянъ, свободнымъ и несвободнымъ. Невольная челядь, посаженная «на собственномъ хлѣбѣ» «за дворомъ», послужила первымъ контингентомъ закрѣпощенныхъ, и мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ группъ, подъ разными именами, крестьянъ, крѣпкихъ землѣ и ведущихъ начало отъ такихъ несвободныхъ. Но они послужили образцомъ для закрѣпощенія свободныхъ, и здѣсь несомнѣнно, внѣ вліянія польскихъ порядковъ, сыграли важную роль права крестьянина на землю. Пока право признавало эти права, свободный выходъ крестьянъ, сидѣвшихъ на собственныхъ земляхъ, влекъ за собою чрезвычайныя трудности для владѣльцевъ, получавшихъ отъ правительства этихъ крестьянъ и ихъ земли какъ источникъ доходовъ взамѣнъ военной службы. Въ интересахъ служилаго землевладѣнія ограничивается право передвиженія крестьянъ собственниковъ. А такъ какъ граница между крестьянами, сидѣвшими на собственныхъ земляхъ, и сидѣвшими на земляхъ господскихъ, затерлась, то въ концѣ концовъ закрѣпощено и тѣхъ, и другихъ [1]). И какъ сумма труда, вложенная крестьяниномъ въ его землю, давность владѣнія создавала права крестьянина на землю, такъ давность стала критеріемъ закрѣпощенія; терминъ «отчичъ». указывавшій собственно на права крестьянина на занимаемую землю, превратился въ терминъ для крестьянина «засѣдѣвшаго» въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній и потому потерявшаго право выхода. Для такого крестьянина законодательство вел. кн. Литовскаго (уже въ Литовскомъ

---

[1]) Подобную проблему право имѣло рѣшить и относительно бояръ и вообще служилыхъ людей, которыхъ земли, путемъ пожалованія, входили въ составъ княжескихъ или панскихъ владѣній, но рѣшена она была въ этомъ случаѣ иначе: бояринъ могъ покинуть службу новому владѣльцу, но въ такомъ случаѣ утрачивалъ право на землю, переходившую въ распоряженіе владѣльца. Почему такая разница? Живѣе ли чувствовались права на землю крестьянина, или послѣдняго труднѣе было замѣстить? Или, наконецъ, съ нимъ право меньше поцеремонилось?

статутѣ 1529 г), не дѣлаетъ различія съ «челядиномъ» и совершенно не вмѣшивается въ его отношенія къ «господину».

Такимъ образомъ практика великаго княжества Литовскаго и здѣсь встрѣтилась съ практикою и законодательствомъ Польши. То же видимъ и въ вопросѣ о правахъ крестьянина на землю.

На этомъ пунктѣ была значительная разница или даже полный контрастъ между старымъ правомъ украинскихъ земель и правомъ польскимъ: первое знало крестьянина-собственника, второе — пользователя господскихъ или княжескихъ земель [1]). Эти воззрѣнія встрѣтились въ западныхъ украинскихъ земляхъ, и если практика дѣлала уступки обычному праву туземцевъ (мы имѣемъ не только изъ временъ iuris ruthenicalis, но и позже, XV—XVI в., довольно много документовъ, гдѣ крестьяне свободно распоряжаются своими землями), то de iure за крестьянами признавалось только владѣніе, а не собственность, и въ случаѣ надобности ихъ земли безцеремонно отчуждались, отбирались и т. п. Особенно въ періодъ распространенія господскихъ запашекъ, фольварочнаго хозяйства широко практиковалась принудительная экспропріація, съ согласія правительства—въ государственныхъ земляхъ, волею помѣщика—въ частныхъ, вызывая, конечно, чрезвычайное озлобленіе и бѣгства у крестьянъ, которые не разставались съ воззрѣніемъ на разработанную ими землю какъ на свою собственность, и даже принимая въ новопоселяемыхъ селахъ участки для разработки, затѣмъ разработавъ ихъ, считали своею собственностью, какъ съ удивленіемъ замѣчаютъ королевскіе ревизоры.

Такъ было въ украинскихъ провинціяхъ Польши. Въ земляхъ вел. кн. Литовскаго съ одной стороны права крестьянъ на землю были подкопаны отмѣченнымъ уже прекарнымъ ха-

---

[1]) Такое воззрѣніе принято въ современной польской ученой литературѣ.

рактеромъ землевладѣнія вообще, а съ другой стороны тѣмъ, что раздачами населенныхъ земель затерта была граница между крестьянами-своеземцами и сидѣвшими въ господскихъ земляхъ. Крестьяне, правда, твердо сознаютъ свои права, и практика широко допускаетъ ихъ право распоряженія, но право постепенно вырабатываетъ весьма суровый взглядъ на крестьянское владѣніе. Съ полною опредѣленностью выступаетъ онъ въ документахъ середины XVI в., можетъ быть, не безъ вліянія польскаго права въ своей окончательной формулировкѣ: «Кметь и вся его маетность наша есть», говоритъ уставъ 1557 года. Литовскій статутъ 1566 г. признаетъ за крестьяниномъ только права на движимую собственность, и то съ ограниченіями, а продажныя сдѣлки допускаетъ только между крестьянами того самаго имѣнія.

Такимъ образомъ параллельно съ ограниченіемъ личной свободы ограничены были рѣшительнымъ образомъ и имущественныя права крестьянства.

Этотъ процессъ закрѣпощенія крестьянина, лишенія правъ и превращенія въ рабочій инвентарь помѣщика развивался въ продолженіе XVI в. изъ украинскихъ земель главнымъ образомъ въ земляхъ западныхъ и въ бужско-припетскомъ Полѣсьѣ. Поднѣпровье, до 1569 г. недоступное польской шляхтѣ, со своимъ чрезвычайно слабымъ шляхетскимъ населеніемъ и спеціальными колонизаціонными условіями (о нихъ ниже) этимъ процессомъ до самаго конца XVI в. было весьма мало затронуто. Только 1569 годъ открылъ сюда дорогу польской шляхтѣ, которая съ жадностью бросилась на здѣшніе хлѣбородные просторы, выпрашивала у правительства грамоты на «пустыя» (т. е. не имѣвшія владѣльца съ королевскою грамотою, хотя бы и заселенныя) пространства, устраивая фольварки и пересаживая сюда пріемы барщиннаго хозяйства и всѣ тѣ понятія о безправности крестьянина и эксплоатаціи его, развитіе которыхъ мы только что представили.

Но это насажденіе шляхетской культуры здѣсь не идетъ легко. Здѣшнее крестьянство, составившееся изъ бѣглецовъ, бросившихъ насиженныя мѣста и ушедшихъ въ эти

пустынныя пространства, подъ татарскую стрѣлу и арканъ, чтобы избавиться отъ крѣпостническихъ путъ, и среди тревожной и трудной жизни выработавшее въ себѣ независимость и отвагу—крайне враждебно встрѣчало всякій намекъ на крѣпостническіе порядки, грозило бѣгствомъ, объявляло себя казаками, и всѣ старанія—сломить это противодѣйствіе, только приготовляли горючій матеріалъ для народныхъ движеній.

Здѣсь приготовлялась соціальная основа народныхъ движеній XVII в., между тѣмъ какъ окраска національной борьбы, усвоенная ими, ведетъ свое начало прежде всего изъ отношеній городскихъ: городъ былъ первымъ очагомъ національной борьбы, слившейся затѣмъ съ массовымъ соціальнымъ движеніемъ крестьянства.

Подробнѣе: Історія України-Руси, т. V, гл. 3.

XIII.

Въ жизни украинскихъ городовъ воздѣйствіе польскихъ порядковъ выразилось въ преобразованіи ихъ по типу саксонскихъ общинъ («магдебургскаго права»). Правда, начатки такой организаціи, въ особенности по отношенію къ нѣмецкимъ колоніямъ, мы встрѣчаемъ въ Галицко-волынскомъ государствѣ еще передъ польскою оккупаціею; но только подъ польскимъ господствомъ начинается систематическое преобразованіе старыхъ городскихъ общинъ и основаніе новыхъ по «магдебургскому праву», — отчасти подъ вліяніемъ упомянутаго уже увлеченія этими нѣмецкими формами, отчасти изъ политическихъ видовъ—чтобы ввести въ городское (и сельское) населеніе украинскихъ земель иноплеменныя, расположенныя къ польскому господству колоніи. Въ началѣ XV в. всѣ болѣе значительные города Галиціи, и цѣлый рядъ второстепенныхъ, а также и селъ—имѣли нѣмецкое устройство. Затѣмъ, хотя и

гораздо медленнѣе, изъ тѣхъ же политическихъ мотивовъ и подъ вліяніемъ польскихъ порядковъ, распространяется оно въ земляхъ в. кн. Литовскаго: въ началѣ XV в. въ Побужьѣ, затѣмъ, въ XV—XVI в. на Волыни, а въ земляхъ Кіевской и Браславской—главнымъ образомъ уже послѣ 1569 г.

Эта организація по нѣмецкому праву производила коренной переворотъ въ жизни города. Старый украинскій городъ (какъ вообще города въ старомъ славянскомъ бытѣ) былъ тѣсно связанъ съ землею, городъ—это земля, можно было сказать; онъ былъ ядромъ, гдѣ только въ большой плотности группировались тѣ же общественныя клѣточки, изъ которыхъ состоялъ организмъ земли. Въ Германіи же городской бытъ организовался въ формѣ иммунитета, и этотъ иммунитетъ присвоялся теперь украинскимъ городамъ. Связь города съ землею, съ общимъ государственнымъ устройствомъ разрывалась имъ совершенно, каждый городъ существовалъ самъ по себѣ, какъ маленькое государство, даже безъ связи между самими же городами. Внутри самого города исключеніе его изъ общеземской организаціи приводило также къ самымъ печальнымъ результатамъ: обособленныя, лишенныя связи городскія общины, за исключеніемъ нѣсколькихъ, наиболѣе сильныхъ, попали въ полную зависимость отъ старостъ или помѣщиковъ, и отъ иммунитета остался пустой звукъ. Такимъ же пустымъ звукомъ осталось самоуправленіе, муниципальная свобода, такъ какъ все, что оставалось свободнымъ отъ вмѣшательствъ мѣстной администраціи (старостъ) или помѣщиковъ, оказывалось или во власти наслѣдственнаго войта, или тѣснаго кружка мѣщанскихъ фамилій, которыя держали въ своихъ рукахъ выборныя должности или превращали выборныя коллегіи райцевъ (consules, административный совѣтъ) и лавниковъ (scabini—судебная коллегія) въ пожизненныя, замкнутыя корпораціи, пополнявшіяся чрезъ кооптацію. Наконецъ, исключенныя отъ участія въ парламентарной жизни и законодательствѣ, подпавъ законодательству шляхетскаго сословія, города подвергаются цѣлому ряду тягостныхъ ограниченій, оказываются въ такихъ условіяхъ, кото-

рыя дѣлаютъ вообще невозможнымъ никакое экономическое развитіе.

Въ результатѣ, подъ вліяніемъ этихъ польскихъ порядковъ, города Украины, особенно западной [1]), хирѣютъ, упадаютъ (какъ и вообще въ Польшѣ), тратятъ свое значеніе культурныхъ центровъ, а ту жалкую торговлю и промыселъ, какіе въ нихъ остаются, захватываютъ, несмотря на всѣ направленныя противъ нихъ запрещенія и ограниченія—Евреи. Какъ элементъ наиболѣе выносливый, умѣвшій приноровиться къ невозможнымъ условіямъ этой городской жизни и обойти стѣснительныя условія разными кружными путями, они вытѣсняютъ даже прочіе національности, такъ что города и мѣстечки западной Украины доселѣ имѣютъ преобладающій еврейскій характеръ. Это былъ одинъ изъ ощутительныхъ результатовъ «культурной миссіи» Польши въ украинскихъ земляхъ, о которой такъ любитъ распространяться новѣйшая польская исторіографія.

Въ особенно тяжелыхъ условіяхъ оказался въ новой городской жизни туземный, украинскій элементъ. Кромѣ того, что въ цѣломъ рядѣ городовъ при введеніи магдебургскаго права оно становилось удѣломъ только новой, привиллегированной колоніи изъ Нѣмцевъ и Поляковъ [2]), а туземное населеніе лишалось гражданскихъ правъ и всякаго участія въ муниципальномъ управленіи (это такъ наз. «предмѣщане»),—вообще магдебургское право оказалось весьма неблагопріятнымъ для туземцевъ. Оно основано было на принципѣ конфессійномъ—до участія въ гражданскихъ правахъ и муниципальномъ управленіи допускались только христіане, а такъ какъ по средневѣковымъ понятіемъ только католикъ былъ христіани-

[1]) Въ Поднѣпровьѣ въ городахъ дольше концентрировалась народная жизнь, и города на правомъ берегу Днѣпра получили свой нынѣшній характеръ уже послѣ паденія казачества.

[2]) Нѣмцы, впрочемъ, вслѣдствіе единства религіи, въ концѣ концовъ ополячивались, такъ что вопросъ сводился собственно на отношенія „Руси“ и Поляковъ (не говоря объ Евреяхъ и армянскихъ общинахъ въ нѣкоторыхъ городахъ).

номъ, то туземное, украинское населеніе, какъ не католики («схизматики»), очень часто не допускались вовсе или очень ограниченно до участія въ городскомъ управленіи, до выборныхъ должностей, до участія въ цехахъ, т. е. лишались права заниматься ремеслами и торговлею, или допускались только съ разными ограниченіями. Встрѣчаемся съ ограниченіями по отношенію къ нимъ (какъ и къ Евреямъ) права жительства внѣ дозволенныхъ кварталовъ, публичнаго отправленія православнаго богослуженія и церковныхъ церемоній.

Конечно, съ этими ограниченіями украинское населеніе старалось бороться и собственными силами и съ помощью правительства (которое, впрочемъ, вполнѣ сознательно стремилось само къ тому, чтобы дать въ городахъ возможно благопріятныя условія Полякамъ и католикамъ). Въ результатѣ городъ становится очагомъ сознательной и организованной національной борьбы. Въ тѣсныхъ стѣнахъ города, при постоянныхъ сношеніяхъ и совмѣстной жизни съ привиллегированными притѣснителями, подвижной и сравнительно интеллигентный мѣщанскій элементъ особенно живо чувствуетъ національное неравенство, національный гнетъ, а привычка къ организаціи, самоуправленію, которую давала муниципальная жизнь и корпоративная цеховая организація приводятъ къ первымъ пробамъ національной организаціи, и такъ изъ мѣщанскихъ общинъ выходятъ первые кадры въ борьбѣ за права туземной украинской народности.

Обстоятельства сложились такъ, что борьба эта, внѣ чисто сословныхъ и мѣстныхъ интересовъ и стремленій, отлилась прежде всего въ религіозную форму. Отчасти это было слѣдствіемъ того, что и неравенство въ мѣщанскихъ правахъ основывалось на религіозномъ различіи, отчасти того, что контрастъ Руси и Польши вслѣдствіе совпаденія религіознаго различія вообще подмѣнивался контрастомъ православныхъ и католиковъ, споры и борьба національная понимались какъ борьба религіозная, болѣе понятная—благодаря болѣе внѣшнимъ своимъ признакамъ.

Религіозныя отношенія давали для этого богатый матеріалъ.

Съ переходомъ западныхъ украинскихъ земель подъ власть Польши, а въ центральныхъ—съ переходомъ на католичество Ягайла и съ уніею 1385 г., православная церковь, привыкшая къ роли церкви господствующей, государственной, переходитъ въ положеніе церкви только терпимой, а государственною, господствующею становится церковь католическая. По плану папъ католическая церковь собственно должна была вытѣснить, замѣнить православную, и послѣдняя должна была вовсе прекратить существованіе, послѣ того какъ православныя каѳедры будутъ замѣщены католиками. Но планъ этотъ осуществить оказалось невозможнымъ. Католическія епархіи пришлось организовать въ украинскихъ земляхъ рядомъ съ православными; онѣ были обезпечены отобранными отъ православныхъ имѣніями и новыми пожалованіями. Православную церковь затѣмъ пробовали привести къ соединенію съ католическою подчиненіемъ папѣ и признаніемъ католическихъ догматовъ: эти пробы польскихъ королей и в. кн. литовскихъ, начиная съ конца XIV в. (первую такую пробу знаемъ въ 1396 г.) идутъ затѣмъ черезъ весь XV вѣкъ (во время собора Констанцкаго, Базельскаго, Флорентійскаго, затѣмъ въ 1470-хъ и 90-хъ гг.). Но послѣ того употребленія, какое сдѣлала Москва изъ этихъ стараній и неудовольствія православныхъ—предлогъ для вмѣшательствъ во внутреннія отношенія в. кн. Литовскаго, эти пробы были оставлены. Православная церковь осталась далѣе въ положеніи особой, но низшей церкви.

Неравноправность православныхъ давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Православные епископы не допускались до участія въ засѣданіяхъ сената и сейма, какъ католическіе; православныя должности правительство, замѣщавшее ихъ, разсматривало не съ точки зрѣнія церковной, канонической, а чисто свѣтской; оно облагало податями православное духовенство; религіозный культъ подвергался разнымъ стѣсненіямъ (напр. считалось недозволеннымъ, даже съ разрѣшеніемъ правительства, строить новыя православныя церкви, хотя въ дѣйствительности это и не соблюдалось); переходы католиковъ

на православіе были воспрещены, и смѣшанные браки обставлены были разными стѣсненіями; считалось, что православные не могутъ быть допускаемы до сенаторскихъ должностей [1]); о неравноправности въ городскихъ общинахъ я уже говорилъ... Все это и многое другое давало себя православнымъ чувствовать очень сильно, но православная іерархія, отъ которой прежде всего слѣдовало бы ожидать протеста, показывала полную неспособность къ нему, отсутствіе энергіи къ борьбѣ и инициативы улучшенія положенія православной церкви. Отчасти это было слѣдствіемъ привычки ея, по старой традиціи, опираться на правительственную власть: внѣ ея, въ обществѣ она не умѣла найти опоры. Отчасти слѣдствіемъ того, что замѣщеніе церковныхъ должностей (право патроната) было присвоено королями и в. князьями: высшая іерархія чувствовала себя вполнѣ зависимою отъ нихъ, а кромѣ того на эти должности попадало множество людей вовсе неподходящихъ, такъ что церковная администрація пришла въ XVI в. въ сильное разстройство.

Движеніе для реформы церковныхъ отношеній вышло изъ среды свѣтской, главнымъ образомъ—мѣщанства. Исторія возобновленія галицкой православной каѳедры въ 1530-хъ гг. даетъ первый историческій примѣръ всенароднаго участія въ дѣлахъ церковной организаціи; іерархическій вопросъ дѣлается вопросомъ національнымъ и соединяетъ для солидарной дѣятельности духовенство, православную шляхту и мѣщанъ. Хотя при этомъ духовенство и шляхта фигурируютъ на первыхъ мѣстахъ, но несомнѣнно главными организаторами, сплотившими вокругъ себя остатки православныхъ шляхетскихъ родовъ, были мѣщане—православная львовская община. Изъ мѣщанства же выходятъ спеціальныя организаціи, посвященныя улучшенію религіозныхъ и іерархическихъ отношеній—такъ наз. братства.

---

[1]) Поэтому въ инкорпораційныхъ грамотахъ 1569 г. спеціально было упомянуто, что обыватели новоприсоединенныхъ украинскихъ провинцій, хотя православные, будутъ допускаемы къ высшимъ должностямъ.

Корни этого любопытнаго явленія идутъ далеко въ глубину; начало ихъ восходитъ къ языческимъ празднествамъ, совершавшимся извѣстною группою родовъ, связанныхъ родовыми традиціями съ даннымъ культомъ. Когда христіанская религія заняла мѣсто языческой, а храмовые праздники—мѣсто языческихъ пировъ, родовыя или территоріальныя группы семей связываются съ извѣстною церковью; жизненнымъ нервомъ этихъ организацій были пиры въ храмовые праздники, гдѣ потреблялось огромное количество меду, а доходы—въ видѣ платы участниковъ, такъ же какъ и постоянные взносы этихъ приходскихъ организацій, «братствъ»,—поступали въ пользу церкви. Древнѣйшій уставъ такой организаціи извѣстенъ въ Новгородѣ въ XII в., но въ немъ можно видѣть слѣды вліянія западныхъ гильдій, между тѣмъ какъ сами братства—явленіе вполнѣ туземное. О «братчинахъ», братскихъ пирахъ имѣемъ извѣстія въ лѣтописяхъ XII в. и въ сѣверныхъ былинахъ. Позже—для XV—XVI в., мы имѣемъ объ этихъ братствахъ документальныя извѣстія, особенно изъ бѣлорусскихъ земель: они варили въ храмовые праздники медъ, имѣли право продавать его безпошлинно, а доходы обращали въ пользу церкви и братства. Они, несомнѣнно, были широко распространены и въ украинскихъ земляхъ: во Львовѣ въ XVI в. было ихъ нѣсколько, встрѣчаемъ ихъ и въ провинціальныхъ мѣстахъ (обыкновенно такія свѣдѣнія доходятъ до насъ по случаю утвержденія братскихъ статутовъ церковною или свѣтскою властью — самыя же братства существовали еще прежде). Братчики вносили извѣстную небольшую сумму при вступленіи, затѣмъ платили періодическіе взносы; гости, приглашавшіеся на храмовые пиры, платили также; братство помогало бѣднымъ и больнымъ и корпоративно провожало умершихъ своихъ членовъ. Но по мѣрѣ того, какъ церковные вопросы начинаютъ возбуждать интересъ въ обществѣ, братчики не ограничиваются уже тѣснымъ кругомъ вопросовъ, связанныхъ праздничными службами и похоронами, начинаютъ поднимать голосъ въ вопросахъ церковной организаціи, дисциплины, нравственности; съ другой стороны—подъ

вліяніемъ тѣхъ же интересовъ къ нимъ примыкаютъ православные шляхетскіе, даже наиболѣе знатные роды, и сообщаютъ ихъ голосу тѣмъ большій вѣсъ и значеніе.

Этотъ оборотъ въ дѣятельности братствъ совпадаетъ съ всеобщимъ интересомъ къ просвѣщенію и литературной дѣятельности, вызваннымъ умственнымъ и религіознымъ движеніемъ современной Европы и отразившимся весьма сильно въ земляхъ Польши и вел. кн. Литовскаго. Религіозная борьба протестантовъ и католиковъ, православныхъ и католиковъ отражается въ культурной жизни усиленнымъ издательствомъ, усиленною литературною производительностью. Школу и просвѣщеніе начинаютъ цѣнить какъ оружіе религіозной или національной борьбы. Протестанты и іезуиты усиленно занимаются школами, этою же дорогою идутъ и православные. Авторъ интереснаго полемическаго трактата (его считаютъ галицкимъ мѣщаниномъ, писавшимъ въ началѣ XVII в.) высказываетъ въ сильныхъ выраженіяхъ общее убѣжденіе, что главною причиною печальнаго состоянія православной Руси былъ недостатокъ хорошо организованныхъ школъ. Богатые меценаты, какъ кн. Острожскіе, Ходкевичи, виленскіе мѣщане Мамоничи и др., основываютъ типографіи, поощряютъ литературную производительность. Г. Острогъ на Волыни въ 80—90-хъ гг. дѣлается выдающимся центромъ литературы и просвѣщенія: здѣсь основывается православная академія и группируется кружокъ литераторовъ, откуда выходятъ полемическія сочиненія противъ реформы календаря и противъ церковной уніи (Гер. Смотрицкій, Бронскій, анонимный клирикъ острожскій и др.).

На этотъ путь вступаютъ и братства. Львовское братство пріобрѣтаетъ въ 1585 г. типографію, въ 1586 г. организуетъ школу съ славянскимъ и греческимъ языками. Оно признается старѣйшимъ изъ украинскихъ братствъ и служитъ образцомъ для прочихъ, организованныхъ во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ (изъ нихъ наиболѣе замѣчательны братства въ Луцкѣ и особенно—въ Кіевѣ).

Въ своихъ стремленіяхъ къ очищенію и улучшенію рели-

гіозной жизни и церковныхъ отношеній братства очень скоро очутились въ натянутыхъ отношеніяхъ съ епископами. Во Львовѣ между епископомъ и братствомъ завязалась очень упорная и громкая война. Братства ищутъ опоры въ константинопольскихъ патріархахъ, составлявшихъ высшую власть для украинской церкви, и константинопольскіе и другіе патріархи (которые въ это время въ своихъ финансовыхъ нуждахъ начинаютъ предпринимать частыя поѣздки въ украинскія и бѣлорусскія земли, особенно по дорогѣ за московскими подаяніями, и обращаютъ вниманіе на разстроенное состояніе украинской церкви) берутъ сторону братствъ, освобождаютъ ихъ изъ-подъ власти епископовъ (даютъ имъ право такъ наз. ставропигій) и вообще покровительствуютъ братскому движенію. Одновременно пробуютъ они административными мѣрами и карами прекратить непорядки въ церковной жизни (въ 1589 г. патріархъ даже низложилъ тогдашняго митрополита кіевскаго), но эти вмѣшательства патріарховъ и оказываемое ими покровительство братствамъ вызываютъ только величайшее неудовольствіе среди епископовъ, и среди нихъ является мысль — отдѣлаться вовсе отъ патріарховъ. Уже въ 1589 г. львовскій епископъ (Г. Балабанъ) обратился къ мѣстному католическому архіепископу, заявляя о своемъ желаніи освободиться отъ власти патріарха и перейти въ католическую церковь. Въ 1590 г. четыре украинскихъ епископа (львовскій, луцкій, холмскій и туровскій) на съѣздѣ въ Белзѣ рѣшили присоединиться къ католической церкви, мотивируя это желаніе злоупотребленіями патріарховъ, самовольными ихъ распоряженіями, смѣщеніями епископовъ и покровительствомъ братствамъ; они вошли въ переговоры съ королемъ, который выразилъ полное сочувствіе ихъ намѣренію. Въ слѣдующихъ годахъ къ этому соглашенію примкнулъ митрополитъ и два остальные украинскіе епископы (перемышльскій и владимірскій), и въ 1594 г. епископы рискнули уже выступить со своимъ планомъ явно: въ 1595 г. епископъ луцкій Терлецкій и владимірскій Потій, по порученію остальныхъ, вступили въ открытые переговоры съ королемъ, явились въ Римъ,

чтобы заявить папѣ о своемъ соединеніи съ католическою церковью, а въ октябрѣ 1596 г. созванъ былъ въ Брестѣ соборъ для окончательнаго, торжественнаго провозглашенія уніи украинско-бѣлорусской церкви съ католическою.

Когда первые слухи объ этихъ намѣреніяхъ епископовъ проникли въ украинское общество, они произвели чрезвычайное смятеніе и открытые протесты. Православные магнаты—во главѣ ихъ кн. Константинъ Острожскій, прежде, въ теоріи, вполнѣ сочувствовавшій соединенію церквей,— протестовали противъ способа, какимъ епископы сами, безъ участія духовенства и мірянъ, и безъ остальной православной церкви, вошли въ единеніе съ Римомъ; протестовало духовенство и братства. Между тѣмъ какъ православные магнаты и шляхта дѣлаютъ своею ареною сеймъ и, заключивъ союзъ съ протестантами, домогаются удаленія епископовъ съ ихъ каѳедръ,—духовенство и братства развиваютъ агитацію противъ епископовъ и ихъ уніи въ широкихъ кругахъ общества. Брестскій соборъ православныхъ (соборъ этотъ раздѣлился на два отдѣльныхъ и враждебныхъ собора—православный и уніатскій), съ участіемъ патріаршихъ делегатовъ, объявляетъ перешедшихъ на унію епископовъ низложенными. Но правительство поддерживаетъ епископовъ-уніатовъ, объявляетъ унію правосильною и признаетъ за епископами-уніатами власть надъ протестующимъ православнымъ духовенствомъ.

Этотъ вопросъ о правосильности уніи, о границахъ епископской власти, объ отношеніи къ ней мірянъ и собора, вызываетъ чрезвычайный интересъ и оживленіе. Возникаетъ небывалая литературная дѣятельность: такъ, самому Брестскому собору посвящено до десяти полемическихъ сочиненій православныхъ и уніатовъ въ 1596—1604 гг. (наиболѣе замѣчательное произведеніе этого періода—'Αντίῤῥησις). Затѣмъ новое оживленіе полемической литературы имѣло мѣсто около 1610 г. (наиболѣе замѣчательное произведеніе этого цикла Θρῆνος Смотрицкаго), и снова въ началѣ третьяго десятилѣтія (наиболѣе замѣчательное произведеніе—Палинодія Зах. Копы-

стенскаго, 1622 г.). Украинскія и бѣлорусскія земли покрываются сѣтью братствъ; въ большемъ числѣ организуются школы и типографіи; взамѣнъ забранныхъ уніатами церквей и монастырей, которые особенно теперь получаютъ важное культурное и національное значеніе, — усиленно строятся новые. Движеніе переходитъ все въ болѣе и болѣе широкіе круги общества, переносится на улицу, доводя до вооруженныхъ столкновеній (наиболѣе громкій эпизодъ—убійство въ уличномъ движеніи полоцкаго уніатскаго архіепископа Кунцевича, озлобившаго православныхъ своими рѣзкими насильственными мѣрами, въ 1623 г.). Вопросъ о сохраненіи православной церкви получаетъ значеніе всенароднаго, національнаго дѣла и надолго сообщаетъ украинской культурной жизни, оживленной этимъ движеніемъ, сильно выраженный религіозный, собственно конфессійный характеръ. Религіозная полемика и апологетика въ продолженіе всего XVII в. господствуютъ въ ней почти безраздѣльно, и свѣтской украинской литературы почти не существуетъ (только нѣсколько историческихъ компиляцій и мемуаровъ).

Надежды православныхъ отстоять свою церковь и убить унію законодательнымъ путемъ, черезъ сеймы, не осуществились. Правда, послѣ долгихъ и безплодныхъ стараній удалось православной шляхтѣ на сеймѣ 1607 г., благодаря благопріятному стеченію обстоятельствъ (король чувствовалъ себя обязаннымъ православной шляхтѣ за ея лояльность во время враждебнаго ему движенія польской шляхты), достигнуть законодательнаго признанія существованія православной церкви, съ отдѣльною іерархіею. Но въ дѣйствительности она возобновлена не была, т. е. король не назначилъ православныхъ кандидатовъ на каѳедры, какъ домогались православные. Между тѣмъ умеръ уже послѣдній изъ двухъ епископовъ, оставшихся при православныхъ, Г. Балабанъ[1]), и православной церкви

[1]) Когда обнаружилось всеобщее неудовольствіе православныхъ противъ уніи, епископы львовскій и перемышльскій отстали отъ нея и остались при православныхъ.

грозилъ полный упадокъ и разложеніе. Положеніе было тѣмъ серьезнѣе, что сеймовые успѣхи 1607—9 гг. грозили быть первыми и послѣдними вслѣдствіе чрезвычайно быстраго и широкаго ополяченія православной шляхты и магнатовъ.

Я уже упоминалъ, что оживленіе культурной жизни въ Польшѣ во второй половинѣ XVI и началѣ XVII в. показало большую притягательную силу надъ высшими слоями украинскаго общества. Оживленіе католической церкви въ Польшѣ, которое наступило въ концѣ XVI в., послѣ реформаціоннаго движенія, и было создано главнымъ образомъ іезуитами, распространившими свои общины и школы также въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ, также не осталось безъ вліянія. Православное, украинское просвѣтительное и культурное движеніе запоздало—ихъ старанія пойти за современнымъ польскимъ движеніемъ пришли слишкомъ поздно, чтобы удовлетворить потребности высшихъ слоевъ украинскаго (и бѣлорусскаго) общества въ образованіи и культурной жизни—эти высшіе слои оказались уже увлеченными польскою культурою, когда украинская дѣлала первые шаги въ своемъ возрожденіи.

Воспитываясь въ польскихъ и заграничныхъ католическихъ, часто—іезуитскихъ школахъ, связанные съ польскими шляхетскими родами семейными, брачными связями, увлекаемые польскою государственною и культурною жизнью, представители украинскихъ магнатскихъ и шляхетскихъ родовъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. массами принимаютъ католичество и становятся Поляками. Сыновей ревностныхъ борцовъ за православную церковь 1590-хъ гг. видимъ въ XVII в. ревностными католиками, чуждыми всякихъ національныхъ украинскихъ интересовъ. Смотрицкій въ своемъ Треносѣ 1610 г. спѣлъ настоящую надгробную пѣснь украинской аристократіи, вычисливъ безконечный рядъ магнатскихъ и шляхетскихъ украинскихъ родовъ, уже оставившихъ свою національность и національную религію. Безъ магнатовъ-братчиковъ и покровителей, при легализированномъ преобладаніи католиковъ, предоставленныя сами себѣ мѣщанскія братства оказывались безсильными въ оборонѣ православной церкви и національ-

ныхъ интересовъ противъ союза правительства съ католическимъ обществомъ и ренегатами украинской національности.

И вотъ въ такомъ грозномъ, казалось—безвыходномъ положеніи борцы за православіе обращаются къ новой силѣ—созданной процессомъ соціальнымъ и экономическимъ, ферментомъ общественныхъ отношеній. Они закрываютъ глаза на ея соціальный характеръ—весьма мало имъ симпатичный, видя въ ней только опозиціонную силу, связанную съ ними единствомъ національности и исповѣданія, и ища у нея отклика въ этомъ единствѣ. Казачество дѣйствительно откликается на ихъ религіозно-національный кличъ. Изъ Львова и Вильны центръ борьбы за старую религію и національность переносится въ Кіевъ, въ ближайшее сосѣдство казачества. При его содѣйствіи кіевское духовенство и мѣщанство даютъ отпоръ уніатской іерархіи. Основывается въ Кіевѣ братство, въ которое казацкій гетманъ вписывается «со всѣмъ войскомъ запорожскимъ» и которое занимаетъ первенствующее мѣсто въ исторіи культурной и религіозной жизни украинскаго народа; основывается при немъ школа, изъ которой выростаетъ кіевская академія, служащая въ продолженіе XVII и XVIII в. высшею украинскою школою, и типографія[1]). Подъ охраною казацкаго войска возобновляется въ 1620 г. православная іерархія и подъ тою же охраною держится, пока правительство признало ея существованіе, и т. д., и т. д.

Религіозно-національное движеніе сверху, начатое мѣщанствомъ, поддержанное дворянствомъ и духовенствомъ, украшенное блестящими именами первѣйшихъ вельможъ и князей (православныхъ), логикою событій сходится съ движеніемъ снизу, создававшимся бездомными бѣглецами, ушедшими изъ-подъ гнета панщины и шляхетскаго всевластія. Казачина дѣлается представителемъ и обиженнымъ соціально-экономическимъ процессомъ народныхъ массъ, и разбитыхъ на аренѣ политической, религіозной и національной борьбы духовен-

---

[1]) Братство и школа организуются, или реорганизуются (это не совсѣмъ ясно), около 1615 г.

ства и мѣщанства. Это сліяніе элементовъ соціальной и культурно-національной оппозиціи происходитъ на границѣ первой и второй четверти XVII в., и въ это время входитъ въ новую стадію исторія украинскаго народа. Ея главнымъ факторомъ становится козачество.

Подробнѣе—Історія України-Руси, т. V, гл. 4—7.

XIV.

Козачество явленіе очень интересное, но весьма сложное. Вслѣдствіе своей оригинальности, а также и благодаря громкой роли, сыгранной имъ въ исторіи восточной Европы, оно обращало на себя вниманіе издавна, имъ занимались немало, но невыясненнаго оставалось въ немъ все же до послѣдняго времени очень много и въ литературѣ о немъ высказывались и высказываются нерѣдко сужденія очень смутныя и ошибочныя.

Его очагомъ было среднее Поднѣпровье, его предстепная полоса—ниже Кіева, входившая въ XIV—XVII в. въ составъ Кіевскаго княжества (позже—Кіевскаго воеводства), а почву для него приготовили колонизаціонныя условія этого края.

Начиная съ половины X в. онъ жилъ тревожною, воинственною жизнью, на границѣ осѣдлой колонизаціи, въ вѣчной борьбѣ съ кочевниками. Къ населенію его какъ нельзя больше приложима поэтическая характеристика, данная Словомъ о Полку Игоревѣ порубежникамъ Посемья:

> А мои ти Куряне свѣдоми кмети:
> Подъ трубами повити—подъ шеломы възлелѣяни—конець копия въскоръмлени;
> Пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми,
> Луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени.

И слово «козакъ» — тюркское слово, издавна жившее въ устахъ кочевого населенія нашихъ степей, извѣстное уже въ

половецкомъ словарѣ (1303 г.) въ значеніи «сторожъ», вполнѣ приложимо было въ этомъ значеніи къ этой передовой стражѣ Украины. Вмѣстѣ съ воинственностью и выносливостью эта порубежная жизнь развивала личность, чувство свободы. Предоставленные княжеско-дружиннымъ правительствомъ своимъ собственнымъ силамъ, эти пограничники очень чутки были къ притязаніямъ этого правительства. Въ XIII в. какъ разъ пограничныя со степью территоріи видимъ среди «людей Татарскихъ», и эти пограничные враги княжеско-дружиннаго строя являются полнымъ прототипомъ козачества, а союзъ ихъ съ Ордою антиципируетъ политику вождей козачества XVI—XVIII вв., въ ихъ стремленіяхъ найти въ турецко-татарскихъ силахъ помощь противъ соціально-политическаго строя Польши и централизаціонной политики Москвы.

Съ упадкомъ государственной жизни на Поднѣпровьѣ въ серед. XIII в. населеніе этихъ пограничныхъ съ степью пространствъ было еще болѣе предоставлено себѣ, а жизнь подъ татарскою протекціею не отличалась спокойствіемъ, особенно въ періодъ разложенія Орды. В. кн. Литовское, присоединивъ эти пространства, очень мало также занималось ими, а возстановленное подъ властью князей Гедиминовой династіи Кіевское княжество очень слабо насаждало здѣсь привиллегированное владѣльческое сословіе и еще слабѣе прививало результаты соціальной эволюціи в. кн. Литовскаго. Страшные, періодическіе набѣги Татаръ Крымской орды Менгли-герая, съ 1482 г. обрушивающіеся на украинскія земли и затѣмъ, въ нѣсколько ослабленныхъ формахъ продолжающіеся почти все XVI стол., смели съ лица земли эти слабые результаты правительственной работы и вмѣстѣ съ ними—всю осѣдлую колонизацію этой предстепной полосы Поднѣпровья — по Кіевъ, Черниговъ, Житоміръ, Летичевъ [1]). Территорія на

[1]) Татарская орда въ Крыму выдѣлилась при разложеніи старой Татарской орды, «Кипчака» и окончательно сформировалась въ половинѣ XV в., подъ владычествомъ Хаджи-герая. Она стояла сначала въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ къ в. кн. Литовскому, но происки в. кн. московскаго, стремившагося поссорить ее съ Литвою,

обѣихъ сторонахъ Днѣпра до Кіева и даже выше его превратилась въ совершенную пустыню и въ такомъ видѣ пролежала до послѣдней четверти XVI в. Единственными осѣдлыми поселеніями были городки, снабженные замками, небольшими гарнизонами и артиллеріею—Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Житоміръ, Браславъ—на правой сторонѣ Днѣпра, Остеръ—на лѣвой. Подъ стѣнами этихъ укрѣпленій ютилось все населеніе этихъ обширныхъ пространствъ: здѣсь жили крестьяне сосѣднихъ селъ и отсюда выходили на полевыя работы. Все населеніе жило подъ постояннымъ страхомъ татарскихъ набѣговъ, на военномъ положеніи: мѣщане и крестьяне этихъ пограничныхъ мѣстностей обязаны имѣть коней и принимать участіе въ походахъ и погонѣ за Татарами, они дѣйствительно «имѣютъ ружья и умѣютъ хорошо стрѣлять», какъ свидѣтельствуютъ ревизоры пол. XVI в. Земледѣльческое и всякое другое хозяйство внѣ стѣнъ города велось вооруженною рукою—какъ описуетъ путешественникъ конца XVI в. пограничныхъ крестьянъ Волыни: «выходя на работу, онъ несетъ на плечѣ ружье, а къ боку привѣшиваетъ саблю или мечъ».

Но природныя богатства этихъ дѣвственныхъ странъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра выманивали населеніе далеко отъ замковъ, на такъ называемые «уходы»—рыболовные, охотничьи, къ бортямъ и пасѣкамъ, гдѣ эти промышленники проживали подолгу, соединяясь въ вооруженныя партіи. Оборона въ этихъ степяхъ, сосѣднихъ съ кочевьями Татаръ, въ районѣ ихъ нападеній, незамѣтно переходила въ нападенія на такихъ же промышленниковъ противной, татарской стороны, въ степныя мелкія войны, «лупленье татарскихъ чабановъ»,

---

и неловкая политика в. князей литовскихъ, особенно ихъ старанія быть въ союзѣ и съ Крымомъ, и съ злѣйшимъ врагомъ крымскихъ ханов—Золотою ордою, разбили эту дружбу. Сынъ Хаджи-герая Менгли-герай, упрочивъ свое положеніе признаніемъ верховной власти Турціи, съ 1482 г. измѣняетъ свои отношенія къ Литвѣ и Польшѣ—начинаетъ нападенія на ихъ земли. Крымъ становится на два столѣтія чрезвычайно важнымъ—разрушительнымъ факторомъ въ исторіи украинской колонизаціи и культуры.

какъ онѣ технически назывались. Каждый годъ весною пограничное населеніе и промышленники изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, привлекаемые привольемъ и природными богатствами этого края, расползались по этимъ «уходамъ» на десятки миль, до днѣпровскихъ пороговъ, Ворсклы, Орели, Самары и т. п., проживали здѣсь цѣлые мѣсяцы, предоставленные себѣ самимъ, не зная никакой власти, и возвращались въ замки только на зиму. Это подвижное, кочевое, закаленное въ невзгодахъ военно-промышленное населеніе и составило основу козачества.

Первыя извѣстія о козакахъ, гдѣ можно видѣть козаковъ украинскихъ, относятся къ 1470 гг. Вполнѣ ясныя документальныя указанія на козаковъ Кіевской территоріи носятъ даты 1492 и 1499 гг. [1]). Это тюркское слово, прилагавшееся также и къ Татарамъ и означавшее бродягу—воина, только столѣтіе позже пріобрѣло значеніе оффиціальнаго, принятаго имени для извѣстной группы населенія, сословія. Первоначально оно означало занятіе, родъ жизни, и притомъ, кажется, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ пренебреженія, во всякомъ случаѣ—не сословіе, не классъ людей. Съ начала—это люди, занимающіеся «козачествомъ», ходящіе «въ козаки», а не козацкое сословіе. Для большинства такое «хожденіе въ козаки» не было постояннымъ занятіемъ—этимъ занимались временами, особенно съ молоду, чтобы потомъ перейти къ другимъ, болѣе спокойнымъ занятіямъ. Оффиціально—оно означало хозяйственные промыслы въ «дикихъ поляхъ», неоффиціально—удалые походы на Татаръ, «лупленье чабановъ», купцовъ и всякихъ проѣзжихъ, и въ этомъ двойномъ характерѣ выступаетъ имя козаковъ уже въ первыхъ извѣстіяхъ—1492 и 1499 гг.

Среди этихъ степныхъ авантюристовъ встрѣчались люди разныхъ общественныхъ классовъ и національностей. Встрѣчаются люди съ именами восточными—очевидно, разные за-

[1]) Pulaski Stosunki Polski z Tatarszczyzna c. 223, Акты западной Россіи, I, с. 194.

булдыги изъ Татаръ же, разные «Москвитины», «Литвины», «Ляхи»; молодые люди шляхетскихъ фамилій—когда козачество пріобрѣло себѣ громкую военную славу, принимали участіе въкозацкихъ походахъ, въ этой очаровывавшей своими опасностями и удальствомъ жизни; въ первыхъ козацкихъ движеніяхъ встрѣчаемъ участниками и предводителями людей изъ мѣстныхъ, украинскихъ шляхетскихъ фамилій. Но инородные элементы были лишь сравнительно незначительною примѣсью [1]), а люди изъ высшихъ общественныхъ классовъ—временными гостями; главный и наиболѣе постоянный контингентъ «козаковавшихъ» давало все время пограничное украинское крестьянство и мѣщанство—наиболѣе закаленное и выносливое на страшную нужду и неудобства, неразлучно связанныя съ этимъ занятіемъ.

Изъ этихъ «козаковавшихъ» на протяженіи XVI в. только очень медленно слагается казацкое сословіе. Въ половинѣ XVI в. видимъ только начатки этого процесса: въ главномъ гнѣздѣ козачества—Черкасахъ ревизія 1552 г. записываетъ прихожихъ казаковъ «о полтретьяста» (около 250), только всего. Но козакуютъ мѣстные крестьяне, мѣщане, мелкая шляхта и бояре, мѣстнаго происхожденія. Этимъ поясняется то обстоятельство, что между тѣмъ какъ эта «Украина» [2]) въ XVI в. полна извѣстій о козацкихъ походахъ и своевольствахъ, мы въ современныхъ документахъ почти не можемъ отыскать козацкаго населенія, козацкаго класса. Документы, говорящіе о козацкихъ своевольствахъ и обращающіеся по поводу нихъ къ мѣщанамъ пограничныхъ городовъ, или извѣстія, поясняющія составъ «козацкихъ» экспедицій,—участни-

---

[1]) Довольно распространенное до сихъ поръ воззрѣніе, что ядро козачества составилось изъ тюркскаго населенія степей, основано на ошибочныхъ извѣстіяхъ и недоразумѣніяхъ.

[2]) Въ XVI—XVIII вв., и даже позже—у польскихъ писателей, имя «Украины» носитъ спеціально Кіевская земля, или воеводство. Такъ какъ эта территорія сдѣлалась центромъ украинской народной жизни, это названіе пріобрѣло болѣе широкое значеніе — національнаго имени.

ками которыхъ оказывается въ концѣ концовъ мелкая украинская шляхта, разъясняютъ эту загадку: въ это время были люди козаковавшіе, въ большомъ числѣ, но еще почти или и вовсе не было козацкаго сословія. Чрезвычайно быстрое возрастаніе козачества и формированіе его въ особое сословіе падаетъ на конецъ XVI и начало XVII в., а повліяли на это — съ одной стороны колонизаціонный ростъ этого украинскаго пограничья, съ другой—образованіе козачьяго иммунитета.

На усиленный приливъ сельскаго населенія въ эту юго-восточную часть Украины оказало дѣйствіе улучшеніе колонизаціонныхъ условій: отпоръ, который козачество дало татарскимъ набѣгамъ, и самое уплотненіе населенія, умноженіе укрѣпленныхъ поселеній. Но главное значеніе имѣли спеціальныя обстоятельства, усилившія бѣгство крестьянъ изъ западной Украины и Полѣсья: ухудшеніе положенія крестьянства тамъ, развитіе панщины, отбираніе крестьянскихъ земель, а также и та агитація, какую повели черезъ своихъ агентовъ шляхтичи, занявшіеся хозяйствомъ на Украинѣ въ выпрошенныхъ отъ короля имѣніяхъ и озабоченные привлеченіемъ рабочихъ рукъ. Все это вызвало чрезвычайное усиленіе побѣговъ изъ гуще заселенныхъ и вкусившихъ уже всю сладость помѣщичьяго хозяйства западныхъ и сѣверныхъ территорій. Козацкій же иммунитетъ, и самая идея его сложились опять-таки подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда условій, какъ вѣчная борьба козаковавшихъ авантюристовъ съ городскими и провинціальными властями; протекція, которую оказывали имъ мѣстные администраторы въ своихъ интересахъ; еще болѣе важное значеніе имѣли пробы организаціи козацкаго сословія самимъ правительствомъ (сначала имъ занималось главнымъ образомъ литовское, а позже, съ 1569—польское правительство), и наконецъ—сознаніе собственной силы у самого козачества.

Татарскія опустошенія, превратившіяся въ страшное хроническое бѣдствіе украинскихъ земель съ 80-хъ гг. XV в., не нашли никакого отпора въ литовско-польскомъ правительствѣ: оно только увѣщевало, задаривало Орду и оказа-

лось совершенно неспособнымъ къ энергическому противодѣйствію и оборонѣ. Былъ даже проектъ—предложить крымскому хану поголовную подать съ населенія земель Кіевской, Волынской и Подольской, т. е. возобновить даническія отношенія этихъ земель, прекратившіяся со временъ Витовта. Ежегодная дань, хотя не въ такой грубой формѣ, а подъ мягкимъ именемъ «упоминковъ» (подарковъ), дѣйствительно стала обязательною въ отношеніяхъ польско-литовскаго правительства къ Крыму. Но эти «упоминки» не прекращали татарскихъ набѣговъ, и начальники пограничныхъ украинскихъ провинцій, оставленные центральнымъ правительствомъ ихъ собственному промышленію, приходятъ къ мысли организовать систематическую оборону изъ этихъ «козаковавшихъ» авантюристовъ, по собственному побужденію занимавшихся мелкою войною съ Татарами. Такія пробы разновременно, въ большихъ и меньшихъ размѣрахъ, видимъ на протяженіи почти всего XVI в. Эти пробы обращали на себя вниманіе и центральнаго правительства; въ 1524 г. вел. кн. Сигизмундъ поручалъ правительству вел. кн. Литовскаго заняться организаціею постояннаго корпуса изъ козаковъ; вел. князь напоминаетъ, что онъ не въ первый разъ обращаетъ вниманіе правительства на нихъ; онъ проектируетъ навербовать 1000—2000 козаковъ, взять ихъ на жалованіе и составить изъ нихъ нѣсколько гарнизоновъ по Днѣпру. Но и этотъ проектъ не былъ осуществленъ, также какъ и аналогическій проектъ, предложенный позже, въ 1533 г., на польскій сеймъ черкасскимъ старостою Евст. Дашковичемъ уже отъ себя [1]).

Жалобы крымскаго правительства на козацкіе набѣги и его объясненія, что татарскія нападенія на украинскія земли служатъ только местью за козацкіе погромы, нѣсколько позже даютъ другой оборотъ отношеніямъ центральнаго правитель-

[1]) Этотъ Дашковичъ, и другой пограничный староста Предславъ Лянцкоронскій (староста хмельницкій), попали въ позднѣйшіе реестры козацкихъ гетмановъ на томъ основаніи, что организовали изъ козаковъ экспедиціи на Татаръ.

ства къ козакамъ: тотъ же Сигизмундъ въ 1541 г. выслалъ своего «дворянина» съ порученіемъ переписать козаковъ кіевскихъ, каневскихъ и черкасскихъ и поручить ихъ усиленному наблюденію мѣстныхъ старостъ. Конечно, изъ этого ничего не могло выйти, уже по тому одному, что козачество вовсе еще не сложилось въ опредѣленную группу. Сигизмундъ-Августъ въ цѣляхъ обузданія козаковъ вернулся къ старому проекту отца: взять ихъ на правительственную службу. По его порученію гетманъ коронный [1]) дѣйствительно навербовалъ изъ козаковъ отрядъ—онъ получалъ изъ казны содержаніе, козаки эти были освобождены изъ-подъ власти и юрисдикціи всѣхъ иныхъ властей и подчинены назначенному правительствомъ «старшему и судьѣ всѣхъ низовыхъ козаковъ» (1570) [2]). Но въ этотъ небольшой отрядъ (въ немъ было всего 300 человѣкъ) вошла только небольшая часть козакующихъ, и никакого вліянія на «козацкое своеволіе» это не имѣло: козаки продолжали свои походы на Татаръ и на земли, стоявшія подъ властію Турціи. Въ 1577 г. отрядъ такихъ своевольныхъ козаковъ

---

[1]) Гетманомъ (отъ нѣмецкаго Hauptmann) называется главнокомандующій и военный министръ—эта должность почти одновременно появляется въ Польшѣ и великомъ княжествѣ Литовскомъ въ началѣ XVI в. Польскій гетманъ называется великимъ короннымъ гетманомъ («корона», «коронный» вообще значитъ «польскій»), или просто короннымъ, его помощникъ — гетманомъ польнымъ, литовскій—найвысшимъ (позже великимъ) литовскимъ, его помощникъ—дворнымъ (позже польнымъ) литовскимъ. По примѣру ихъ, съ сформированіемъ козацкаго войска предводители козаковъ, уже съ 1570-хъ гг., также называются гетманами, не только въ частномъ употребленіи, но и въ правительственныхъ актахъ; если было одновременно нѣсколько козацкихъ предводителей, ихъ также называли всѣхъ гетманами. Но *оффиціальнымъ* tитуломъ козацкихъ предводителей, до самого Хмельницкаго, было «старшій»—«старшій войска его королевской милости низового запорожскаго». Хмельницкому первому польское правительство дало оффиціально титулъ гетмана, при первомъ перемиріи (въ 1648 г.).

[2]) «Низомъ» называлось нижнее теченіе Днѣпра; такъ какъ козаки занимались промыслами въ этихъ краяхъ, имъ усвояется названіе «низовыхъ».

ходилъ походомъ на Молдавію (которая стояла въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи). Отвѣтомъ былъ набѣгъ на Украину Татаръ (1578) и ультиматумъ Турціи: усмирить козаковъ, вывести ихъ съ«Низу», взявъ на службу лучшую ихъ часть, и задавить остальныхъ репрессіями.

На эти требованія и совѣты новый король польскій Стефанъ Баторій отвѣтилъ скептическими замѣчаніями, но сдѣлалъ все, чтобы показать свою готовность: навербовалъ изъ козаковъ отрядъ изъ 500 человѣкъ (онъ былъ употребленъ на войну противъ Москвы) [1]), а противъ остального козачества издалъ рядъ суровыхъ распоряженій, которыя однако могли служить администраціи только новымъ поводомъ для придирокъ и взятокъ съ козаковъ, но совершенно не остановили «козацкаго своевольства». Чтобы исполнить правительственныя распоряженія, ловить и арестовывать участниковъ козацкихъ походовъ, нужна была полицейская и административная власть, которой не было на Украинѣ, гдѣ старосты покровительствовали и дѣлились добычею съ козаками, не говоря уже о низовыхъ просторахъ, куда никакой надзоръ за козаками не могъ проникнуть.

Козачество какъ разъ въ это время начинаетъ сильно возрастать въ численности; появляется рядъ козацкихъ предводителей, гетмановъ, какъ ихъ называютъ. Козаки продолжаютъ свои походы на турецкія и татарскія земли, особенно на Молдавію, принимая участіе въ борьбѣ разныхъ претендентовъ на нее. Турки и Татары грозятъ войною. Перепуганное угрозами польское правительство еще разъ повторяетъ ту же, столько разъ испытанную и оказавшуюся негодною мѣру: поручаетъ организовать козацкій отрядъ изъ 1.000 человѣкъ, позже беретъ на службу еще двѣ или три тысячи ихъ; эти ко-

---

[1]) Въ позднѣйшей исторической традиціи эти распоряженія Баторія, совершенно аналогическія съ мѣрами 1568 и 1590 гг. и никакого особеннаго значенія не имѣвшія, сдѣлались эпохою въ исторіи козачества — отъ нея выводили его позднѣйшую организацію, козацкій реестръ изъ 6.000, раздѣленіе на полки и т. д. — явленія значительно позднѣйшія.

заки должны были послужить для того, чтобы очистить «Низъ» отъ своевольныхъ козаковъ и занять гарнизоны на степномъ пограничьѣ. Одновременно, очевидно—не надѣясь на осуществимость такого очищенія Низа, правительство приказывало не пускать никого на Низъ, хотя бы на промыслы, не впускать въ города и мѣстечки людей, приходящихъ съ Низу, не продавать имъ никакихъ припасовъ, арестовывать тѣхъ, которые будутъ приносить изъ степей какую нибудь добычу, и т. д. (1590).

Всѣ эти правительственныя мѣропріятія, не достигая цѣли, какую имѣли въ виду—т. е. прекращенія козачьихъ походовъ на сосѣднія земли, усмиренія «украиннаго своеволія», производили эффектъ совсѣмъ иного рода. Выше я упомянулъ, что пробы правительственной организаціи козачества весьма существенно повліяли на сформированіе идеи козацкаго иммунитета. Онѣ дали ей нѣкоторое юридическое оправданіе. Принимая козаковъ на службу, правительство освобождало ихъ изъ-подъ власти всякихъ «урядовъ»—отнынѣ они подлежали власти и суду только своихъ, козацкихъ властей. И хотя эта привиллегія предназначалась только для козаковъ, вписанныхъ въ правительственный реестръ [1]), на нее претендуютъ всѣ причислявшіе себя къ козакамъ, всѣ «козаковавшіе». Они уже и прежде очень плохо подчинялись всякимъ властямъ, теперь изъятіе реестровыхъ козаковъ давало иллюзію юридическаго оправданія такимъ стремленіямъ козачества къ полной независимости отъ всякой правительственной или помѣщичьей власти. Создается убѣжденіе, что всякій козакъ eo ipso свободенъ отъ власти старосты — если онъ сидитъ на землѣ, входящей въ непосредственное вѣдѣніе правительственныхъ чиновниковъ, отъ власти городского магистрата — если онъ сидитъ на территоріи общины магдебург-

[1]) Отсюда терминъ «реестровыхъ» козаковъ—состоящихъ на правительственномъ жалованіи и легально пользующихся привиллегіями козачьяго званія.

скаго права, отъ власти помѣщика—если сидитъ на землѣ помѣщичьей, что онъ свободенъ отъ ихъ юрисдикціи, отъ всякихъ даней, оплатъ и работъ на нихъ, вмѣстѣ со своимъ хозяйствомъ и семьею. Нужды нѣтъ, внесенъ ли онъ въ реестръ или нѣтъ; вѣдь отъ этого онъ не перестаетъ себя считать козакомъ, ничѣмъ не худшимъ, чѣмъ реестровый; всѣ они считаютъ себя привиллегированнымъ военнымъ сословіемъ, взамѣнъ своей военной пограничной службы свободнымъ отъ всякихъ иныхъ обязанностей. Оправданіе такому взгляду даетъ само правительство, привлекая къ участію въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ, когда нужны были болѣе значительныя военныя силы, безъ разбора реестровыхъ и нереестровыхъ. И если реестровые должны были (de jure, по крайней мѣрѣ) подчиняться своимъ спеціальнымъ властямъ, назначеннымъ правительствомъ, то вся остальная масса козачества, оставшаяся внѣ реестра, не признаетъ надъ собою иной власти и юрисдикціи, кромѣ выборной козацкой старшины.

Можно себѣ представить, какой переворотъ производитъ въ общественныхъ отношеніяхъ юго-восточной Украины эта идея, когда она доходитъ до полной сознательности—что мы видимъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Къ козацкому сословію (понятіе котораго формируется окончательно въ это время, подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ этихъ представленій о связанныхъ съ козацкимъ званіемъ привиллегіяхъ) начинаютъ причислять себя въ этихъ пограничныхъ краяхъ всѣ общественные элементы, желавшіе освободиться отъ стѣснительныхъ рамъ польской общественной схемы — крестьяне помѣщичьихъ и государственныхъ имѣній, мѣщане городовъ самоуправляющихся и подчиненныхъ власти старостъ или помѣщиковъ, даже боярство и мелкая шляхта, привлекаемая къ тяжелой замковой службѣ [1]). И такъ какъ на это

[1]) Какъ было сказано (с. 160—1), нижніе слои военнослужебныхъ категорій не были допущены къ привиллегіямъ шляхетскаго званія и остались въ полупривиллегированномъ состояніи, изъ котораго всячески старались выбиться, достигнуть шляхетскихъ

время падаетъ съ одной стороны—небывалый прежде приливъ крестьянскаго населенія въ эти края, а съ другой стороны— распространеніе въ нихъ польскихъ порядковъ, то козачество страшно растетъ, съ сотенъ идетъ на тысячи и десятки тысячъ. Все равно, колонизаціонныя условія были того рода, что каждый поселенецъ долженъ былъ быть одновременно и воиномъ. Въ виду этого ему совершенно естественно было причислить себя къ военному сословію, если это давало такія важныя общественныя и экономическія привиллегіи.

Но, конечно, ни правительство, ни, тѣмъ менѣе—мѣстные помѣщики и державцы государственныхъ земель, не имѣли ни малѣйшаго желанія признавать этой узурпированной свободы и привиллегій. Въ ихъ глазахъ эти «покозачившіеся» ихъ «подданные» были только «непослушные крестьяне», «непослушные мѣщане», какъ они часто и обозначаютъ ихъ въ тогдашнихъ актахъ. Они старались принудить ихъ къ послушности, къ отбыванію повинностей, но это удавалось плохо вслѣдствіе слабости исполнительной власти, и только увеличивало обоюдное раздраженіе. Безтолковая же политика правительства, которое то старалось задавить строгими репрессіями все козачество, исключая горсть реестровыхъ, то—нуждаясь въ войскѣ,—обращалось къ помощи нереестровыхъ, даже, случалось, приглашало вступать въ козаки всѣхъ желающихъ,—окончательно лишало мѣстную администрацію и помѣщиковъ возможности положить предѣлъ «украинному своеволію». Давленіемъ военной силы правительство иногда принуждало «непослушныхъ» къ повиновенію помѣщикамъ и старостамъ, разгоняло «своевольныхъ» козаковъ и заставляло ихъ бѣжать въ степи или притаиваться на время, но такой «порядокъ» держался очень недолго. Только въ десятилѣтіе передъ возстаніемъ Хмельницкаго, послѣ большихъ народныхъ движеній 1637 и 1638 гг. сдѣланы были серьезныя усилія, чтобы придавить козачину и это удалось на довольно продолжительное

правъ, и вели упорную борьбу со старостами. На Украинѣ было нѣсколько большихъ гнѣздъ такой непривиллегированной шляхты.

время, но это пришло уже слишкомъ поздно—ферментъ былъ уже настолько силенъ, что этотъ правительственный гнетъ только увеличилъ силу народной реакціи.

По отношенію къ козачеству правительство преслѣдовало вообще двоякую цѣль. Такъ какъ набѣги козаковъ на татарскія и турецкія земли давали Татарамъ поводъ оправдывать ими свои набѣги, а Турція серьезно грозила за нихъ войною, которая страшно пугала Польшу, съ ея вѣчнымъ недостаткомъ денегъ и войска, и казалась неотразимымъ бѣдствіемъ,—то правительство временами, подъ впечатлѣніемъ этихъ угрозъ, хотѣло, во что бы то ни стало, задавить козачество и не жалѣло для этого суровыхъ циркуляровъ и военныхъ экспедицій. Но вполнѣ задавить его было невозможно, потому что козаки уходили въ степи, совершенно недоступныя польскимъ войскамъ. Тамъ устроили они себѣ неприступныя убѣжища на нижнемъ Днѣпрѣ, ниже пороговъ, на островахъ, которые образуетъ здѣсь Днѣпръ: они были недоступны и для польскихъ войскъ, и для турецкихъ судовъ, старавшихся иногда проникнуть сюда съ моря [1]). Также неприступными были и «уходы» въ глубинѣ заднѣпровскихъ пространствъ, откуда въ особенно тяжелыя времена украинскіе козаки уходили за границу—на Донъ, въ московскія земли. Такимъ образомъ въ наилучшемъ случаѣ польскимъ войскамъ удавалось очистить отъ своевольнаго украинскаго козачества только заселенныя пространства Поднѣпровья, такъ называемую тогда «волость», но не уничтожить его.

Съ другой стороны, польское правительство не могло серіозно полагаться на увѣренія Татаръ, что ихъ набѣги прекратятся съ прекращеніемъ козацкихъ нападеній, и такъ какъ

[1]) На этихъ островахъ устраивались укрѣпленные засѣками городки, такъ называемыя «сѣчи»; они переносились съ острова на островъ—такъ «Сѣчь» разновременно была на о. Хортицѣ, на уроч. Базавлукѣ, Микитномъ Рогѣ, Томаковкѣ. Отъ этихъ убѣжищъ низовые козаки назывались также запорожскими, и въ XVII в. «Запорожское войско» становится ихъ оффиціальнымъ именемъ.

собственно единственною защитою восточной Украины отъ Татаръ служили козаки, то правительство полнаго ихъ уничтоженія никогда не желало, и хотѣло извѣстную часть козачества, болѣе дисциплинированную, оставить для государственной службы. По своей дешевизнѣ и сноровкѣ, отвагѣ и выносливости, это были незамѣнимыя войска. Эта же легальная часть козаковъ, по планамъ правительства, должна была служить для обузданія остальной, «своевольной» массы козачества — держать ее въ повиновеніи и не пускать въ походы на чужія земли. Но тутъ вѣчное безденежье польской казны создавало новыя трудности: правительство не имѣло средствъ взять на жалованье болѣе значительное число козаковъ: 1.000—2.000, не больше, да и тѣмъ платило такъ плохо и неисправно, что они должны были искать себѣ иныхъ источниковъ пропитанія. По этой причинѣ ихъ самихъ нельзя было содержать въ послушаніи и дисциплинѣ, и нечего было думать о томъ, чтобы сдѣлать ихъ блюстителями порядка на Украинѣ. Съ этими нѣсколькими сотнями реестровыхъ нельзя было ни организовать обороны Украины, ни тѣмъ менѣе – удержать массы нереестроваго козачества. Въ интересахъ обороны польскіе старосты и военачальники были вынуждены постоянно обращаться къ помощи нереестровыхъ; обращалось, какъ было сказано, къ нимъ и само центральное правительство, и это все, конечно, въ ничто обращало проекты обузданія украинскаго своеволія. Вообще Польша не была ни достаточно сильна, ни достаточно дальновидна (восточной Украинѣ она вообще очень мало удѣляла вниманія въ своей внутренней политикѣ), чтобы или уничтожить козачество или дисциплинировать и организовать. Репрессіи и кровопролитія не останавливали его роста, только неосторожно раздражали.

Если значительная часть козаковъ—эти покозачившіеся мѣщане и крестьяне, цѣнили въ козачествѣ его соціальныя и общественныя привиллегіи и, состоя подъ козацкимъ «присудомъ», спокойно хозяйничали на своихъ земляхъ, то для иной, значительной массы козачества война была стихіею, источникомъ

пропитанія, походы на татарскія и турецкія земли—такимъ же неизмѣннымъ рессурсомъ, какъ рыбные и звѣриные промыслы. Ихъ энергіи нужно было дать исходъ, если хотѣли удержать ихъ отъ этихъ походовъ, и одновременно нуженъ былъ иной источникъ пропитанія. Безъ этого удержать ихъ отъ походовъ не могли и наиболѣе вліятельные вожди козачества. Правительственныя же запрещенія, стѣсненія, преслѣдованія со стороны украинскихъ старостъ и помѣщиковъ только возбуждали въ немъ раздраженіе и ненависть. Чувствуя невозможность въ такихъ условіяхъ установить прочныя отношенія къ правительству и понимая, что только фактическая сила козачества не даетъ правительству и шляхтѣ возможности его сломить, вожди козачества стремятся возможно увеличивать численную силу козачества, расширять его территорію все далѣе и далѣе вглубь осѣдлой колонизаціи, привлекая въ его среду все новыя и новыя массы украинскаго крестьянства. Съ другой стороны, раздраженія на стѣсненія и репрессіи выливаются въ борьбѣ съ пограничными старостами и панами.

Такъ начинаются первыя козацкія войны. Въ нихъ обыкновенно идутъ солидарно козаки реестровые и вся масса вольницы. Правительство, какъ я уже сказалъ, не было въ состояніи дисциплинировать реестровыхъ; притомъ они чувствовали, что ихъ сила и значеніе лежитъ въ этой массѣ вольницы, стоявшей за ихъ спиной. Поэтому только временами правительству удавалось разъединить ихъ, по большей же части между ними не было никакой ощутительной границы, и самый реестръ очень часто существовалъ только на бумагѣ или даже въ воображеніи.

Подробнѣе происхожденіе и дальнѣйшая исторія козачества будетъ изложена въ VI т. Історіи Україні-Руси. Пока укажу: мои Примітки до історії козачини въ XXII т. Записокъ Наукового товариства імени Шевченка. Костомарова Богданъ Хмельницкій т. I, предисловіе (сводъ фактовъ, не всегда полный, освѣщенія мало). Кулиша Исторія возсоединенія Россіи, т. I (много лишняго и предвзятаго, но не мало и вѣрныхъ соображеній).

XV.

Уже въ исходѣ 80-хъ гг. XVI в., послѣ недавнихъ репрессій кор. Стефана Баторія и пробъ козацкой организаціи, подъ шумъ борьбы польскихъ партій по его смерти, развиваются козацкіе походы въ Крымъ, Молдавію, въ турецкія владѣнія на черноморскомъ побережьѣ (взятъ былъ Очаковъ, Тегинь, Козловъ въ Крыму), и одновременно—наѣзды, мелкая война «на волости», въ смежныхъ съ козацкимъ райономъ частяхъ воеводствъ Кіевскаго и Браславскаго: козачество, очевидно, начинало раздвигаться на сѣверъ и западъ. Отвѣтомъ были репрессіи 1590 г. и извѣстная уже намъ новая проба организаціи.

Но уже въ 1591 г. гетманъ козацкій Криштофъ Косинскій (вѣроятно, украинскій шляхтичъ по происхожденію), представляющій интересы козаковъ, взятыхъ правительствомъ на службу, но, очевидно, избранный гетманомъ совершенно безъ всякаго участія правительства, жалуется, что козаки обѣщаннаго жалованья не получаютъ, и поэтому, грозилъ онъ, будутъ сами о себѣ промышлять. Дѣйствительно, онъ съ козацкимъ войскомъ напалъ въ концѣ 1591 г. на Бѣлоцерковское староство, принадлежавшее тогда Острожскому, и затѣмъ въ продолженіе цѣлаго 1592 г. его козаки хозяйничали въ панскихъ имѣніяхъ Кіевскаго воеводства и прилегающихъ мѣстностяхъ Волыни. Современники приписывали ему очень широкіе и радикальные планы: заручиться помощью крымскаго хана и московскаго царя и уничтожить шляхту на Украинѣ; но насколько это справедливо, трудно сказать, такъ какъ политическая карьера Косинскаго слишкомъ скоро окончилась. Когда онъ въ началѣ 1593 г. онъ перенесъ свою дѣятельность въ Волынское воеводство, кн. Острожскій, котораго Косинскій спеціально преслѣдовалъ своими нападеніями и опустошеніями, собралъ значительныя силы изъ своихъ имѣній и мѣстныхъ магнатовъ, и съ ними на голову разбилъ Косинскаго подъ мѣстеч-

комъ Пяткою. Козаки капитулировали, обѣщавъ смѣстить Косинскаго, и не нападать на имѣніе Острожскаго и его союзниковъ-магнатовъ. Но, отступивъ, Косинскій собралъ новыя силы и съ ними двинулся снова походомъ вверхъ по Днѣпру. Онъ приступилъ къ Черкасамъ, но во время приступа былъ убитъ.

Войско его отступило, но движеніе не прекратилось. Оно продолжалось весь 1593 г. въ Кіевскомъ и Браславскомъ воеводствахъ (между прочимъ козаки взяли было и Кіевъ). На короткое время вниманіе козаковъ отвлечено было въ иную сторону: имп. Рудольфъ обратился къ нимъ (весною 1594 г.) съ приглашеніемъ принять участіе въ его войнѣ съ Турціею, и козаки дѣйствительно произвели диверсію: напали на Очаковъ и разрушили, опустошили Молдавію. Но затѣмъ они возвращаются снова къ походамъ на польскія имѣнія Украины. Подъ предводительствомъ Лободы, Шавулы и Наливайка полчища козаковъ хозяйничаютъ въ Кіевскомъ, Браславскомъ и Волынскомъ воеводствахъ, отсюда проникаютъ въ бѣлорусскія земли, собирая контрибуцію, принимая участіе въ наѣздахъ и домашнихъ войнахъ пановъ, разоряя шляхту и мѣщанъ, которые не хотѣли войти въ союзъ съ ними, подъ ихъ протекцію, и привлекая все новыя массы населенія въ свои ряды (1595 г.). Такимъ образомъ огромная территорія восточной Украины оказалась фактически во власти козаковъ, въ продолженіе почти пяти лѣтъ; шляхетское хозяйство было разрушено, крестьяне покозачились.

Наконецъ правительство, до сихъ поръ оставлявшее мѣстную шляхту ея собственному промышленію, освободившись отъ молдавской войны (1594—5), обратило серьезное вниманіе на козачество, и въ началѣ 1596 г. гетманъ Жолкевскій получилъ приказъ идти на козаковъ. Жолкевскій, одинъ изъ лучшихъ польскихъ полководцевъ, быстро двинулся, надѣясь застать козаковъ, прежде чѣмъ отдѣльныя партіи ихъ соединятся. Но это ему не удалось. Козаки успѣли стянуть свои силы въ окрестностяхъ Кіева. Не удалось ему также отдѣлить бывшихъ реестровыхъ отъ «своевольныхъ» и по-

сѣять раздоръ между ихъ вождями. Но все же козаки были въ значительной степени захвачены врасплохъ, не приготовленными къ войнѣ. Около Бѣлой Церкви произошли упорныя битвы, послѣ которыхъ козаки, несмотря на свою численность сильно потерпѣвшіе отъ лучше организованнаго и вооруженнаго польскаго войска, отступили за Днѣпръ, къ Переяславу и старались не дать Полякамъ переправиться черезъ Днѣпръ. Но Жолкевскій переправился, и тогда козаки, бросивъ позицію около Переяслава, показавшуюся неудобною, отступили на Сулу, въ окрестности Лубенъ, надѣясь, что польское войско не пойдетъ за ними въ глубину, тогда еще очень слабо колонизированнаго, Заднѣпровья. Но Жолкевскій рѣшилъ уничтожить «своеволю», затѣявшую, по его словамъ, уничтожить шляхту и разбить Польшу. Перерѣзавъ козакамъ дорогу, онъ принудилъ ихъ стать лагеремъ на неудобной позиціи и повелъ блокаду.

Сильно уменьшившееся во время предшествовавшихъ переходовъ, козацкое войско, подвергаясь непрестаннымъ нападеніямъ Поляковъ и артиллерійскому огню, потерявъ надежду получить подкрѣпленіе (такъ какъ низовцы, пришедшіе на помощь, не могли пробиться), начало переговоры. Жолкевскій обѣщалъ амнистію подъ условіемъ, что козаки выдадутъ предводителей, артиллерію, казну и разойдутся по домамъ. Козаки исполнили это требованіе, но тогда Поляки вѣроломно напали на нихъ и почти всѣхъ перерѣзали. Предводителей казнили въ Варшавѣ, особенно жестоко Наливайка (его четвертовали, а позже сложилась легенда, что его сожгли въ мѣдномъ быкѣ, какъ Фалариса). Сеймъ объявилъ всѣхъ козаковъ врагами, лишенными охраны законовъ. Всѣ привиллегіи ихъ были уничтожены. Но козачество не было уничтожено: низовцевъ, въ ихъ недоступныхъ степяхъ, оставили въ покоѣ.

Лубенская бойня произвела, впрочемъ, и на нихъ впечатлѣніе: они притихаютъ, и среди нихъ обозначается партія оппортунистовъ, ставящая цѣлью прежде всего добиться возстановленія козацкихъ привиллегій. Это ей удается. Польшѣ скоро козаки понадобились. Уже въ 1599 г., вмѣшавшись въ

молдавскія дѣла, правительство обратилось къ низовымъ козакамъ съ приглашеніемъ—принять участіе въ войнѣ. Тѣ потребовали, хотя въ очень мягкой формѣ, полной реабилитаціи, возстановленія statu quo и возвращенія привиллегій. Ихъ обнадежили, и они взяли участіе въ молдавской войнѣ, а въ 1601 г. сеймъ, имѣя предъ собою новую войну—шведскую, и разсчитывая опять-таки на козаковъ, возстановилъ козацкую организацію. А хотя онъ оговорился, что власть помѣщиковъ и старостъ надъ козаками должна остаться въ силѣ, но эта оговорка не имѣла никакого значенія: козаки, почувствовавъ, что правительство въ нихъ нуждается, становятся снова хозяевами въ юго-восточной Украинѣ, такъ что правительство нѣсколько лѣтъ спустя видитъ себя принужденнымъ опять публиковать разныя распоряженія «объ обузданіи украиннаго своевольства» и одновременно констатировать, что эти распоряженія не имѣютъ никакой силы, что козаки не признаютъ власти старостъ и помѣщиковъ, организовали свое собственное выборное управленіе и принимаютъ подъ свою власть и присудъ не только отдѣльныхъ крестьянъ и мѣщанъ, но и цѣлые города. Участіе польскаго правительства въ московскихъ дѣлахъ, такъ наз. Смутномъ времени, потребовавшее большихъ военныхъ силъ и затянувшееся въ долгую, хроническую войну, дѣйствительно заставляло его въ значительной степени смотрѣть сквозь пальцы на козаковъ, въ которыхъ оно постоянно нуждалось для этой войны, и многочисленныя постановленія сейма противъ нихъ издавались больше для успокоенія шляхты украинскихъ земель, сильно терпѣвшей отъ козаковъ.

Они дѣйствительно хозяйничали какъ дома въ шляхетскихъ имѣніяхъ. Судебные акты наполнены жалобами шляхты. Съ другой стороны слышимъ о частыхъ нападеніяхъ ихъ на татарскія и турецкія владѣнія. Не довольствуясь сухопутными походами на Крымъ и турецкіе города на сѣверномъ берегу Чернаго моря, козаки пускаются на своихъ утлыхъ ладьяхъ (такъ наз. чайкахъ) въ далекія морскія экспедиціи, съ невѣроятной отвагой и пренебреженіемъ опасностей. Второе и третье десятилѣтіе XVII в. было героическимъ временемъ этихъ

морскихъ походовъ, когда козаки держали въ страхѣ все Черное море, «окуривали мушкетнымъ дымомъ» стѣны Константинополя и Синопа и заставляли дрожать того самаго султана, предъ которымъ дрожала Польша, да и остальная Европа. Въ 1614 г. они разрушили Синопъ и сожгли его цейхгаузъ, причинивъ убытку на 40 мил. Въ началѣ 1615 г. они на 80 ладьяхъ напали на окрестности Константинополя, сожгли гавани Мизевны и Архіока, безнаказанно опустошили мѣстность и ушли, а когда турецкій флотъ нагналъ ихъ около устья Дуная, смѣло бросились на турецкіе корабли, овладѣли ими и сожгли въ виду Очакова. Турки отомстили, выславъ Татаръ на Волынь и Подолье, но турецкій флотъ, высланный противъ самихъ козаковъ, былъ разбитъ ими въ Днѣпровскомъ лиманѣ—козаки взяли больше десятка большихъ галеръ и множество болѣе мелкихъ судовъ, и вслѣдъ затѣмъ напали и сожгли Кафу, и т. д., и т. д.

Эти походы и слѣдовавшія за ними угрозы Турокъ и набѣги Татаръ сильно раздражали польское правительство на козаковъ, также какъ и хозяйничанье ихъ на Украинѣ; но они были нужны, а главное—не было силъ принудить ихъ къ повиновенію. Въ виду слабости польскихъ военныхъ силъ, экспедиціи на козаковъ, предпринимавшіяся нѣсколько разъ въ продолженіе второго десятилѣтія XVII в.—такъ наз. коммиссіи, оканчивались тѣмъ, что козацкіе вожди давали увѣренія, что походы на Турокъ и Татаръ и нападенія на шляхетскія имѣнія будутъ прекращены, что козаки «на волости» будутъ вести себя спокойно, исключать всѣхъ «своевольныхъ» изъ своей среды и т. д. Эти увѣренія приходилось принимать за чистую монету, а фактическое положеніе вещей не измѣнялось, и казаки оставались далѣе господами юго-восточной Украины—всей южной части огромнаго Кіевскаго воеводства.

Одновременно съ этимъ небывалымъ доселѣ развитіемъ силъ козачества, его славы и значенія, развивалась его организація и расширялась программа. Первыя козацкія движенія конца XVI в. имѣютъ еще очень хаотическій характеръ; въ немъ трудно видѣть что либо большее кромѣ оппозиціи

шляхетскимъ польскимъ порядкамъ и стихійной экстензивной силы. Проблески болѣе сознательной программы, вродѣ упомянутыхъ выше плановъ, приписывавшихся Косинскому, трудно считать общимъ мѣриломъ. Болѣе сознательное идейное содержаніе, хотя нѣсколько иное и, можетъ быть, болѣе узкое сравнительно съ тѣми зародышами соціальной программы, которые мы видимъ въ первыхъ козацкихъ движеніяхъ (и которые въ такой же эмбріональной формѣ остаются и въ дальнѣйшемъ)—даетъ козачеству союзъ съ духовенствомъ, вообще украинской интеллигенціею, во имя общихъ религіозныхъ и національныхъ интересовъ (религія здѣсь прикрывала національныя стремленія), о которомъ я уже говорилъ, и который получаетъ свое полное осуществленіе въ этомъ періодѣ козацкой силы и славы, во второмъ и третьемъ десятилѣтіяхъ XVII в.

Уже въ движеніи Наливайка видѣли извѣстную связь съ оппозиціею православныхъ съ уніею, но эта связь очень слаба и сомнительна, хотя противники и прозывали православныхъ «Наливайками». Болѣе ясный и краснорѣчивый эпизодъ сохранили намъ источники изъ болѣе поздняго времени: въ 1610 г. тогдашній козацкій гетманъ Тискиневичъ, очевидно, подъ вліяніемъ сообщеній изъ кіевскихъ православныхъ круговъ, прислалъ письмо кіевской администраціи съ предостереженіемъ, что если уполномоченный уніатскаго митрополита будетъ препятствовать православнымъ въ свободномъ отправленіи богослуженія, то онъ уже на такой случай далъ приказъ козакамъ убить его «яко пса». Исторія эта окончилась тѣмъ, что упомянутаго уніатскаго администратора дѣйствительно утопили въ Днѣпрѣ.

Благодаря такому заступничеству всесильнаго въ этихъ краяхъ козачества кіевскіе православные отстояли себя, такъ что уніатскій митрополитъ кіевскій Потій не рѣшался даже показываться здѣсь. Во второмъ десятилѣтіи XVII в. подъ покровомъ козачества, какъ мы видѣли, организовался въ Кіевѣ новый центръ религіозно-національной и просвѣтительной дѣятельности, а въ 1620 г. кіевское духовенство

и тогдашній гетманъ Петръ Сагайдачный воспользовались пребываніемъ въ Украинѣ іерусалимскаго патріарха Θеофана (возвращавшагося изъ Москвы), чтобы возстановить православную іерархію. Сагайдачный сдѣлался рѣшителемъ ея судебъ и умѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Такъ какъ польское правительство и безъ того очень подозрительно относилось къ Θеофану, подозрѣвая въ его путешествіи политическіе планы, то Сагайдачный отъ московской границы взялъ его подъ свою спеціальную охрану и затѣмъ подъ такою же усиленною охраною, съ разными предосторожностями, осенью этого года были посвящены патріархомъ митрополитъ и нѣсколько епископовъ. Такое самовольное поставленіе было шагомъ очень смѣлымъ, хотя бы и подъ покровительствомъ козаковъ. Но обстоятельства благопріятствовали ему: Польша нуждалась въ этотъ моментъ въ козакахъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и, разъ они сдѣлали изъ возстановленія православной іерархіи свое дѣло, правительство не рѣшилось его уничтожить.

Дѣло въ томъ, что какъ разъ тогда Турція, послѣ неоднократныхъ угрозъ, двинула наконецъ свое войско на Польшу. Козаки, среди которыхъ взяла верхъ крайняя партія—непримиримыхъ (Сагайдачный былъ не у дѣлъ), или не приняла участія въ войнѣ вовсе, или приняла только очень слабое. Жолкевскій, выступившій навстрѣчу Туркамъ со своимъ малочисленнымъ войскомъ, былъ разбитъ подъ Цецорою и самъ палъ въ битвѣ. Ожидали новаго, еще болѣе грознаго похода на слѣдующій годъ, Польша была въ страшной паникѣ, и единственная надежда была на козаковъ. Правительство, уже успѣвшее передъ тѣмъ объявить новопоставленную православную іерархію незаконною, должно было въ концѣ концовъ помириться съ совершившимся фактомъ. Не знаемъ ближе, въ чемъ состояли еще другія уступки, цѣною которыхъ Сагайдачный, послѣ значительныхъ промедленій, наконецъ своимъ вліяніемъ склонилъ козаковъ къ дѣятельному участію въ новой кампаніи съ Турками: партія крайнихъ была противъ этого, но вліяніе Сагайдачнаго и его партіи превозмогло.

До насъ вообще дошло мало подробностей объ этой выдающейся личности, оставившей такой замѣтный слѣдъ въ исторіи козачества. По происхожденію украинскій шляхтичъ изъ Галиціи, изъ-подъ Самбора, онъ выступаетъ очень поздо въ нашихъ извѣстіяхъ—уже въ кочествѣ козацкаго гетмана, предводителя смѣлаго морского похода 1616 г. Искусный и смѣлый полководецъ, онъ одновременно показываетъ большіе таланты дипломата и администратора. Очевидно, благодаря въ значительной степени его вліянію, цѣлое десятилѣтіе, на границѣ второго и третьяго десятилѣтія XVII в.—время наибольшаго развитія казацкихъ силъ и значенія, проходитъ безъ всякихъ серьезныхъ конфликтовъ съ правительствомъ. Онъ былъ представителемъ партіи умѣренныхъ, козацкихъ оппортунистовъ, старавшихся избѣгать конфликтовъ съ правительствомъ, и цѣною обѣщаній и внѣшнихъ уступокъ успѣшно охранялъ козацкій status possidendi отъ правительственныхъ репрессій. Онъ ловко лавировалъ между неисполнимыми требованіями правительства—съ одной стороны, и крайнею партіею — съ другой, стараясь дать выходъ энергіи козацкой вольницы внѣ конфликтовъ съ правительствомъ; правда, что и обстоятельства благопріятствовали ему: Польша нуждалась въ козакахъ. Включеніе въ козацкую программу религіозно-національнаго вопроса было, несомнѣнно, въ значительной степени его дѣломъ, и показываетъ въ немъ патріота съ довольно широкимъ кругозоромъ. Роль, какую онъ сыгралъ въ турецкой войнѣ 1621 г., дала ему возможность закрѣпить успѣхи своей политики даже для послѣдующаго времени—послѣ его смерти, хотя и ненадолго.

Въ войнѣ 1621 г.—такъ назыв. Хотинской кампаніи, козаки подъ предводительствомъ Сагайдачнаго сыграли главную роль. Ему удалось одолѣть вождя крайнихъ—Бородавку, и соединить въ своихъ рукахъ всѣ силы козачества. Козаки оказывали чудеса храбрости въ битвахъ, и успѣшное окончаніе этой кампаніи въ Польшѣ открыто признавали заслугою козаковъ. Сагайдачнаго считали спасителемъ Польши отъ страшной опасности, грозившей ей отъ Турокъ. Но онъ

только на нѣсколько мѣсяцевъ пережилъ этотъ тріумфъ, скончавшись отъ раны, полученной во время этой войны.

Время Сагайдачнаго было апогеемъ силы и значенія козаковъ въ Польскомъ государствѣ—еще въ рамкахъ его государственной системы. Преемники власти и политики Сагайдачнаго однако оказались въ трудномъ положеніи. Хотинская побѣда освободила Польшу отъ страха турецкаго нашествія. Козаки не были нужны правительству. Походы же ихъ на турецкія и татарскія земли продолжались попрежнему, и, когда въ польскихъ кругахъ прошли первыя впечатлѣнія признательности за хотинскую услугу, выдвинулся снова вопросъ объ обузданіи украинскаго своеволія, для поддержанія добрыхъ отношеній съ Турціей и успокоенія украинской шляхты, жестоко терпѣвшей отъ усиленія козачества. Сильно раздражило правительство участіе козаковъ въ религіозной борьбѣ: въ началѣ 1625 г. ихъ посланцы убили кіевскаго войта Ходыку и уніатскаго администратора Юзефовича, которые начали препятствовать православнымъ въ отправленіи богослуженія, а на сеймѣ этого года, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, они выступили съ петиціею о расширеніи козацкихъ привиллегій и прекращеніи притѣсненій православныхъ. Это совпало съ убійствомъ въ Полоцкѣ арх. Кунцевича и вызвало сильное раздраженіе. Козакамъ поставленъ былъ ультиматумъ: прекратить набѣги на сосѣднія государства и исключить изъ своей среды всѣхъ невписанныхъ въ реестръ. Но онъ вызвалъ только взрывъ негодованія въ козацкихъ кругахъ— верхъ взяла партія крайнихъ, гетманомъ былъ выбранъ одинъ изъ ея представителей—Жмайло и вмѣсто обѣщаній послушности козаки начали готовиться къ войнѣ. Тогда правительство поручило кор. гетману Конецпольскому двинуть на нихъ войска, и осенью 1625 г. онъ дѣйствительно двинулся на козаковъ.

Кампанія 1625 г. служитъ типическимъ образчикомъ этихъ войнъ. Козачество было тяжелою машиною. Чтобы стянуть разсѣянныхъ въ степяхъ на промыслахъ низовцевъ, тѣмъ болѣе—чтобы мобилизировать земледѣльческое

славный митрополитъ за содѣйствіемъ противъ новыхъ мѣръ правительства противъ уніи.

Крайняя партія—запорожскіе «выписчики» разрываютъ съ лояльною политикою Дорошенка, предпринимаютъ большой морской походъ на малоазіатское побережье, возобновляютъ самостоятельныя политическія сношенія. Положеніе вещей достигаетъ еще бóльшаго напряженія, когда съ окончаніемъ шведской войны правительство отпускаетъ на Украину навербованные козацкіе полки, и вмѣстѣ съ ними—гетмана Конецпольскаго съ войскомъ. Опираясь на его помощь, Черный пробуетъ подавить противную партію, но этимъ только ускоряетъ развязку. Низовцы подъ предводительствомъ своего гетмана Тараса Федоровича [1]) весною 1630 г. вступаютъ въ предѣлы Кіевскаго воеводства. Черный, пріѣхавшій по ихъ приглашенію къ нимъ, былъ убитъ ими; большинство его козаковъ присоединилось къ низовцамъ. Распространялись грамоты Тараса, приглашавшія населеніе возставать противъ правительства и приставать къ козакамъ. Польскія войска, отказавшіяся по требованію Тараса выйти изъ своихъ квартиръ, подвергались избіеніямъ со стороны возставшихъ козаковъ и крестьянъ.

Возстаніе захватило въ расплохъ Конецпольскаго. Онъ однако поспѣшилъ противъ козаковъ, собирая въ дорогѣ шляхетскія ополченія. Козаки при его приближеніи изъ-подъ Кіева отступили за Днѣпръ и расположились лагеремъ около Переяслава. Повторилась кампанія, очень напоминавшая 1625 г. Польское войско пробовало взять козацкій таборъ, но это ему не удалось. Послѣ огромныхъ потерь въ людяхъ, Конецпольскій принужденъ былъ начать переговоры; положеніе его было тѣмъ затруднительнѣе, что возстаніе отрѣзало ему сообщеніе съ западными провинціями. Но и среди козацкаго войска, очевидно, наступило раздвоеніе—умѣренные элементы начали поднимать голосъ. Въ концѣ концовъ козаки согласи-

---

[1]) Въ позднѣйшей традиціи, вообще очень фантастически обработавшей это возстаніе, Тарасъ носитъ прозвище Трясила.

лись принять условія Куруковскаго трактата 1625 г., зато Конецпольскій долженъ былъ признать имъ полную амнистію; молчаливымъ соглашеніемъ было принято, что въ фактическія отношенія козаковъ и Украины Конецпольскій не будетъ мѣшаться. Выписчики обѣщали разойтись по домамъ. Оффиціальнымъ гетманомъ былъ назначенъ нѣкій Орендаренко.

Такимъ образомъ, если козакамъ не удалось добиться юридическаго расширенія козацкихъ привиллегій (Тарасъ требовалъ отмѣны куруковскихъ ограниченій), то фактически они удержали statu quo. Нѣкоторыя формальныя уступки также были ими достигнуты—можетъ быть, въ отвѣтъ на ихъ петицію правительству. Реестръ былъ увеличенъ до 8.000 (это имѣло цѣну лишь какъ прибавка жалованья, такъ какъ фактически реестръ не былъ переведенъ), обѣщано было «удовлетвореніе какъ относительно ихъ правъ, такъ и въ религіозномъ вопросѣ».

Война Польши съ Москвою, затѣмъ со Швеціею заставляла правительство дорожить козаками: выписчики были снова приняты на службу. Но наиболѣе дальновидные, политическіе представители козачества не удовлетворялись уже этою фактическою свободою отъ правительственныхъ ограниченій, а стремились легализировать ихъ, дать козакамъ вліяніе на государственную жизнь Польши. Эту программу особенно ясно видимъ у тогдашняго (1631—2) гетмана Петражицкаго-Кулаги. Во время безкоролевья по смерти Сигизмунда III (1632) козаки выступаютъ съ требованіемъ, чтобы они были допущены до участія въ выборѣ короля, и съ своей стороны заявили сыну Сигизмунда Владиславу, что готовы поддерживать его кандидатуру даже вооруженною силою. При этомъ они выступаютъ не какъ представители только своихъ сословныхъ интересовъ, а какъ представители украинскаго народа: въ петиціяхъ, присланныхъ на елекціонный сеймъ 1632 г. они на первомъ мѣстѣ ставятъ требованія, чтобы «народъ нашъ русскій пользовался принадлежащими ему правами и привиллегіями», а православное духовенство во всѣхъ епархіяхъ не подвергалось ограниченію въ свободномъ отправле-

ніи своихъ функцій и пользованіи церковными имуществами, и не терпѣло притѣсненій отъ уніатовъ. Для себя козаки ходатайствовали только о прибавкѣ жалованья и обезпеченіи правъ козаковъ, проживавшихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (эти столкновенія козачьихъ «вольностей» съ помѣщичьими правами составляли одинъ изъ наиболѣе щекотливыхъ пунктовъ въ общественныхъ отношеніяхъ юго-восточной Украины: помѣщики никакъ не хотѣли отречься вполнѣ отъ своихъ правъ по отношенію къ своимъ «покозачившимся» подданнымъ.)

Эти петиціи, поддержанныя нѣкоторыми вооруженными манифестаціями, не остались вполнѣ безплодными. Несомнѣнно, что онѣ сильно повліяли на благопріятное рѣшеніе вопроса о православной іерархіи, какъ онъ былъ поставленъ въ такъ наз. «статьяхъ объ успокоеніи русскаго народа», выработанныхъ сеймовою коммиссіею (этими статьями, подтвержденными присягою новоизбраннаго короля Владислава, оффиціально признавалась, рядомъ съ уніатскою, возстановленная православная іерархія и православная церковь, свободное исповѣданіе православія, и т. д.).

Миръ однако не былъ продолжителенъ. Крайніе элементы были такъ сильны, что съ ними трудно было совладать. Кулага-Петражицкій, напр., скоро навлекъ на себя упреки въ излишней уступчивости правительству (хотя въ дѣйствительности этого вовсе не замѣтно), былъ смѣненъ, а потомъ и убитъ: главной причиною были его старанія удержать козаковъ отъ морскихъ походовъ, которые предпринимались низовцами, а грозили испортить отношенія къ правительству и лояльную програму умѣренныхъ. Послѣднимъ однако удалось еще продержаться нѣсколько лѣтъ. Въ 1635 г. дошло до конфликта съ правительствомъ у низовцовъ: набѣги козаковъ на турецкія земли вызвали рядъ сеймовыхъ постановленій противъ нихъ, между прочимъ рѣшено было построить крѣпость на Днѣпрѣ, чтобы воспрепятствовать ихъ походамъ на море; такая крѣпость была построена у перваго порога—Кодацкаго (и по его имени названа Кодакомъ), но козацкая экспедиція,

возвращавшаяся съ моря, подъ предводительствомъ Сулимы, встрѣтивъ эту новую крѣпость на дорогѣ, разорила ее, а гарнизонъ избила. Партія умѣренныхъ была еще настолько сильна, что не допустила развиться возстанію: реестровые удержали низовцовъ и заставили выдать предводителей—Сулиму и прочихъ (они были отосланы въ Варшаву и казнены).

Но броженіе усиливалось и начало охватывать и самихъ реестровыхъ. Съ окончаніемъ московской и шведской кампаній отпущены были по домамъ, на Украину, козаки, а наемныя польскія войска располагаются въ юго-восточной Украинѣ на квартиры. Въ такіе моменты вообще скоплялся здѣсь горючій матеріалъ: расквартированіе польскихъ войскъ приводило къ утѣсненію украинскаго населенія и крайнему озлобленію среди него, переходившему очень часто въ ссоры и стычки. Козаки были раздражены тѣмъ, что за цѣлый рядъ лѣтъ имъ не было выплачено жалованье; притомъ возвращеніе по домамъ большого числа козаковъ придало новую остроту вопросу о козацкой осѣдлости, отношеніяхъ къ помѣщикамъ, старостамъ и пр. Устроенный Павлюкомъ, однимъ изъ участниковъ похода Сулимы (полное имя его было Павло Бутъ, но онъ извѣстенъ подъ этимъ уменьшительнымъ именемъ), походъ въ Крымъ нѣсколько ослабилъ напряженіе: это вмѣшательство въ крымскія смуты не противно было политикѣ правительства, а отвлекало вниманіе козаковъ. Умѣренные во главѣ которыхъ стоялъ гетманъ Томиленко, старались петиціями склонить правительство къ удовлетворенію козачьихъ претензій и жалобъ, но правительство не во-время стало неуступчивымъ: уменьшило жалованье, не согласилось удовлетворить просьбъ козаковъ относительно нѣкоторыхъ правъ ихъ (между прочимъ злобою дня было воспрещеніе помѣщиками козакамъ свободнаго винокуренія, для собственнаго потребленія).

Когда Павлюкъ, вернувшись изъ крымскаго похода весною 1637 г., началъ агитацію въ крайнемъ духѣ, это крайнее направленіе начало брать верхъ. Козацкую «армату» сторонники Павлюка насильно забрали изъ Черкасъ и

перевезли въ Запорожье, гдѣ начало организоваться движеніе противъ правительства. Правительственная партія ускорила развязку, смѣнивъ Томиленка, котораго подозрѣвала въ сочувствіи Павлюку, и выбравъ новаго гетмана Кононовича. Отвѣтомъ была прокламація Павлюка, объявлявшаго Кононовича и его сторонниковъ измѣнниками и приказывавшая арестовать ихъ. Кононовичъ съ прочею старшиною были арестованы и приведены въ лагерь Павлюка; нѣкоторыхъ изъ нихъ козаки казнили, иные подверглись другимъ наказаніямъ. Отряды Павлюковыхъ козаковъ, разсѣявшись по юго-восточной Украинѣ, принялись разорять панскія имѣнія и возбуждали населеніе къ возстанію. Были распространены воззванія, приглашавшія всѣхъ исповѣдующихъ «благочестивую вѣру» (т. е. православную) возставать противъ Поляковъ, замышляющихъ уничтожить козаковъ и обратить всѣхъ въ своихъ невольниковъ. Вездѣ формировались отряды возставшихъ, такъ что шляхта принуждена была спасаться бѣгствомъ.

Ея жалобы наконецъ понудили правительство обратиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Польскій гетманъ Потоцкій получилъ приказъ отправиться для усмиренія возставшихъ. Ему удалось придвинуться къ Днѣпру, прежде чѣмъ изъ Запорожья прибылъ съ низовцами и арматою Павлюкъ: онъ также старался притянуть на свою сторону Крымъ и упустилъ моментъ, когда могъ овладѣть территоріею Кіевскаго воеводства. Часть реестровыхъ присоединилась къ войску Потоцкаго; среди самихъ возставшихъ не было еще одного плана и рѣшимости къ борьбѣ. Перейдя р. Рось у Днѣпра, Потоцкій встрѣтилъ у с. Кумеекъ Павлюка, и здѣсь 16/XII н. ст. произошла битва. Козаки двигались на Поляковъ, окруживши себя подвижною стѣною возовъ (такъ наз. таборомъ). Но ихъ нападеніе было отбито, и Поляки перешли сами въ наступленіе. Козаки начали отступать; польское войско пошло за ними; найдя въ Мошнахъ оставленныхъ козаками раненыхъ и отставшихъ, Поляки перебили ихъ. Около Боровицы застали они козаковъ съ Павлюкомъ. Понесенныя утраты подорвали энергію въ козацкомъ войскѣ. Какъ говоритъ польскій дневникъ похода, ко-

заки выслали депутацію къ Потоцкому, прося мира; по требованію его выдали Павлюка и Томиленка, обѣщали сжечь чайки и выгнать изъ Запорожья своевольную «чернь». На этихъ условіяхъ состоялся миръ. Польскіе комиссары церевели реестръ. Потоцкій, чиня жестокія экзекуціи надъ возставшими—казня и сажая на колъ, прошелъ по Украинѣ, и для поддержанія спокойствія разставилъ свое войско здѣсь на зимнія квартиры.

Но изъ Запорожья козаковъ выбить не удалось; туда укрылись разсѣянные отряды, и шли дѣятельныя приготовленія къ новой войнѣ. Гетманомъ выбрали Острянина. Съ наступленіемъ весны (1638 г.) онъ двинулся изъ Запорожья и на этотъ разъ театръ возстанія перенесъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Обойдя Потоцкаго, старавшагося загородить ему дорогу, онъ прошелъ до устья Голтвы въ Псіолъ и окопался на чрезвычайно удобной позиціи. Потоцкій пробовалъ его нѣсколько разъ аттаковать, но съ огромными потерями долженъ былъ отступить. Увлеченный этимъ успѣхомъ, Острянинъ пошелъ за нимъ слѣдомъ, надѣясь въ походѣ соединиться съ отрядами козаковъ, которые подходили ему на помощь. Но все пошло такъ неудачно, что подходившіе отряды натыкались на Поляковъ и были разгромлены, а Острянинъ, безъ подкрѣпленій вступившій въ битву подъ Лубнами, вышелъ съ большимъ урономъ и началъ отступать на юго-западъ, къ Днѣпру. Послѣ новой неудачной битвы, Острянинъ, боясь въ случаѣ неудачи быть выданнымъ Полякамъ, бѣжалъ изъ козацкаго войска[1]).

На его мѣсто былъ выбранъ Дмитро Гуня. Онъ ухитрился отступить къ Днѣпру и окопался здѣсь въ очень удобной позиціи. Это отступленіе и послѣдовавшая затѣмъ шестинедѣльная осада составляютъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ козацкихъ войнъ и запечатлѣли славу Гуни

[1]) Послѣ неудачи этой войны Острянинъ эмигрировалъ, съ большимъ числомъ земляковъ, за московскую границу, въ такъ наз. Слободскую Украину.

какъ замѣчательнаго вождя, прославившагося уже въ прошлогодней войнѣ отступленіемъ изъ-подъ Кумеекъ. Козаки чрезвычайно стойко выдерживали канонаду, отбивали приступы и переносили недостатокъ припасовъ. Они надѣялись на подкрѣпленія и транспортъ, которые велъ изъ-за Днѣпра полковникъ Филоненко. Но Поляки захватили въ дорогѣ этотъ транспортъ, Филоненко пробился къ осажденнымъ— съ пустыми руками. Это рѣшило кампанію. Козаки должны были принять тѣ строгія условія, которыя постановилъ для нихъ сеймъ; они надѣялись, что, можетъ быть, депутація ихъ къ королю что нибудь измѣнитъ въ нихъ, но надежда была напрасна. Единственно, что доставила имъ ихъ упорная оборона—это полная амнистія для участниковъ возстанія (поскольку ихъ не перерѣзали въ предшествующихъ битвахъ Поляки, показывавшіе вообще крайнюю жестокость и вѣроломство въ этой войнѣ). Но положеніе козачества вслѣдствіе этого возстанія сравнительно съ предшествующимъ ухудшилось сильно.

Козаки потеряли свое самоуправленіе—всѣ высшія должности въ ихъ войскѣ стали замѣщаться по назначенію, и то польскими шляхтичами, относившимися къ нимъ весьма недружелюбно. Въ реестръ было включено также немало постороннихъ козачеству элементовъ. Переведенъ онъ былъ въ размѣрѣ 6.000, со всею строгостью, и козакамъ разрѣшено было жить только въ предѣлахъ староствъ Черкасскаго, Корсунскаго и Чигиринскаго. Козачество было такимъ образомъ локализировано и отдано подъ строгій контроль. Возобновленный Кодакъ преградилъ имъ дорогу на Запорожье; безъ паспортовъ своего начальства козаки не должны были пропускаться въ степь и на Запорожье. Расквартированныя на Украинѣ польскія войска должны были слѣдить за поддержаніемъ этого порядка и спокойствія. Благодаря тому, что въ польской политикѣ было затишье и ни войска, ни козаковъ правительству не требовалось, польскому правительству удалось въ первый разъ выдержать характеръ и поддержать такой порядокъ довольно долго—цѣлыхъ десять лѣтъ. Король Владиславъ, мечтавшій объ орга-

низаціи европейской лиги противъ Турокъ, имѣлъ, правда, планы направить на нихъ козаковъ, чтобы впутать Польшу въ войну съ Турціею и принудить сеймъ, враждебно относившійся къ воинственнымъ планамъ короля, къ признанію военныхъ кредитовъ. Онъ даже вошелъ въ сношенія съ козаками, но козацкая старшина такъ была придавлена, что не откликнулась даже на это секретное приглашеніе короля[1]).

Но всѣ эти репрессіи пришли слишкомъ поздно. На Украинѣ скопилось столько горючаго матеріала, предшествовавшія войны такъ расколыхали народныя массы, что нужно было только толчка, чтобы привести ихъ снова въ движеніе. И этотъ толчекъ былъ сдѣланъ въ 1648 г. человѣкомъ, съ именемъ котораго связано величайшее козацкое и народное движеніе Украины, произведшее переворотъ въ ея жизни и въ политическихъ отношеніяхъ Восточной Европы— чигринскій сотникъ Богданъ Хмельницкій.

Подробнѣе: статьи Доманицкаго: Козачина на переломі XVI—XVII вв. въ Запискахъ Наук. товариства Шевченка, т. 60 и слѣд. Рудницкаго: Козацько-польська война р. 1625 и Украïнські козаки въ рр. 1625—30. также т. 17 и 33. Костомарова Богданъ Хмельницкій, введеніе. Голубевъ Митр. Петръ Могила, I—II (церковныя отношенія).

XVI.

Украинскій мемуаристъ (такъ назыв. Самовидецъ), описавшій великое украинское народное движеніе XVII в. по личнымъ воспоминаніямъ и представляющій взгляды украинской буржуазіи, стоявшей въ сторонѣ отъ чисто козацкихъ интересовъ, указываетъ такія причины возстанія: недовольство своимъ положеніемъ козаковъ-выписчиковъ, обращенныхъ въ крѣпостныхъ крестьянъ и слугъ; гнетъ и несправед-

[1]) Эти сношенія короля съ козаками однако сыграли потомъ роль въ агитаціи Хмельницкаго.

ливости, испытываемые реестровыми подъ управленіемъ польскихъ шляхтичей въ роли старшины; раздраженіе крестьянъ—«хотя богато жившихъ», на «вымыслы» помѣщиковъ, старостъ и арендаторовъ Евреевъ, и наконецъ—притѣсненіе православія и распространеніе уніи и католичества въ восточной Украинѣ, послѣ подавленія козачества.

Это указанія довольно полныя и вѣрныя, хотя сравнительное значеніе этихъ причинъ авторъ не старался оцѣнить. Главную массу участниковъ дало возстанію крестьянство, которое сильно возрасло численно (это было время наибольшаго развитія крестьянской колонизаціи юго-восточной Украины) и въ развитіи шляхетскихъ польскихъ порядковъ среди этого десятилѣтняго украинскаго затишья прониклось особенно острымъ раздраженіемъ противъ польско-шляхетскаго господства. Горючій матеріалъ дала масса выписчиковъ, лишенныхъ козацкихъ правъ и особенно живо чувствовавшихъ на себѣ давленіе польскихъ порядковъ. Буйства и притѣсненія расквартированныхъ на Украинѣ польскихъ солдатъ давали вѣчно новую и обильную пищу этому раздраженію. Религіозныя притѣсненія дали кличъ, объединившій въ борьбѣ противъ польскихъ порядковъ всѣхъ недовольныхъ ими, безъ различія сословныхъ и экономическихъ интересовъ, во имя интересовъ національныхъ [1]). А толчекъ къ движенію вышелъ изъ среды реестроваго козачества, огорченнаго притѣсненіями со стороны Поляковъ-начальниковъ. Типическимъ образцомъ этихъ притѣсненій, этого униженія козачества было дѣло Б. Хмельницкаго, заставившее его открыто выступить противъ водворившихся на Украинѣ порядковъ и, связавъ свою личную участь съ участью обиженныхъ этими порядками, искать отклика у всѣхъ угнетенныхъ польско-шляхетскимъ режимомъ.

---

[1]) О православныхъ епископахъ говорили, что они посылали военные запасы Хмельницкому во время возстанія—это даетъ понятіе о солидарности столь различныхъ общественныхъ элементовъ на почвѣ религіозно-національныхъ интересовъ.

*

Богданъ Хмельницкій происходилъ изъ состоятельной помѣщичьей (но не шляхетской) чигринской семьи, получилъ для своего времени хорошее образованіе, издавна служилъ въ козацкомъ войскѣ и достигъ въ немъ значенія. Въ 1636 г. видимъ его депутатомъ реестровыхъ къ королю, среди участниковъ возстанія 1637 г. встрѣчаемъ его въ должности войскового писаря, т. е. правителя войсковой канцеляріи, а при организаціи 1638 г., когда всѣ высшія позиціи въ козацкомъ войскѣ были замѣщены Поляками, онъ получилъ должность чигринскаго сотника—высшую позицію, какая была доступна для козака въ этихъ новыхъ порядкахъ. Но, несмотря на свои заслуги и значеніе, онъ, столкнувшись съ мѣстною польскою администраціею, подвергся цѣлому ряду тяжкихъ моральныхъ и матеріальныхъ обидъ и утратъ: у него отобрано отцовское имѣніе, сына его забили на смерть плетьми при наѣздѣ, самъ онъ былъ арестованъ и опасался за жизнь. Въ концѣ концовъ, выпущенный изъ-подъ ареста, онъ бѣжалъ въ исходѣ 1647 г. въ запорожскія убѣжища, и здѣсь началъ возбуждать выписчиковъ и своевольныхъ козаковъ, скитавшихся здѣсь, къ возстанію противъ порядковъ, созданныхъ реформою 1638 г.

Его слова нашли здѣсь сочувственный откликъ—слишкомъ сильно и всеобще было неудовольствіе, а Хмельницкій еще обнадеживалъ, что самъ король сочувствуетъ угнетенному козачеству. Для поддержки возстанія онъ старался заручиться—какъ и цѣлый рядъ его предшественниковъ, помощью Крыма, и ему дѣйствительно удалось то, что не удавалось предшествующимъ вождямъ: крымскій ханъ Исламъ-гирей былъ раздраженъ на Польшу за неаккуратную уплату «упоминковъ», въ Крыму былъ сильный голодъ, и Татарамъ нужна была непремѣнно война, добыча. Ханъ обѣщалъ Хмельницкому помощь и далъ ее дѣйствительно: самъ онъ, положимъ, не захотѣлъ принять участіе въ войнѣ, но поручилъ одному изъ сильнѣйшихъ мурзъ Тугай-бею перекопскому помогать Хмельницкому. Это была очень важная гарантія успѣха: благодаря помощи Татаръ Хмельницкій успѣлъ выдержать первыя столк-

новенія съ польскими войсками и овладѣть театромъ возстанія; обѣщаніе же татарской помощи, несомнѣнно, повліяло съ самаго начала на рѣшимость къ возстанію среди низового козачества—къ нему присоединился и гарнизонъ, расположенный на Запорожьѣ и состоявшій изъ реестровыхъ.

Между тѣмъ вѣсти о приготовленіяхъ къ козацкой войнѣ вызвали броженіе на Украинѣ, какъ она ни была, казалось, прочно придавлена. Шляхта призывала коронныхъ гетмановъ къ помощи, къ репрессіямъ противъ готовящагося возстанія. Король въ своихъ письмахъ совѣтовалъ не доводить до войны, пустить козаковъ «на море», чтобы ихъ энергія нашла выходъ въ походѣ на Турцію. Коронный гетманъ (Ник. Потоцкій) принималъ мѣры предосторожности—отбиралъ оружіе у украинскаго населенія, разставилъ реестровыхъ козаковъ по южной границѣ украинскихъ осѣдлостей и одновременно велъ переписку съ Хмельницкимъ, призывая его къ покорности. Но требованія, поставленныя Хмельницкимъ—отмѣна ординаціи 1638 г. и выводъ польскихъ войскъ, были признаны гетманомъ невозможными, оскорбительными, и война была рѣшена [1]).

Въ половинѣ апрѣля 1648 г. оба гетмана — великій (Потоцкій) и польный (Калиновскій) двинулись со всѣми силами на Хмельницкаго. Впередъ былъ посланъ сынъ Ник. Потоцкаго Стефанъ съ отрядомъ польскаго войска и реестровые козаки подъ предводительствомъ ихъ комиссара Шемберга; другой отрядъ козаковъ съ польскими войсками былъ посаженъ въ лодки и посланъ Днѣпромъ. Но реестровые козаки присоединились къ войску Хмельницкаго, выступившему навстрѣчу Потоцкому: сначала возмутились они въ отрядѣ плывшемъ по Днѣпру, а затѣмъ въ отрядѣ Потоцкаго и Шемберга; присоединились къ Хмельницкому и навербованные

---

[1]) Позже разсказывались анекдоты о самонадѣянности Потоцкаго, не придававшаго дескать значенія возстанію; но эти разсказы неосновательны: Потоцкій очень серіозно смотрѣлъ на него, вопреки королю.

изъ украинскаго населенія драгуны [1]). Оставленные ими Потоцкій и Шембергъ отбивались нѣкоторое время изъ своего укрѣпленнаго лагеря, на р. Желтыхъ водахъ, отъ обступившихъ ихъ войскъ Хмельницкаго, затѣмъ попробовали отступать, но тутъ ихъ отрядъ былъ смятъ и совершенно уничтоженъ; Потоцкій былъ взятъ въ плѣнъ, Шембергъ убитъ. Покончивъ съ передовымъ отрядомъ, Хмельницкій двинулся противъ главныхъ польскихъ силъ, которыя, почувствовавъ опасность (хотя вѣсти отъ передового отряда до нихъ не доходили), тѣмъ временемъ начали отступать, разрушая города и мѣстечки, «чтобъ не достались врагамъ. Подъ Корсунемъ настигъ ихъ Хмельницкій съ Татарами; отступая, польская армія попала въ устроенные козаками на ея пути рвы и засѣки и была совершенно уничтожена (26 мая); Потоцкій и Калиновскій попали въ плѣнъ и были отданы Татарамъ.

Корсунская битва лишила всякой обороны польско-шляхетскій режимъ Украины — войска были уничтожены, вожди въ плѣну. Возстаніе безпрепятственно охватило правобережныя земли и лѣвобережныя—значительно колонизированныя въ предшествующее десятилѣтіе. Ватаги возставшихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ выписчиковъ, расправлялись съ ненавистною шляхтою и Евреями-арендаторами, со всѣми причастными ненавистному режиму, и присоединялись къ казацкимъ войскамъ. Шляхта уцѣлѣвшая спасалась бѣгствомъ. Іеремія Вишневецкій, самый крупный магнатъ лѣвобережной Украины (измѣнившій своей народности потомокъ стараго волынскаго рода), организовавшій сильный отрядъ и прославившійся своею энергіею и безпощадностью къ возставшимъ, былъ не въ состояніи совладать съ массою возставшаго крестьянства и едва успѣлъ пробраться въ Кіевское Полѣсье и оттуда на Волынь. Въ какой-нибудь мѣсяцъ вся восточная Украина — воеводства Кіевское, Черниговское и Браславское были вполнѣ во власти возстанія, во власти Хмельницкаго, о

[1]) Natione Roxolani (Русины-Украинцы), ritu (по вѣрѣ) Graeci, habitu (одеждою) Germani, какъ описываетъ ихъ современникъ.

которомъ ходили слухи, что онъ организуетъ новое государство, украинскую монархію, принялъ титулъ великаго князя и т. п.

Но такихъ плановъ Хмельницкій тогда вовсе еще не имѣлъ. Мы знаемъ, какія условія ставилъ онъ Потоцкому передъ возстаніемъ; отказъ Потоцкаго привелъ его къ войнѣ. Разгромъ польскихъ войскъ могъ его столько же радовать, сколько и безпокоить: это былъ ударъ слишкомъ сильный сравнительно съ своею цѣлью—произвести на польское правительство давленіе для отмѣны ординаціи 1638 г. Онъ могъ раздражить польское правительство и утруднить разрѣшеніе вопроса. Послѣ Корсунской битвы Хмельницкій остановился подъ Бѣлою Церковью; отсюда пишетъ письма, оправдывая свое возстаніе, прося для козаковъ защиты отъ притѣсненій; въ петиціи, посланной правительству отъ козацкаго войска, оно просило увеличенія реестра до 12 тыс., уплаты задержаннаго жалованія и отмѣны ординаціи 1638 г. относительно замѣщенія высшихъ должностей въ козацкомъ войскѣ Поляками. Какъ видимъ, желанія скромныя, очень скромныя [1]), — но нужно помнить, что полувѣковая практика научила козаковъ въ сношеніяхъ съ правительствомъ довольствоваться малымъ — на бумагѣ. На бѣду, какъ разъ умеръ король Владиславъ, (20/V). къ которому Хмельницкій и козаки вообще питали большое довѣріе. Ни временное правительство, ни сеймъ не чувствовали въ себѣ достаточно авторитета и энергіи, чтобы установить какія нибудь отношенія съ козачествомъ, да и Хмельницкій съ козаками не имѣли желанія договариваться съ ними. Не получая никакого опредѣленнаго отвѣта изъ Варшавы, Хмельницкій, чтобы не дать разложиться своимъ силамъ, принужденъ былъ двигаться на западъ, поддерживая динамику возстанія.

Когда польскія войска, наново организованныя и порученныя предводительству одного изъ бездарнѣйшихъ волын-

---

[1]) Увеличеніе реестра до 12 тыс. проектировалъ король въ своихъ планахъ войны съ Турціею, и это, вѣроятно, было Хмельницкому извѣстно.

скихъ магнатовъ—кн. Дом. Заславскому (также украинскаго происхожденія), съ своей стороны перешли въ наступленіе, произошла новая катастрофа. 20 сентября польское войско напало на Хмельницкаго подъ Пилявцами (въ Южной Волыни), но послѣ перваго же, довольно неудачнаго сраженія, въ польскомъ лагерѣ среди приготовленій къ отступленію распространилась паника, и въ безграничномъ страхѣ это довольно значительное войско разбѣжалось, куда глаза глядятъ. Польша опять очутилась безъ войска. Волынь и почти вся Подолія оказалась во власти возстанія, которое распространилось и въ Галичинѣ [1]). Хмельницкій по инерціи двигался далѣе на западъ; приступилъ подъ Львовъ и прекратилъ его осаду, получивъ незначительный окупъ; затѣмъ приступилъ подъ Замостье и осадою его занялъ на нѣсколько недѣль вниманіе своего войска, въ ожиданіи окончанія безкоролевья. Наконецъ выбранъ былъ король — братъ Владислава Янъ-Казимиръ, кандидатуру котораго поддерживалъ также и Хмельницкій (худшаго выбора сдѣлать онъ не могъ). Хмельницкій, получивъ увѣдомленіе о выборѣ отъ новоизбраннаго короля, воспользовался этимъ какъ поводомъ, чтобы прекратить походъ и вернуться въ Кіевъ — ожидать королевскихъ пословъ для устройства новыхъ порядковъ.

До сихъ поръ движеніе, вызванное Хмельницкимъ, только своими размѣрами и небывалымъ дотолѣ успѣхомъ отличалось отъ предшествующихъ козацкихъ движеній. Оно исходило изъ интересовъ козачьяго сословія, и хотя оперировало крестьянскими массами, обращалось въ рамкахъ козацкой сословной программы, хотя бы и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ общенаціональныхъ требованій, сообщеннымъ ей уже со временъ Сагайдачнаго. Мы видѣли дезидераты движенія —

---

[1]) Здѣсь, въ Западной Украинѣ, — на Волыни, Подольѣ и въ Галичинѣ, — оно впрочемъ имѣло преходящій успѣхъ: не поддержанное козаками энергически, оно не развилось и было затѣмъ подавлено шляхтою. Во власти Хмельницкаго осталась только восточная Украина — Кіевское, Браславское и Черниговское воеводства.

они не выходили за чисто-козацкія дѣла; позже Хмельницкій присоединилъ къ нимъ еще требованіе отмѣны уніи, но собственно окончательною цѣлью движенія оставалась отмѣна стѣсненій, введенныхъ 1638 г., и возстановленіе, казачьихъ льготъ, такъ что Хмельницкій являлся только непосредственнымъ преемникомъ Сагайдачнаго, Дорошенка, Тараса Федоровича и т. д. Только въ Кіевѣ, по возвращеніи изъ кампаніи, почувствовалъ онъ разницу въ положеніи, подхватила его волна небывалаго народнаго воодушевленія и произвела переломъ въ его взглядахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и само движеніе вошло въ новый фазисъ.

Хмельницкаго въ Кіевѣ встрѣтили не какъ простого козацкаго вождя, а какъ національнаго героя. «Весь Кіевъ» оказывалъ ему почести гораздо большія, чѣмъ какому либо воеводѣ; депутаціи кіевскихъ школъ привѣтствовали его какъ «украинскаго Моисея», освободителя отъ «лядской неволи», посланнаго Богомъ и въ знакъ того «Богданомъ названнаго»: высшее духовенство, во главѣ съ гостившимъ тогда въ Кіевѣ іерусалимскимъ патріархомъ, встрѣчали его знаками высокаго уваженія... И вотъ среди этого общаго энтузіазма, въ разговорахъ съ высшими представителями украинской интеллигенціи ея тогдашняго культурнаго центра, начинають мысли Хмельницкаго выходить за горизонтъ чисто-козацкихъ интересовъ. Конечно, на сцену выступалъ прежде всего религіозный вопросъ — тогдашнее боевое національное знамя; но мысли Хмельницкаго, разъ выйдя за горизонтъ чисто-козацкихъ движеній, на немъ не останавливались, а шли гораздо дальше. Передъ его взоромъ поднимались образы возрожденнаго украинскаго народа, совершенно освобожденнаго отъ польскаго господства и устроеннаго на новыхъ началахъ, подъ охраною козацкаго войска. Когда въ февралѣ 1649 года прибыли къ Хмельницкому королевскіе комиссары, чтобы передать ему знаки гетманскаго достоинства (впервые признаннаго за козацкимъ вождемъ) и установить новую козацкую ординацію,—вмѣсто увѣреній въ вѣрности и преданности королю и рѣчи посполитой Польской, которыя такъ щедро

расточалъ Хмельницкій въ прошломъ году, пошли отъ него иныя рѣчи. Онъ не хотѣлъ входить ни въ какіе договоры, заявлялъ рѣшимость «выбить изъ лядской неволи весь украинскій народъ», опереться на крестьянствѣ и для охраны его организовать многотысячное козацкое войско. Онъ называлъ себя главою Руси, «русскимъ самодержцемъ», поговаривалъ объ украинскомъ государствѣ, «по Львовъ, Холмъ и Галичъ» и грозилъ загнать Поляковъ за Вислу. Въ этихъ словахъ, вырывавшихся у него въ минуты возбужденія, конечно, нельзя искать какого либо обдуманнаго плана. Его и не было еще у Хмельницкаго. Онъ и его сподвижники ежеминутно сбивались съ этихъ широкихъ плановъ на старую козацкую программу (интересы козачества и православной церкви)—но все же было теперь желаніе выйти изъ рамокъ польско-шляхетскаго режима и козацкихъ ординацій и поискать новыхъ условій существованія для всего украинскаго народа.

Отказавшись отъ переговоровъ, Хмельницкій дѣятельно приготовлялся къ войнѣ. Въ Польшѣ также почувствовали, что это будетъ борьба на жизнь и на смерть. Самъ король двинулся въ походъ. Но перевѣсъ силъ и таланта былъ несомнѣнно на сторонѣ Хмельницкаго. Театромъ войны оказалась южная Волынь. Хмельницкій обложилъ неосторожно двинувшіяся противъ него польскія войска подъ Збаражемъ въ очень неудобной для нихъ позиціи и довелъ до крайности, а когда на отчаянный призывъ осажденныхъ двинулся на выручку король во главѣ шляхетскаго «посполитаго рушенія», онъ попалъ въ руки Хмельницкаго: тотъ слѣдилъ за его движеніями и, перерѣзавъ путь недалеко отъ Збаража, подъ Зборовымъ, поставилъ короля съ его арміею въ безвыходное положеніе. Но въ этотъ моментъ, когда Хмельницкій готовъ былъ продиктовать королю свои условія, все разбила, измѣна Татаръ: Полякамъ удалось перекупить хана, находившагося со своею ордою въ лагерѣ Хмельницкаго. Хмельницкій очутился между двухъ огней и долженъ былъ пойти на уступки. Подъ Зборовымъ, въ половинѣ августа 1648 г., заключенъ былъ

трактатъ между Хмельницкимъ и королемъ. Козацкій реестръ установлялся въ высотѣ 40 тыс., въ него могли быть вписаны козаки, жительствовавшіе въ коронныхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ воеводствъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго; на территорію этихъ воеводствъ не могли быть вводимы польскія войска, въ нихъ не могли жить ни Евреи, ни іезуиты. Православная церковь должна была получить удовлетвореніе въ своихъ жалобахъ на уніатовъ на ближайшемъ сеймѣ; православный митрополитъ получалъ мѣсто въ сенатѣ; всѣ должности въ упомянутыхъ трехъ воеводствахъ имѣли раздаваться только православнымъ.

Все это было огромнымъ тріумфомъ, если сравнить съ первоначальными требованіями Хмельницкаго, но полнымъ фіаско—въ сравненіи съ тѣми болѣе широкими планами, для осуществленія которыхъ онъ возобновилъ войну. Если въ Польшѣ были возмущены чрезмѣрностью уступокъ, сдѣланныхъ Зборовскимъ трактатомъ козакамъ, то на Украинѣ онъ возбудилъ негодованіе противъ Хмельницкаго, какъ измѣна цѣлямъ возстанія. Дѣйствительно, трактатъ возвращалъ все къ старой программѣ козацкихъ движеній: обезпечивались права козачьяго сословія, весьма тщательно оговоренныя въ трактатѣ, также интересы православной религіи, и совершенно игнорировались интересы крестьянства, которое должно было вернуться къ прежнимъ отношеніямъ подданства. Народныя массы, такъ дружно двинувшіяся въ этомъ возстаніи, почувствовали себя обманутыми и отвернулись отъ Хмельницкаго. Можно сказать, что со Зборовскимъ договоромъ Хмельничина теряетъ характеръ свободнаго народнаго движенія, народной войны. Хотя народная масса принимаетъ участіе въ дальнѣйшихъ войнахъ подъ вліяніемъ вражды къ Полякамъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, иногда даже по принужденію, но въ ней нѣтъ уже того одушевленія, и среди этихъ войнъ развивается массовая колонизація на востокъ, подальше отъ Польши, за московскую границу, въ Слободскую Украину.

Хмельницкій нѣкоторое время дѣлалъ возможное для исполненія Зборовскаго трактата (составилъ реестръ, остав-

шійся, впрочемъ, только на бумагѣ, опубликовалъ универсалъ противъ «своевольныхъ бунтовщиковъ»—крестьянъ и т. п.), но очень скоро долженъ былъ убѣдиться въ невозможности дѣйствительно его исполнить, возстановить прежній польско-шляхетскій режимъ. Война была неизбѣжна, тѣмъ болѣе что и съ польской стороны не было охоты къ установленію какихъ либо сносныхъ отношеній. Но Хмельницкій не рѣшался опереться исключительно на народныя силы—тѣмъ болѣе, что перемѣна въ настроеніи народа для него не была секретомъ, и искалъ помощи извнѣ. Онъ плететъ очень сложную систему союзовъ противъ Польши: входитъ въ непосредственныя сношенія съ Портою, признаетъ себя вассаломъ султана и заручается оттуда наказомъ для крымскаго хана—помогать Хмельницкому противъ Польши; старается втянуть въ войну съ Польшею Москву; нѣсколько позже съ подобными же цѣлями входитъ въ сношенія съ Молдавіею, съ энергическимъ владѣтелемъ Трансильваніи Юріемъ Ракочи и со Швеціею.

Но разорвать отношенія съ польскимъ правительствомъ онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ еще прежде, чѣмъ эти дипломатическіе ходы оставили ему реальное содѣйствіе новыхъ союзниковъ. Война возобновилась уже въ 1650 г.; единственнымъ союзникомъ Хмельницкій имѣлъ только хана, да и тотъ помогалъ ему неохотно, лишь подчиняясь султанскимъ распоряженіямъ (самъ онъ носился съ планомъ войны съ Москвою, въ союзѣ съ Польшею и Хмельницкимъ), и снова испортилъ кампанію Хмельницкому. Она было началась очень благопріятно для Хмельницкаго: погромомъ подъ Винницею гетмана Калиновскаго, который неосторожно, безъ приготовленій, напалъ на козацкую территорію. Хмельницкій, исподоволь приготовлявшійся къ войнѣ, готовился дать жестокій урокъ Польшѣ, но медленность хана, котораго онъ ждалъ на помощь, погубила удобный моментъ для войны, а затѣмъ, когда Хмельницкій съ ханомъ готовился дать рѣшительное сраженіе Полякамъ подъ Берестечкомъ (въ сѣверной Волыни), Татары ушли отъ Хмельницкаго въ рѣшительный моментъ и въ добавокъ ханъ захватилъ и самого Хмельницкаго, который про-

бовалъ его вернуть. Козацкое войско начало отступать и было почти уничтожено при переправѣ черезъ болота. Война прервана была Бѣлоцерковскимъ трактатомъ, который представлялъ собою ухудшенное, обкарнанное изданіе Зборовскаго и, конечно, еще меньше могъ установить прочныя отношенія, чѣмъ Зборовскій. На этотъ разъ Хмельницкій не могъ имѣть, конечно, ни минуты иллюзій относительно возможности установленія такихъ отношеній, но не рѣшался воевать въ виду отсутствія союзниковъ и сильнаго ослабленія и апатіи народныхъ массъ.

Онъ принужденъ былъ снова политиканить, лицемѣрить передъ Польшею. Снова составляется реестръ, производятся экзекуціи надъ непокорными крестьянами, не мирившимися съ возвращеніемъ на Украину шляхты, съ возобновленіемъ постоя польскихъ войскъ и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ такого невыносимаго мира—снова война (лѣто 1652 г.), худшая изъ возможныхъ, гдѣ обѣ стороны, утомленныя безплодною борьбою, напрягали послѣднія силы и съ холоднымъ ожесточеніемъ старались добить противника. Ни та ни другая однако не осмѣливались дать вызовъ къ рѣшительной битвѣ, и почти два мѣсяца стояли обѣ арміи на Подоліи въ бездѣйствіи, пока измѣна Татаръ (6 декабря 1653 г.) не прервала еще разъ кампаніи. На этотъ разъ однако Хмельницкій не придавалъ значенія такому обороту: его дипломатическія сношенія начинали приносить плоды, и какъ разъ въ это время, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась вмѣшаться въ его борьбу съ Польшею Москва. Объ установленіи отношеній съ польскимъ правительствомъ Хмельницкій больше не думалъ.

Хмельницкій вошелъ въ сношенія съ Москвою почти съ самаго начала своего возстанія. Когда онъ рѣшился повести съ Польшею борьбу на жизнь и на смерть, онъ началъ всячески стараться втянуть въ эту борьбу и Москву, напустить ее на Польшу, не щадя обѣщаній и возможно соблазнительныхъ для нея перспективъ, предлагая признать надъ собою верховную власть царя (также какъ онъ уже призналъ, для

той же цѣли, власть султана), завоевать для него Крымъ и т. п. Но Москва не рѣшалась разорвать своего мира съ Польшею и вступить въ рискованную войну, и отвѣчала на всѣ предложенія Хмельницкаго ничего не стоющими комплиментами. Однако обстоятельства скоро заставили ее призадуматься. Съ одной стороны польскіе политики показывали намѣреніе направить козаковъ и Татаръ противъ Москвы, чтобы въ этомъ направленіи отвлечь ихъ силы, и Москва имѣла всѣ причины опасаться, что Хмельницкій при всемъ желаніи не будетъ въ состояніи воспрепятствовать такому плану. Съ другой стороны неудачи, которыя терпѣла Польша въ борьбѣ съ козаками, возбуждали въ московскихъ политикахъ охоту воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ, чтобы вернуть себѣ утраченное во время «Смутнаго времени». Подъ вліяніемъ этихъ соображеній московское правительство рѣшило оставить свой нейтралитетъ, и созванный по этому вопросу «земскій соборъ» вполнѣ одобрилъ его намѣреніе—принять Украину подъ свою протекцію и объявить по этому поводу войну Польшѣ. Объ этомъ немедля извѣстили Хмельницкаго, а вслѣдъ за тѣмъ выслали на Украину чрезвычайное посольство—привести Украину къ присягѣ государю.

Мы не знаемъ, какъ представлялъ себѣ Хмельницкій свои отношенія къ Москвѣ, но можно сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ думалъ о созданіи какой либо прочной и тѣсной связи съ нею. Союзъ съ Москвою, къ которому онъ стремился, былъ только составною частью системы союзовъ, которую онъ приготовлялъ противъ Польши. Москва представляла себѣ этотъ союзъ въ формѣ присоединенія Украины къ Московскому государству, и Хмельницкій старался попасть ей въ тонъ, заявляя готовность признать надъ собою ея власть, обѣщая доходы съ украинскихъ земель, предоставляя московскому правительству подобную же роль относительно внутреннихъ отношеній Украины, какая ранѣе принадлежала правительству польскому. Ближайшею цѣлью его было—втянуть московское правительство въ войну съ Польшею, и онъ

для достиженія ея не считался съ обѣщаніями и не заглядывалъ впередъ. Но, когда наконецъ московское правительство рѣшилось сдѣлать этотъ шагъ, Хмельницкому пришлось весьма скоро убѣдиться, что онъ сдѣлалъ очень двусмысленное пріобрѣтеніе для своихъ плановъ.

На первыхъ же порахъ столкнулись конституціонныя привычки украинскаго населенія съ самодержавными принципами Москвы. Когда казацкая старшина приносила присягу, по желанію московскаго правительства, на вѣрность ему, она потребовала, чтобы царскими послами также была принесена присяга отъ имени царя въ исполненіи взятыхъ имъ на себя обязательствъ, относительно Украины, — и получила на это отказъ. Правда, это была формальность, а формальностямъ въ козацкихъ кругахъ не придавали значенія, но вслѣдъ за нею начали выходить вещи болѣе существенныя.

Жизнь украинскаго общества шла впереди теорій. Идея автономнаго украинскаго государства, замкнутой украинской территоріи только начинала формироваться въ умахъ украинскихъ вождей, но фактически уже нѣсколько лѣтъ Хмельницкій былъ главою государства, обнимавшаго восточно-украинскія земли и жившаго вполнѣ самостоятельно. Эти фактическія отношенія Хмельницкій и козацкая старшина хотѣли оставить въ силѣ и подъ московскою протекціею, хотя и не рѣшались поставить ясно этого требованія [1]). Но московскіе политики ухватились за заявленіе Хмельницкаго, неосторожно сдѣланное имъ въ томъ смыслѣ, что московское правительство должно утвердить сословныя привиллегіи козачества и православнаго духовенства, а въ остальномъ можетъ свободно править на Украинѣ, и не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ автономіи Украины. Московское правительство прежде всего распорядилось поставить въ Кіевѣ сильный гарнизонъ, устроивъ для него отдѣльную крѣпость,

---

[1]) А можетъ быть и не умѣли его сформировать принципіально? Впрочемъ они ссылались въ своихъ переговорахъ съ Москвою на примѣры вассальныхъ государствъ Турціи — Молдавіи и Валахіи.

цѣлый особый городокъ, и посадить воеводу, который являлся непосредственнымъ представителемъ московской власти на Украинѣ. Такихъ воеводъ оно намѣревалось посадить и во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Украины, передавъ имъ администрацію и сборъ налоговъ.

Когда Хмельницкій и козацкая старшина уяснили себѣ эту перспективу, она ихъ очень мало обрадовала, но, дорожа союзомъ съ Москвою и не желая сразу портить свои отношенія къ ней, они не рѣшились рѣзко поставить вопроса. Когда вслѣдъ за приведеніемъ Украины къ присягѣ царю пришлось выяснить дальнѣйшій modus vivendi Украины подъ московскою протекціею, и московскіе послы направили украинскую старшину къ центральному правительству [1]), Хмельницкій со старшиною въ петиціяхъ, предложенныхъ московскому правительству (въ мартѣ 1654 г.), не ставя вопроса по существу, хотѣли обойти его и рядомъ оговорокъ по возможности свести на нѣтъ участіе московскаго правительства во внутреннемъ управленіи Украины. Но въ Москвѣ оказались очень несговорчивыми на этомъ пунктѣ и хотя по московской осторожности въ виду этихъ заявленій отложили дальнѣйшее проведеніе своихъ плановъ на управленіе Украиною, но отвѣтили отказомъ на всѣ тѣ желанія козацкой старшины, которыя имѣли цѣлью ограничить роль Москвы во внутреннихъ отношеніяхъ Украины.

Эти мартовскія резолюціи на петиціи Хмельницкаго и старшины, подъ именемъ «статей Богдана Хмельницкаго» сыграли весьма важную роль, ставъ основою устройства Украины на цѣлое столѣтіе. Но эта роль припала имъ совершенно незаслуженно: петиціи не заключали въ себѣ никакой продуманной программы, были составлены наскоро (о весьма существенныхъ вещахъ козацкимъ посламъ высланы были наказы уже въ догонку), многое вошло сюда просто по традиціи договоровъ съ польскимъ правительствомъ. Такой

---

[1]) Они совѣтовали явиться въ Москву самому Хмельницкому, но тотъ уклонился подъ предлогомъ грозящей войны съ Поляками.

традиціонный характеръ въ значительной степени имѣютъ пункты о козачьемъ войскѣ, которому посвящено въ этихъ петиціяхъ главное и наибольшее вниманіе — эти вопросы о козацкомъ реестрѣ (установленномъ на 60 тыс.), о козачьихъ правахъ семействъ козаковъ, о содержаніи козацкихъ чиновъ и т. п., вопросы вовсе второстепенные въ сравненіи съ тѣми, какіе въ дѣйствительности выдвигала жизнь: объ общегосударственной власти гетмана, объ автономіи Украины и т. п. Этой сферы касаются только немногіе пункты: гетмана выбираетъ войско и только извѣщаетъ о выборѣ царское правительство; гетманъ и войско могутъ сноситься съ прочими государствами и извѣщаютъ царское правительство только о томъ, что могло бы ему повредить; высказано желаніе, чтобы правительство получало извѣстную дань круглою суммою,—въ такомъ случаѣ гетманъ удержалъ бы въ своихъ рукахъ управленіе страною, и не было бы надобности въ московскихъ воеводахъ [1]). Затѣмъ есть нѣсколько пунктовъ, касающихся отдѣльныхъ сословій—о сохраненіи правъ сословій свѣтскихъ и духовнаго, о сохраненіи за шляхтою, которая принесетъ присягу царю, всѣхъ преимуществъ и сословныхъ учрежденій, какія существовали при польскомъ управленіи, о сохраненіи въ городахъ выборнаго управленія. Все это дало бы очень печальное свидѣтельство о политическомъ развитіи козацкихъ правящихъ круговъ, если бы мы хотѣли искать въ этихъ петиціяхъ полнаго образа ихъ политическихъ стремленій.

Вообще благодаря недомолвкамъ съ обѣихъ сторонъ отношенія между Украиною и Москвою устанавливались этими мартовскими статьями 1654 года довольно неопредѣленныя. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за гетманомъ были признаны права верховной власти (напр. право сношеній съ

[1]) Этотъ пунктъ впрочемъ былъ поставленъ очень неясно, такъ что разъясняется лишь устными петиціями козацкихъ пословъ, обставленъ былъ разными оговорками на случай несогласія московскаго правительства, и дѣйствительно не нашелъ у него сочувствія.

иностранными государствами), фактически оставлены были за нимъ функціи общегосударственнаго управленія [1]). Но московское правительство принципіально оставляло за собою право непосредственнаго управленія и осуществляло такіе акты, которые дѣйствительно входили въ эту сферу. При этомъ, въ противоположность стремленіямъ козачьей старшины къ расширенію и упроченію украинской автономіи, оно имѣло въ виду именно расширять со временемъ свое непосредственное участіе во внутреннихъ отношеніяхъ Украины, превращая ее постепенно въ обыкновенную провинцію Московскаго государства.

Самъ Хмельницкій очень скоро почувствовалъ тяжесть своей зависимости отъ Москвы. Этотъ искусный игрокъ-дипломатъ, добывъ карту, которой такъ долго желалъ, неожиданно замѣтилъ, что она ему совершенно запутала игру. Этимъ объясняется загадочное на первый взглядъ поведеніе Хмельницкаго послѣ осуществленія союза съ Москвою. Вмѣсто того, чтобы съ новыми силами, съ московскою помощью рѣшительно ударить на Польшу, онъ избѣгаетъ войны, уклоняется отъ походовъ, проектируемыхъ московскимъ правительствомъ, или ведетъ себя въ нихъ вовсе двусмысленно. Театромъ войны стала Бѣлоруссія, которою московское правительство задумало овладѣть; въ этой бѣлорусской кампаніи принималъ участіе и козацкій корпусъ, высланный Хмельницкимъ по требованію московскаго правительства (при этомъ козаки занятыя ими въ сосѣдствѣ съ Украиною бѣлорусскія земли хотѣли оставить въ своемъ владѣніи, и на этой почвѣ пришли до дипломатическаго конфликта, улаженнаго только по смерти Хмельницкаго). Московское правительство поручило Хмельницкому открыть также военныя дѣйствія на Украинѣ и соединиться съ московскою арміею, дѣйствовавшею въ Бѣлоруссіи,

---

[1]) Опираясь на этихъ признакахъ, новѣйшіе историки считаютъ Украину государствомъ, связаннымъ личною уніею съ Москвою: Сергѣевичъ — „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“, изд. 1903, ст. 106—7.

но Хмельницкій этого порученія не исполнилъ, такъ что подвергся упрекамъ со стороны Москвы. Только наступленіе польскихъ войскъ на Браславщину, зимою 1654 года, принудило его къ отпору, но, отразивъ ихъ (въ битвѣ подъ Охматовымъ, 24/I 1655), онъ не воспользовался удобными обстоятельствами и прекратилъ военныя дѣйствія. На усиленныя требованія московскаго правительства лѣтомъ 1655 г. онъ двинулся разомъ съ московскимъ войскомъ на Подолію, оттуда въ Галичину, но дѣйствовалъ чрезвычайно вяло и, наконецъ, бросивъ московское войско, вернулся назадъ. Съ командующимъ московскимъ войскомъ онъ находился въ открытой враждѣ, а во время осады Львова соединенными силами генеральный писарь Выговскій, человѣкъ очень близкій къ Хмельницкому, совѣтовалъ львовскимъ мѣщанамъ не сдаваться на царское имя.

Среди такой, повидимому, апатіи Хмельницкій однако дѣятельно велъ свои дипломатическія сношенія, ища новыхъ союзниковъ, новыхъ политическихъ комбинацій, на которыхъ онъ могъ бы опереться и противъ Польши—и противъ Москвы. Онъ возобновляетъ свой союзъ съ Турціею (1655), потомъ съ Крымомъ; въ концѣ 1656 г. заключаетъ онъ союзъ съ Ракочи; еще большее значеніе имѣли отношенія къ Швеціи, которая въ это время начала войну съ Польшею. Переговоры съ нею, имѣвшіе цѣлью разграничить сферу интересовъ Украины, Швеціи и Трансильваніи и установить условія о раздѣлѣ Польши между ними, Хмельницкому не удалось довести вполнѣ до конца—окончательный договоръ былъ подписанъ уже послѣ смерти Хмельницкаго, но онъ уже висѣлъ въ воздухѣ въ 1656—7 гг., и по соглашенію съ этими новыми союзниками Хмельницкій начинаетъ войну съ Польшею въ 1657 г. Эта политика его шла въ разрѣзъ съ политикою Москвы, которая тѣмъ временемъ заключила съ Польшею перемиріе, щадила ее въ надеждѣ на осуществленіе личной уніи (Поляки подали надежду царю Алексѣю, что онъ будетъ избранъ польскимъ королемъ) и даже начала, въ союзѣ съ Польшею, войну со Швеціею. Московское правительство протестовало противъ поведенія Хмельницкаго, но онъ рѣшительно заявилъ, что

не разорветъ союза со Швеціею. Противъ союза Москвы и Польши очутился такимъ образомъ союзъ Украины, Трансильваніи и Швеціи. Разрывъ былъ неизбѣженъ, и Хмельницкій сознательно шелъ навстрѣчу ему. Онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду, имѣя новыхъ союзниковъ, разорвать свою зависимость отъ Москвы и занять положеніе вполнѣ самостоятельнаго государя. Весною 1657 г. выслано было козацкое войско въ Галичину для совмѣстныхъ дѣйствій съ Ракочи противъ Польши (кампанія эта не удалась, главнымъ образомъ потому, что Польша перетянула на свою сторону Татаръ). Для положенія дѣлъ на Украинѣ характерна грамота, данная Хмельницкимъ (въ іюнѣ 1657 г.) шляхтѣ Пинскаго повѣта, признавшей надъ собою власть Хмельницкаго (а не московскаго правительства, производившаго оккупацію Бѣлоруссіи); это настоящая конституціонная хартія, которая показываетъ, что Хмельницкій въ это время считалъ себя уже вполнѣ государемъ Украины.

Но среди этихъ плановъ, въ критическій моментъ отношеній къ Москвѣ, Хмельницкій умеръ отъ апоплексіи 27 іюля 1657 года.

Литература: Мой этюдъ—Хмельницький і Хмельнищина, 2-е изд. Львовъ, 1901. Изъ остальной, довольно многочисленной литературы назову: Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I—III (наиболѣе полный сводъ фактовъ, написанный весьма увлекательно, но безъ освѣщенія и съ весьма малою дозою критики). Kubala Szkice historyczne, I—II, 2 изд. 1896, Краковъ. Статьи Томашівскаго — о движеніяхъ въ Галиціи, и Терлецкаго—о бѣлорусской оккупаціи въ XIX и XXIV тт. Записокъ Наук. тов. ім. Шевченка.

XVII.

Хмельницкій оставилъ очень мудреное наслѣдство своимъ сподвижникамъ и преемникамъ. Большихъ талантовъ отъ нихъ требовало уже само управленіе такою слабоорганизованною машиною, какою была тогдашняя Украина. Если съ одной

стороны можно удивляться организаціонному генію народа, экспромтомъ создавшему извѣстную организацію огромнаго края и двигавшему ее, то съ другой стороны, можетъ быть, ни въ чемъ не сказались такъ ясно выдающіеся административные таланты Хмельницкаго, какъ въ томъ—что онъ эти малокультурныя, недисциплинированныя народныя массы, вырвавшіяся изъ рамъ одного общественнаго и государственнаго строя и создававшія неяснымъ только инстинктомъ новыя формы, умѣлъ держать въ извѣстномъ порядкѣ, координировать ихъ, править ими, притомъ—среди очень сложныхъ и затруднительныхъ внѣшнихъ условій, и съ глубокимъ раздвоеніемъ въ самомъ украинскомъ населеніи.

Огромныя трудности заключали въ себѣ внѣшнія политическія отношенія. Хмельницкій оставилъ неразвязаннымъ узелъ, которымъ онъ связалъ Украину съ Москвою, конфликтъ внѣшней политики и еще болѣе серьезный конфликтъ на почвѣ государственныхъ отношеній. Политическій кругозоръ козачьей старшины расширялся быстро, она быстро выростала политически, и въ умахъ сподвижниковъ Хмельницкаго первоначальныя неясныя представленія вырисовывались все яснѣе въ идею автономнаго государства (выраженную уже довольно ясно въ Гадяцкомъ трактатѣ съ Польшею), обнимающаго всю этнографическую территорію Украины (какъ въ требованіяхъ Дорошенка), гдѣ гетманъ являлся государемъ—главою всесословной, государственной организаціи, главою народа не только козачьяго войска. Московское же правительство хотѣло воспользоваться смертью Хмельницкаго, чтобы ввести свое управленіе въ Украинѣ—ввести своихъ воеводъ и финансовыхъ агентовъ, ограничить власть гетмана и подчинить московскому патріарху украинскую церковь (подчинявшуюся доселѣ константинопольскому патріарху). Весь впрочемъ свободный, выборный строй украинскаго управленія [1]) былъ противенъ мо-

[1]) Организація Украины сложилась такъ: во главѣ козачьяго войска и вмѣстѣ—цѣлаго края стоялъ гетманъ, избираемый козачьимъ войскомъ—радою. Онъ правилъ съ совѣтомъ министровъ, такъ наз. генеральной старшины (генеральные: обозный, судья, осаулъ,

нархическому, централизированному строю Московскаго государства и подлежалъ перестройкѣ.

Встрѣчаясь съ такими стремленіями московской политики, украинскіе автономисты, отъ Выговскаго до Мазепы, поочередно старались опереться на тѣже политическія силы, въ которыхъ искалъ опоры уже Хмельницкій—Турціи и Крымѣ, Польшѣ, Швеціи, въ союзѣ съ ними пробовали сбросить съ себя зависимость отъ Москвы и обезпечить автономію Украины. Но у Москвы оказалась сильная рука. Такъ нерѣшительно принявъ протекцію надъ Украиною, она потомъ держалась за нее упорно. Убѣдившись, что всей Украины она

писарь), а въ наиболѣе важныхъ вопросахъ обращался къ войсковой радѣ. Мѣстное управленіе принадлежало полковникамъ, которые были не только начальниками козацкихъ полковъ, но и губернаторами тѣхъ округовъ, на территоріи которыхъ жили козаки ихъ полковъ. Число полковъ мѣнялось, мѣнялись ихъ имена и территоріи; при Хмельницкомъ было 16 полковъ: на правомъ берегу Днѣпра Чигиринскій, Черкасскій, Каневскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Уманскій, Браславскій, Кальницкій и Кіевскій, на лѣвомъ – Переяславскій, Кропивенскій, Миргородскій, Полтавскій, Прилуцкій, Нѣжинскій и Черниговскій. Они охватывали территорію прежнихъ воеводствъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго (западная Украина осталась въ statu quo, во владѣніи Польши). Подраздѣленіями полковъ были сотни, во главѣ которыхъ стояли сотники съ тѣми же военноадминистративными компетенціями. Города впрочемъ пользовались самоуправленіемъ по типу нѣмецкаго права и только косвенно зависѣли отъ козацкой администраціи. Власти эти по принципу были выборныя: козаки сотни избирали сотника, козаки полка—полковника, генеральную старшину избиралъ совѣтъ старшинъ. Въ дѣйствительности высшія должности часто замѣщались гетманомъ, низшія – полковниками, но это было такое же уклоненіе отъ правила, какъ и то, если гетманъ правилъ безъ участія совѣта старшины и войсковой рады. Наиболѣе ярко выразился и въ чистотѣ удержался выборный, демократическій принципъ (правленіе общевойсковой рады) въ устройствѣ низового, запорожскаго козачества, которое имѣло свою отдѣльную отъ полковой организацію. Центромъ ея была Сѣчь на Днѣпрѣ, правилъ здѣсь избранный радою кошевой атаманъ; онъ не всегда подчинялся гетману, и было вообще извѣстное соперничество между козачествомъ «городовымъ» (жившимъ въ полкахъ) и «запорожскимъ», жившимъ въ степяхъ нижняго Днѣпра

удержать не въ силахъ, она отказалась отъ земель на западъ отъ Днѣпра (правобережныхъ), оставила ихъ Польшѣ (на эту уступку и раздѣленіе украинской и тѣснѣе—козачьей территоріи весьма негодовали на Москву украинскіе патріоты, тѣмъ болѣе, что этотъ важный шагъ она сдѣлала безъ ихъ участія и вѣдома). Зато лѣвобережной Украины (на востокъ отъ Днѣпра) и Кіева она не выпускала изъ рукъ, и при этомъ настойчиво и неуклонно, ни передъ чѣмъ не останавливаясь и ничѣмъ не смущаясь, вела она политику ограниченія украинской автономіи, самоуправленія, а въ виду сопротивленія козачьей старшины пользовалась внутреннимъ раздвоеніемъ, антагонизмомъ старшины и народныхъ массъ, чтобы подорвать силу старшины и ея оппозицію.

На этомъ внутреннемъ раздвоеніи, на этомъ соціальномъ антагонизмѣ, оказавшемъ весьма сильное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Украины, долженъ я тутъ нѣсколько остановиться.

Мы видѣли, что козачество съ началомъ XVII в. сложилось въ общественный классъ, полупривиллегированное военное сословіе. Особенно высшими слоями его—родовитымъ козачествомъ, занимавшимъ высшія должности въ войскѣ, отличавшимся достаткомъ и гордившимся заслугами своими и своихъ фамилій, усвоенъ былъ сословный принципъ. Они смотрѣли на себя какъ на высшее, привиллегированное сословіе. Хотя они боролись противъ польско-шляхетскаго режима, но въ ихъ представленіи общественныя отношенія не укладывались иначе, какъ по типу сословнаго государства, Польши прежде всего, въ порядкахъ которой они выросли. Начиная съ Хмельницкаго и кончая послѣднимъ украинскимъ демагогомъ Петрикомъ (конца XVII в.), украинская интеллигенція вообще и козацкая старшина спеціально не представляла себѣ общественнаго строя безъ сословныхъ привиллегій, безъ подданныхъ и господъ, и ихъ чувство оскорблялось только тѣмъ, что господами были Поляки, люди чужой народности и вѣры, или тѣмъ, что претендовали на панство люди худородные, не заслуженные. «Кто козакъ—будетъ

вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ— тотъ будетъ должность обыклую царскому величеству отдавать», гласитъ, въ великорусскомъ переводѣ, одна изъ статей, предложенныхъ правительствомъ Хмельницкаго московскому правительству въ 1654 г. А его послы—представители козачьей старшины, во время этихъ переговоровъ выпрашивали себѣ у московскаго правительства грамоты на имѣнія и домогались, чтобы въ нихъ было спеціально упомянуто о неограниченныхъ правахъ надъ крестьянами, какіе окажутся въ этихъ имѣніяхъ или будутъ ими на-ново поселены.

Характерно въ высшей степени, что этихъ грамотъ послы Хмельницкаго не рѣшились никому предъявить на Украинѣ и онѣ остались въ секретѣ. Въ этомъ обнаружилось сознаніе противорѣчія такихъ сословныхъ стремленій старшины съ стремленіями и настроеніемъ народныхъ массъ. Ко всему, что напоминало хотя бы отдаленно шляхетско-панщинные порядки, эти народныя массы относились чрезвычайно подозрительно и враждебно. Нужно было время, чтобы сломить силу эту народнаго сопротивленія, и процессъ созданія новаго господствующаго сословія изъ козачьей старшины и закрѣпощенія крестьянства начинаетъ развиваться вполнѣ осязательно только съ конца XVII в., когда старшина нашла для своихъ сословныхъ стремленій опору въ московскомъ правительствѣ. Но присутствіе ихъ у своей интеллигенціи, у козачьей старшины украинскій народъ почуялъ очень скоро. До насъ сохранилась прекрасная народная дума (одна изъ наилучшихъ по своимъ поэтическимъ достоинствамъ и свѣжести историческаго колорита) «О запорожскомъ гетманѣ Ганжѣ Андыберѣ», рисующая контрастъ аристократничествующей старшины, которую дума называетъ «дуками-срибляниками» и даже «ляхами», и козацкой «голоты» (голи) или «черни» [1]). Предста-

[1]) Дума рисуетъ сцену въ степной „корчмѣ", гдѣ пьютъ „три ляхы дуки-срибляники": Гаврило Довгополенко переяславскій, Війтенко ниженскій и Золотаренко черниговскій (полковники). Туда же приходитъ оборванный козакъ-нетяга; „дуки" издѣваются надъ

вителями «дукъ» выступаютъ въ ней историческія особы довольно ранняго времени—дѣятели 1660-хъ гг.; они запечатлѣлись въ народной памяти уже какъ типическіе представители панскихъ тенденцій старшины. Но въ историческихъ фактахъ контрастъ старшины и «черни» выступаетъ вполнѣ осязательно уже непосредственно по смерти Хмельницкаго. Противники старшины ищутъ опоры у московскаго правительства, и оно пользуется этимъ раздвоеніемъ, чтобы сбить старшину съ позиціи, сломить ея стремленія къ автономіи и принудить къ уступкамъ въ вопросахъ политики за цѣну неприкосновенности сословныхъ интересовъ.

Передъ смертью Хмельницкаго, въ виду уваженія къ его заслугамъ, къ его имени—«аби була тая слава, що Хмельницький гетьманом», его преемникомъ былъ объявленъ малолѣтній его сынъ Юрій. Но большинство старшины не сочувствовало этому выбору и по смерти Богдана Хмельницкаго она подъ разными предлогами обошла Юрія и выбрала гетманомъ Ивана Выговскаго, долголѣтняго войскового писаря, мелкаго шляхтича по происхожденію, человѣка довольно интеллигентнаго и образованнаго, но болѣе ловкаго, чѣмъ талантливаго.

Выборъ его былъ исключительнымъ дѣломъ старшины (произошелъ даже безъ настоящаго участія казачьей рады, такъ какъ

нимъ, но затѣмъ оказывается, что этотъ оборвышъ—гетманъ „запорожскій" Ганжа Андыберъ (вѣроятно, въ немъ дума рисуетъ Брюховецкаго, выставленнаго ультра-демократическимъ Запорожьемъ противъ представителя старшины—переяславскаго полковника Сомка (Довгополенка думы): на призывъ его къ „рікам низовим", „помощницям дніпровим" приносятъ ему козаки дорогіе уборы, знаки власти. Дуки, послѣ такого превращенія, приглашаютъ Ганжу въ свою компанію, но тотъ ими пренебрегаетъ, а его козаки, для лучшаго вразумленія, „потягають у три березини" ихъ, приговаривая:

Ей дуки, дуки, за вами всї луги и луки,
нїде нашому брату, козаку нетязї стати—
й коня попасти.

козацкая масса стояла за Юріемъ Хмельницкимъ), и противъ него, какъ противъ старшинскаго ставленника, шляхтича, человѣка безъ военныхъ заслугъ, немедленно обнаружилась оппозиція на Запорожьѣ, представлявшемъ вообще наиболѣе демократическую, радикальную часть козачества, и въ южныхъ лѣвобережныхъ полкахъ—Полтавскомъ и Миргородскомъ, стоявшихъ, въ силу сосѣдства, въ наиболѣе тѣсныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Запорожьемъ и подъ его вліяніемъ. Полтавскій полковникъ Мартинъ Пушкарь воспользовался этимъ движеніемъ — вѣроятно онъ надѣялся, опираясь на этихъ украинскихъ радикаловъ, занять мѣсто Выговскаго (какъ это нѣсколько лѣтъ позже удалось Брюховецкому). Отъ него и отъ запорожскаго кошевого пошли въ Москву донесенія, что Выговскій избранъ неправильно, безъ участія войсковой рады, что его войско гетманомъ имѣть не желаетъ, что онъ склоняется къ Польшѣ и замышляетъ измѣну противъ Москвы, и т. п. Обвиненія эти не имѣли основаній. Чтобы избѣгнуть упрека въ неформальности, Выговскій устроилъ теперь войсковую раду и былъ на ней еще разъ избранъ; московское правительство признало его вполнѣ законнымъ гетманомъ. Но противники его не унимались, продолжали свои сношенія съ Москвою, вели агитацію противъ Выговскаго среди народныхъ массъ, обнадеживая помощью изъ Москвы, и т. п. Все это, конечно, очень раздражало Выговскаго; онъ требовалъ, чтобы московское правительство прекратило сношенія съ его противниками, какъ бунтовщиками, отреклось отъ нихъ и помогло ему подавить враждебное движеніе. Московское правительство однако не хотѣло выдать ему головою этихъ своихъ корреспондентовъ, аффишировавшихъ свою чрезвычайную преданность Москвѣ. Оно посылало только увѣщательныя грамоты, и самого Выговскаго удерживало отъ вооруженныхъ репрессалій, а между тѣмъ, пользуясь его затруднительнымъ положеніемъ, спѣшило провести задуманныя реформы—ввести воеводъ въ украинскихъ городахъ, подчинить кіевскую митрополію московскому патріарху.

Выговскій сначала, скрѣпя сердце, послушно исполнялъ эти требованія московской политики, надѣясь, что московское правительство съ своей стороны его поддержитъ, но наконецъ уклончивая политика Московскаго правительства вывела его изъ терпѣнія и онъ, потерявъ надежду на Москву, началъ дѣйствовать собственными средствами. Онъ начинаетъ откликаться на предложенія, шедшія непрерывно, еще со временъ Хмельницкаго, изъ Польши—на призывы вернуться подъ власть польскаго короля, возобновляетъ сношенія съ Крымомъ и получаетъ оттуда подкрѣпленія. Въ маѣ 1658 г. онъ, съ этою татарскою ордою, двинулся на своихъ противниковъ; подъ Полтавою произошла битва, въ которой былъ убитъ Пушкарь, его партія разгромлена и Полтава сожжена. За это Выговскій получилъ выговоръ изъ Москвы и, раздраженный поведеніемъ московскихъ воеводъ и самого правительства, считая отношенія испорченными безповоротно, рѣшаетъ возобновить связи съ Польшею. Послѣ предварительныхъ переговоровъ къ Выговскому были высланы польскимъ сеймомъ делегаты и 16/IX п. ст. 1658 г. въ Гадячѣ заключили съ нимъ трактатъ (такъ наз. Гадячская коммиссія). Украина имѣла вернуться подъ власть польскаго короля, но не какъ простая провинція: воеводства Кіевское, Браславское и Черниговское имѣли составить вел. кн. Русское (по образцу в. кн. Литовскаго), со своими особыми министрами, казною, монетою; во главѣ его будетъ стоять гетманъ, его избираетъ король изъ кандидатовъ, предложенныхъ ему сословіями в. княжества Русскаго. Козацкій реестръ опредѣляется въ 30 тыс., кромѣ 10 тыс. наемнаго гетманскаго войска. Православная религія на всей территоріи, заселенной Русью, сравнивалась въ правахъ съ католическою; всѣ имѣнія, принадлежавшія православной церкви, должны быть ей возвращены; православный митрополитъ и четыре епископа получаютъ мѣста въ сенатѣ. Кіевская академія получаетъ всѣ права краковскаго университета, и кромѣ того въ одномъ изъ городовъ Украины можетъ быть заложена еще одна академія.

Условія эти, хотя не получили осуществленія, инте-

ресны какъ выраженіе стремленій украинской старшины[1]). Въ петиціи, высланной на сеймъ 1659 г., сдѣланы были въ нихъ нѣкоторыя существенныя поправки; наиболѣе важная—чтобы въ составъ в. кн. Русскаго были включены также воеводства Волынское, Подольское и Русское (Галичина), т. е. почти вся украинская территорія.

Еще прежде окончанія переговоровъ съ польскимъ правительствомъ Выговскій перешелъ къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Москвы: онъ попробовалъ выбить московскій гарнизонъ изъ Кіева, но это ему не удалось. Московское правительство послѣ этого объявило его измѣнникомъ и распорядилось произвести новый выборъ гетмана. Но извѣстіе о заключеніи Выговскимъ трактата съ польскимъ правительствомъ чрезвычайно смутило московскихъ политиковъ; въ первый и послѣдній разъ они поколебались и готовы были пойти на уступки въ своей централистической политикѣ: воеводѣ Трубецкому поручено было войти въ переговоры съ Выговскимъ, обѣщать ему полную амнистію и согласиться на уступки примѣнительно къ его трактатамъ съ Польшею—даже на выводъ московскаго воеводы изъ Кіева.

Положеніе Выговскаго было тоже достаточно тяжелое: изъ Польши значительной поддержки онъ не имѣлъ (придавленная тяжелою войною, Польша сама расчитывала на козацкія силы). Связь съ нею была въ высокой мѣрѣ непопулярна въ массахъ. Противное Выговскому движеніе въ лѣвобережной Украинѣ ожило, какъ только московское правительство выступило противъ гетмана. Выговскій колебался нѣкоторое время, но рѣшеніе—разорвать съ Москвою превозмогло: онъ не вѣрилъ искренности московскихъ политиковъ и въ ихъ предложеніяхъ видѣлъ только уловку.

Въ началѣ 1659 г. Выговскій выступилъ за Днѣпръ противъ московской партіи; противъ него двинулся московскій

---

[1]) Въ первоначальномъ видѣ Гадяцкаго трактата мы, впрочемъ, не имѣемъ, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ лишь приблизительно можемъ судить о его содержаніи.

воевода Трубецкой и соединился со своими украинскими партизанами. Выговскій ретировался назадъ за Днѣпръ, чтобы подождать подкрѣпленій отъ союзниковъ, а Трубецкой двинулся въ Сѣверщину, державшуюся Выговскаго, и обложилъ нѣжинскаго полковника Гуляницкаго въ Конотопѣ. Осада тянулась два съ половиною мѣсяца, осажденнымъ приходилось плохо до отчаянія, но сдаваться московскому войску они не хотѣли. Гуляницкій бомбардировалъ Выговскаго просьбою о помощи; Выговскій поджидалъ Татаръ. Наконецъ прибылъ самъ ханъ съ ордою, и Выговскій двинулся съ нимъ подъ Конотопъ. Московскіе воеводы не имѣли точныхъ свѣдѣній о его силахъ и, когда навстрѣчу Выговскому изъ-подъ Конотопа выслано было войско, оно очутилось между двухъ огней, между козаками Выговскаго и Татарами. Произошла катастрофа неслыханная. Московское войско уничтожено цѣликомъ; двое окольничьихъ [1]) попало въ плѣнъ. Трубецкой поспѣшилъ снять осаду и отступить за московскую границу.

Московская партія потеряла всякую отвагу. Шансы Выговскаго поднялись неизмѣримо, но онъ или не сумѣлъ, или не успѣлъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Московскіе гарнизоны въ лѣвобережныхъ городахъ удержались. Запорожскій кошевой Сирко, врагъ Выговскаго, какъ и все Запорожье, пользуясь походомъ Татаръ съ Выговскимъ, произвелъ удачный набѣгъ на Ногайскую орду [2]), затѣмъ двинулся на Чигиринъ. Эта диверсія заставила Выговскаго выйти изъ лѣвобережной Украины, прежде чѣмъ были уничтожены московскіе гарнизоны. Съ его уходомъ московская партія начала оживать. Даже въ Сѣверщинѣ обнаружилось движеніе, враждебное Польшѣ и Выговскому; расквартированныя здѣсь вспомогательныя польскія войска, присланныя Выговскому въ помощь, по старой памяти возбуждали такую ненависть, что ихъ въ концѣ концовъ перерѣзали. Примѣръ Запорожья и

[1]) Весьма высокій боярскій чинъ (второй классъ).

[2]) Это было первое громкое дѣло знаменитаго въ исторіи Сѣчи вождя, славнаго воина, но лишеннаго всякихъ способностей политика.

лѣвобережныхъ полковъ началъ вліять и на правобережные; рядъ полковниковъ заявили, что они не желаютъ признавать власти Польши. Уманскій полковникъ Ханенко соединился съ войскомъ Сирка и двинулся къ Кіеву, гдѣ находился Юрій Хмельницкій,—его, какъ выбраннаго уже гетмана, только оттѣсненнаго Выговскимъ, съ разныхъ сторонъ прочили теперь на гетманство противники Выговскаго.

Въ первыхъ числахъ сентября 1659 г. подъ м. Германовкою, недалеко отъ Бѣлой Церкви, стали оба лагеря — Юрія Хмельницкаго и Выговскаго. Съ Выговскимъ былъ только отрядъ Поляковъ и остатки его «затяжцевъ», наемнаго войска; козаки всѣ перешли къ Хмельницкому, да и Поляки и затяжцы начали разбѣгаться отъ него. 11/IX состоялась козацкая рада; козаки рѣшительно заявили, что они не хотятъ биться съ Москвою; противъ Выговскаго общее раздраженіе проявилось такъ сильно, что его едва не убили. Онъ долженъ былъ удалиться изъ рады, и вслѣдъ затѣмъ она провозгласила гетманомъ Хмельницкаго. Выговскій послѣ этого считалъ свою роль козацкаго гетмана оконченною и отослалъ Хмельницкому знаки гетманской власти. Онъ однако не оставлялъ своего новаго плана—оторвать Украину отъ Польши, старался вліять въ этомъ направленіи и на новаго гетмана, но кончилъ очень плачевно: нѣсколько лѣтъ позже онъ былъ разстрѣлянъ польскимъ полевымъ судомъ по обвиненію въ измѣнѣ — въ намѣреніи произвести возстаніе противъ Польши (обвиненіе было, несомнѣнно, неосновательное и самый полевой судъ надъ такимъ лицомъ, носившимъ послѣ гетманства титулъ кіевскаго воеводы, былъ вопіющею безправностью).

Ввиду рѣзко выраженнаго нерасположенія къ Польшѣ у массы козачества, въ его движеніи противъ Выговскаго, старшина не рѣшалась поднимать вопроса о Гадяцкомъ трактатѣ и польской протекціи, хотя многіе ей, несомнѣнно, сочувствовали—въ интересахъ украинской автономіи. Но, рѣшаясь подъ давленіемъ массъ, возстановить зависимость Украины отъ Москвы, украинскіе автономисты хотѣли по крайней мѣрѣ

принудить послѣднюю къ нѣкоторымъ уступкамъ. Подъ ихъ вліяніемъ Хмельницкій, принявъ гетманство, увѣдомилъ объ этомъ переяславскаго полковника Цыцюру, выдвинувшагося на первый планъ въ лѣвобережной Украинѣ во время предшествующаго движенія, но не входилъ въ никакія сношенія съ московскими воеводами. Придвинувшись къ Днѣпру со своимъ войскомъ, онъ выжидалъ перваго шага съ ихъ стороны. Когда воевода Трубецкой обратился къ нему съ приглашеніемъ — признать власть московскаго царя по старому, при старыхъ правахъ и вольностяхъ, Хмельницкій и старшина отвѣтили ему предложеніемъ условій, на которыхъ они согласны признать власть Москвы.

Они домогались, чтобы московскихъ воеводъ и гарнизоновъ не было нигдѣ, кромѣ Кіева, какъ было при Богданѣ Хмельницкомъ; чтобы московскія войска, присылаемыя на Украину, находились подъ командою гетмана; чтобы гетмана выбирало само войско, безъ вмѣшательства московскаго правительства и его воеводъ, и выбранный гетманъ былъ признаваемъ московскимъ правительствомъ безъ всякихъ ограниченій; чтобы оно не сносилось помимо гетмана съ старшиною и войскомъ, не принимало никакихъ писемъ, не контрасигнованныхъ гетманомъ и войсковою печатью, и вообще административныя и судебныя права гетмана не терпѣли никакихъ исключеній и ограниченій; право сношеній съ иностранными державами остается за нимъ вполнѣ, московское же правительство при дипломатическихъ переговорахъ, касающихся Украины, должно приглашать къ участію представителей гетманскаго правительства, съ правомъ голоса; украинская церковь остается подъ властію константинопольскаго патріарха; школы «всякаго языка» могутъ свободно основываться и впредь. Эти условія были отвѣтомъ на факты послѣднихъ лѣтъ, на обнаружившіяся въ нихъ стремленія московской политики къ ограниченію украинскаго самоуправленія и самобытности. Безъ такихъ поправокъ зависимость отъ Москвы украинская интеллигенція—старшина считала невозможною, и этимъ поясняется, почему всѣ участники этой

формулы соглашенія, когда Москва ея не приняла, оказались потомъ ея врагами.

Трубецкой, получивъ эти условія, промолчалъ о томъ, что онъ имѣетъ отъ московскаго правительства совершенно иныя инструкціи, и пригласилъ Хмельницкаго съ старшиною явиться къ нему для переговоровъ и принятія присяги. Хмельницкій не рѣшался, опасаясь ловушки, требовалъ заложниковъ и только, когда одинъ изъ московскихъ бояръ переѣхалъ на правый берегъ, явился въ Переяславль съ старшиною, въ числѣ которой былъ Сирко, Дорошенко и др. Опасенія ихъ оказались справедливыми: Трубецкой отъ переговоровъ о предложенныхъ условіяхъ уклонился, а заявилъ, что долженъ прежде всего созвать въ Переяславлѣ раду для выбора гетмана и принятія «статей». Это былъ рѣшительный ударъ, противъ котораго Хмельницкій съ старшиною не протестовали только потому, что были въ рукахъ Трубецкого. На радѣ представительства не существовало, какъ и на старорусскомъ вѣчѣ; мѣсто рады рѣшало и составъ его—на радѣ въ Переяславлѣ подавляющее большинство должны были дать козаки изъ лѣвобережныхъ полковъ, враждебно настроенные уже противъ всякой оппозиціи Москвѣ и партіи старшинъ-автономистовъ. Кромѣ того Трубецкой привелъ съ собою свое войско, прибылъ другой московскій воевода Ромодановскій съ другою арміею, московскій сторонникъ Безпалый со своими козаками. Трубецкой, очевидно, расчитывалъ, что въ такой обстановкѣ автономисты не осмѣлятся разинуть рта, и предложилъ «статьи», приготовленныя московскимъ правительствомъ.

Здѣсь къ статьямъ Богдана Хмельницкаго были сдѣланы, между прочимъ, такія дополненія и поправки: гетманъ долженъ безпрекословно посылать войско по распоряженію московскаго правительства и не посылать никуда безъ его наказа; смѣнять гетмана безъ царскаго указа войско не можетъ; московскихъ партизановъ—Безпалаго, Цыцюру и др., гетманъ не можетъ подвергать взысканіямъ безъ слѣдствія, произведеннаго московскимъ правительствомъ; люди, близкіе

къ Выговскому не могутъ впредь занимать никакихъ должностей въ войскѣ, ни участвовать въ радѣ, подъ страхомъ смертной казни; кромѣ Кіева московскіе воеводы имѣютъ быть присланы въ Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ, Браславль и Умань.

Старшина дѣйствительно не рѣшилась протестовать; только противъ переданнаго Трубецкимъ желанія московскаго правительства, чтобы Сѣверщина, принадлежавшая въ XVI в. къ Московскому государству, была изъята изъ гетманскаго управленія и обращена въ московскую провинцію,—выступила даже московская партія, и отъ этого требованія Трубецкой отказался.

Въ остальномъ статьи (такъ назыв. Переяславскія) были приняты на радѣ 7(17)/X. Хмельницкій былъ наново избранъ и принесъ присягу на этихъ новыхъ статьяхъ. Объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ наиболѣе тяжелыхъ изъ нихъ онъ ходатайствовалъ вслѣдъ затѣмъ передъ московскимъ правительствомъ черезъ депутацію, но просьба эта уважена не была.

Переяславская рада 1660 г. сомкнула окончательно кругъ, въ которомъ очутилась Украина послѣ своего великаго возстанія, разрыва съ Польшею и подданства Москвѣ. Рѣшенный уже Хмельницкимъ, въ виду противорѣчія политики украинской и московской, разрывъ съ Москвою былъ осуществленъ Выговскимъ, но слишкомъ нехитро, рукою недоучившагося ученика великаго мастера дипломатіи: Хмельницкій не хотѣлъ возвращаться къ Польшѣ, онъ хотѣлъ создать такую политическую комбинацію, которая могла бы дать Украинѣ совершенно независимое положеніе, и для этого опирался главнымъ образомъ на Швецію. Въ 1659 г. на Швецію опереться было уже труднѣе. Выговскій упростилъ планъ, вернувшись къ Польшѣ, и—тѣмъ его совершенно испортилъ.

Съ Польшею можно было торговаться; она чувствовала себя слишкомъ слабой и готова была на уступки (хотя бы до времени). Но масса народа не хотѣла возвращаться къ Польшѣ, и въ средѣ старшины обнаружилось раздвоеніе. При-

нужденные этимъ къ возвращенію подъ власть Москвы, автономисты—то есть все, что было болѣе развитого политически и порядочнаго въ средѣ старшины, хотѣли путемъ обоюдныхъ уступокъ создать сносный modus vivendi подъ верховенствомъ Москвы, но московское правительство, расчитывая на слабость автономистовъ, рѣшило съ ними не церемониться и угрозою вооруженной силы заставило ихъ спрятать свои условія. Но за это игнорированіе стремленій украинской интеллигенціи московская политика была наказана годами войнъ и безпокойствъ, утратою правобережной Украины, потерею того импозантнаго положенія во внѣшней политикѣ, которое создалъ ей союзъ съ украинскимъ козачествомъ...

Украинскіе автономисты не хотѣли отказаться отъ своихъ требованій, не хотѣли помириться съ ролью безгласныхъ исполнителей распоряженій московской бюрократіи и—метались въ своемъ заколдованномъ кругѣ, стараясь найти точку опоры противъ московскаго централизма. Событія 1657—9 гг. не открыли имъ глазъ на причину ихъ слабости, не обернули ихъ лицомъ къ народнымъ массамъ и ихъ стремленіямъ. Обезпечивая Гадяцкимъ трактатомъ автономію Украины, они оставляли безъ вниманія эти народныя массы и ихъ интересы, и соглашались на возстановленіе шляхетскаго режима на Украинѣ,—и съ такимъ же непониманіемъ интересовъ и стремленій массъ строили свои дальнѣйшіе планы, разбивавшіеся неизмѣнно объ это отсутствіе солидарности передового, правящаго меньшинства съ народомъ, съ его неясными, не поддающимися формулировкѣ стремленіями къ установленію общественныхъ отношеній «без холопа і без пана».

Пользуясь этимъ раздвоеніемъ, московское правительство побиваетъ неизмѣнно украинскихъ автономистовъ во всѣхъ ихъ попыткахъ противостать централистической политикѣ, пока не приводитъ ихъ къ полному отчаянію, къ тому, что они махнули рукою на всякую политику и занялись, при благосклонномъ участіи московскаго правительства, устройствомъ своего сословнаго благополучія—т. е. пошли всею компаніею тою дорогою, на которую отдѣльныхъ лицъ политическая

деморализація начала увлекать уже съ первыхъ же событій по смерти Б. Хмельницкаго.

Факты 1657—9 гг. собраны въ статьяхъ Костомарова: Гетманство Выговскаго и Гетманство Юрія Хмельницкаго (въ его Монографіяхъ); болѣе мелкія статьи: A. Polle (dr. Antoni J.) о семьѣ Б. Хмельницкаго, Выговскомъ, Юріѣ Немиричѣ (считающемся авторомъ Гадяцкаго трактата) и др.—въ его сборникахъ Opowiadania historyczne: Biblioteka Warszawska 1893, Д. Коренца о Выговскомъ въ Запискахъ наук. тов. ім. Шевченка т. XXXVIII, В. Герасимучка о событіяхъ 1659—60 гг. тамъ же въ т. LIX і LX, Фотинскаго о Немиричѣ въ I т. Волынскаго церк.-археол. сборника.

XVIII.

Подробно слѣдить за исторіею дальнѣйшей смуты, попытокъ автономистовъ и ихъ неудачъ было бы долго и утомительно. Мы остановимся только на болѣе интересныхъ моментахъ.

Вынужденная покорность Хмельницкаго и кружка автономистовъ не могла быть искренною и ихъ раздраженіе противъ московской политики готово было выйти на верхъ при первомъ же испытаніи. Критическій моментъ не заставилъ себя ждать. Лѣтомъ 1660 г. московское правительство задумало большую кампанію противъ Поляковъ, въ Галичинѣ, чтобы отвлечь польскія силы отъ Бѣлорусскихъ земель, гдѣ вели операціи московскія войска. Воевода Шереметевъ съ лѣвобережными козаками двинулся на Волынь, Хмельницкій съ правобережными шелъ южною границею, чтобы охранять Украину отъ Татаръ. Польскіе гетманы, получивъ значительную помощь изъ Крыма, отрѣзали армію Шереметева отъ сообщенія съ Хмельницкимъ и подвергли блокадѣ; она оказалась въ отчаянномъ положеніи. Пользуясь этимъ, Поляки начали переговоры съ Хмельницкимъ, убѣждая его разорвать отношенія съ Москвою и возобновить Гадяцкій трактатъ. Хмельницкій колебался; не успѣвъ пробиться и соединиться

съ арміею Шереметева, онъ въ концѣ концовъ согласился на переговоры. Но возобновить Гадяцкій трактатъ полностію Поляки, пользуясь выгодами своего положенія, не согласились —изъ него были вычеркнуты постановленія наиболѣе существенныя—о «в. княжествѣ Русскомъ». Такое искалѣченное изданіе трактата, конечно, не могло расчитывать на долговѣчность, но въ данныхъ условіяхъ Хмельницкій не считалъ возможнымъ упорствовать, и трактатъ былъ принятъ. Цыцюрѣ было сообщено объ этомъ, и онъ попытался вырваться изъ лагеря Шереметева, но это ему не удалось. Шереметевъ, обложенный подъ Чудновымъ, въ концѣ концовъ капитулировалъ на весьма унизительныхъ условіяхъ и сорвалъ сердце на козакахъ Цыцюра: онъ выдалъ ихъ головою Полякамъ, а тѣ передали ихъ Татарамъ. Этотъ поступокъ возбудилъ чрезвычайное раздраженіе на Украинѣ.

Возобновленіе Гадяцкаго трактата (да еще въ такомъ искалѣченномъ видѣ) большинству козаковъ казалось актомъ вынужденнымъ, и они не имѣли никакого серьезнаго намѣренія признавать зависимость отъ Польши. Хотя послѣ вѣстей о Чудновской катастрофѣ во многихъ мѣстностяхъ Заднѣпровья обнаружились народныя движенія противъ московскихъ людей и воеводъ, успѣвшихъ заявить себя населенію съ весьма несимпатичной стороны (буйствами, притѣсненіями, высокомѣрнымъ отношеніемъ) [1]), но серьезныхъ послѣдствій это движеніе противъ Москвы не имѣло. Поляки не поддержали его энергически, а ихъ походы на лѣвый берегъ Днѣпра, сдѣланные съ этою цѣлью, скорѣе оттолкнули населеніе отъ Польши. Шуринъ Хмельницкаго Сомко и другой родственникъ нѣжинскій полковникъ Золотаренко, объявившіе себя сторонниками Москвы (въ надеждѣ получить гетманскую булаву при этой оказіи), подавили это враждебное Москвѣ движеніе, несмотря на то, что московское правительство, ошеломленное Чудновскою катастрофою, само довольно слабо ихъ поддерживало. Послѣ не-

---

[1]) См. Розыскъ 1662 г. о злоупотребленіяхъ московскихъ ратныхъ людей въ Малороссіи—Кіевская Старина 1895 г., XII.

долгаго колебанія лѣвобережная Украина вернулась подъ власть Москвы.

И въ правобережной Украинѣ верховенство Польши не пользовалось популярностью; особенно постои вспомогательныхъ польскихъ войскъ и крымскихъ ордъ, приходившихъ въ помощь Хмельницкому даже безъ его приглашеній, возбуждали сильнѣйшее раздраженіе въ народѣ и приводили къ переселенію значительныхъ массъ населенія за Днѣпръ. Крымскій ханъ возымѣлъ даже планъ обратить Украину въ подвластную провинцію, и эта комбинація находила сторонниковъ и среди старшины, недовольной на польское правительство, которое не имѣло ни энергіи—закрѣпить за собою Украину, ни охоты—удовлетворить требованія старшины. Но народъ былъ страшно раздраженъ противъ опустошеній, которыя чинились этими союзниками-Татарами, и о татарской власти съ нимъ нечего было и говорить. Противъ Хмельницкаго было общее неудовольствіе, и этотъ больной и лишенный способностей человѣкъ нѣсколько разъ поднималъ вопросъ объ отреченіи отъ гетманства. Въ началѣ 1663 г. онъ дѣйствительно сложилъ гетманскую булаву и принялъ монашество, а на его мѣсто избранъ былъ правобережными полками Павелъ Тетеря, его зять, беззастѣнчивый эгоистъ, о которомъ говорили, что онъ получилъ гетманство подкупомъ старшины.

Въ лѣвобережной Украинѣ, остававшейся подъ верховенствомъ Москвы, соперничали тѣмъ временемъ за гетманскую булаву Сомко и Золотаренко, и вслѣдствіе этого соперничества, а также въ надеждѣ, что, можетъ быть, удастся еще склонить къ возвращенію подъ верховенство Москвы Хмельницкаго съ правобережною Украиною, московское правительство не спѣшило выборомъ гетмана. Среди этихъ проволочекъ на верхъ вышла новая кандидатура—кошевого Ивана Брюховецкаго. Этотъ беззастѣнчивый карьеристъ и интриганъ задумалъ повторить планъ Пушкаря. Противъ Сомка и Золотаренка (въ виду кандидатуры Брюховецкаго, примкнувшаго къ Сомку), какъ представителей старшинскихъ круговъ, онъ обращается къ демагогіи—играетъ на демократическихъ струнахъ, на нераспо-

ложеніи «черни» къ старшинѣ, на соперничествѣ Запорожья съ городовыми козаками—выдвигаетъ вопросъ объ участіи въ избраніи гетмана запорожцевъ, а одновременно старается пріобрѣсть расположеніе московскаго правительства, распространяя слухи о неблагонадежности Сомка и усиливаясь представить себя сторонникомъ Москвы еще болѣе усерднымъ, а главное— еще болѣе податливымъ на ея желанія, чѣмъ Сомко. Это ему удается, такъ какъ Сомко своими жалобами на самоуправства и злоупотребленія московскихъ воеводъ успѣлъ вооружить ихъ противъ себя и испортить впечатлѣніе и въ правительственныхъ кругахъ. На окончательную раду, назначенную на іюнь 1663 г. подъ Нѣжиномъ, Брюховецкій привелъ ватаги запорожцевъ и «черни» изъ южныхъ полковъ, державшихъ сторону Запорожья. Сомко въ виду этого пришелъ также съ отрядомъ козаковъ и даже артиллеріею. Рада перешла въ схватку и была прервана, но затѣмъ Брюховецкому удалось перетянуть на свою сторону козаковъ Сомка, тѣ подняли бунтъ, Сомко съ товарищами долженъ былъ укрыться въ московскомъ лагерѣ, и тамъ ихъ арестовали. Послѣ этого, на новой радѣ Брюховецкій былъ объявленъ гетманомъ, московскій делегатъ утвердилъ этотъ выборъ, а Сомко, Золотаренко и ихъ сторонники подвергнуты были суду по обвиненію въ измѣнѣ; четверо были казнены, а остальные отправлены въ ссылку, въ Москву.

Такимъ образомъ Украина формально раздѣлилась—правобережная имѣла своего гетмана, лѣвобережная своего, первая подъ верховенствомъ Польши, вторая подъ верховенствомъ Москвы. И тамъ и здѣсь на верхъ всплыли беззастѣнчивые интриганы, обдѣлывавшіе собственную карьеру среди этой страшной путаницы отношеній. Но положеніе было слишкомъ серьезно, чтобы можно было держаться однѣми интригами—и Тетерѣ и Брюховецкому долго удержаться на гетманствѣ не удалось. Первымъ кончилъ Тетеря. Онъ началъ свое гетманство съ совѣтовъ королю предпринять походъ за Днѣпръ, для присоединенія лѣвобережной Украины. Въ концѣ 1663 г., послѣ долгихъ проволочекъ, король двинулся дѣйствительно

и прошелъ за Днѣпръ до Глухова, но успѣха не имѣлъ никакого, и это послѣднее усиліе Польши вернуть себѣ лѣвобережную Украину окончилось полнымъ фіаско. Когда Брюховецкій съ московскими войсками, въ отместку, предпринялъ походъ въ правобережныя земли, здѣсь обнаружилось сильное движеніе противъ Польши. Московское правительство не поддержало его, да и движеніе это особаго тяготѣнія къ Москвѣ не обнаруживало, но польская власть въ правобережной Украинѣ была подорвана. Несмотря на жестокія экзекуціи надъ возставшими (особенно выдавался своими жестокостями извѣстный польскій полководецъ Чарнецкій), движеніе продолжалось. Одинъ изъ предводителей его на голову разбилъ Тетерю, а когда вслѣдъ за тѣмъ, весною 1665 г., польскія войска были выведены изъ Украины, за иными нуждами, Тетеря счелъ свое дѣло безнадежнымъ и уѣхалъ изъ Украины. Онъ сходитъ послѣ этого со сцены.

Брюховецкій, какъ я уже сказалъ, старался снискать себѣ поддержку Москвы угодливостью московской политикѣ. Этой тактики держался и послѣ своего выбора: съѣздилъ на поклонъ въ Москву, ни одинъ изъ его предшественниковъ, заявилъ желаніе жениться на московской боярышнѣ, выразилъ желаніе, чтобы въ Кіевъ прислали митрополита изъ Москвы, и наконецъ—исполняя желаніе правительства, во время своего пребыванія въ Москвѣ подалъ петицію о введеніи московской администраціи на Украинѣ. Московское правительство за это пожаловало Брюховецкому боярство и немедля приступило къ переписи Украины и къ введенію новаго податного оклада. Но это возбудило величайшее неудовольствіе среди населенія, и безъ того уже чрезвычайно недовольнаго московскими воеводами и ратными людьми; масла въ огонь подлилъ и самъ Брюховецкій, постаравшись до введенія московскаго оклада собрать съ населенія возможно больше въ свою казну. Со всѣхъ сторонъ поднимались на него и на московское правительство неудовольствія. Духовенство было раздражено проектомъ подчиненія украинской церкви

Старшина негодовала за введенную Брюховецкимъ систему—высылать неугодныхъ себѣ лицъ на ссылку въ Москву. Запорожье гнѣвалось на своего ставленника за обремененіе населенія и введеніе московскаго оклада. Всеобщее огорченіе вызвало совпавшее съ этимъ соглашеніе Москвы съ Польшею (оформленное потомъ перемирнымъ трактатомъ 1667 г.) объ уступкѣ Польшѣ правобережной Украины, которая какъ разъ передъ тѣмъ, какъ мы видѣли, собственными силами освободилась снова отъ польской власти.

Брюховецкій сначала хотѣлъ заглушить эти неудовольствія терроромъ—ссылалъ старшину, а непокорныя села и мѣстечка совѣтовалъ московскому правительству жечь и избивать. Но движеніе становилось сильнѣе, это почувствовалъ Брюховецкій и съ легкостью настоящаго карьериста рѣшилъ повернуть въ противоположную сторону. Движеніе противъ Москвы казалось ему теперь настолько сильнымъ, что онъ замышляетъ самъ примкнуть къ нему, тѣмъ болѣе, что на поддержку московскаго правительства онъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не могъ особенно расчитывать: если-бы Украина обратилась рѣшительно противъ него, московское правительство не стало бы его отстаивать. Брюховецкій приготовляетъ возстаніе противъ Москвы и входитъ въ союзъ съ Дорошенкомъ, который въ это время сталъ во главѣ правобережной Украины.

Фактически освободившись отъ всякой зависимости отъ Польши, правобережная Украина, какъ я уже сказалъ, не спѣшила признавать верховенство и Москвы. Заявлялъ притязаніе на нее крымскій ханъ, и сотникъ Опара былъ первымъ, который пошелъ навстрѣчу этимъ планамъ: онъ принялъ отъ хана потвержденіе въ званіи гетмана, съ обязательствомъ зависимости. Но очень скоро Татары арестовали его и предложили козакамъ въ гетманы болѣе крупную личность—Петра Дорошенка. Это былъ родовитый козакъ, «з прадїда козак», какъ онъ о себѣ говорилъ, внукъ гетмана Михайла Дорошенка; онъ былъ полковникомъ при Хмельницкомъ, игралъ видную роль по его смерти въ кругахъ украинскихъ автономистовъ, теперь

выдвигается на первый планъ и въ продолженіе десятилѣтія, можно сказать, составляетъ центръ украинской политики. Человѣкъ несомнѣнно способный, съ желѣзною энергіею, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ онъ могъ бы создать нѣчто крупное, въ данныхъ — только довелъ положеніе дѣлъ до крайности, до абсурда. Это настоящій герой безвременья, трагизмъ положенія и сила духа котораго вызываютъ глубокій интересъ и сочувствіе.

Устраняя Опару, онъ создавалъ планъ болѣе широкій. Пользуясь поддержкою Крыма и Турціи, онъ расчитывалъ создать себѣ прочную опору въ правобережной Украинѣ, свободную отъ вліяній и Москвы и Польши. Опираясь на нее, онъ надѣялся соединить снова воедино правобережную и лѣвобережную Украину, а такъ какъ послѣднюю слишкомъ было трудно, какъ показали послѣднія событія, поставить внѣ зависимости отъ Москвы, то Дорошенко имѣлъ въ виду верховенство Москвы, но подъ условіемъ прочныхъ гарантій украинской автономіи, къ которымъ онъ надѣялся принудить Москву страхомъ своего союза съ Турціею и Крымомъ.

Провозглашенный гетманомъ козаками, подъ протекціею крымскаго хана, въ августѣ 1665 г., онъ входитъ затѣмъ въ непосредственныя сношенія съ Турціею (1666). Разбивъ оставшіеся польскіе отряды, онъ овладѣваетъ Браславщиною. Московскихъ партизановъ въ правобережной Украинѣ Дорошенко также разсѣялъ и старался овладѣть лѣвобережною. Съ Брюховецкимъ онъ вошелъ въ сношенія и подавалъ ему надежду, что оставитъ ему гетманство, но одновременно упрекалъ Москву, что она поддерживаетъ подобныхъ авантюристовъ—причину украинскихъ смутъ; очевидно, противъ Брюховецкаго Дорошенко считалъ всякій способъ борьбы позволительнымъ. Расчитывая на Дорошенка и Татаръ, Брюховецкій съ началомъ 1668 г. поднялъ возстаніе. Старшина приняла въ немъ участіе, московскіе гарнизоны изгонялись или избивались. Но самъ Брюховецкій сдѣлался слишкомъ ненавистенъ на Украинѣ, чтобы его могъ спасти этотъ поворотъ въ политикѣ. Когда прибылъ изъ-за Днѣпра Дорошенко и потребовалъ, чтобы

Брюховецкій сложилъ гетманство, козаки объявили Брюховецкому, что не желаютъ сражаться изъ-за него съ Дорошенкомъ, разграбили его лагерь, самого арестовали и привели къ Дорошенку, и тутъ-какъ разсказываетъ современникъ — по ошибочно понятому жесту Дорошенка бросились на Брюховецкаго и растерзали. Послѣ этого Дорошенко, соединившись съ татарскою ордою, которая прибыла было на помощь Брюховецкому противъ Москвы, двинулся противъ московскаго войска, которое подъ предводительствомъ Ромодановскаго вступило было въ границы Украины для подавленія возстанія. Ромодановскій въ виду силъ, которыми располагалъ Дорошенко, отступилъ, и Украина, за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, гдѣ держались еще московскіе гарнизоны, очутилась въ рукахъ Дорошенка.

Это былъ моментъ единственный въ политической дѣятельности Дорошенка. Трудно угадать, удалось ли бы ему удержать Украину въ своемъ вліяніи, наэлектризовать утомленную двадцатилѣтнею борьбою массу, взять въ руки расшатанную и въ значительной степени деморализованную старшину. Достаточно сказать, что этимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ Дорошенку воспользоваться не удалось. Какъ разъ въ этотъ моментъ наибольшаго успѣха онъ бросилъ армію и уѣхалъ въ Чигиринъ, какъ передаетъ современникъ—вслѣдствіе извѣстія объ измѣнѣ жены. Воспользовавшись его уходомъ, Ромодановскій двинулся въ сѣверскія земли; архіепископъ черниговскій Барановичъ выступилъ съ проповѣдью покорности Москвѣ; оставленный Дорошенкомъ въ качествѣ замѣстителя («наказного гетмана») Демянъ Многогришный съ мѣстною старшиною рѣшилъ вернуться къ московской власти. Но при этомъ и они и Барановичъ хотѣли добиться уступокъ—вывода воеводъ, возвращенія къ статьямъ Богдана Хмельницкаго, и Многогришный ставилъ ультиматумъ: или московское правительство возстановитъ «козацкія вольности», или онъ пойдетъ въ подданство Туркамъ. При этомъ онъ выступалъ уже не какъ представитель Дорошенка, а какъ самостоятельный гетманъ «сѣверскій».

На этотъ расколъ, отдѣленіе Многогришнаго отъ Дорошенка, очевидно, возлагало надежды московское правительство и рѣшило не уступать украинскимъ требованіямъ. Оно позондировало Дорошенка, котораго продолжали еще держаться южные лѣвобережные полки, но когда и Дорошенко поставилъ то же требованіе—о выводѣ воеводъ [1]), московское правительство рѣшило держаться Многогришнаго, въ надеждѣ, что онъ въ своемъ фальшивомъ положеніи между Дорошенкомъ и Москвою окажется уступчивѣе и, не имѣя духу отказаться отъ гетманской булавы, отступится отъ своего ультиматума. Дѣйствительно, уже къ марту 1669 г. онъ уступилъ. На радѣ въ Глуховѣ, хотя и не безъ значительной оппозиціи, были приняты «статьи»—договоръ между Украиною, или украинскою старшиною и московскимъ правительствомъ (составлены онѣ совершенно въ формѣ международнаго договора). Затѣмъ Многогришный былъ еще разъ подтвержденъ на гетманствѣ и получилъ знаки власти отъ московскаго делегата. Въ окончательно принятой редакціи статей постановлялось, что московскіе воеводы кромѣ Кіева будутъ еще въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ, но безъ права вмѣшиваться въ судъ и управленіе: имъ будутъ подчиняться только московскіе ратные люди ихъ гарнизоновъ (послѣ обнаруженнаго народомъ неудовольствія, отъ введенія московской администраціи и податного оклада московское правительство отказалось) за гетманомъ не признавалось право сношеній съ иностранными государствами, но оставлялось на будущее время участіе ко-

[1]) Какъ писалъ воевода Шереметьевъ, это было общее желаніе украинскаго населенія: „Черкасы“ желаютъ непремѣнно, чтобы „русскихъ“ людей не было на Украинѣ въ городахъ, и жить съ ними не хотятъ. Вообще это былъ моментъ, когда стремленія гарантировать Украину отъ вмѣшательства московскаго правительства и администраціи проявились особенно сильно и широко въ украинскомъ обществѣ. Возможно, что ихъ популярностью—что это было всеобщее conditio sine qua non, объясняется та значительная твердость, съ которою Многогришный и старшина отстаивали свои постуляты.

зацкихъ делегатовъ въ московскихъ дипломатическихъ конференціяхъ.

Для плановъ Дорошенка это былъ очень чувствительный ударъ, но онъ не смутилъ его, и — къ чести его нужно сказать — не сталъ тратить силъ и энергіи на борьбу съ Многогришнымъ. Хотя онъ смотрѣлъ на него свысока, какъ на самочиннаго «покутнаго гетманчика», но поддерживалъ съ нимъ добрыя отношенія, тѣмъ болѣе, что и безъ того имѣлъ достаточно заботъ, а общность національной программы сближала его съ Многогришнымъ: мы уже видѣли, что постуляты ихъ относительно московской политики были одинаковы. Вопросъ о передачѣ Кіева Польшѣ возбуждалъ большую тревогу на Украинѣ (перемирье 1667 г. оставило его только на 2 года подъ властію Москвы). Москву обвиняли въ пренебреженіи національными интересами Украины, уступчивости относительно Польши; подозрѣнія росли тѣмъ болѣе, что козацкіе делегаты, вопреки обѣщаніямъ, не были допущены до конференцій. Жалобы на поведеніе московскаго правительства, которыя позволялъ себѣ Многогришный, между прочимъ послужили поводомъ къ скорому его паденію.

Многогришный вообще не умѣлъ стать въ хорошія отношенія къ старшинѣ; онъ постоянно подозрѣвалъ ее въ интригахъ и позволялъ временами рѣзкія выходки противъ нея. Недовольные дѣйствительно устроили заговоръ, въ мартѣ 1672 г., въ соглашеніи съ московскимъ отрядомъ, находившимся при гетманѣ. Они схватили его и отослали въ Москву, обвиняя въ измѣнѣ московскому правительству, и просили разрѣшенія выбрать новаго гетмана. Обвиненія были совершенно ложны, а насколько все это имѣло характеръ личной интриги, доказываетъ страхъ заговорщиковъ, что войско и населеніе выступитъ противъ нихъ: раду для выбора новаго гетмана они не рѣшились даже устроить на украинской территоріи, а перенесли за московскую границу, подъ охрану московскаго войска (на урочищѣ Козацька діброва). Несмотря на видимую ложность обвиненій, московское правительство сочло за лучшее принять ихъ. Былъ наряженъ судъ въ Москвѣ, Многогриш-

наго подвергли пыткамъ; никакихъ уликъ не найдено, но тѣмъ не менѣе его съ семьею и ближайшими сторонниками сослали въ Сибирь, гдѣ Многогрешный въ весьма тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ жилъ еще въ первыхъ годахъ XVIII в.

Среди всеобщей паники, вызванной на Украинѣ такимъ безправіемъ и жестокостью, кружокъ заговорщиковъ, съ разрѣшенія московскаго правительства, котораго благоволеніе старался онъ пріобрѣсти угодливостью и сервилизмомъ, поспѣшилъ подъ охраною московскаго войска, произвести выборъ новаго гетмана. Избранъ былъ генеральный судья Самойловичъ, настоящій кандидатъ старшины, исполнитель ея соціально-экономической программы, человѣкъ ловкій, но ничѣмъ особеннымъ себя не загрязнившій, а по отношенію къ Москвѣ очень лояльный. При избраніи его возобновлены были глуховскія статьи 1669 г., съ исключеніемъ только права участія украинскихъ делегатовъ въ дипломатическихъ конференціяхъ (послѣдняя тѣнь государственной самостоятельности Украины), да старшина выговорила себѣ гарантіи отъ гетманскаго самовластія.

Съ Дорошенкомъ Самойловичъ не поддерживалъ уже такихъ тѣсныхъ и солидарныхъ отношеній, какъ Многогрешный, и раздвоеніе Украины [1]) чувствовалось вполнѣ осязательно. Самойловичъ боялся, что московское правительство можетъ пожертвовать имъ для соглашенія съ Дорошенкомъ, поэтому старался его разсорить съ Москвою и по возможности ослабить. Московское правительство дѣйствительно было очень озабочено Дорошенкомъ и не находило способа съ нимъ устроиться. Южные полки все еще стояли большею частію внѣ зависимости отъ Москвы, тяготѣли къ Дорошенку или къ гетманамъ, которые одинъ за другимъ всплывали на Запорожьѣ. Съ другой стороны оно было озабочено союзомъ Дорошенка

---

1) Была еще собственно и третья политическая группа—Запорожье съ сосѣдними южными территоріями, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, не подчинявшееся большею частію ни Самойловичу, ни Дорошенку, а выставлявшее своихъ собственныхъ гетмановъ.

съ Турціею, который пріобрѣталъ все болѣе осязательное значеніе и начиналъ тревожить сильно и Москву.

Я упоминалъ, что Дорошенко вошелъ въ сношенія съ Турціею вскорѣ уже послѣ того, какъ сталъ гетманомъ. Въ 1669 г. онъ вошелъ въ окончательный договоръ: призналъ себя вассаломъ султана, за это Порта обѣщала ему помощь для освобожденія Украины въ ея этнографическихъ границахъ—по Перемышль и Самборъ, до Вислы и Нѣмана, Сѣвска и Путивля (московской границы). Этотъ союзъ съ Турціею и Крымомъ, не говоря о ихъ верховенствѣ (свое подданство султану Дорошенко по возможности маскировалъ передъ народною массою), былъ весьма непопуляренъ среди козачества: претили союзныя отношенія съ «невѣрными», вѣковѣчными врагами, а всякій приходъ на Украину «союзниковъ» Татаръ сопровождался опустошеніями самой союзной территоріи и уводомъ въ плѣнъ (Дорошенко въ своемъ трактатѣ съ Турціей напрасно выговаривалъ, что такія безчинства не должны имѣть мѣста). Поэтому все усиливается эмиграція въ лѣвобережную Украину, а противъ самого Дорошенка выставляются разныя кандидатуры (между прочимъ кандидатура Юр. Хмельницкаго), особенно изъ Запорожья, враждебнаго союзу съ Крымомъ. Въ 1669—72 гг. Дорошенку приходилось выдерживать борьбу съ такими запорожскими гетманами (Суховіенкомъ, Ханенкомъ). Но, несмотря на эту непопулярность и такіе тревожные симптомы, Дорошенко упорно держался отношеній съ Турціею. При помощи ея онъ прежде всего хотѣлъ окончательно покончить съ претензіями Польши на Украину, и призывалъ турецкое правительство къ походу. Но его но не легко было склонить къ этому, и Дорошенко тѣмъ временемъ, не рѣшаясь съ собственными силами вступить въ открытую борьбу съ Польшею, заключалъ трактаты, тянулъ переговоры, подавалъ надежды на подданство, пока наконецъ польское правительство, потерявъ терпѣніе, такъ какъ Дорошенко ставилъ очень высокія требованія—не обратилось къ Ханенку. Съ этимъ болѣе податливымъ авантюристомъ оно заключило въ 1670 г. договоръ, признавъ его гетманомъ: Ханенко удовлетворился

такими ничего не стоющими обѣщаніями, какъ свобода православной религіи, неприкосновенность козацкихъ земель, но самый договоръ имѣлъ очень мало значенія, такъ какъ Ханенка признавали гетманомъ только небольшія территоріи въ южной части правобережной Украины. Зато Дорошенку этотъ договоръ не могъ внушить добрыхъ чувствъ къ Польшѣ, и онъ далѣе со всею энергіею понуждаетъ турецкое правительство къ походу на Украину.

Наконецъ султанъ Магометъ IV рѣшилъ двинуться на Польшу. Въ концѣ 1671 г. онъ выслалъ польскому правительству извѣщеніе, что вслѣдствіе польскихъ нападеній на территорію его вассала Дорошенка онъ предпринимаетъ походъ, и началъ готовиться къ нему. Въ маѣ 1672 г. онъ двинулся самъ съ огромною арміею. Ханъ со своею ордою высланъ былъ впередъ и вмѣстѣ съ Дорошенкомъ разсѣялъ польскіе отряды бывшія на Украинѣ, и козаковъ Ханенка. Турецкая армія обложила Каменецъ, плохо вооруженный и сдавшійся послѣ недолгой осады, затѣмъ двинулась въ Галичину и обложила Львовъ. Никто въ Польшѣ не думалъ о сопротивленіи; польскіе коммиссары, прибывъ въ турецкій лагерь во время осады Львова, согласились на условія Турокъ: уступили Турціи Подолію и обязались кромѣ того платить ежегодную дань. «Украина въ давнихъ границахъ» отдавалась Дорошенку, и польскіе гарнизоны, какіе еще были, должны были быть выведены оттуда. На этихъ условіяхъ былъ подписанъ договоръ подъ Бучачомъ, 7/X. 1672, и турецкая армія, занявъ Подолію, ушла обратно.

Такимъ образомъ первая половина плана Дорошенка, по внѣшности судя, была осуществлена. Недалекимъ казалось и его дальнѣйшее осуществленіе. Московское правительство, озабоченное союзомъ Дорошенка съ Турціею и примѣромъ, какой давало это нашествіе Турокъ на Польшу [1]), готово

---

[1]) По Украинѣ распространился въ 1672 г. слухъ, что визирь обѣщалъ на слѣдующій годъ привести войско для покоренія лѣвобережной Украины, и это вызвало здѣсь общую панику.

было сдѣлать ему значительныя уступки, чтобы обезопасить себя отъ Турокъ. Правительство и земскій соборъ рѣшили принять Дорошенка съ правобережною Украиною подъ московскую протекцію въ виду того, что по Бучацкому договору Польша отказалась отъ правъ на правобережную Украину и перемирье съ Польшею не связываетъ больше московское правительство по отношенію къ ней. При этомъ московское правительство готово было пойти на уступки требованіямъ Дорошенка. Чего хотѣлъ послѣдній, узнаемъ изъ одного нѣсколько болѣе поздняго его письма (1673): одинъ гетманъ долженъ быть на всей Украинѣ, въ предѣлахъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго воеводствъ его власти подчиняется Кіевъ (значитъ, московскихъ воеводъ нигдѣ не должно быть), равно и Запорожье; московское правительство беретъ на себя обязательство охранять Украину. Это было повтореніе его программы 1668 г., и она была теперь очень близка къ осуществленію. Но успѣхъ Дорошенка былъ очень непроченъ, такъ какъ былъ результатомъ только преходящей паники, наведенной Турками, и его непрочность не замедлила обнаружиться.

Прежде всего планы московскаго правительства встрѣтили препятствіе со стороны Польши: польское правительство заявило, что оно не отказывается отъ правъ на правобережную Украину, и не намѣрено исполнять Бучацкаго договора (оно дѣйствительно не вывело гарнизоновъ и поддерживало Ханенка противъ Дорошенка); поэтому принятіе Дорошенка подъ московскую протекцію сочтетъ нарушеніемъ перемирія. Это остановило Москву. Страхъ, навѣянный Турками, скоро разсѣялся. На слѣдующій годъ Турки похода не повторили, Польша осмѣлилась перейти въ наступательную войну, и подъ Хотиномъ Собескій одержалъ надъ Турками побѣду. Самойловичъ, старавшійся всѣми мѣрами помѣшать соглашенію московскаго правительства съ Дорошенкомъ (такъ какъ это лишило бы гетманства его самого), совѣтовалъ не довѣрять Дорошенку и дѣйствовать оружіемъ. Московское правительство въ концѣ концовъ рѣшилось послѣдовать этому совѣту. Въ началѣ

1674 г. Самойловичъ и Ромодановскій двинулись за Днѣпръ; имъ было поручено дѣйствовать оружіемъ только въ такомъ случаѣ, если бы не удалось прійти къ соглашенію съ Дорошенкомъ, но Самойловичъ умышленно не вступалъ ни въ какіе переговоры съ Дорошенкомъ, а постарался привлечь на свою сторону правобережное войско и населеніе.

Дѣйствительно, почти все населеніе правобережной Украины перешло на сторону Самойловича, когда онъ явился здѣсь со своими и московскими войсками. Обстановка, въ которой происходилъ турецкій походъ 1672 г.—превращеніе христіанскихъ церквей Подоліи въ мечети, наборъ мальчиковъ въ янычары, случаи насильственнаго обращенія въ магометанство, вызвала еще большее негодованіе противъ союза съ Турціею и противъ Дорошенка, даже среди приближенныхъ его. За отсутствіемъ Турокъ его единственною надеждою были Татары, но они не пришли на его зовъ (ханъ былъ недоволенъ, что Дорошенко помимо его вошелъ въ непосредственныя отношенія съ Турціей, и неохотно исполнялъ приходившіе оттуда приказы—помогать Дрошенку).

Дорошенко увидѣлъ себя оставленнымъ всѣми. Въ его резиденціи—Чигиринѣ и его окрестностяхъ осталось съ нимъ, какъ говорили, всего 5.000 козаковъ, и то среди нихъ было много недовольныхъ. Полное отсутствіе сочувствія къ нему (собственно къ его политикѣ) обнаружилось во всей наготѣ, и по реакціи все обратилось къ Самойловичу и Москвѣ. Самойловичъ занялъ гарнизонами Поднѣпровье, депутаты десяти лѣвобережныхъ полковъ, явившись къ нему, признали верховенство Москвы. По приглашенію Самойловича, который послѣ оккупаціи Поднѣпровья возвращался за Днѣпръ, они явились въ Переяславль, и здѣсь, на предложеніе Ромодановскаго, признали гетманомъ правобережной Украины Самойловича и еще разъ приняли протекцію Москвы. На этой же радѣ сложилъ знаки гетманскаго достоинства Ханенко, и они были переданы также Самойловичу, который такимъ образомъ былъ признанъ единственнымъ гетманомъ для всей Украины (15/III 1674). Самъ Дорошенко было поколебался и готовъ былъ капитулировать,

но его удержалъ Сирко, который (съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ въ ссылкѣ) проникся ненавистью къ Москвѣ и въ этомъ же направленіи вліялъ на Запорожье.

Когда по уходѣ московскаго войска пришли на помощь Дорошенку Крымцы, онъ попробовалъ вернуть себѣ отпавшую Украину, дѣйствуя терроромъ, экзекуціями. Но его пріобрѣтенія были утрачены, когда появился здѣсь отрядъ, высланный Самойловичемъ. Турки, на которыхъ возлагалъ всю надежду Дорошенко, пришли наконецъ, но не двинулись на Кіевъ и лѣвобережную Украину, а занялись экзекуціями въ Подоліи и Браславщинѣ, и этотъ походъ ихъ не принесъ никакихъ важныхъ результатовъ. Страхъ передъ ними окончательно исчезъ. Но и предпринятый Самойловичемъ съ Ромодановскимъ походъ въ правобережную Украину не отличался энергіею. Слѣдующій (1675) годъ прошелъ въ мелкой войнѣ. Къ экзекуціямъ Самойловича и Дорошенка, московскимъ, татарскимъ и турецкимъ присоединились еще и польскія: Польша, сначала не опротестовавъ присоединеніе правобережной Украины къ лѣвобережной, выступила теперь съ претензіями и выслала свои войска. Эта безтолковщина, экзекуціи со всѣхъ сторонъ, постои Татаръ и т. п. привели наконецъ къ полному отчаянію населенія. Когда оказалось, что и московское верховенство не доставило покоя и безопасности, населеніе правобережной Украины начинаетъ поголовно выселяться; эмиграція, которая начала развиваться уже съ 1660-хъ гг., переходитъ въ массовую въ 1674—6 гг. Правобережное Поднѣпровье и Браславщина совершенно пустѣли; движеніе охватило и болѣе западныя территоріи; Поляки и Дорошенко напрасно старались его остановить. Дорошенку это запустѣніе Украины наносило послѣдній ударъ; напрасно онъ прибѣгалъ къ крайнимъ мѣрамъ террора—разбивалъ ватаги переселенцевъ, отдавалъ ихъ въ неволю Татарамъ—эмиграція шла со стихійною силою, и уже въ 1675 г. Самойловичъ доносилъ въ Москву, что за Днѣпромъ осталось очень мало населенія. Такъ какъ въ лѣвобережныхъ полкахъ уже было мало свободныхъ земель, переселенцы шли даль-

ше, за московскую границу, въ округа Ахтырскій, Сумскій и др.

Дорошенко окончательно сознавалъ безнадежность своего положенія. Необычное зрѣлище представлялъ собою этотъ «послѣдній козакъ», всѣми оставленный, безъ людей и запасовъ сидѣвшій на своей Чигиринской горѣ и все еще служившій предметомъ тревогъ сосѣднихъ государствъ, предметомъ дипломатическихъ переговоровъ и политическихъ комбинацій. Дорошенко пробовалъ теперь выторговать у московскаго правительства хоть признаніе гетманства на части Украины; но московское правительство уже упорно стало на томъ, что единственнымъ гетманомъ украинскихъ земель долженъ быть Самойловичъ, и Дорошенку ничего не обѣщало кромѣ амнистіи. Но признать «регименть» Самойловича ни Дорошенку, ни Сирку—его единственной опорѣ на Украинѣ, не хотѣлось. Сирко выступилъ съ теоріей, что выборъ гетмана принадлежитъ Запорожской сичи, Дорошенко сложилъ Сичи свои гетманскіе «клейноты»—знаки власти, и Сирко носился съ планомъ созвать новую раду для выбора гетмана. Переговоры объ этомъ потянулись на нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, по долгихъ проволочкахъ, Самойловичъ съ Ромодановскимъ, по порученію московскаго правительства, двинулись къ Днѣпру. Дорошенко призывалъ на помощь Турокъ и Татаръ, но они не пришли. Передовой корпусъ украинско-московской арміи подошелъ къ Чигирину. Дорошенко рѣшилъ, что часъ его пробилъ: онъ вышелъ навстрѣчу ему со старшиною и духовенствомъ и принесъ присягу, а затѣмъ съ 2.000, оставшимися при немъ, явился въ войско Самойловича и Ромодановскаго, стоявшее на лѣвомъ берегу Днѣпра, сложилъ клейноты, и они были переданы Самойловичу (сентябрь 1676 г.).

Этимъ закончилась политическая карьера Дорошенка. Онъ намѣренъ былъ жить частнымъ человѣкомъ на Украинѣ. Однако его скоро потребовали въ Москву. Самойловичъ пробовалъ противиться, видя въ этомъ нарушеніе своей присяги Дорошенку относительно свободы и неприкосновенности его

личности, но московское правительство настояло, и Дорошенко вынужденъ былъ повиноваться. Изъ Москвы на Украину его уже не отпустили, несмотря на всѣ его просьбы, а держали въ почетномъ заключеніи; позже онъ былъ назначенъ воеводою въ Вятку, а по окончаніи службы получилъ помѣстье Ярополче, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, и здѣсь окончилъ свои дни (ум. въ 1698 г.).

Вопросъ о правобережной Украинѣ былъ законченъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ капитуляціи Дорошенка. Турція не хотѣла отказаться отъ нея и, не поддержавъ во-время Дорошенка, послѣ его капитуляціи начала готовиться къ походу, а на мѣсто Дорошенка выставила гетманомъ Юрія Хмельницкаго, сидѣвшаго въ заключеніи въ Константинополѣ (онъ былъ схваченъ и присланъ сюда въ 1672 г.), приказавъ патріарху снять съ него монашество.

Лѣтомъ 1677 г. турецкая армія, ведя съ собою Хмельницкаго, прибыла на Украину и обложила Чигринъ, гдѣ по капитуляціи Дорошенка былъ поставленъ московскій гарнизонъ. На выручку двинулись изъ-за Днѣпра Самойловичъ съ Ромодановскимъ, и Турки сняли осаду и ушли, но повторили походъ въ слѣдующемъ (1678) году. Такая настойчивость Турціи испугала московское правительство и оно, посылая Ромодановскаго съ Самойловичемъ снова, въ тайной инструкціи, тайкомъ отъ Самойловича, который не соглашался на отреченіе отъ правобережной Украины, поручило Ромодановскому разрушить Чигринъ, населеніе вывесть и войти съ Турками въ соглашеніе, чтобы правобережное Поднѣпровье оставить пустымъ и безъ укрѣпленій. Кампанія 1678 г. дѣйствительно окончилась тѣмъ, что послѣ упорной обороны московскій гарнизонъ вышелъ изъ Чигрина, по приказу Ромодановскаго, а Чигринскій замокъ былъ взорванъ на воздухъ. Остатки населенія изъ приднѣпровскихъ мѣстностей были насильно перегнаны за Днѣпръ въ 1679 г. (такъ наз. въ народной традиціи «згін») и поселены на юго-восточной окраинѣ, на сѣверъ отъ р. Орели [1]). Старанія Юр. Хмель-

[1]) Самойловичъ проектировалъ поселить этихъ Заднѣпрянъ въ

ницкаго—укрѣпить свое положеніе на Украинѣ съ помощью Татаръ и Турокъ, не удались; нѣкоторое время колебалось Запорожье подъ вліяніемъ Сирка—не присоединиться ли къ Хмельницкому, но въ концѣ концовъ Сирко не захотѣлъ связывать себя съ Турками. Надежда Турокъ, что имя Хмельницкаго привлечетъ къ нему населеніе, совершенно не оправдалась, и онъ былъ отозванъ въ 1681 г.

Борьба за правобережную Украину успѣла тѣмъ временемъ утомить и Турцію и Москву, и между ними начались переговоры о мирѣ. Польша, заключившая въ 1680 г. съ Москвою трактатъ (по которому отказалась отъ Кіева, за уплату 200 тыс. рублей), предлагала было союзъ противъ Турціи, и московское правительство, въ виду этой дилеммы, обратилось за совѣтомъ къ Самойловичу. Тотъ совѣтовалъ не входить въ союзъ съ Польшею, помириться съ Турціею, но выговорить себѣ земли между Днѣпромъ и Днѣстромъ, или по крайней мѣрѣ—до Южнаго Буга. Эту точку зрѣнія московское правительство приняло. Но крымскій ханъ рѣшительно воспротивился уступкѣ правобережнаго Поднѣпровья, и московское правительство согласилось признать Днѣпръ границей, съ тѣмъ чтобы край между Днѣпромъ и Юж. Бугомъ остался незаселеннымъ. На этихъ условіяхъ заключенъ трактатъ 1681 г.; однако при ратификаціи его въ Константинополѣ вычеркнута была турецкимъ правительствомъ оговорка о томъ, что Поднѣпровье должно остаться пустынею, и добавлено, что переселеніямъ изъ лѣвобережной Украины на правый берегъ, не должны ставиться препятствія — поправка вызвавшая большое неудовольствіе Самойловича.

Первое мѣсто въ литературѣ для этихъ годовъ остается за монографіями Костомарова: Гетманство Юрія Хмельницкаго и Руина (до низложенія Самойловича). Мало даютъ болѣе новыя работы: Эварницкаго Исторія Запорожскихъ козаковъ т. II, 1894, и Волкъ-Карачевскаго Борьба Польши съ козачествомъ во 2-ой пол. XVII и

слободской Украинѣ и передать ее въ гетманское управленіе, но московское правительство на это не согласилось.

нач. XVIII в., 1899. Изъ болѣе спеціальныхъ упомяну: о кампаніи 1660 г. Czermak Szcześliwy rok (Przegląd powszechny 1886, 1887, 1893), и о Брюховецкомъ Е. С. въ Кіевской Старинѣ 1885, о Нѣжинской радѣ тамъ же 1888, о Дорошенкѣ Целевича въ Запискахъ Н. тов. ім. Шевченка т. XXV; Эйнгорнъ Сношенія малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ, 1899.

XIX.

Капитуляція Дорошенка была очень важнымъ симптомомъ въ украинскихъ отношеніяхъ. Это былъ послѣдній сподвижникъ Хмельницкаго, послѣдній представитель кружка автономистовъ, взлелеявшихъ идею самостоятельнаго украинскаго государства. Со своею настойчивостью и непреклонностью, онъ свелъ, въ глазахъ современниковъ, эту идею до абсурда. Необходимость помириться съ тѣсною зависимостью отъ Москвы и подчиниться московской политикѣ—для огромнаго большинства украинскаго общества стала очевиднымъ фактомъ. Гетманство Самойловича, представителя полной лояльности въ отношеніи московскаго правительства, воплощало это сознаніе. Когда московскимъ политикамъ понадобилось сдѣлать Самойловича козломъ отпущенія своихъ неудачъ, и онъ былъ низложенъ (1687 г.) [1]), занявшій его мѣсто новый гетманъ

---

[1]) Самойловичъ былъ традиціоннымъ противникомъ союза съ Польшею, обращеннаго противъ Турціи и Крыма, и когда московское правительство, подъ вліяніемъ тогдашняго временщика В. Голицына, пошло въ этомъ направленіи („вѣчный миръ“ съ Польшею 1686 г.), Самойловичъ не скрывалъ своего неудовольствія. Этимъ воспользовался Голицынъ, чтобы сложить на Самойловича неудачу похода на Крымъ, предпринятаго имъ вмѣстѣ съ Самойловичемъ (хотя походъ не удался главнымъ образомъ потому, что не были исполнены дѣльныя указанія Самойловича). Украинская старшина, недовольная Самойловичемъ за то, что онъ въ послѣднее время, надѣясь на прочность своего положенія, обходился съ нею самовластно и гордо, раздавалъ самыя доходныя и вліятель-

Иванъ Мазепа (одинъ изъ сподвижниковъ Дорошенка, заблаговременно его покинувшихъ, когда выяснилась шаткость его положенія) пошелъ вполнѣ по стопамъ Самойловича — и во внутренней политикѣ и въ отношеніяхъ къ московскому правительству, котораго требованія и желанія онъ исполнялъ всячески стараясь доказать свое усердіе, хотя они часто больно задѣвали интересы Украины и гетманской власти. Больше тридцати лѣтъ Гетманщина (такъ называлась лѣвобережная Украина) тихо плыла, безъ всякихъ конфликтовъ и пертурбацій, на буксирѣ московской политики, пока неожиданныя политическія комбинаціи не увлекли Мазепу съ его лояльнаго пути. Но и эта пертурбація не измѣнила ничего въ общемъ направленіи политическаго и соціально-экономическаго процесса лѣвобережной Украины.

Московское правительство, отказавшись отъ правобережной Украины и обезпечивъ себѣ лѣвобережную трактатами съ Польшею, Турціею и Крымомъ (1680, 1681 и 1686 гг.), неуклонно осуществляло свою программу — превращенія Украины въ московскую провинцію и широкаго проникновенія московскаго управленія въ ея внутреннія отношенія. При

ныя должности своимъ сыновьямъ и родственникамъ и т. п.,—воспользовалась такимъ настроеніемъ Голицына и московскаго правительства (царевны Софіи), чтобы повалить Самойловича. Она подала на него доносъ съ разными неосновательными обвиненіями— включительно до плановъ превратить Украину въ свое наслѣдственное княжество. Московское правительство, чтобы оправдать Голицына, приняло обвиненіе, что Самойловичъ былъ причиною неудачи крымскаго похода, распорядилось отрѣшить его и произвести выборъ новаго гетмана. Голицынъ указалъ старшинѣ на Мазепу, посулившему ему за это крупную взятку (онъ заплатилъ ее потомъ изъ конфискованнаго имущества Самойловича), и Мазепа былъ избранъ. Самойловича московское правительство распорядилось по низложеніи арестовать, его имущество было конфисковано, и самъ онъ съ сыномъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ. Другой сынъ его — черниговскій полковникъ Григорій, былъ казненъ по доносу враждебнаго ему воеводы Неплюева — что онъ «бунтовалъ», т. е. хотѣлъ сопротивляться аресту.

Самойловичѣ, при содѣйствіи этого податливаго гетмана, осуществился давнишній планъ московскаго правительства: украинскую церковь (кіевскую митрополію) приведено въ подчиненіе московскому патріархату, и митрополитомъ выбранъ былъ свойственникъ Самойловича Гедеонъ кн. Святополкъ-Четвертинскій, принявшій посвященіе отъ московскаго патріархата (1685) [1]). Политическая автономія Украины была уже и предшествующими ограниченіями и практикою введена въ очень скромныя рамки; при выборѣ Мазепы постановлено, что не только гетманъ не можетъ быть низложенъ, но и генеральная старшина не можетъ быть смѣщена «безъ воли и указу» царскаго. Тогда же поручено «гетману и старшинѣ народъ малороссійскій всякими мѣрами и способы съ великороссійскимъ народомъ соединять и въ неразорванное и крѣпкое согласіе приводить супружествомъ и инымъ поведеніемъ,— чтобъ никто голосовъ такихъ не испущалъ, что Малороссійскій край гетманскаго регименту, а отзывались бы вездѣ единогласно ихъ царскаго величества самодержавной державы гетманъ и старшина, народъ малороссійскій обще съ великороссійскимъ народомъ» [2]).

За отказъ отъ автономіи московское правительство вознаграждало старшину въ ея классовыхъ матеріальныхъ интересахъ. Оно шло навстрѣчу стремленіямъ старшины къ превращенію въ наслѣдственно-привиллегированное владѣльческое сословіе и само дѣятельно работало въ этомъ же направленіи. И именно въ это время политическаго затишья, лояльной покорности старшины подъ региментомъ Самойловича и Мазепы,

---

[1]) Самойловичъ поставилъ однако условіемъ, что московское правительство само уладитъ дѣло съ константинопольскимъ патріархомъ—добьется отъ него отреченія отъ власти надъ кіевскою митрополіею. Константинопольскій патріархъ съ другими патріархами не захотѣлъ на это согласиться, и московское правительство обратилось къ содѣйствію визира. Тотъ дѣйствительно заставилъ патріарховъ согласиться.

[2]) Акты выбора Мазепы у Бантыша-Каменскаго, Источники Малороссійской исторіи, I, с. 318.

закладываются крѣпкія основы сословныхъ правъ козацкой старшины и помѣщичьяго владѣнія на Украинѣ, развивающихся затѣмъ параллельно съ постепеннымъ уничтоженіемъ автономіи и формъ выборнаго козацкаго правленія. На этомъ соціально-экономическомъ процессѣ долженъ я тутъ нѣсколько подробнѣе остановиться.

Хотя предводители движенія XVII в. совсѣмъ не имѣли въ виду соціальнаго переворота проникнутые сами сословными понятіями государства, въ которомъ они выросли, и на каждомъ шагу сквозитъ въ нихъ эта непоколебимая увѣренность въ томъ, что старый соціальный строй долженъ существовать и впредь (см. XVII главу),—несмотря на то, Хмельниччина оказалась соціальною революціею—не только въ представленіяхъ народа, который шелъ на кличъ ея вождей именно для перестройки общественныхъ и экономическихъ отношеній,—но и фактически, въ своихъ результатахъ. Изъ многочисленныхъ трактатовъ польскаго правительства съ козаками, имѣвшихъ цѣлью за цѣну уступокъ въ политической и культурной сферѣ вернуть восточную Украину шляхетскому землевладѣнію, возвратить изгнаннымъ польскимъ шляхтичамъ ихъ имѣнія, — отъ Бѣлоцерковскаго трактата 1649 г. до договора съ Ханенкомъ 1670, ни одинъ не могъ осуществиться, прежде всего—вслѣдствіе непобѣдимой оппозиціи народныхъ массъ, ихъ рѣшимости—не допустить «лядского панования». Только очень незначительная горсть шляхетскихъ родовъ, перешедшихъ подъ козацкій регименть, осталась на Украинѣ, при своихъ имѣніяхъ. Вообще же позже существовало убѣжденіе, что во время Хмельниччины всѣ документы на владѣніе были «козацкою шаблею скасованы». Владѣніе изъ привиллегированнаго, опиравшагося на грамотахъ и документахъ, превратилось въ фактическое—опиралось на реальномъ владѣніи или такъ называемой «заимкѣ,» оккупаціи.

«Когда при помощи Божіей Малороссіяне съ гетманомъ Богданомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей,—въ ту пору на обѣихъ сторонахъ Днѣпра

вся земля была для Малороссіянъ «сполная и общая», пока эти земли не были заняты отдѣльными хозяйствами и селеніями—и послѣ этого всѣ земли перешли въ собственность «черезъ займы»; «оные же займы Малороссіяне разными означали способами: одни опахивали, иные окружали «копцами» или рвомъ, означали знаками на деревьяхъ, и на этихъ заимкахъ устраивали, что хотѣли: ростили рощи, заводили сады, хутора, слободы и деревни заселяли на свое имя». Это показаніе украинскихъ козаковъ, данное въ одномъ процессѣ за владѣніе (въ концѣ XVIII в.), довольно вѣрно представляетъ отношенія послѣ Хмельниччины, и даже эта картина какъ бы новаго заселенія Украины, которую даетъ оно, только односторонне преувеличена, но не ложна. Хотя весьма значительная часть земель была и осталась безъ перемѣнъ въ фактическомъ владѣніи крестьянъ, мѣщанъ, козаковъ, церквей и монастырей, но огромная масса шляхетскихъ земель послѣ бѣгства шляхты сдѣлалась никому не принадлежащими; значительная масса земель сдѣлалась свободною вслѣдствіе большой убыли населенія въ этихъ страшныхъ массовыхъ войнахъ, а также и массовыхъ движеній на востокъ, этой гигантской перетасовки населенія, которою сопровождались движенія XVII в. Благодаря этому оказалось очень много свободныхъ, никому не принадлежащихъ земель, цѣлыя огромныя пространства, на которыхъ первый встрѣчный могъ поселяться и заимкою, обработкою обращать въ свою собственность занятый участокъ. Заимкѣ представлялось широкое поле.

Такимъ образомъ во второй половинѣ XVII в. землевладѣніе восточной Украины (говорю о лѣвобережной главнымъ образомъ, такъ какъ въ правобережной въ концѣ концовъ возстановлено было шляхетское землевладѣніе) вернулось какъ бы къ первобытнымъ условіямъ и ему, казалось, предстоялъ длинный путь соціально-экономической эволюціи. Въ дѣйствительности однако землевладѣніе и вообще соціально-экономическія отношенія Гетманщины прошли этотъ путь чрезвычайно скоро, въ продолженіе нѣсколькихъ—не столѣтій, а десятилѣтій. Причиною было то обстоятельство, что въ обществен

номъ и экономическомъ строѣ ея оказались готовые ферменты, съ необыкновенною быстротою возстановившіе, хотя и въ измѣненномъ видѣ, разрушенныя формы сословныхъ и экономическихъ отношеній.

Традиціи привиллегированнаго землевладѣнія и крѣпостническаго хозяйства были непосредственно сохранены землевладѣніемъ церквей и монастырей (онѣ послѣ паденія польской власти поспѣшили выхлопотать себѣ подтвержденіе на свои имѣнія отъ гетмановъ и московскаго правительства), а также и уцѣлѣвшихъ (немногихъ) шляхетскихъ родовъ. Правящій классъ—козацкая старшина, и интеллигенція вообще выросла вся поголовно въ тѣхъ же традиціяхъ, и самый радикальный выводъ, какой она была въ состояніи сдѣлать изъ пережитаго, былъ только тотъ, что мѣсто польской шляхты имѣетъ занять новое привиллегированное сословіе изъ родовъ заслуженныхъ въ козацкомъ войскѣ. Мы видѣли уже, что сподвижники Хмельницкаго въ самый разгаръ движенія обнаруживали стремленія превратиться въ привиллегированныхъ землевладѣльцевъ въ духѣ польской шляхты—это были стремленія общія, которыя ждали только благопріятныхъ условій для того, чтобы обнаружиться съ полной опредѣленностью. И эти условія дала связь и зависимость Украйны отъ Московскаго государства, и вліяніе московскаго общественнаго уклада, съ его крѣпостнымъ правомъ и привиллегированнымъ землевладѣніемъ.

Онъ вліялъ и само собою—своимъ примѣромъ, черезъ своихъ служилыхъ людей, приходившихъ на Украину въ московскихъ ратяхъ, на должности воеводъ, позже — и должности полковниковъ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовало и московское правительство, предлагая старшинѣ за ея уступки въ сферѣ автономіи, подтвержденіе за нею пріобрѣтенныхъ имѣній и раздачи новыхъ—«за службу великому государю», и вообще санкціонируя всѣмъ своимъ вліяніемъ, всею силою своей централизированной государственной машины, всею грозою своей исполнительной власти перемѣны, произведенныя старшиною въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ Гетманщины.

Общественный строй Украины восточной послѣ ея освобожденія отъ польскаго режима отличался большой неустойчивостью. Сословія существовали, но не было между ними никакихъ прочныхъ и рѣзкихъ границъ. Козаки—военнослужилый классъ, были привиллегированнымъ, свободнымъ отъ податей сословіемъ, но совершенно не замкнутымъ. Вопросъ о реестрѣ фигурировалъ въ «статьяхъ» и трактатахъ, но не имѣлъ никакого реальнаго значенія: при сильномъ, хроническомъ напряженіи военныхъ силъ каждый желающій могъ быть козакомъ. «Можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе (бѣдные) осталися въ мужикахъ», какъ потомъ вспоминали. Въ козачій «компутъ» (compte, реестръ) можно было также свободно вписаться, какъ и выписаться изъ него и перейти въ сословіе мѣщанское, крестьянское или духовное. Московское правительство (какъ прежде польское), и сама старшина, изъ фискальныхъ мотивовъ старались прекратить эти переходы, отграничить козачество отъ крестьянства, но это удалось только позже—въ XVIII в.; тогда въ козачьи «компуты» могли попадать обыкновенно только дѣти козаковъ (такъ какъ въ этомъ замѣшаны были экономическіе, владѣльческіе интересы правящаго сословія, старшины, то за компутомъ слѣдили строго, и если выйти изъ козачьяго званія было нетрудно, какъ увидимъ ниже, то попасть туда—очень трудно).

Изъ общей массы козачества выдѣлялся ея верхній, правящій классъ—старшина. По происхожденію своему это аристократія должностная. По принципу, должности эти должны замѣщаться по выбору козаковъ, но фактически выборъ замѣнялся назначеніемъ, или имѣлъ значеніе чисто формальной процедуры—должности распредѣлялись между членами этого правящаго класса, стремящагося къ тому, чтобы превратиться въ наслѣдственно-привиллегированное сословіе. Въ Гадяцкомъ трактатѣ это было оформлено въ постановленіи, что ежегодно извѣстное число лицъ козачьяго сословія будетъ нобилитовано—получитъ шляхетскія права; въ отношеніяхъ къ московскому правительству старшина уже въ концѣ XVIII (въ статьяхъ 1687 г.) приравниваетъ себя къ наслѣдственному, служи-

лому дворянству и настойчиво проводитъ этотъ взглядъ въ продолженіе всего XVIII в., пока не добивается дѣйствительно этого признанія. Должности, управленіе даютъ возможность этимъ старшинскимъ фамиліямъ собирать въ своихъ рукахъ значительныя средства и особенно земли, и они превращаются во владѣльческое сословіе, классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Къ нимъ примыкаютъ богатыя фамиліи мѣщанскаго и духовнаго происхожденія; представители ихъ очень часто пріобрѣтаютъ патенты на разныя дѣйствительныя или титулярныя войсковыя должности (ихъ число очень умножается въ XVIII в., чтобы дать мѣсто въ войсковой іерархіи членамъ старшинскихъ фамилій), и такимъ образомъ переходятъ въ составъ войсковой старшины.

Такъ формируется новое привиллегированное сословіе настойчиво величающее себя «шляхетскимъ». Оно создаетъ со временемъ традицію своего преемства и связи со шляхтой предреволюціонною, выводитъ себя отъ разныхъ польскихъ шляхетскихъ фамилій, принимаетъ ихъ гербы, усердно ищетъ случая породниться съ настоящими шляхетскими родами (хотя бы и захудалыми). Употребляя въ качествѣ юридическаго кодекса (уже со 2-ой половины XVII в.,) по старой традиціи Литовскій Статутъ, оно усвояетъ и прилагаетъ къ себѣ тѣ права привиллегированнаго сословія, которыя этотъ старый шляхетскій кодексъ признаетъ за шляхтою. У него много охоты къ образованію и внѣшней культуры—въ этомъ отношеніи оно стояло несомнѣнно выше общаго уровня великороссійскаго дворянства. Но главная основа его силы и значенія, его raison d'être это его богатство, спеціально—земельное, крупное землевладѣніе.

Основою старшинскаго, какъ и всякаго землевладѣнія, была заимка; только старшина производила эту заимку въ несравненно болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ масштабѣ не крестьянскаго, а помѣщичьяго хозяйства, къ созданію котораго она стремилась. Одновременно, уже въ XVII в. выпрашиваетъ она себѣ земли, «маетности», отъ гетмана и московскаго правительства. Эта раздача земель—преимущественно населенныхъ

или занятыхъ (такъ какъ незанятыя, пустыя не нуждались въ пожалованіи и просто освоивались заимкою) съ теченіемъ времени практикуется все въ болѣе широкихъ размѣрахъ; раздаютъ ихъ не только гетманы (не говоря о московскомъ правительствѣ), но и полковники и генеральная старшина. Но такъ какъ такія гетманскія и старшинскія пожалованія не считались правосильными, то закрѣпленіе ихъ дѣлается однимъ изъ существенѣйшихъ пунктовъ въ политикѣ старшины относительно московскаго правительства. Уже при выборѣ Мазепы (1687) взамѣнъ сдѣланныхъ московскому правительству уступокъ старшина ходатайствовала, чтобы земли, полученныя отъ гетмана и старшины, а также купленныя, безпрепятственно подтверждались московскимъ правительствомъ за владѣльцами; но московское правительство не хотѣло дать такого общаго обѣщанія и предоставило каждому отдѣльно добиваться для себя такой «жаловальной грамоты». И старшина старалась добиться—«заслугами передъ великимъ государемъ».

Кромѣ «займанщинъ» и пожалованій, имѣнія старшины расширялись скуплею земель крестьянскихъ и козачьихъ. Особенно въ XVIII в., когда уже исчерпались свободныя земли, и не осталось мѣста для заимки, скупля практиковалась широко, очень широко: пожалованія могли получать главнымъ образомъ люди, бывшіе на виду у правительства, скуплю могли практиковать всѣ, стоявшіе такъ или иначе у власти, хотя бы очень мелкой—сотницкой напримѣръ, или имѣвшіе связи въ правящихъ сферахъ. Связи и административное вліяніе было нужно потому, что скупля очень часто была принудительною: скупщики не только пользовались тяжелыми матеріальными условіями, но прибѣгали къ прессіи административной власти и даже къ простому насилію. При этомъ такъ какъ скупля козачьихъ земель была ограничена или даже запрещена (чтобы козаки, обѣднѣвъ, не дѣлались неспособными къ службѣ), то практиковался, подъ покровомъ власти, насильственный или добровольный (но все-таки незаконный) переводъ изъ

козаковъ въ крестьяне: они вычеркивались изъ «компутовъ», и т. п. [1]).

Всѣми этими путями создана была въ продолженіе столѣтія огромная площадь привиллегированнаго землевладѣнія старшины—огромныя лятифундіи и имѣнія средней руки разныхъ gentes minores. На займанщинахъ и всякихъ пустыхъ земляхъ оселялись прихожіе люди, которыхъ въ огромныхъ массахъ давало особенно развившееся во второй половинѣ XVII в. и еще разъ повторившееся во второмъ десятилѣтіи XVIII в.—массовое переселеніе народа изъ правобережной Украины. Отношенія владѣльца къ такимъ новопоселяемымъ на его землѣ крестьянамъ или такъ называемымъ «підсусідкам» нормировались или договоромъ, или общею практикою. Гораздо щекотливѣе были отношенія его къ крестьянамъ заселенныхъ уже имѣній, пріобрѣтавшихся пожалованіемъ или попадавшихъ въ руки старшины въ качествѣ «ранговыхъ», т. е. связанныхъ съ извѣстною должностью и предназначавшихся на содержаніе занимавшаго эту должность лица [2]). По отношенію къ нимъ не было даже такого средняго термина, какимъ былъ договоръ для новопоселенцевъ, и тутъ контрастъ стремленій и воззрѣній владѣльцевъ-старшины и крестьянъ выступалъ въ полной наготѣ.

Старшина стремится превратить и ихъ, какъ и подсусѣдковъ, въ своихъ крѣпостныхъ и успѣваетъ дѣйствительно поставить ихъ въ такое положеніе и легализировать его. Для этого она всѣми мѣрами содѣйствуетъ возможно рѣзкому от-

---

[1]) Подробно перечисляетъ такія несправедливости и эксплуатацію козаковъ старшиною петиція, приготовленная сотниками и сотенною старшиною Черниговскаго полка для подачи имп. Елисаветѣ во время путешествія ея на Украину въ 1744. г. (издана въ Кіевской Старинѣ 1894, IV). Самый фактъ заступничества за козаковъ со стороны представителей той же старшины, хотя и низшей, показываетъ, что помѣщичьи стремленія не успѣли деморализировать ее до конца.

[2]) Эти ранговыя имѣнія современемъ сдѣлались очень значительны и позже часто присваивались старшиною.

граниченію козаковъ отъ крестьянъ (такъ называемыхъ «посполитыхъ») и дѣлаетъ невозможнымъ для нихъ переходъ въ козачье званіе. Посполитые, первоначальные собственники, обезземеливаются всякими способами: скуплею, захватомъ земли, или всякими притѣсненіями принуждаются къ выходу, причемъ земли ихъ, по принципамъ Литовскаго Статута, помѣщики въ такомъ случаѣ берутъ себѣ и поселяютъ на нихъ вполнѣ отъ нихъ зависимыхъ подсусѣдковъ. Оставшихся посполитыхъ (и переведенныхъ въ ихъ категорію козаковъ) они облагаютъ повинностями по образцу подсусѣдковъ, примѣняютъ къ нимъ принципы шляхетскаго права.

Гетманство Самойловича было временемъ, когда «обыклое послушенство подданныхъ» по отношенію къ землевладѣльцамъ-старшинѣ впервые начинаетъ усиленно пропагандироваться гетманскою властью и подкрѣпляться ея престижемъ. Тогда это «послушенство», т. е. повинности крестьянина по отношенію къ помѣщику, выражались въ обязанности помогать при уборкѣ сѣна, устройствѣ гатей и т. п. Но уже въ первой четверти XVIII в. видимъ панщину настоящую и сильно развитую; въ одномъ универсалѣ 1701 г. гетманъ Мазепа признаетъ законною двухдневную панщину въ недѣлю, и кромѣ нея дань овсяную, и это для крестьянъ, сидѣвшихъ на своихъ земляхъ, а не подсусѣдковъ. Въ общемъ къ половинѣ XVIII в. крѣпостная зависимость крестьянъ и владѣльческія права по отношенію къ нимъ въ лѣвобережной Украинѣ вполнѣ аналогичны съ прежнимъ шляхетско-польскимъ режимомъ — имъ не достаетъ только нѣсколькихъ штриховъ для полной законченности.

Конечно, среди народной массы, сохранявшей живую память о великомъ движеніи, «скасовавшемъ» шляхетскій режимъ, этотъ процессъ новаго закрѣпощенія вызывалъ сильнѣйшее неудовольствіе. Если само предчувствіе или подозрѣніе въ шляхетскихъ тенденціяхъ въ первые годы послѣ этого движенія давало поводъ для народной оппозиціи (противъ Выговскаго, Сомка и Золотаренка, да и самого Богдана Хмельницкаго), и народъ клеймилъ представителей этой старшины не-

навистнымъ именемъ «Ляховъ»,—можемъ судить о чувствахъ, какія питалъ онъ къ сословію, явно и открыто возстановлявшему на Украинѣ «панщину» и всѣ панскіе порядки. Правда, на какое-нибудь смѣлое, рѣзкое движеніе противъ этихъ «новыхъ Ляховъ» у народныхъ массъ не было уже энергіи: онѣ устали отъ предшествующихъ тяжелыхъ и безплодныхъ усилій, извѣрились въ успѣхѣ, во всѣхъ этихъ демагогахъ, призывавшихъ къ борьбѣ съ панами, въ московской политикѣ, въ которой онѣ надѣялись найти опору и которая въ дѣйствительности поддерживала панскую программу старшины (это разочарованіе должно было особенно сильно подѣйствовать на народъ). Глубокій упадокъ духа, отсутствіе вѣры и даже возбудимости въ народныхъ массахъ особенно живо иллюстрируютъ неудачныя попытки послѣдняго украинскаго демагога—Петрика Иваненка, бѣглаго канцеляриста, расчитывавшаго произвести возстаніе на Украинѣ съ помощью Крыма и Запорожцевъ; отъ хана онъ получилъ титулъ гетмана и въ 1692—6 гг. три раза предпринималъ съ Татарами и небольшими партіями Запорожцевъ (всю Січ ему не удалось привлечь къ себѣ) походы на Украину, надѣясь, что этимъ вызоветъ возстаніе простого народа противъ «дуків і панів». Петрикъ говорилъ о себѣ, что онъ выступилъ въ интересахъ «посполитого народу», «найбіднійших і найнизших»: Хмельницкій освободилъ народъ отъ лядской неволи, а онъ, Петрикъ, хочетъ освободить его отъ новой неволи—«Москалей и своихъ пановъ», и надѣялся, что при одной вѣсти о его походѣ возстанутъ «голоколінки» и бѣдные люди, которыхъ сердюки (гетманская гвардія) да тѣ дуки, что имъ цари надавали вольностей, едва не ѣдятъ живьемъ. Надежда его не оправдалась—народъ не шелохнулся.

Но глухое недовольство народа на «пановъ», на всю систему, ими созданную, было сильно и всеобще. Оно прорывалось въ волненіяхъ, избіеніяхъ пановъ при смѣнѣ гетмановъ, въ отдѣльныхъ вспышкахъ, очень острыхъ иногда, вызванныхъ злоупотребленіями того или другого пана [1]). Всеобщее недо-

[1]) Ихъ можетъ иллюстрировать бунтъ въ с. Турбаяхъ, описан-

вѣріе встрѣчали всякія административныя и финансовыя мѣры, выходившія отъ этого ненавистнаго панскаго правящаго сословія—въ нихъ видѣли посягательство на свободу и имущество массы. Такъ, чрезвычайное недовольство встрѣчали косвенные налоги, введенные въ концѣ XVII в.—на винокуреніе, производство и продажу табаку, дегтю и т. п.

Это раздраженіе массъ чувствовалось правящимъ классомъ очень живо. Не довѣряя козачьему войску (такъ какъ козаки наравнѣ съ посполитыми терпѣли отъ экономической политики старшины), гетманы и старшина завели наемныя войска, набиравшіяся изъ всякаго рода сброда—такъ называемыхъ сердюковъ, компанейцевъ, и при всякой опасности народнаго движенія взывали къ помощи московскаго правительства и войска (такъ было и во время движеній Петрика).

Это отчужденіе отъ народа, это украинское средостѣніе было ахиллесовою пятою украинской старшины. Даже наиболѣе выдающіеся, горячіе украинскіе патріоты (вродѣ Полуботка) были грѣшны въ своей экономической политикѣ, въ отношеніи къ посполитымъ и козакамъ, и это подрывало ихъ энергію и стойкость въ политикѣ.

Центральное правительство, какъ я уже говорилъ, пользовалось этою слабою стороною старшины очень искусно. Какъ увидимъ ниже, при всякой аттакѣ на автономію Украины, оно ударяло по струнамъ народныхъ интересовъ, поднимало вопросъ о злоупотребленіяхъ старшины и необходимости ихъ разслѣдованія, объ охранѣ народа отъ этой старшинской эксплуатаціи, и т. п., и старшина, боясь своимъ сопротивленіемъ толкнуть

ный Ал. Ефименко въ Кіевской Старинѣ 1891, III: крестьяне, «искавшіе козачества» (терминъ для этихъ многочисленныхъ процессовъ), т. е. доказывавшіе, что они неправильно переписаны были изъ козаковъ въ посполитые, добились рѣшенія, что потомки лицъ, нѣкогда вписанныхъ въ компутъ, должны быть возстановлены въ козачьемъ званіи. Опасеніе, что власти, взявшія сторону помѣщиковъ, постараются повернуть дѣло въ ихъ пользу, привело крестьянъ въ такое возбужденіе при объявленіи имъ рѣшенія, что они избили всю помѣщичью семью.

его еще дальше по пути къ полному разрушенію ея благосостоянія, уступала. Тѣ же факторы вліяли и на дѣятельность отдѣльныхъ представителей украинскаго «шляхетства»: уступчивые и угодливые могли расчитывать на богатыя пожалованія имѣній, подтвержденія своихъ благопріобрѣтеній и покрытіе покровомъ снисхожденія своихъ грѣховъ по отношенію къ населенію; строптивыхъ и упорныхъ пугала перспектива слѣдствія о неправильно захваченныхъ земляхъ, «объ ищущихъ козачества». Повторяю, едва ли кто-либо изъ украинской старшины не чувствовалъ себя уязвимымъ на пунктѣ этихъ общесословныхъ грѣховъ.

Въ результатѣ украинская старшина, хотя и не безъ сопротивленій, помирилась въ концѣ концовъ съ превращеніемъ Украины въ обыкновенныя губерніи. Взамѣнъ она получила права россійскаго дворянства (въ 1781 и окончательно—въ 1785 г.), ея экономическія, сословныя пріобрѣтенія были санкціонированы и нашли охрану въ сильной организаціи имперіи; крѣпостное право было формально утверждено (такое рѣшительное значеніе имѣли указы 1763 и 1783 гг., запрещавшіе крестьянамъ переходить изъ имѣнія въ имѣніе). Центральное правительство примирилось на этой почвѣ съ «малыми тираннами», какъ называла украинскихъ помѣщиковъ имп. Екатерина (издавшая эти важные указы).

Литература: Л. Ч. Україна після 1654 г. въ Запискахъ Н. тов. ім. Шевченка, т. 29 и 30 (полезный компилятивный очеркъ). А. Ефименко: Малорусское дворянство и его судьба—Вѣстникъ Европы 1891, IX. Д. Миллеръ: Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. 1879. Лазаревскій: Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783), 1866 (украинскій переводъ въ XXII т. Руськоі історичноі бібліотеки). В. Мякотинъ. Прикрѣпленіе крестьянства въ лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст. (Русское Богатство 1894, II—IV).

XX.

Изобразивъ тотъ соціальный фонъ, на которомъ происходило уничтоженіе автономіи лѣвобережной Украины, пред-

ставлю перипетіи этого процесса превращенія ея въ простую провинцію Россійской имперіи.

Постепенно ограничивая автономію Украины и гетманскаго управленія, объединительная политика Россіи встрѣтила удобный поводъ для ускоренія этого процесса — въ переходѣ гетмана Мазепы на сторону Швеціи.

Самъ по себѣ этотъ поступокъ Мазепы и его единомышленниковъ не представлялъ собою ничего чрезвычайнаго, ничего новаго. Это была только одна изъ пробъ найти опору въ какой нибудь внѣшней силѣ, чтобы освободиться отъ московскаго централизма. Швеція была въ числѣ этихъ державъ, на которыя пробовала опереться Украина—еще при Хмельницкомъ, и только благодаря перерыву въ этой политикѣ—тридцатилѣтней лояльности украинской старшины, поступокъ Мазепы и его товарищей показался чѣмъ-то особеннымъ. Центральное правительство (Петръ I) воспользовалось этимъ, чтобы произнести смертный приговоръ всему старому строю Гетманщины, ея автономіи и козацкому самоуправленію, какъ дискредитировавшимъ себя «измѣною Мазепы».

Въ ближайшихъ мотивахъ для поступка Мазепы не было недостатка. Лояльность его и старшины подвергалась частымъ испытаніямъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Петръ съ незнавшею удержу и мѣры энергіею и рѣшительностью принялся за созиданіе своего государства. Онъ распоряжался козацкими войсками совершенно какъ своими, посылая ихъ безустанно въ далекіе походы, гдѣ они не только несли большія потери въ сраженіяхъ и отъ непривычнаго климата, но и подвергались всякимъ притѣсненіямъ и оскорбленіямъ отъ великорусскихъ и чужеземныхъ офицеровъ, употреблялись на тяжелыя крѣпостныя работы и т. п. Даже генералы Петра позволяли себѣ распоряжаться украинскими войсками и самимъ Мазепою, что не разъ приводило его въ крайнее раздраженіе. Украинская автономія стала совсѣмъ призрачною. Населеніе стонало подъ бременемъ этихъ тяжелыхъ походовъ, отъ притѣсненій московскихъ войскъ и воеводъ, отъ тяжелыхъ работъ и поборовъ; все болѣе «отпадало у него сердце

къ великому государю», по выраженію современника, и это неудовольствіе падало также и на Мазепу, вѣрнаго царскаго приспѣшника. А одновременно въ безпокойной головѣ царя появлялись проекты, грозившіе полнымъ переворотомъ Украинѣ: то онъ думалъ о замѣнѣ козацкаго войска рекрутскимъ наборомъ, то намѣревался выкроить изъ нея княжество для герцога Марльборо, а Мазепу намѣревался вознаградить княжескимъ титуломъ Римской имперіи [1]. Въ вопросѣ о правобережной Украинѣ, о которомъ скажу ниже, также рѣшительно столкнулись интересы Украины и Мазепы съ планами Петра и т. п., и т. п.

Все это должно было вызывать сильныя сомнѣнія въ душѣ стараго гетмана, особенно по мѣрѣ того, какъ Сѣверная война принимала, какъ казалось, все болѣе неблагопріятный для Россіи оборотъ и придвигалась къ границамъ Украины. Шведскій король разгромилъ Саксонію, смялъ саксонскую партію въ Польшѣ и перешелъ въ Литву. Мазепа—нерѣшительный, неспособный на отважный рискъ старый дипломатъ, велъ на всякій случай переговоры съ шведскимъ союзникомъ королемъ польскимъ Станиславомъ Лещинскимъ (уже съ 1707 г.), но не рѣшался открыть картъ и, опасаясь доноса, въ свои планы посвятилъ только очень небольшой кружокъ старшины. Онъ только старался уклониться отъ требованій Петра въ украинскихъ войскахъ, но никакихъ приготовленій къ разрыву не сдѣлалъ. Когда въ 1707—8 гг. на границахъ Украины вспыхнуло весьма опасное для московскаго правительства возстаніе донскихъ козаковъ подъ предводительствомъ атамана Булавина, Мазепа, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ, занялся вмѣстѣ съ московскими войсками его усмиреніемъ и такимъ образомъ наканунѣ своего разрыва съ Москвою убилъ весьма цѣннаго союзника. Онъ расчитывалъ на свою сильную власть на Украинѣ, но ничего не сдѣлалъ, чтобы снискать довѣріе народа. Наканунѣ разрыва, вслѣдствіе его

[1]) Петръ дѣйствительно выхлопоталъ тогда для Мазепы титулъ имперскаго князя, и его княжескій гербъ доселѣ фигурируетъ въ гербовникахъ.

жалобъ на «непостоянность и малодушіе» украинскаго народа Петръ распорядился послать въ центръ Украины—въ Нѣжинъ московское войско, а Мазепа, чтобы избѣгнуть подозрѣній, послалъ отряды козаковъ въ Бѣлоруссію въ Западную Украину—по требованію Петра.

Полная неподготовленность замысловъ Мазепы обнаружилась вполнѣ, когда обстоятельства наконецъ принудили его открыть свой планъ.

Осенью 1708 г. шведская армія Карла XII двинулась въ Украину. Петръ требовалъ, чтобы Мазепа прибылъ въ его главную квартиру, для совмѣстныхъ дѣйствій. Нужно было рѣшиться, и Мазепа отвѣтилъ Петру, что по болѣзни не можетъ прибыть, а Карлу написалъ, прося двинуться за Десну, вглубь Украины, и обѣщая прибыть къ нему съ 20-тысячнымъ войскомъ. 24/X с. ст., оставивъ гарнизонъ въ своей резиденціи Батуринѣ, онъ съ кружкомъ посвященныхъ въ его планы и 4.000 козаковъ (больше онъ не приготовилъ!) явился къ Карлу. Какой договоръ былъ заключенъ между ними, на какихъ условіяхъ Мазепа присоединялся къ Карлу, мы не имѣемъ вѣрныхъ извѣстій. Можемъ судить только по позднѣйшимъ актамъ—при выборѣ преемника Мазепы кружкомъ его товарищей, оставшихся при шведскомъ королѣ (1710 г.); въ тогдашнихъ статьяхъ, утвержденныхъ Карломъ XII, постановлялось, что Украина составляетъ самостоятельное государство, въ границахъ по р. Случь (т. е. на территоріяхъ старыхъ воеводствъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго), только *подъ протекціею* шведскаго короля.

Вѣсть о переходѣ Мазепы немедленно дошла до Петра. Войска его, подъ предводительствомъ Меньшикова, тотчасъ осадили Батуринъ; вслѣдствіе измѣны одного изъ Батуринцевъ городъ былъ взятъ и совершенно разоренъ, а жители поголовно вырѣзаны. Одновременно разосланы грамоты, призывавшія населеніе оставаться вѣрнымъ царю; старшина получила приглашеніе собраться въ Глуховъ для выбора новаго гетмана; Меньшикову поручено было обращаться съ нею возможно ласково. Онъ поспѣшилъ донесть, что ни

въ средѣ старшины, ни въ народѣ не замѣчаетъ никакого сочувствія Мазепѣ. Населеніе, застигнутое поступкомъ Мазепы совершенно врасплохъ, видя передъ собою московскія войска, дѣйствительно осталось совершенно безучастнымъ (только обычные эксцессы противъ старшины повторились мѣстами). Старшина также въ началѣ ноября съѣхалась въ Глуховъ и здѣсь послѣ церемоній заочнаго низложенія Мазепы [1]) старшинѣ предложено было выбрать новаго гетмана. Въ виду того, что почти вся высшая старшина ушла съ Мазепою, кандидатовъ было собственно два: старый и неспособный стародубскій полковникъ Скоропадскій и молодой, талантливый нѣжинскій полковникъ Полуботокъ. По одному, вполнѣ правдоподобному извѣстію, Петръ заявилъ, что не хочетъ видѣть гетманомъ Полуботка, потому что онъ слишкомъ способный человѣкъ: «изъ него можетъ выйти другой Мазепа». Въ виду этого избрали Скоропадскаго, а Полуботку въ утѣшеніе Петръ пожаловалъ огромныя имѣнія (Любечъ съ цѣлымъ рядомъ селъ). Получили большія помѣстья также и другіе старшины, оставшіеся вѣрными Россіи.

За незначительными исключеніями лѣвобережная Украина признала единодушно гетманомъ Скоропадскаго, правобережная также. Запорожье колебалось нѣкоторое время, но подъ вліяніемъ своего новаго кошевого Костя Гордіенка, горячаго автономиста, склонилось на сторону Мазепы, и въ мартѣ 1709 г. депутація съ Гордіенкомъ явилась въ лагерь Карла. Это было единственнымъ успѣхомъ Мазепы, который теперь уже ясно убѣдился въ неудачѣ своего замысла: кромѣ приведенныхъ имъ козаковъ онъ не располагалъ болѣе никакими силами, да и изъ пріѣхавшихъ съ нимъ старшинъ многіе возвращались къ Скоропадскому,—пока Шведы не окружили надзоромъ оставшихся. Самъ Мазепа заявилъ Петру свое желаніе вернуться и даже обѣщалъ захватить Карла, но затѣмъ раздумалъ, не расчитывая на хорошій пріемъ у Петра.

[1]) Мазепа былъ повѣшенъ in effigie и подвергнутъ торжественной анаѳемѣ; въ первую недѣлю поста на него до недавняго времени произносилась анаѳема по всей Россіи.

Для самого Карла украинскій эпизодъ имѣлъ очень печальныя послѣдствія. По совѣту Мазепы, для котораго это было послѣдней доской спасенія, Карлъ остался зимовать на Украинѣ и этимъ страшно повредилъ себѣ — позволилъ отрѣзать свою армію отъ подкрѣпленій, ослабилъ ее тяжелою зимовкою, причинившей большія потери, и потерялъ напрасно время. Весною онъ, по совѣту того же Мазепы, подвинулся еще далѣе на югъ, чтобы войти въ непосредственное сообщеніе съ Запорожьемъ, и осадилъ Полтаву. Пока онъ занимался этою осадою, войска Петра отрѣзали его отъ Січи, обложили самую Січ, взяли подъ присягою и подвергли обезоруженныхъ січевиковъ жесточайшимъ казнямъ. Вслѣдъ затѣмъ Петръ со свѣжими войсками напалъ на ослабленную, деморализированную армію Карла и нанесъ ей рѣшительное пораженіе подъ Полтавою, 27/VI 1709 г. Карлъ съ Мазепою и небольшими отрядами шведскихъ драбантовъ, козаковъ и Запорожцевъ успѣли бѣжать за Днѣпръ, остатки шведской арміи были настигнуты подъ Днѣпромъ и капитулировали. Многіе изъ бывшей съ Мазепою старшины перешли на сторону Петра еще передъ Полтавскою битвою и непосредственно послѣ нея; ихъ ссылали. Взятыхъ въ плѣнъ козаковъ отпускали, но Запорожцевъ казнили или ссылали.

Мазепа съ Карломъ и свитою едва спаслись отъ преслѣдованія въ Бендеры, на турецкую територію, и здѣсь Карлъ оставался нѣсколько лѣтъ. Петръ предлагалъ визиру 300 тыс. талеровъ за выдачу Мазепы; его не выдали, но тревоги и неудача такъ сильно повліяли на него, что онъ умеръ вслѣдъ затѣмъ (22/VIII 1709 гг.). Украинская старшина, находившаяся съ Карломъ, послѣ долгихъ совѣщаній, выбрала на его мѣсто гетманомъ генеральнаго писаря Филиппа Орлика (1710). При выборѣ была составлена интересная хартія, опредѣлявшая международное положеніе Украины и внутреннюю ея политику [1]), но принципамъ этимъ не суждено было

[1]) Здѣсь между прочимъ предполагалась первая проба организаціи представительнаго правленія (депутаты полковъ въ войсковой радѣ), указывалось на необходимость прекращенія разныхъ притѣсненій козаковъ и населенія со стороны старшины, и т. п.

осуществиться. Карлъ, утверждая эту хартію, обязался не заключать мира съ Россіею, не добившись возстановленія свободы Украины,—но его звѣзда уже закатилась. Силы самой старшины были ничтожны—съ нею было 3—4 тыс. козаковъ и Запорожцевъ, но они возлагали надежды на Турцію и другія державы.

Весною 1711 г. Орликъ съ Татарами и шведскими сторонниками изъ Польши двинулся на правобережную Украину; населеніе перешло на его сторону, и онъ имѣлъ сначала успѣхъ, но неудача подъ Бѣлою Церковью заставила его отступить, а грабежъ Татаръ оттолкнулъ отъ него населеніе. Неудачный походъ Петра въ Молдавію въ 1711 г., когда онъ со своей небольшой арміей попалъ въ руки Турокъ и долженъ былъ принять условія, какія они ему диктовали,—оживилъ было надежды Орлика и его партіи: въ договорѣ имѣла быть обезпечена независимость Украины. Но Петру удалось подкупить визира и пунктъ относительно Украины былъ стилизированъ въ договорѣ такъ неясно, что правительство Петра отказалось понимать тутъ Украину, находившуюся подъ его властію. Порта, положимъ, приняла толкованіе Орлика, что Петръ отказался отъ всякихъ притязаній на Украину, находившуюся подъ властію Москвы, и объявила Петру войну; но подкупъ снова все измѣнилъ: договоръ былъ возобновленъ, и спорный пунктъ истолкованъ такъ, что Россія отказывается только отъ правобережной Малороссіи. Но на эту послѣднюю заявила претензіи Польша, и Орликъ со своею партію остались непричемъ: Орликъ попробовалъ войти въ правобережную Украину, но его небольшой отрядецъ былъ безъ труда разсѣянъ польскими войсками. Большинство сторонниковъ Орлика покинуло его. Запорожцы, перенесшіе Січ послѣ погрома 1709 г. на территорію крымскаго ханства, начали хлопотать передъ русскимъ правительствомъ о позволеніи вернуться (это и было позволено имъ, но только въ 1733 г.—передъ тѣмъ Россія боялась столкновенія съ Турціей изъ-за Запорожья). Орликъ напрасно пробовалъ найти себѣ какую либо опору въ Европѣ—онъ не находилъ нигдѣ отклика.

Такъ окончилась эта послѣдняя громкая вспышка украинскаго автономизма. Весь этотъ эпизодъ показывалъ собственно, что украинское общество уже потеряло энергію борьбы, что населеніе ничего не хочетъ кромѣ покоя, словомъ, что украинскій сепаратизмъ потерялъ всякую опасность, но центральное правительство, какъ я уже сказалъ, воспользовалось этимъ моментомъ, чтобы окончательно превратить Украину въ свою провинцію. Неспособность Скоропадскаго, компрометировавшаго себя потачкою злоупотребленіямъ своихъ родственниковъ, не умѣвшаго ни держать себя съ достоинствомъ, ни завести порядка во внутреннихъ отношеніяхъ, значительно облегчала этотъ планъ.

Когда улеглась шведская буря, Скоропадскій обратился къ Петру съ просьбою о подтвержденіи украинскихъ правъ и устраненіи на будущее время вмѣшательствъ въ украинское управленіе со стороны россійскихъ чиновниковъ и офицеровъ, какія имѣли мѣсто во время войны. Петръ подтвердилъ права, но съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ относительно этого невмѣшательства, а на практикѣ украинская автономія и вовсе потеряла всякое значеніе: центральное правительство непосредственно само стало назначать и смѣщать полковниковъ и генеральныхъ старшинъ. На полковничьи должности оно начало назначать Великороссіянъ [1]. Къ самому гетману приставленъ былъ для надзора сначала одинъ, а потомъ два правительственные комиссара, которые связывали его по рукамъ и ногамъ; гетманская резиденція перенесена была въ Глуховъ, на границу Украины съ имперіей, и здѣсь поставленъ гарнизонъ изъ двухъ россійскихъ полковъ.

Наконецъ въ 1722 г. произведена была реформа, окончательно лишавшая гетмана и генеральную старшину всякаго значенія. При гетманѣ учреждена была коллегія (такъ

---

[1]) Первымъ такимъ полковникомъ былъ Петръ Толстой, любимецъ имп. Петра, за котораго Скоропадскій, по желанію царя, выдалъ свою дочь и котораго усыновилъ; въ 1769 г. императоръ назначилъ его нѣжинскимъ полковникомъ, якобы во вниманіе къ заслугамъ Скоропадскаго.

наз. «малороссійская коллегія») изъ шести велико-россійскихъ штабъ-офицеровъ, изъ гарнизоновъ, стоявшихъ въ украинскихъ городахъ, подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова. Коллегія эта имѣла принимать жалобы на всѣ судебныя и административныя учрежденія Украины, кончая генеральнымъ судомъ и войсковою (гетманскою) канцеляріею; надзирать за сборомъ всякаго рода налоговъ и пошлинъ, собирать ихъ и расходовать (между прочимъ выплачивать содержаніе сердюкамъ и компанейцамъ), представляя отчетность въ россійскій сенатъ; слѣдить, чтобы отъ старшины не было утѣсненія козакамъ и посполитымъ и принимать противъ этого мѣры по соглашенію съ гетманомъ; имѣть наблюденіе за правильнымъ дѣлопроизводствомъ въ войсковой канцеляріи и контролировать входящія и исходящія бумаги; о всякихъ замѣченныхъ безпорядкахъ относиться въ сенатъ. Учрежденіе ея Петръ въ своемъ указѣ гетману мотивировалъ непорядками и злоупотребленіями въ генеральномъ судѣ (предсѣдателемъ котораго былъ зять гетмана Чорнышъ) и прочихъ судебныхъ инстанціяхъ, въ войсковой канцеляріи, въ собираніи доходовъ, а также злоупотребленіями, какія позволяетъ себѣ старшина по отношенію къ козакамъ и посполитымъ (отнимая у нихъ земли, принуждая къ панщиннымъ работамъ, обращая въ своихъ крѣпостныхъ и т. п.).

Эта реформа, понятное дѣло, превращала украинскую автономію въ лишенный содержанія призракъ и настоящимъ правителемъ Украины дѣлала предсѣдателя коллегіи; такъ дѣйствительно и понялъ свою роль бригадиръ Вельяминовъ. Напрасно Скоропадскій «всепокорственно со слезами» просилъ отъ имени «всѣхъ малороссійскихъ людей» возвратить Украину къ прежнимъ порядкамъ и увѣрялъ, что жалобы на непорядки — интриги враговъ. Петръ остался непреклоненъ, а чтобы дать благопріятное освѣщеніе реформѣ въ глазахъ населенія, распорядился распространить по Украинѣ печатный указъ, гдѣ пояснялось, что коллегія учреждена «не для чего иного токмо для того, дабы малороссійскій народъ ни отъ кого какъ неправедными судами, такъ и отъ старшины

налогами утѣсняемъ не былъ», и въ доказательство того при указѣ напечатана была инструкція коллегіи, указывавшая сферу ея вѣдѣнія.

Отъ огорченія Скоропадскій заболѣлъ и умеръ, еще прежде пріѣзда Вельяминова. Смерть его дала поводъ Петру сдѣлать еще одинъ шагъ—онъ рѣшилъ фактически отмѣнить гетманскую власть. Исправленіе обязанностей гетмана сенатъ поручилъ нѣжинскому полковнику Полуботку съ генеральною старшиною, съ тѣмъ чтобы во всѣхъ дѣлахъ онъ совѣщался съ Вельяминовымъ; при этомъ Украина изъ вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которая вѣдала ее доселѣ, переведена въ вѣдомство сената, какъ обыкновенная провинція. На просьбу же старшины—разрѣшить произвести выборъ гетмана, Петръ, послѣ долгихъ проволочекъ, отвѣтилъ въ 1723 г. указомъ, гдѣ объявлялось, что правительство озабочено пріисканіемъ на гетманскій урядъ надежнаго человѣка, въ виду того, что всѣ гетманы, исключая перваго—Хмельницкаго, и послѣдняго—Скоропадскаго, оказывались измѣнниками, и такъ какъ текущее дѣлопроизводство обезпечено, то правительству не слѣдуетъ докучать выборомъ гетмана. Такимъ образомъ вопросъ откладывался на неопредѣленное время.

Тѣмъ временемъ правительство послѣдовательно назначало на полковничьи должности Великороссіянъ, приготовляло введеніе общеимперскихъ законовъ въ украинскія учрежденія, а бригадиръ Вельяминовъ командовалъ генеральною старшиною какъ своими подчиненными. Украинскіе козаки тысячами гибли на далекихъ работахъ (на постройкѣ Ладожскаго канала, гдѣ они вымирали отъ непривычнаго холода и сырости, и на постройкѣ крѣпости св. Креста, около Дербента, гдѣ убивали ихъ южныя лихорадки) и т. п.; изъ партій въ 5—10 тыс. человѣкъ вымирало до 30 и даже до 50%, и въ общей сложности эти рабочіе походы 1721—1725 гг. стоили Украинѣ не меньше 20 тыс. козаковъ, не говоря о возвратившихся полуживыхъ и обнищавшихъ, безъ лошадей и аммуниціи [1]).

[1]) См. объ этомъ статью въ Запискахъ Н. тов. ім. Шевченка, т. XII: Ол. Радакова, Украïнські козаки на Ладожськім каналі.

Одновременно населеніе страшно удручали постои и переходы великороссійскихъ войскъ и т. п.

Никто не осмѣливался поднять голоса противъ этого положенія дѣлъ. Полуботокъ въ роли временнаго (наказного) гетмана старался въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ вліянія, какія оставили ему новыя реформы, упорядочить украинскую администрацію и тѣмъ устранить аргументъ Петра — злоупотребленія старшины. Онъ воспретилъ старшинѣ подъ страхомъ тяжкихъ наказаній употреблять козаковъ на свои услуги, ввелъ коллегіальность въ суды полковые, сотенные и сельскіе, установилъ порядокъ аппеляціи и реформировалъ генеральный судъ. Но Петръ имѣлъ въ виду «Малую Россію къ рукамъ прибрать», какъ характеризовалъ его намѣренія его сподвижникъ Толстой, и поэтому дѣятельность Полуботка ему была вовсе непріятна. На донесенія Вельяминова, что Полуботокъ противится его дѣйствіямъ, Петръ поспѣшилъ расширить власть и компетенцію президента коллегіи, Полуботка съ нѣкоторыми другими выдающимися старшинами рѣшилъ удалить изъ Украины и вызвалъ ихъ въ Петербургъ, а во избѣжаніе какого либо сопротивленія распорядился вывести украинскіе полки на южную границу—подъ предлогомъ охраны отъ Татаръ.

Въ Петербургѣ Полуботокъ подалъ Петру петицію отъ имени старшины, гдѣ ходатайствовалось о возстановленіи прежняго управленія, но одновременно поступила, какъ объяснялъ Полуботокъ—подстроенная Вельяминовымъ, петиція отъ Стародубскаго (пограничнаго съ Великороссіей) полка о введеніи великорусскаго суда и назначеніи полковникомъ Великороссіянина. Петръ выслалъ одного изъ своихъ довѣренныхъ людей—Румянцева, въ Украину—произвести опросъ, желаютъ ли козаки великороссійскихъ полковниковъ и учрежденій и солидаризуются ли съ поданной Полуботкомъ петиціей, а также собрать матеріалъ о злоупотребленіяхъ старшины. Такимъ образомъ ревизія эта имѣла дать нѣчто вродѣ suffrage universel за введеніемъ великороссійскаго управленія и вмѣстѣ—обвинительный актъ противъ старшины.

Полуботокъ, узнавъ о миссіи Румянцева и совершенно справедливо опасаясь, что онъ своимъ вліяніемъ понудитъ при опросѣ давать такіе отвѣты, какіе были желательны правительству, выслалъ изъ Петербурга инструкціи на Украину— какъ держать себя относительно ревизіи и какіе давать отвѣты. По его же иниціативѣ собранные на южныхъ границахъ Украины старшина и козаки прислали изъ лагеря на р. Коломакѣ петиціи, гдѣ жаловались на отягощеніе козаковъ и населенія постоями, походами, поборами коллегіи, и просили разрѣшить имъ избраніе гетмана. Эта скромная попытка противодѣйствія еще болѣе раздражила Петра. Онъ распорядился арестовать Полуботка и старшинъ, бывшихъ съ нимъ, арестовать и прислать въ Петербургъ составителей коломацкихъ петицій. Противъ Полуботка возбуждено дѣло о злоупотребленіяхъ по управленію и частному хозяйству — общихъ всей тогдашней старшинѣ злоупотребленіяхъ по отношенію къ козакамъ и посполитымъ, въ которыхъ онъ былъ виноватъ столько же, сколько и всякій другой. Не дождавшись суда, онъ умеръ въ заключеніи, въ Петропавловской крѣпости, въ концѣ 1724 г. Для украинской старшины онъ сдѣлался героемъ-мученикомъ. Въ позднѣйшей легендѣ онъ произноситъ передъ Петромъ смѣлую обличительную рѣчь, упрекая въ утѣсненіи Украины; передъ смертію Петръ навѣщаетъ его въ крѣпости, ищетъ примиренія, но Полуботокъ отказываетъ, говоря, что Петра (императора) и Павла Полуботка разсудитъ Богъ.

Итакъ старшина передала свою тяжбу съ центральнымъ правительствомъ на судъ Божій; выдающіеся ея представители были арестованы въ Петербургѣ; правительство могло безпрепятственно вести перестройку украинскихъ отношеній по централистической программѣ. Но двѣ непослѣдовательности, отступленія отъ плана, поставленнаго правительствомъ Петра, замедлили сліяніе Украины съ прочими провинціями имперіи.

Первое отступленіе имѣло мѣсто со вступленіемъ на престолъ внука Петра I—Петра II въ 1727 г. Еще нѣсколько ранѣе, въ виду перспективы войны съ Турціей, въ правительственныхъ кругахъ считали нужнымъ сдѣлать что нибудь для

«удовольства и приласканія» Украины, чтобы недовольная старшина не устроила какого нибудь возстанія, пользуясь войною [1]). Съ воцареніемъ Петра II вліяніе временщика Меншикова, а позже партіи сторонниковъ старыхъ, до-петровскихъ порядковъ, подчинившихъ себѣ молодого императора, отразилось на украинскихъ отношеніяхъ также въ этомъ направленіи. Позволено выбрать гетмана. Кандидата правительство имѣло уже готоваго— въ престарѣломъ и предшествующими событіями достаточно умудренномъ полковникѣ миргородскомъ Даніилѣ Апостолѣ и правительственному комиссару Наумову, отправленному для участія въ выборѣ, поручено было не допускать до выбора иной особы. Опасенія были напрасны: умудренная старшина приняла правительственнаго кандидата; Апостолъ былъ выбранъ и утвержденъ гетманомъ (1/X 1727). О какихъ либо статьяхъ не было и разговора, но Украину перевели снова въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, малороссійскую коллегію отмѣнили (въ ея управленіи обнаружилось немало злоупотребленій, и Вельяминова потребовали къ отчету). Вмѣсто того реформировали генеральный судъ, имѣвшій служить аппелляціонною инстанціею, такъ, что онъ состоялъ поровну изъ членовъ украинскихъ и великороссійскихъ (по три), а при гетманѣ учреждена должность резидента (на эту должность назначенъ помянутый Наумовъ), и гетману вмѣнено въ обязанность совѣщаться съ нимъ въ дѣлахъ управленія.

Установленный въ 1727 г. порядокъ продержался всего нѣсколько лѣтъ. Правительство имп. Анны вернулось къ традиціямъ политики Петра I также и по отношенію къ Украинѣ, хотя въ виду все еще угрожавшей войны съ Турціей не считало своевременнымъ поступать рѣзко. Когда Апостола разбилъ параличъ (1733), правительство не позволило ему передать управленія генеральной старшинѣ, а поручило своему резиденту съ коллегіею, составленною поровну изъ великороссійскихъ и украинскихъ членовъ.

---

[1]) Въ петербургскихъ кругахъ вообще сильно преувеличивали энергію украинской старшины.

Этой же коллегіи, изъ шести членовъ, съ правительственнымъ резидентомъ Шаховскимъ и генеральнымъ обознымъ Лизогубомъ во главѣ, поручило оно управленіе и по смерти Апостола (1734), якобы временно, до выбора гетмана, но въ инструкціи Шаховскому объяснялось, что о выборѣ гетмана упомянуто только во избѣжаніе волненій: его не имѣли въ виду выбирать. Украина снова перешла въ вѣдомство сената, а фактическимъ правителемъ ея сталъ великороссійскій первоприсутствующій малороссійской коллегіи.

Отъ этого направленія правительство отступило еще разъ— благодаря личнымъ симпатіямъ новой императрицы Елисаветы. Ея любимцемъ былъ украинскій козакъ изъ с. Лемешей (Черниговской губ.) Алексѣй Разумовскій, котораго она возвела въ фельдмаршалы, давъ ему титулъ графа Римской имперіи. Онъ внушилъ и императрицѣ свои симпатіи къ Украинѣ, и хотя она вообще слѣдовала традиціямъ своего отца Петра I, но была склонна сдѣлать нѣкоторыя уступки желаніямъ украинской старшины. Когда во время путешествія ея въ Кіевъ въ 1744 г. генеральная старшина и полковники подали ей петиціи о выборѣ гетмана, она благосклонно приняла эту просьбу. Кандидатъ у нея былъ готовъ—младшій братъ Алексѣя Разумовскаго, Кирилло; но онъ тогда былъ еще слишкомъ молодъ (родился въ 1728 г.), только оканчивалъ образованіе, и потому выборъ былъ отложенъ. Въ 1747 г. императрица дала указъ сенату о возстановленіи гетманскаго правленія на тѣхъ основаніяхъ, какъ было оно при Скоропадскомъ, но самый выборъ произведенъ только въ 1750 г. Старшина заявила единодушно, что желаетъ имѣть гетманомъ Кирилла Разумовскаго; для утвержденія онъ ѣздилъ въ Петербургъ и возвратился на Украину въ 1751 г. Учрежденія возстановлены болѣе или менѣе въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали передъ реформою 1722 г. Особою грамотою подчинена была власти гетмана Запорожская Січ, и Украина снова переведена въ вѣдомство иностранной коллегіи. Но Разумовскій, разсорившись съ президентомъ ея, самъ попросилъ потомъ перевести его въ вѣдомство сената, что и было исполнено.

Безъ малаго пятнадцать лѣтъ продолжалось правленіе этого послѣдняго гетмана. Самъ онъ отличался вполнѣ отъ прежнихъ гетмановъ: воспитанный въ средѣ петербургской аристократіи и за границей, женатый на великороссійской аристократкѣ (Нарышкиной), онъ скучалъ въ своей украинской резиденціи и жилъ по возможности въ Петербургѣ. На Украинѣ онъ держалъ себя en grand seigneur и завелъ у себя въ Глуховѣ копію петербургскаго двора въ миніатюрѣ. Краемъ правила украинская старшина, имѣя дѣло только съ центральнымъ правительствомъ. Хлопоты Разумовскому доставляли только Запорожцы: съ сѣвера стѣснила ихъ новая оборонительная линія, выведенная правительствомъ; на польскія и турецкія владѣнія имъ запрещалось нападать, и такъ какъ подчинить этой регламентаціи січевую братію старшинѣ не удавалось, то гетманъ получалъ безъ конца напоминанія изъ Петербурга объ успокоеніи Запорожцевъ.

Этимъ періодомъ сравнительно значительной власти и вліянія украинская старшина воспользовалась не только для своего обогащенія и закрѣпленія своихъ сословныхъ преимуществъ (надъ этимъ она, подъ покровительствомъ русскаго правительства, работала неустанно), но также и для упорядоченія административно-судебной организаціи края. Конкурренція великорусской администраціи и централистическая политика правительства, враждебная старому украинскому строю, до сихъ поръ такому упорядоченію мѣшали очень сильно; достаточно вспомнить, что Полуботокъ за свою— очень раціональную реформу судопроизводства подвергся обвиненію въ самовластіи, и реформа погибла. Между тѣмъ, первоначальное военное устройство Украины, очень примитивное, приноровленное болѣе къ потребностямъ военной мобилизаціи, чѣмъ администраціи, настоятельно требовало дальнѣйшей организаціонной работы и, лишенное ея, давало широкій просторъ самовластію и всякаго рода злоупотребленіямъ, а конкурренція великорусской администраціи производила еще большій сумбуръ, тѣмъ болѣе, что качества этой великорусской администраціи отнюдь не были высоки:

взяточничество и произволъ были въ ней широко распространены.

Въ центральномъ управленіи Гетманщины изъ первоначальной организаціи развилось собственно два вполнѣ опредѣленно сформировавшіяся учрежденія—генеральная или войсковая канцелярія, во главѣ которой стоялъ войсковой писарь, и генеральный судъ—верховный, единоличный судъ генеральнаго судьи. При избраніи Апостола выдѣлены были въ отдѣльное вѣдомство финансы, находившіеся въ прежнія времена въ непосредственномъ распоряженіи гетмана, и для завѣдыванія ими учреждены должности двухъ подскарбіевъ, но должность эта осталась, кажется, титулярною. Кромѣ того генеральная старшина составляла совѣтъ гетмана, имѣвшій участвовать во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ управленія. Войсковая рада съ послѣдней четвертью XVII в. вполнѣ выходитъ изъ употребленія.

Это центральное правленіе было общимъ для всѣхъ—ему подчинялась и козачья администрація, и города; только церковь, духовенство зависѣло непосредственно отъ синода, замѣстившаго московскаго патріарха.

Провинціальнымъ дѣленіемъ остались полки. Гетманщина (лѣвобережная Украина) раздѣлялась на десять полковъ — Стародубскій, Черниговскій, Кіевскій (большая часть его лежала на лѣвой сторонѣ Днѣпра, на правой—Кіевъ съ его окрестностями), Нѣжинскій, Прилуцкій, Переяславскій, Лубенскій, Гадячскій, Миргородскій и Полтавскій. Съ тѣхъ поръ какъ назначеніе полковниковъ перешло къ правительству и оно запретило смѣщать ихъ безъ указу, значеніе и власть полковниковъ чрезвычайно усилились. Ихъ зависимость отъ гетмана стала очень слабою. Хотя существовалъ штатъ полковой старшины, подобный генеральной, но въ управленіи она не принимала участія, и полковникъ правилъ самовластно. Сотниковъ полковники очень часто фактически назначаютъ сами. Города съ магдебургскимъ правомъ хотя подчиняются непосредственно гетману, но также стоятъ въ сильной зависимости отъ полковника, а иногда попадаютъ и въ полное «по-

слушаніе» ему. Козачье населеніе стояло въ полной зависимости отъ него. Крестьяне посполитые, подсусѣдки подчинялись власти и юрисдикціи своихъ помѣщиковъ и державцевъ.

У козаковъ осталось самоуправленіе въ границахъ ихъ сельскихъ «громадъ», во главѣ которыхъ стояли атаманы, подчинявшіеся сотнику. Участіе въ замѣщеніи сотничьей должности, признававшееся за ними, не всегда могло осуществляться, да и въ такомъ случаѣ представляла кандидатовъ полковнику на сотничество собственно «полковая старшина» [1]. Вообще принципъ козацкаго самоуправленія совершенно выродился, вся власть перешла въ руки старшины, и поскольку не ограничивала ее конкурренція великороссійской администраціи и центральное правительство, управленіе имѣло характеръ аристократическій, старшинскій.

Наиболѣе слабую сторону составлялъ судъ. Степеней его было много, но всѣ эти суды были организованы плохо, между ними не было порядка инстанцій, ни границъ компетенцій: минуя суды сельскіе и сотенные, начинали дѣло не только въ полковомъ, но и прямо въ генеральномъ судѣ, или даже у самого гетмана; высшія инстанціи вмѣшивались въ дѣла, которыя велись въ низшихъ; суды козачьи и городскіе (ратушные) конкуррировали (разрѣшалась эта конкурренція, впрочемъ, часто тѣмъ, что эти суды функціонировали совмѣстно). Въ судахъ царилъ произволъ и взяточничество, тѣмъ болѣе, что за неимѣніемъ своего кодекса употреблялись польскія изданія Литовскаго Статута и Магдебургскаго права—малопонятныя и по духу своему совершенно чуждыя мѣстной жизни и отношеніямъ [2].

---

[1] Въ одной инструкціи гетманъ Разумовскій возстановляетъ такой законный порядокъ выбора сотника: сотня выбираетъ двухъ или трехъ кандидатовъ, полковникъ съ полковою старшиною предлагаетъ ихъ со своими замѣчаніями гетману для утвержденія одного изъ нихъ. Но изъ нея же видно, что выборъ кандидатовъ въ такомъ случаѣ производила собственно «сотенная старшина».

[2] При возстановленіи гетманства въ 1727 г. центральное правительство поручило гетману составить сводъ дѣйствующаго въ Гетманщинѣ права (1728). Сводъ этотъ былъ дѣйствительно составленъ

Послѣ неосуществившейся реформы Полуботка украинское судоустройство было реформировано по возстановленіи гетманства при Апостолѣ. Генеральный судъ получилъ коллегіальный характеръ, его предсѣдателемъ сталъ гетманъ. Въ томъ же духѣ коллегіальности реформированы были инструкціею Апостола 1730 г. суды полковые, сотенные и сельскіе, установленъ былъ порядокъ апелляціи сотенныхъ судовъ въ полковые, изъ полковыхъ въ генеральный, который становился инстанціею исключительно апелляціонною; сдѣланы были указанія также для разграниченія компетенціи судовъ войсковыхъ и ратушныхъ и для упорядоченія судопроизводства вообще [1]). Эта инструкція дѣйствительно сдѣлала шагъ впередъ въ упорядоченіи судопроизводства. Дальнѣйшею реформою его занялась старшина при Разумовскомъ. Иниціатива принадлежала одному изъ образованнѣйшихъ украинскихъ юристовъ Фед. Чуйкевичу, который въ своемъ разсужденіи «Судъ и расправа въ правахъ малороссійскихъ» (1750 г.), посвященномъ Разумовскому, указалъ на недостатки украинскаго судоустройства и предложилъ проектъ его реформы. Образцомъ для него, впрочемъ, послужило польское судоустройство, и въ этомъ духѣ въ послѣдніе годы правленія Разумовскаго была произведена реформа: генеральный судъ былъ дополненъ выборными депутатами полковъ, введены были суды подкоморскіе и земскіе, для тяжбъ поземельныхъ и дѣлъ гражданскихъ, съ выборнымъ шляхетскимъ персоналомъ; суды

коммиссіею украинскихъ юристовъ изъ Литовскаго Статута и изъ Магдебургскаго права въ польскихъ обработкахъ; работа закончена въ 1743 г. Но сводъ этотъ не получилъ утвержденія, и былъ изданъ уже въ 1879 г. въ Кіевѣ проф. Кистяковскимъ («Права, по которымъ судится малороссійскій народъ»). Независимо отъ этого Лит. Статутъ и Магдебургское право и позже сохранили свое значеніе въ судахъ, по старой, или вѣрнѣе сказать—возобновленной традиціи. Ни въ чемъ, можетъ быть, не обнаружился такъ ярко крахъ предпринятой украинскимъ народомъ соціальной революціи XVII в., какъ въ этомъ возвращеніи къ жизни сословныхъ кодексовъ польскаго режима.

[1]) Инструкція 1730 г. издана въ «Кіевской Старинѣ» 1887, кн. 1.

полковые переименованы въ городскіе; Украина раздѣлена на 20 повѣтовъ.

Эта реформа, дѣлавшая послѣдній шагъ къ возвращенію дореволюціоннаго строя, была, конечно, логическимъ послѣдствіемъ примѣненія дореволюціонныхъ юридическихъ кодексовъ (Литовскаго Статута прежде всего). Но она была недолговѣчна—дни гетманства были сочтены, а въ программѣ центральнаго правительства стояла на очереди полная отмѣна стараго строя Гетманщины.

Имп. Екатериною она была рѣшена уже съ первыхъ шаговъ ея правленія. Въ своей инструкціи оберъ-прокурору, представляя программу своей правительственной политики, она высказываетъ рѣшеніе привести къ «обрусѣнію» провинціи, имѣющія свои мѣстные законы—Украину, Лифляндію и Финляндію, а относительно Украины спеціально—принять мѣры къ тому, «чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бъ персона какая была произведена въ оное достоинство».

Но К. Разумовскій былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ ея партизановъ, она была многимъ ему обязана передъ своимъ воцареніемъ, и едва ли бы подняла на него руку, если бы случай не далъ къ тому повода. Въ концѣ 1763 г. ей донесено было изъ Кіева, что среди старшины собираются подписи на петицію объ учрежденіи наслѣдственнаго гетманства въ родѣ Разумовскаго; просьба мотивировалась испытанною вѣрностью этого рода и примѣромъ Хмельницкаго, при жизни котораго былъ выбранъ гетманомъ его сынъ. Разумовскій если не былъ иниціаторомъ этой петиціи, то во всякомъ случаѣ принималъ въ ней участіе—склонялъ старшину къ подписямъ. Генеральная старшина, предчувствуя опасность, петиціи не подписала, а только полковники; вслѣдствіе этого петиція подана не была. Но Екатеринѣ она дала поводъ покончить съ Разумовскимъ. Къ тому подоспѣлъ еще меморіалъ бывшаго воспитателя Разумовскаго и его довѣреннаго—factotum'а Г. Теплова «О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ

Малороссіи»; здѣсь былъ собранъ богатый, хотя и не всегда вѣрный матеріалъ о грѣхахъ старшинскаго управленія. Императрица предложила Разумовскому отречься отъ гетманства. Тотъ не имѣлъ къ этому желанія и медлилъ; въ концѣ концовъ онъ уступилъ: подалъ прошеніе объ увольненіи отъ «столь тяжелой и опасной должности» и взамѣнъ просилъ милости къ своей «многолюдной фамиліи». Просьба эта была немедленно исполнена: 10/XI 1764 опубликованъ манифестъ «малороссійскому народу», извѣщавшій объ увольненіи Разумовскаго отъ гетманскихъ обязанностей, а вмѣсто того, временно, «пока время и опытъ дастъ намъ о его (малороссійскаго народа) благѣ лучшій учинить промыселъ», учреждавшій правленіе малороссійской коллегіи. Разумовскому пожалована пенсія въ 60 тыс. рублей и огромныя имѣнія на Украинѣ: Гадячскій ключъ, со временъ Хмельницкаго предназначенный на содержаніе гетмана, и Быковская волость, пожалованная на гетманское содержаніе при Скоропадскомъ.

Малороссійская коллегія, которой передавалось управленіе, составлена была изъ четырехъ членовъ украинскихъ и четырехъ великороссійскихъ, съ предсѣдателемъ и прокуроромъ изъ Великороссіянъ же, причемъ велѣно было великороссійскимъ и малороссійскимъ членамъ сидѣть на засѣданіяхъ вперемежку, по старшинству, а не такъ, какъ было прежде—что Великороссіяне сидѣли по правую, а Малороссіяне по лѣвую сторону стола, «что утверждало въ Малороссіянахъ развратное мнѣніе, по коему поставляютъ себя народомъ отъ здѣшняго совсѣмъ отличнымъ».

Малороссійская коллегія учреждалась, впрочемъ, больше для формы; настоящимъ правителемъ Украины собственно имѣлъ быть ея предсѣдатель—гр. Петръ Румянцевъ, талантливый генералъ, обнаружившій и недюжинныя административныя способности въ осуществленіи программы Екатерины по отношенію Украины.

Въ инструкціи, данной ему императрицею, обращалось вниманіе на то, что имперія доселѣ не получала доходовъ съ

этой провинціи—ему поручалось произвести ревизію и перепись Украины; указывались недостатки управленія и общественныхъ отношеній—особенно свобода перехода крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику казалась нестерпимою, и Румянцеву поручалось ее прекратить; надзору правителя поручалось духовенство, но особенное вниманіе обращалось на «внутреннюю ненависть» Украины, особенно старшины противъ великороссійскаго народа; чтобы отнять почву для противодѣйствія, императрица рекомендовала Румянцеву тщательно слѣдить за настроеніемъ старшины и снискивать расположеніе народныхъ массъ, такъ чтобы онѣ чувствовали себя централистическими мѣрами правительства «избавленными отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тиранновъ», т. е. старшины и помѣщиковъ.

Народнымъ массамъ эта реформа однако никакого облегченія не принесла. Румянцевъ, получивъ большія имѣнія на Украинѣ, самъ вошелъ въ кругъ общественныхъ и экономическихъ интересовъ старшины; произведенная имъ «генеральная опись Малороссіи» (весьма важный памятникъ для изученія края) до нѣкоторой степени остановила дальнѣйшее расхищеніе ранговыхъ земель и закрѣпощеніе козаковъ, но съ другой стороны утвердила за старшиною ея пріобрѣтенія—въ земляхъ и людяхъ. Нѣкоторыя мѣры правительства, какъ прекращеніе свободныхъ переходовъ, признаніе дворянскихъ правъ за старшиною—прямо укрѣпляли крѣпостное право на Украинѣ, и вообще непосредственное вліяніе великороссійскаго законодательства и практики, воспитанной на крѣпостномъ правѣ, отнюдь не улучшило, а ухудшило положеніе народныхъ массъ на Украинѣ.

Большое усердіе показывалъ Румянцевъ въ преслѣдованіи украинскаго «сепаратизма». Большія хлопоты доставилъ ему 1767 годъ, когда украинскія сословія были призваны, вмѣстѣ съ прочими провинціями имперіи, выбрать своихъ депутатовъ въ такъ называемую Коммиссію уложенія, и снабдить ихъ инструкціей, «наказомъ», гдѣ должны были изложить свои нужды и желанія. При этомъ въ украинскомъ обществѣ съ

неожиданною силою и единодушіемъ проявились стремленія къ возстановленію украинской автономіи. Не только въ инструкціяхъ старшины, но и мѣщанъ и козаковъ, почти безъ исключенія, высказывались весьма опредѣленно желанія, чтобы Украина была возстановлена въ своихъ старыхъ правахъ—по статьямъ Богдана Хмельницкаго, чтобы былъ возстановленъ выборъ гетмановъ и т. п. На пунктѣ возстановленія украинской автономіи сошлись желанія всѣхъ сословій; даже маленькія захолустныя мѣстечки во главу тѣхъ мѣръ, которыя бы могли привести ихъ къ процвѣтанію, ставили возстановленіе условій, на которыхъ «гетманъ Б. Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ приступилъ подъ державу всероссійскую». Украинское духовенство также желало возстановленія старыхъ порядковъ, и т. д. Напрасно Румянцевъ старался вліять на выборъ депутатовъ и составленіе наказовъ, подвергалъ цензурѣ, кассировалъ и конфисковалъ инструкціи; даже немногія лица изъ старшины, которыя старались вліять въ духѣ Румянцева, встрѣтились съ всеобщимъ осужденіемъ и негодованіемъ общества [1].

Екатерина вообще отнеслась къ этому проявленію украинскихъ стремленій гораздо спокойнѣе Румянцева. Въ отвѣтъ на его жалобы на украинское «коварство и своевольство», «фальшивыя и имъ несвойственныя республиканскія мысли», она не придавала особаго значенія этимъ «умоначертаніямъ прежнихъ временъ». Она надѣялась, что «желанія къ

[1]) Наиболѣе рѣзкій случай извѣстенъ въ Нѣжинскомъ полку, Нѣжинское «шляхетство» избрало депутатомъ нѣкоего Селецкаго, но этотъ депутатъ (одинъ изъ немногихъ «резонабельныхъ») не согласился принять инструкціи, написанной въ духѣ автономіи (ходатайствовавшей о возстановленіи гетманства и т. п.); тогда шляхество выбрало другого депутата. Румянцевъ нарядилъ военный судъ надъ принимавшими участіе въ составленіи наказа и отрѣшеніи Селецкаго, и этотъ судъ, не болѣе и не менѣе, приговорилъ 33-хъ къ смертной казни. Этотъ драконовскій приговоръ впрочемъ былъ смягченъ—смертная казнь была замѣнена 8-мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

чинамъ, а особливо къ жалованію» побѣдятъ эти стремленія къ самоуправленію, къ особности, и не ошиблась: дезидераты 1767 г. остались преходящимъ явленіемъ и, встрѣтившись съ непреклоннымъ рѣшеніемъ правительства—покончить съ украинскими старыми порядками, украинская старшина удовольствовалась сословными правами и выгодами и помирилась съ утратою автономіи

Шагъ за шагомъ правительство разрушало старый строй украинскихъ земель. Въ 1764 г., одновременно съ уничтоженіемъ гетманства, организованы губерніи—Слободская, изъ слободскихъ украинскихъ полковъ (т. е. находившихся внѣ границъ Гетманщины, на московской территоріи; какъ мы уже знаемъ, они составились изъ украинскихъ эмигрантовъ, главнымъ образомъ XVII в.), и Новороссійская, основаніе которой составили городки и поселенія укрѣпленныхъ пограничныхъ линій, но сюда же включены были также и значительныя пространства запорожскихъ земель. Участь Запорожья была предрѣшена. Несмотря на то, что его кошевой Петръ Калнышевскій, талантливый администраторъ, тщательно старался удерживать Січовиковъ отъ всякихъ конфликтовъ съ правительственною политикою, колонизировалъ запорожскія земли и содѣйствовалъ переходу Січи къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ, правительство, раздражаемое участіемъ Запорожцевъ въ правобережныхъ движеніяхъ (см. ниже) и вообще видя въ немъ препятствія для своихъ плановъ [1]), рѣшило задавить его вооруженною рукою. Въ 1775 г. разосланы были военные отряды, которые должны были разоружить, заставъ врасплохъ, Запорожцевъ, находившихся на промыслахъ, а ген. Текели, съ значительными силами обступивъ Січ, объявилъ Запорожцамъ объ уничтоженіи Січи (5/VI 1775 г.). Послѣ нѣкотораго колебанія взяли верхъ сторонники покорности, съ кошевымъ Калнышевскимъ во главѣ; Січъ покорилась и была уничтожена. Запорожцы зачислены частію въ козаки, частію въ крестьяне. Калнышевскаго и нѣкоторыхъ другихъ

[1]) Перечень неудобствъ, происходящихъ, отъ Запорожцевъ, см. въ безыменной запискѣ, Кіев. Старина 1889, XII.

старшинъ сослали (Калнышевскій — человѣкъ, достойный всякого уваженія и ничѣмъ не провинившійся передъ правительствомъ, прожилъ въ одиночномъ заключеніи, въ ужасающей обстановкѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ до 1801 г., и здѣсь же умеръ). Значительная часть Запорожцевъ ушла въ Турцію и заложила Січ на устьяхъ Дуная, но большинство ихъ заявило желаніе вернуться и было въ 1792 г. поселено на Кубани, положивъ начало кубанскому козачеству.

Къ 1780-мъ годамъ правительство считало Гетманщину уже достаточно приготовленною къ окончательному преобразованію по великорусскому образцу и приступило къ послѣднимъ реформамъ. Въ концѣ 1781 г. объявлено введеніе въ Гетманщинѣ губернскихъ учрежденій. Самая реформа произведена была въ 1782 г.; малороссійская коллегія и козацкое правленіе отмѣнено; Гетманщина раздѣлена на три намѣстничества—Кіевское, Черниговское и Новгородсѣверское; введены губернскія учрежденія. Въ 1783 г. украинскіе козачьи полки преобразованы въ регулярные, имперскаго типа. Въ 1785 г., съ дарованіемъ жалованной грамоты дворянству, введены дворянскія учрежденія и въ Гетманщинѣ, и козацкіе чины переименованы въ ранги имперіи.

Эта нивелляція не вызвала протеста. Недовольные были, и въ болѣе смѣлыхъ головахъ бродили мысли о борьбѣ съ правительствомъ [1]), но онѣ ничѣмъ серьезнымъ себя не обнаружили. Большинство же было озабочено тѣмъ, чтобы про-

---

[1]) Въ 1791 г. въ Берлинъ явился одинъ изъ выдающихся представителей украинской интеллигенціи Капнистъ и, получивъ аудіенцію у министра Герцберга, заявилъ ему, что присланъ своими земляками, доведенными до отчаянія «тиранніей русскаго правительства и кн. Потемкина»: они спрашиваютъ, могутъ ли расчитывать на протекцію Пруссіи на случай ихъ возстанія, если они попытаются сбросить съ себя «русское ярмо». Герцбергъ далъ на это уклончивый отвѣтъ и посовѣтовалъ своему государю не входить въ сношенія съ украинскимъ эмиссаромъ. Капнистъ въ виду этого скоро уѣхалъ, ничего не достигнувъ. См. Zródla do dziejów rozbioru Polski, I (1902) с. 375.

тиснуться въ верхнія, привиллегированныя сферы той организаціи, въ которую ввели Гетманщину эти реформы.

Правленіе преемника Екатерины имп. Павла, въ связи съ общею реакціею направленію предшествующаго царствованія, имѣло въ виду возстановить старую организацію въ аннектированныхъ провинціяхъ. По отношенію къ Украинѣ правительство возвратилось также къ козацкому управленію (это объясняли также вліяніемъ одного изъ довѣреннѣйшихъ министровъ императора—Безбородька, Украинца). Но эта реакція была очень коротка—со смертію имп. Павла (1801) все вернулось къ Екатерининскимъ порядкамъ. По ироніи судьбы, наиболѣе прочнымъ наслѣдіемъ стараго строя оказалось статутовое право: гражданское право Литовскаго Статута осталось въ силѣ и послѣ реформы и въ нѣкоторомъ объемѣ сохранилось и до настоящаго времени.

Для времени Мазепы: Костомарова—Мазепа и Мазепинцы, Уманца—Гетманъ Мазепа, 1897, и замѣчанія Лазаревскаго въ Кіев. Старинѣ 1898. Для послѣдующаго времени нѣтъ такихъ цѣльныхъ работъ. Старая Исторія Малой Россіи Бантыша-Каменскаго, доведенная до 1764 г. (т. IV), совсѣмъ устарѣла. Отношенія русскаго правительства къ Украинѣ эпизодически изложены въ Исторіи Россіи Соловьева (до 1767 г.). Много замѣтокъ въ журналѣ Кіевская Старина. Болѣе крупныя статьи: о Полуботкѣ—Костомарова (Монографіи, т. XIV), Лазаревскаго (Русскій Архивъ 1880) и Шульгина (Кіев. Старина, 1890 XII); объ отношеніяхъ 1730-хъ гг. Джиджоры въ Запискахъ Н. тов. ім. Шевченка т. LXI; о Разумовскомъ—Васильчикова—Семейство Разумовскихъ; о Румянцевѣ, какъ правителѣ Украины—Лазаревскаго въ К. Старинѣ 1896, XII; о наказахъ 1767 г. статья Теличенка—Сословныя нужды и желанія Малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи, тамъ же 1890—1; о Запорожьѣ — Надхина (Чтенія московскія, 1876, III), о Калнышевскомъ—Ефименка (Рус. Старина, 1875, XII). По исторіи устройства—Лазаревскаго Описаніе старой Малороссіи, I—III, его же—Сотники (Русскій Архивъ, 1873), Д. Миллера—Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII в., 1896, Лазаревскаго—Суды въ старой Малороссіи, Кіев. Стар. 1898, VII. За недостаткомъ новыхъ изслѣдованій полезнымъ можетъ быть и старое «Описаніе Черниговскаго намѣстничества» А. Шафонскаго.

XXI.

Еще несравненно скорѣе, чѣмъ въ лѣвобережной Украинѣ, исчезли слѣды народнаго движенія на правомъ берегу Днѣпра.

Уже во время «руины» 1660—70-хъ гг. (такъ она называется въ народной традиціи) козачество и вообще населеніе въ правобережной Украинѣ очень уменьшилось численно и ослабѣло. Съ капитуляціей Дорошенка и переходомъ остатковъ козаковъ и населенія изъ Приднѣпровья на лѣвый берегъ,— законченнымъ Самойловичевскимъ «згономъ» 1679 г., козачество прекратило свое существованіе въ правобережной Украинѣ (за исключеніемъ Кіева съ его округомъ, принадлежавшимъ къ лѣвобережной Гетманщинѣ). Но ненадолго.

Старанія Москвы — оставить правобережное Приднѣпровье въ положеніи незаселенной пустыни, не увѣнчались успѣхомъ: Турція не согласилась на это требованіе при ратификаціи трактата 1681 г., а хотя при заключеніи «вѣчнаго мира» 1686 г. съ Польшею[1]) московское правительство выговаривало, что впредь до рѣшенія вопроса о приднѣпровской полосѣ она должна остаться незаселенною, но польское правительство вовсе не смотрѣло серьезно на это условіе.

Турки вслѣдъ за трактатомъ 1681 г. сдѣлали было попытку возобновить гетманство и колонизацію Приднѣпровья, но эта проба имѣла очень эфемерное значеніе, хотя зазывы на сло-

---

[1]) По этому миру польское правительство окончательно отказалось отъ Кіева съ его округомъ (Москва зато еще разъ выплатила ему денежную сумму—146 т. руб.) и отъ власти надъ Запорожьемъ. Самойловичъ, который поставилъ это требованіе относительно Запорожья, домогался, чтобы Польша уступила подъ московскую протекцію также земли между Кіевомъ и Чигриномъ, и московскіе уполномоченные поставили это требованіе, но Поляки не согласились, и было рѣшено оставить этотъ край незаселеннымъ впредь до новаго рѣшенія. Такого рѣшенія не состоялось и позже.

боды привлекали значительное количество поселенцевъ изъ лѣвобережной Украины: правобережные эмигранты, не найдя въ лѣвобережной Украинѣ свободныхъ земель, встрѣчаясь съ притязаніями зарождавшагося помѣщичьяго класса и крѣпостного права, въ большомъ числѣ уходили назадъ на правый берегъ; шли и старые поселенцы [1]). Польское правительство, перешедшее уже передъ тѣмъ въ наступательную борьбу противъ турецкой оккупаціи, разрушило турецкія попытки козачьей организаціи, и онѣ тогда же, въ 80-хъ гг., кончились. Больше значенія имѣли попытки возобновленія козачества со стороны Польши.

Такія попытки польское правительство начало дѣлать съ самаго возобновленія борьбы съ Турціей, послѣ Бучацкаго трактата, цѣня въ козакахъ незамѣнимый военный элементъ, особенно въ борьбѣ съ Турками и Татарами. Въ извѣстномъ походѣ Собѣскаго для освобожденія Вѣны 1683 г. навербованные козацкіе отряды сыграли очень выдающуюся роль. Отъ вербованья такихъ козацкихъ полковъ Собѣскій перешелъ къ возобновленію осѣдлаго козачества. Его стараніями сеймъ 1685 г. издалъ конституцію, возстановлявшую козачество и обѣщавшую ему возвращеніе давнихъ вольностей. Собѣскій указалъ для этого новаго козачества земли на югъ отъ р. Роси; онъ разослалъ универсалы, обѣщавшіе всякія льготы поселенцамъ, выслалъ агентовъ въ Запорожье.

Этотъ призывъ Собѣскаго нашелъ живой откликъ. Появились люди съ организаціонными талантами, которые дѣйствительно начали успѣшно возстановлять колонизацію запустѣвшаго Приднѣпровья и Побожья, привлекая въ большомъ числѣ поселенцевъ и изъ украинскихъ земель, находившихся подъ властью Польши, и изъ-за Днѣпра. Таковы были полковники (какъ они себя титуловали)—Зах. Искра въ Корсунѣ, Самусь Ивановичъ въ Богуславѣ, Аба-

---

[1]) Это предвидѣлъ Самойловичъ, и поэтому при заключеніи трактата съ Турціей горячо возражалъ противъ требованія Турціи, чтобы лѣвобережному населенію не ставились припятствія для перехода за Днѣпръ.

зинъ на Побожьѣ, и особенно Семенъ Палій, наиболѣе популярный изъ нихъ, расположившійся на сѣверъ отъ Роси въ мѣстечкѣ Фастовѣ. Опустѣлыя пространства заселялись быстро. Изъ лѣвобережной Украины, особенно изъ сосѣднихъ полковъ: Гадяцкаго, Миргородскаго, Лубенскаго, посполитые массами шли, несмотря на разставленныя надъ Днѣпромъ заставы. «У всѣхъ одна мысль—итти за Днѣпръ», доносили въ Москву. Это была реакція противъ панскихъ порядковъ Гетманщины, противъ политики старшины, и она очень заботила послѣднюю. Палій рисовался въ представленіи народныхъ массъ идеальнымъ козакомъ, сверхъестественнымъ героемъ, носителемъ народныхъ идеаловъ справедливаго устройства общества, и противоставлялся съ этой точки зрѣнія «Поляку»—Мазепѣ [1]), такъ что послѣдній считалъ его небезопаснымъ соперникомъ.

Быстрое возрастаніе колонизаціи въ правобережномъ Поднѣпровьи давало значительныя силы полковникамъ этого возрожденнаго правобережнаго козачества. Они оказывали цѣнныя услуги польскому правительству въ борьбѣ съ Татарами, и оно склонно было относиться къ нимъ снисходительно и мимо ушей пропускало жалобы шляхты сосѣднихъ земель, терпѣвшей отъ нападеній этой возрожденной козачины, «козаченья» ихъ подданныхъ и побѣговъ крестьянъ. Но конфликтъ былъ неизбѣженъ. Вся эта возрожденная козачина и колонизація проникнута была величайшимъ нерасположеніемъ къ Польшѣ и шляхтѣ, и вожди ея раздѣляли это нерасположеніе. Уже въ 1688 г. Палій обращается къ гетману Мазепѣ съ просьбою взять на себя посредничество въ переговорахъ съ московскимъ правительствомъ, чтобы оно приняло подъ свою протекцію его Фастовщину. Но московское правительство тогда было уже въ союзѣ съ Польшею и не хотѣло портить отношеній: оно предложило Палію перейти со своими козаками на Запорожье и оттуда на лѣвый берегъ, если хочетъ находиться подъ московскою протекціею. Такого проекта

[1]) Онъ остался излюбленнымъ героемъ народныхъ пѣсенъ и разсказовъ; вѣроломная поимка его Мазепою (см. ниже) одѣлась легендарными и сказочными подробностями.

Палій принять, конечно, не могъ: ему хотѣлось сохранить территорію.

Сношенія Палія однако стали извѣстны Полякамъ; онъ былъ арестованъ, но бѣжалъ. Послѣ этого онъ переходитъ уже къ болѣе открытымъ дѣйствіямъ противъ Польши, хотя до времени избѣгаетъ рѣзкихъ конфликтовъ. Онъ повторяетъ старую козацкую тактику—старается расширить возможно больше территорію козацкихъ поселеній на счетъ сосѣдней помѣщичьей колонизаціи; крестьяне «козачатся», прогоняютъ помѣщиковъ и начинаютъ поговаривать о томъ, что «Ляховъ нужно прогнать за Вислу, чтобы и ноги ихъ не осталось». Польское правительство пробовало обуздать Палія, посылало противъ него отряды—особенно съ тѣхъ поръ,какъ ненужною стала борьба съ Татарами, послѣ мира съ Турками (окончательно закончилъ войну трактатъ 1699 г., заключенный въ Карловицахъ — тогда Подолье отошло къ Польшѣ обратно). Сеймъ рѣшилъ упразднить съ 1700 г. козацкое войско. Это было вызовомъ — и козаки переходятъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Обстоятельства имъ благопріятствовали—польское войско было занято войною со Шведами. Палію удалось взять важную крѣпость—Бѣлую Церковь, опору польской власти на Украинѣ въ то время, и онъ перенесъ сюда свою резиденцію. Самусь взялъ другую важную позицію—Немировъ. Возстаніе распространилось на Подолье. Но здѣсь, на югѣ козацкая колонизація была довольно слаба, и, когда въ 1703 г. двинулось на Подолье польское войско подъ начальствомъ польнаго гетмана Сенявскаго, ему безъ труда удалось разсѣять слабые отряды Абазина и Самуся. Абазинъ былъ казненъ, Немировъ взятъ, Подолье залито кровью возставшихъ. На Кіевщину, на Палія Сенявскій напасть не отважился, удовольствовавшись дешевыми лаврами подольской кампаніи.

Но на Палія пришла бѣда оттуда, откуда онъ менѣе всего могъ ея ожидать. Онъ продолжалъ, съ прочими полковниками, просить русское правительство о принятіи его подъ свою протекцію, и Мазепа поддерживалъ его просьбу, желая при-

соединить подъ свой региментъ правобережныя земли. Но русское правительство отказывало, а съ тѣхъ поръ, какъ Польша стала его союзникомъ противъ Шведовъ, совѣтовало Палію покорность по отношенію Польши, и наконецъ, уступая просьбамъ Поляковъ объ усмиреніи Палія, обѣщало имъ, въ 1704 г., привести его къ покорности. Тогда Мазепа, не желая упускать правобережную Украину изъ своихъ рукъ, а съ другой стороны—опасаясь Палія, какъ небезопаснаго демагога, далъ дѣлу совсѣмъ неожиданный оборотъ. Онъ находился тогда за Днѣпромъ, въ походѣ противъ шведскихъ партизановъ въ Польшѣ; пригласивъ къ себѣ въ лагерь Палія, онъ распорядился его арестовать, а полковникомъ въ Бѣлую Церковь, на мѣсто Палія, послалъ своего родственника Омельченка. Паліевы козаки (которыхъ большая часть, впрочемъ, была въ войскѣ Мазепы въ моментъ этого неожиданнаго удара) хотѣли сопротивляться, но бѣлоцерковскіе мѣщане, не ожидая себѣ отъ этого сопротивленія ничего хорошаго, сдали городъ, и Омельченко сталъ править Фастовщиною. Палія Мазепа обвинилъ передъ Петромъ (совершенно неосновательно) въ связяхъ съ шведскими сторонниками; онъ былъ сосланъ въ Сибирь (въ Тобольскъ) и возвращенъ оттуда только послѣ перехода Мазепы на сторону Швеціи (роли послѣ этого онъ не игралъ уже никакой).

Хотя Мазепа поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно несогласно съ намѣреніями Петра [1]), но, благодаря тогдашнимъ смутамъ въ Польшѣ, его поступокъ не вызвалъ неудовольствія въ Петрѣ. На требованіе польскаго правительства, чтобы правобережное Поднѣпровье было передано ему, Петръ отвѣтилъ, что это было бы несвоевременно, въ виду существованія сильной шведской партіи среди польскихъ магнатовъ. Козачина не только сохранила свою территорію, но и расширила ее: не только кіевскіе и браславскіе полки перешли подъ региментъ Мазепы, но и Поднѣстровье окозачилось и примкнуло къ

---

[1]) Это былъ первый случай, гдѣ онъ позволилъ себѣ разойтись съ планами правительства.

нимъ: мы видимъ здѣсь полки—Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Богуславскій, Чигиринскій, Браславскій и Могилевскій, хотя и съ слабымъ населеніемъ и очень небольшими козачьими контингентами. Мазепа очень дорожилъ этимъ пріобрѣтеніемъ, и когда Петръ на конференціи съ польскими магнатами въ Жолквѣ, въ 1707 г., далъ обѣщаніе немедленно вернуть правобережныя земли Польшѣ и велѣлъ Мазепѣ передать Бѣлую Церковь польскимъ войскамъ, Мазепа подъ разными предлогами не исполнилъ этого распоряженія и удержалъ ихъ подъ своею властью до конца.

Послѣ выбора Скоропадскаго правобережные полки, какъ я упоминалъ, признали его гетманомъ. Но Скоропадскій не обладалъ нужною энергіею, чтобы отстоять эту правобережную Украину, какъ отстаивалъ Мазепа. Въ 1711 г., послѣ своего неудачнаго Прутскаго похода, Петръ отказался отъ правобережной Украины. Турція предназначала ее для независимой Украины Орлика, но, какъ мы знаемъ—не поддержала его энергически и дала завладѣть ею Польшѣ, непосредственно заявившей на нее свои притязанія. Но отказываясь отъ правобережныхъ полковъ въ пользу Польши, Петръ возвратился къ старому плану: опустошить ихъ и перегнать населеніе въ лѣвобережную Украину. Объ этомъ было объявлено населенію еще осенью 1711 г. и затѣмъ, въ продолженіе 1711—4 гг. воинскія команды выселяли и переводили за Днѣпръ населеніе правобережныхъ полковъ. По окончаніи выселенія, въ 1714 г. сдана была Полякамъ Бѣлая Церковь, и Поляки вступили окончательно во владѣніе правобережнымъ Поднѣпровьемъ.

Козачество было уничтожено окончательно. Имя впрочемъ осталось: козаками назывались вооруженные отряды, содержавшіеся каждымъ магнатомъ, вообще каждымъ значительнымъ помѣщикомъ для надобности «двора». Такіе отряды «дворовыхъ козаковъ», рекрутировавшіеся изъ мѣстнаго населенія, вооруженные и одѣтые по козацки, появляются уже въ концѣ XVI в. и существуютъ до конца XVIII. Планы настоящаго козачества, козацкой организаціи всплывали, какъ увидимъ,

во время народныхъ движеній XVIII — XIX в., но осуществить ихъ не удавалось.

Потомки и наслѣдники шляхтичей-землевладѣльцевъ могли безпрепятственно вернуться въ свои имѣнія и заняться возстановленіемъ разрушеннаго хозяйства. Кіевскія, браславскія, подольскія земли покрылись «слободами», куда обѣщаніемъ долголѣтней свободы отъ повинностей и всякими льготами спеціальные агенты зазывали крестьянъ изъ населенныхъ мѣстностей, а такъ наз. «выкотцы» сманивали и вывозили этотъ рабочій инвентарь въ новооснованныя имѣнія. Массы народа двинулись снова—главнымъ образомъ изъ Полѣсья и Западной Украины, и очень быстро—уже во второй четверти XVIII в. правобережныя земли имѣли уже очень значительное населеніе; возобновилось помѣщичье хозяйство, а съ истеченіемъ льготныхъ сроковъ вошли въ силу помѣщичьи порядки, панщина и т. п. (впрочемъ въ виду тѣхъ смутъ, о которыхъ я буду говорить ниже, и вообще непрочности здѣшнихъ отношеній, помѣщичья власть и эксплоатація крестьянскаго труда здѣсь все таки были значительно слабѣе, чѣмъ въ Западной Украинѣ [1]), и только по переходѣ этихъ земель подъ власть Россіи достигли силы и такого, какъ тамъ, напряженія).

Это возобновленіе шляхетскаго господства не обошлось безъ своеобразнаго народнаго протеста, выразившагося въ народныхъ движеніяхъ, получившихъ общее названіе «гайдамачины». Этимъ именемъ называли съ начала XVIII в. разбойничьи ватаги, рекрутировавшіяся преимущественно изъ крестьянъ. Онѣ не переводились въ украинскихъ земляхъ—подъ именемъ дейнекъ, левенцовъ, опрышковъ, также козаковъ, а въ правобережномъ Поднѣпровьѣ XVIII в. ихъ обыкновенно на-

---

[1]) Такъ, въ Житомирскомъ повѣтѣ, т. е. мѣстности, сравнительно удаленной отъ границы и театра движеній, еще въ третьей четверти XVIII в. панщина часто ограничивается двумя днями въ недѣлю съ хозяйства, при небольшихъ сравнительно денежныхъ и натуральныхъ даняхъ. Объ этомъ статья В. Антоновича въ ч. VI т. II Архива юго-зап. Россіи (въ украинскомъ переводѣ издана въ XXII т. Руской історичной бібліотеки).

зываютъ гайдамаками [1]). Подобно южнославянскимъ гайдукамъ, ускокамъ, они выражали, послѣ исчезновенія козачества, народную оппозицію ненавистному общественному строю и потому находили широкое сочувствіе въ народныхъ массахъ. Съ 1730-хъ гг., когда Січ, перейдя изъ татарскихъ владѣній на старыя мѣста, придвинулась къ границамъ правобережной Украины, въ ней эти гайдамацкія ватаги находятъ сильную опору—отсюда онѣ выходятъ и сюда укрываются, и въ нихъ берутъ въ большемъ числѣ участіе Запорожцы. Вступая въ правобережныя земли, эти гайдамацкіе отряды находили здѣсь широкое сочувствіе и пособничество; къ нимъ присоединялись не только разные авантюристы изъ разнаго рода бездомныхъ людей всѣхъ сословій, но и массы крестьянъ. Жажда добычи и приключеній смѣшивались съ мотивами національной и соціальной борьбы и мести. Изъ такихъ національно-религіозныхъ мотивовъ бывали дѣятельными пособниками гайдамакамъ кіевскіе мѣщане и монахи кіевскихъ и иныхъ православныхъ монастырей. Благодаря слабости администраціи и отсутствію войскъ, эти гайдамацкія движенія стали хроническимъ явленіемъ во второй и третьей четверти XVIII в. и временами проявляли очень большую силу, обнимая большія территоріи, приводя въ движеніе большія массы крестьянскаго населенія, и вообще служили сильнымъ препятствіемъ къ развитію шляхетскаго хозяйства и крѣпостническихъ отношеній.

Въ первый разъ гайдамацкое движеніе приняло широкіе размѣры въ 1734 г. Безкоролевье по смерти кор. Августа II († 1733), сопровождавшееся вооруженною борьбою партій на польской территоріи, съ участіемъ иностранныхъ войскъ (были введены и русскія войска въ правобережную Украину), междуусобныя смуты среди Поляковъ, образованіе въ пользу кандидатуры Стан. Лещинскаго на польскую корону конфедераціи (вооруженной лиги) въ воеводствахъ Кіевскомъ, Подольскомъ, Браславскомъ и Волынскомъ, сопровождавшееся во-

---

[1]) Значеніе названія неясно—производятъ это слово отъ арабско-турецкаго *гада, гайде-мак,* въ значеніи: смутьянить, гнать.

*

оруженными наѣздами шляхты на своихъ противниковъ и полною анархіею—все это весьма благопріятствовало гайдамакамъ. Въ Кіевскомъ, Браславскомъ и Подольскомъ воеводствахъ вспыхнуло крестьянское возстаніе; особенно сильно было оно въ Браславщинѣ. Тутъ нѣкто Верланъ, начальникъ дворовыхъ козаковъ кн. Любомирскаго, ссылаясь на грамоту имп. Анны, будто бы призывающей крестьянъ истреблять Ляховъ и Евреевъ и формироваться въ козацкіе полки,—вызвалъ чрезвычайно сильное и довольно организованное движеніе. Конецъ возстанію положило только прекращеніе безкоролевья, когда русскія войска, въ качествѣ союзниковъ новаго правительства (кор. Августа III), занялись усмиреніемъ возставшихъ. Верланъ и полковники сформированныхъ имъ козацкихъ полковъ ушли въ Молдавію.

Новое напряженіе гайдамацкихъ движеній имѣло мѣсто въ 1750 г. На этотъ разъ оно не имѣло внѣшнихъ благопріятныхъ условій, а было результатомъ прогрессивнаго усиленія гайдамацкихъ ватагъ, послѣ 1734 г. почти непрерывно вторгавшихся въ правобережную Украину, при полномъ отсутствіи обороны. Въ продолженіе почти всего 1750 года Кіевское и Браславское воеводства, на всемъ почти протяженіи— до границъ Полѣсья, были во власти гайдамацкихъ ватагъ и возставшихъ крестьянъ. Цѣлый рядъ городовъ и замковъ, даже болѣе значительныхъ, какъ Умань, Винница, Летичевъ, Фастовъ, Радомысль, были взяты и разграблены ихъ отрядами. Только отсутствіе организаціи въ возстаніи было причиною, что оно само собою отшумѣло и улеглось, не встрѣтивъ никакого серьезнаго отпора ни со стороны правительства, ни со стороны мѣстной шляхты.

Но наиболѣе сильно было движеніе 1768 г.—такъ наз. Коліивщина (отъ слова: колій, колійи, какъ назывались отряды возставшихъ) [1]. Почва для его развитія на этотъ разъ была приготовлена опять внѣшними обстоятельствами. Такъ наз. ра-

---

[1]) Обыкновенно выводятъ отъ слова колоти, колоть—такъ сказать «колотель», избиватель.

домская конфедерація, созданная при участіи Россіи (въ интересахъ диссидентовъ) противъ короля и его партіи, призвала на помощь Россію, которая снова ввела свои войска въ границы Польши, въ правобережныя земли; противъ нея, т. е. противъ диссидентовъ и Россіи, создана была конфедерація въ Барѣ, на Подоліи. Настала полная анархія, особенно дававшая себя чувствовать въ украинскихъ провинціяхъ Польши, и среди этой сумятицы широко разыгралось народное движеніе. Диссидентскій вопросъ, который послужилъ Россіи поводомъ для вмѣшательства въ польскія дѣла, борьба между православнымъ и уніатскимъ духовенствомъ, происходившая въ это время въ Кіевскомъ воеводствѣ и сопровождавшаяся притѣсненіями и истязаніями сопротивлявшихся православныхъ — придали движенію религіозную окраску. Выдающуюся роль въ немъ сыгралъ игуменъ Мотронинскаго монастыря (около Чигрина) Мельхиседекъ Значко-Яворскій, бывшій наблюдателемъ православныхъ приходовъ правобережной Украины: онъ принялъ участіе въ организаціи движенія, во главѣ котораго сталъ запорожецъ Максимъ Зелизнякъ, проживавшій въ качествѣ послушника въ томъ же монастырѣ. Для привлеченія народа, какъ и въ 1734 г., пущенъ былъ слухъ о «золотой грамотѣ» имп. Екатерины, призывавшей къ возстанію. Сохранившіяся копіи этой грамоты подложны, и самое движеніе съ точки зрѣнія политики правительства Екатерины было нежелательно; но это не исключаетъ возможности, что со стороны россійскихъ властей и войскъ дѣйствительно допущены были вещи, которыя содѣйствовали движенію и вселяли убѣжденіе, что ему сочувствуетъ императрица.

Движеніе охватило южную часть Кіевскаго и Браславскаго воеводства; избивали шляхту, Евреевъ, уніатскихъ и католическихъ священниковъ. Кульминаціонною точкою было взятіе Умани, тогда наиболѣе значительнаго города Браславщины; оно произошло благодаря тому, что къ возстанію присоединился Иванъ Гонта, сотникъ (начальникъ) надворныхъ козаковъ владѣтеля Умани Потоцкаго. Тутъ вырѣзали массу шляхты и Евреевъ, укрывшихся сюда, какъ въ наиболѣе безопасный

пунктъ. Наконецъ польское правительство, испуганное этимъ движеніемъ и совершенно безсильное среди анархіи, обратилось къ русскому правительству съ просьбою—подавить движеніе. Екатерина отозвалась на это съ полною готовностью, такъ какъ движеніе это не отвѣчало ея планамъ, а въ добавокъ она хотѣла очистить себя отъ подозрѣній въ изданіи агитаціонной грамоты. Русскія войска обращены были на усмиреніе возстанія, и оно было залито кровью и закончилось массовыми казнями его предводителей и участниковъ: захваченные русскими войсками или укрывшіеся на территорію украинскихъ провинцій имперіи, въ надеждѣ на покровительство русскихъ властей, участники движенія были выдаваемы польскимъ властямъ и подвергались казнямъ, нерѣдко изысканно-мучительнымъ (такъ напр. съ Гонты, по словамъ очевидца-Поляка, живьемъ сдирали кожу). Польская военно-судная коммиссія, засѣдавшая въ Коднѣ (въ Житомирскомъ пов.), оставила страшную память въ населеніи.

Это было послѣднее массовое движеніе. Правда, въ 1785 г. распространились слухи, что на Украинѣ готовится новая «коліївщина» — они навели большой страхъ на шляхту: были учреждены судебныя коммиссіи, арестовавшія и даже казнившія множество людей; но слухи были фальшивые [1]). Польско-русскій терроръ 1768 г. оказалъ очевидное дѣйствіе. Съ переходомъ же правобережной Украины подъ власть Россіи, массовыя народныя движенія не могли уже имѣть мѣста [2]). Въ

[1]) Объ этой фальшивой тревогѣ и безсмысленныхъ преслѣдованіяхъ и казняхъ перепуганной шляхты актовый матеріалъ и статья проф. Антоновича въ новоизданной ч. III т. V Архива Юго-Западной Россіи.

[2]) Впрочемъ, старая козачина напомнила себя еще разъ и подъ властію Россіи, хотя и въ иной формѣ. Когда во время крымской кампаніи, въ 1855 г., русское правительство начало формировать крестьянскія ополченія, манифесты объ этомъ, читанные въ церквяхъ, пробудили въ Кіевской губерніи своеобразное движеніе: крестьяне заявляли свою готовность итти на защиту Россіи и для этого просили записать ихъ въ козаки. Подъ этимъ предлогомъ крестьяне надѣялись, въ качествѣ козаковъ, по старой традиціи осво-

Галиціи австрійское правительство положило конецъ разбоямъ «опрышковъ», которыхъ ватаги гнѣздились въ Карпатскихъ горахъ, разбивали проѣзжихъ купцовъ, шляхту, Евреевъ, и благодаря этому, а также своей смѣлости и разнымъ приключеніямъ, пользовались сочувствіемъ и популярностью у народа (главнымъ героемъ ихъ былъ Олекса Довбушъ, воспѣтый въ пѣсняхъ, опоэтизированный въ преданіяхъ—онъ былъ убитъ въ 1745 г.).

Съ концомъ XVIII в. правобережное Поднѣпровье и западныя украинскія земли вышли изъ-подъ власти Польши. По первому раздѣлу Польши, въ 1772 г., присоединены были къ Австріи воеводство Русское, т. е. земли Львовская, Галицкая, Перемышльская и Саноцкая, и почти все воеводство Белзское, съ сосѣдними частями земли Холмской, Волыни и Подолья. Въ 1793 г., по второму раздѣлу Польши, отошли къ Россіи воеводства Кіевское, Волынское, Подольское и Браславское [1]). Польскаго правленія не стало. Но сословныя отношенія, помѣщичій режимъ, власть и господство шляхты, созданныя польскими порядками, остались въ цѣлости и силѣ. И даже гораздо болѣе: отъ перехода украинскихъ провинцій изъ состава Польскаго королевства, съ его хроническимъ отсутствіемъ полицейской и исполнительной власти, въ

бодиться отъ власти помѣщиковъ и администраціи; прорывались и еще болѣе радикальные планы. Администраціи, которая пробовала доказать неумѣстность этихъ желаній, крестьяне не вѣрили и подозрѣвали, что она затаила „царскую грамоту“ (какъ въ 1734 и 1768 гг.!), призывавшую народъ въ козаки. Мѣстами дошло въ концѣ концовъ до кровавыхъ сценъ и битвъ съ войсками. См. объ этомъ статью С. Томашівскаго Киïвська козачина 1855 г.—Лïтературно-наукова бiблïотека, вып. 29, Львовъ, 1902.

[1]) Окончательно украинскія провинціи Польши раздѣлены были между Россіею и Австріею рѣшеніемъ Вѣнскаго конгресса, 1815 г. Кромѣ воеводствъ, пріобрѣтенныхъ въ 1793 г., за Россіею осталось еще Побужье и Холмская земля. Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ раздѣломъ Польши, по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату 1774 г., Австрія пріобрѣла отъ Турціи Буковину, съ ея украинскими округами.

составъ государствъ съ очень сильною центральною властью и полицейскою организацiею, какими были Австрiя и Россiя— гдѣ правительство смотрѣло на помѣщика, какъ на блюстителя порядка, какъ на «полицмейстера» (по выраженiю имп. Павла), и въ охраненiи престижа помѣщичьей власти, въ послушанiи крестьянъ видѣло одну изъ существеннѣйшихъ своихъ задачъ—шляхетскiй режимъ только выигралъ. Воинскiя команды охраняли его безопасность отъ проявленiй недовольства народныхъ массъ, и помѣщичье «хозяйство» могло процвѣтать свободно.

Впрочемъ, австрiйское правительство, особенно во время недолгаго правленiя Iосифа II (1780 — 1790), сдѣлало нѣсколько попытокъ къ ограниченiю власти помѣщика надъ крестьяниномъ, къ освобожденiю личности послѣдняго и къ ослабленiю экономической зависимости отъ помѣщика (реформы его — между ними нѣкоторыя очень цѣнныя, были однако испорчены при ихъ проведенiи на практикѣ и заглохли при послѣдующемъ, реакцiонномъ правительствѣ). Въ Россiи же, при царившихъ крѣпостничествѣ и взяточничествѣ, — польская шляхта властвовала безгранично и безконтрольно, и здѣсь крѣпостное право достигло въ это время такого напряженiя и развитiя, какого не знало передъ тѣмъ, особенно въ восточной Украинѣ.

Только польское возстанiе 1831 г., вызвавъ со стороны правительства рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ польской шляхты, побудило его также обратить вниманiе и на отношенiя помѣщиковъ къ крестьянамъ. Считали нужнымъ сдѣлать кое что для облегченiя участи крестьянъ, чтобы расположить ихъ къ правительству и Россiи. Изданы были такъ наз. инвентари, т. е. извѣстная норма крестьянскихъ повинностей по отношенiю къ помѣщикамъ. Но подкупность администрацiи лишала значенiя и эти скромныя попытки облегченiя участи крестьянъ.

Только 1848 годъ въ Австрiи, 1861—въ Россiи освободилъ крестьянина отъ власти помѣщика. Однако въ своемъ осуществленiи эта эмансипацiя была испорчена, особенно въ

Австріи—т. е. въ Галичинѣ, въ цѣломъ рядѣ пунктовъ, и здѣсь формально освобожденный и полноправный крестьянинъ остался въ чрезвычайно тяжкой экономической и политической зависимости отъ привиллегированнаго сословія—той же шляхты.

Литература: Антоновичъ—Послѣднія времена козачества на правомъ берегу Днѣпра, 1868 (Архивъ Юго-Зап. Рос. III, т. 2). Его же статья - О гайдамацкихъ движеніяхъ въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи Ш, т. 3, 1877. Я. Шульгинъ—Очеркъ коліивщины, 1890. Объ опрышкахъ статьи Ю. Целевича—онѣ собраны въ XIX т. Руської історичної бібліотеки (тамъ же въ т. XVIII—XX упомянутыя изслѣдованія Антоновича и Шульгина, въ переводѣ).

XXII.

Итакъ чрезвычайныя усилія, сдѣланныя украинскими народными массами въ XVII в., чтобы разбить соціальныя и національныя путы, сковывавшія народную жизнь, какъ мы видѣли, ни къ какимъ улучшеніямъ въ сферѣ соціальныхъ отношеній не привели. Національныя и культурно-религіозныя стремленія, связывавшіяся съ этимъ народнымъ движеніемъ, также не выиграли въ общей сложности ничего: если въ нѣкоторыхъ пунктахъ и былъ извѣстный успѣхъ (напр.—восточная Украина ушла отъ уніи и насильственнаго ополяченія), то въ другихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось, и весьма существенно.

Западную Украину — Галичину, Подолію, Волынь, Побужье, народное движеніе XVII в. только задѣло, или пронеслось тутъ мимолетною бурею, и въ результатѣ уже непосредственно за нимъ обнаружилось съ полною очевидностью ослабленіе украинскаго элемента, ухудшеніе условій его жизни. Движеніе ослабило здѣсь украинскій элементъ, какъ кровопусканіе. Все болѣе энергичное въ немъ было увлечено имъ, ушло туда, гдѣ шла рѣзкая борьба. То, что осталось—подверглось еще большему гнету восторжествовавшихъ—польско-шляхетско-католическихъ элементовъ. Эти

элементы выступаютъ теперь съ еще большею силою и нетерпимостью. Народныя движенія даютъ имъ богатый арсеналъ подозрѣній и аргументовъ противъ украинскаго населенія, противъ признанія за нимъ какихъ либо правъ. Украинскіе же элементы, утративъ ту моральную поддержку, какую давала имъ восточная Украина, не пользуются у правительства даже тѣмъ небольшимъ вниманіемъ и защитою, какую они находили, когда за ихъ плечами стояло козачество и населеніе восточныхъ провинцій. Впрочемъ, тѣ остатки православной шляхты и мѣщанство, которые не примкнули къ козацкому движенію,—которыхъ оттолкнули рѣзкія формы этого движенія, сами, въ значительной степени, тѣснѣе примыкаютъ къ господствующей, польской національности.

Въ результатѣ, начиная съ середины XVII в. западная Украина ополячивается чрезвычайно скоро и сильно—въ верхнихъ слояхъ своего населенія. Если уже въ 1610 г. авторъ Треноса оплакивалъ утрату цѣлаго ряда выдающихся православныхъ магнатскихъ родовъ, то къ концу XVIII в. даже на Волыни осталась только небольшая горсть православныхъ шляхетскихъ родовъ, а въ Галичинѣ и на Подоліи они исчезли почти безъ остатка (уцѣлѣли только нѣкоторые мелкіе роды, бытомъ и достаткомъ стоявшіе ближе къ крестьянству, чѣмъ къ шляхтѣ). Это было очень неблагопріятное обстоятельство, такъ какъ вѣдь голосъ въ государствѣ имѣла только шляхта. Рѣдѣютъ и ряды мѣщанъ—ополячиваются зажиточные, вліятельные роды большихъ городовъ, отстаивавшихъ права своей національности; остается безпомощная и безгласная misera plebs. Представителями украинской народности остается главнымъ образомъ крестьянская масса, инертная и темная, сохраняющая свою національность именно только силою этой темноты и косности, и почти такое же темное сельское духовенство. Все, что хотя нѣсколько поднималось надъ этимъ уровнемъ увлекалось потокомъ полонизаціи. Національное самосознаніе понизилось до неяснаго инстинкта или замѣнилось религіозною разницею — вмѣсто различія національностей фигурировало различіе религій — православной и католической, такъ что

переходъ изъ православія въ католичество понимался, какъ отреченіе отъ своей національности,—и былъ такимъ въ дѣйствительности, такъ какъ перешедшій въ католицизмъ дѣлался Полякомъ самъ и его потомство.

Культурное оживленіе, литературное и просвѣтительное движеніе, проявившееся въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в., прошло безслѣдно. Оно не успѣло выйти изъ тѣснаго круга чисто-религіозныхъ, полемическихъ интересовъ, а какъ ни жизненны были въ тогдашнихъ обстоятельствахъ эти вопросы религіозной полемики, ихъ не достаточно было, чтобы эта литература стала мощнымъ двигателемъ національной культуры. Даже народнаго языка не ввело оно въ литературу, довольствуясь макароническимъ церковно-славянскимъ (подмѣшаннымъ народными — украинскими, бѣлорусскими и польскими элементами) или польскимъ—въ интересахъ болѣе успѣшной полемики. Со второго десятилѣтія XVII в., какъ мы уже знаемъ, эта литературная работа переходитъ въ Кіевъ, въ западной Украинѣ она глохнетъ, а Кіевъ съ 1648 года выходитъ изъ Польскаго государства, и связи съ нимъ западныхъ украинскихъ земель постепенно ослабѣваютъ все болѣе и болѣе. Здѣшнія братства, державшіяся шляхтою и родовитымъ мѣщанствомъ, упадаютъ съ ополяченіемъ тѣхъ и другихъ.

Церковная унія, такъ дружно отраженная въ началѣ XVII в. (во время переговоровъ польскаго правительства съ козаками, 1649—1658, ей грозило даже полное уничтоженіе), въ концѣ XVII в. интригою нѣсколькихъ лицъ (на первомъ планѣ стоялъ Іосифъ Шумлянскій, епископъ львовскій, занявшій каѳедру въ качествѣ православнаго и затѣмъ, когда почва была приготовлена — заявившій свою принадлежность къ уніи) вводится въ западныхъ епархіяхъ, встрѣчая только спорадически—и то довольно слабый протестъ, а въ началѣ XVIII в. распространяется во всѣхъ украинскихъ земляхъ Польши, за исключеніемъ только приднѣпровской полосы. Надѣялись по крайней мѣрѣ, что переходъ въ унію избавитъ украинскую церковь и украинское духовенство отъ тѣхъ униженій, какія оно испытывало въ католической Польшѣ, но

даже и эти надежды не оправдались: унія не избавила ихъ отъ притѣсненій и униженій, отъ жалкаго прозябанія.

Уровень культуры украинской жизни сильно понижается. Книжность ограничивается почти исключительно потребностями обряда, богослуженія: книги выходили главнымъ образомъ богослужебныя; о свѣтской литературѣ нечего и говорить. Школы уцѣлѣли въ концѣ концовъ только сельскія—гдѣ училъ дьячекъ; нѣсколько лучшія монастырскія, такъ наз. базиліанскія [1]), были сильно ополячены, какъ и сами базиліане вообще. И вообще все хотя немного образованное среди украинскаго общества,— даже не разорвавшее со своею національностью, говорило и писало по польски: это былъ «культурный языкъ» самого украинскаго населенія. И никакого выхода изъ этого убійственнаго положенія не предвидѣлось. «Я совершенно свыкся съ мыслью, писалъ одинъ изъ представителей уніатскихъ духовныхъ круговъ въ моментъ перехода Галичины подъ власть Австріи,—что скорѣе Русь погибнетъ, чѣмъ мы достигнемъ чего нибудь... Жаль, что конфедератамъ не удалось насъ (уніатское духовенство) перерѣзать—тогда бы успокоились, а такъ бьютъ, бьютъ, а не убьютъ» [2]).

Но немногимъ въ лучшемъ положеніи оказалась и лѣвобережная Украина, вышедшая изъ состава Польскаго государства. Избѣгнувъ ополяченья, верхніе слои украинскаго населенія подверглись сильному обрусѣнію—тѣмъ легче еще, что здѣсь не было тѣхъ внѣшнихъ отличій, какія по отношенію къ Полякамъ давала религія, книжность; наоборотъ, эти моменты сближали украинское населеніе съ великороссійскимъ и затирали національную разницу, а между тѣмъ слабое состояніе національной украинской культуры облегчало вліяніе великорусской жизни, на сторонѣ которой была политическая сила, могущество правительства и государства, а великорусское общество вступало, подъ вліяніемъ реформъ Петра, въ стадію весьма интенсивнаго развитія.

---

[1]) Базиліанами назывались уніатскіе монахи—«чина св. Василія».

[2]) Галичанинъ, 1872, I, ст. 140—1.

Центромъ украинской культуры оставался Кіевъ. Во второй половинѣ XVII в. и первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII онъ былъ источникомъ просвѣщенія и для Московскаго государства — отсюда выходили піонеры культуры, насаждавшейся московскимъ правительствомъ и духовенствомъ, отсюда шла книжность и образцы школьной организаціи. Кіевская коллегія, переживъ періодъ упадка въ третьей четверти XVII в., причиненнаго тогдашними безпрерывными войнами [1]), организовалась наново въ 1670-хъ гг. и расширила свою программу, получивъ наконецъ титулъ «академіи» (1686). Время Мазепы, усерднаго покровителя культуры (какъ ее разумѣли въ тѣхъ кругахъ), было временемъ ея процвѣтанія. Изъ нея вышелъ рядъ видныхъ церковныхъ и общественныхъ дѣятелей. Она служила почти до половины XVIII в. школою, гдѣ образовывалась украинская интеллигенція вообще — не только духовная, но и свѣтская [2]); по ея образцу организовались высшія школы въ земляхъ великорусскихъ (начиная съ Московской академіи) и украинскихъ—коллегіи и семинаріи въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, и рядъ меньшихъ. Но при всемъ томъ и академія съ организованными по ея образцу коллегіями, и ихъ ученость все болѣе и болѣе оставались такъ сказать за флагомъ — запросы жизни обгоняли ее слишкомъ сильно.

Кіевская академія была организована по образцу польскихъ, главнымъ образомъ іезуитскихъ школъ. Ея наука носила преобладающій церковный, богословскій характеръ, и притомъ въ формахъ схоластическихъ; ея ученость опиралась на средневѣковыхъ методахъ и знаніяхъ и для XVII—XVIII вв. была совер-

---

[1]) Московскіе политики, вообще довольно недоброжелательно относившіеся къ украинскимъ школамъ, хотѣли воспользоваться этимъ, чтобы вовсе закрыть ее (1666), но отказались отъ этого намѣренія въ виду неудовольствія, какое могло бы возбудить это на Украинѣ.

[2]) Гетманъ Апостолъ, подтверждая за нею ея маетности въ 1728 г., называетъ ее „всему обществу нашему благопотребною, гдѣ малороссійскіе сыны въ наукахъ свободныхъ имѣютъ наставленіе“. Сохранившійся „реестръ“ учениковъ академіи 1727 г. выказываетъ среди нихъ представителей почти всѣхъ важнѣйшихъ старшинскихъ семей.

шенно устарѣвшею. То же самое было и съ книжностью. Мы встрѣчаемъ выдающихся богослововъ и полемистовъ (какъ Іоанникій Галятовскій, Димитрій Туптало, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Георгій Конисскій), но тѣ времена, когда религіозные и полемическіе вопросы царили надъ умами, для лѣвобережной Украины, гдѣ православіе господствовало спокойно и прочно—прошли безвозвратно. А внѣ религіозныхъ вопросовъ эта книжность давала очень мало. Единственная историческая книга, удостоившаяся печати—Синопсисъ (1674), короткая исторія Руси, написанная чрезвычайно мертвенно и сухо: достаточно сказать, что въ ней совершенно пройдено молчаніемъ козачество и національная борьба съ Польшею, которая составила эпоху въ исторіи и памятью о которой полна была современная Украина. Довольно же богатая историческая письменность, посвященная этой борьбѣ (между ними преинтересные мемуары Самовидца, оригинальный памфлетъ Величка и цѣлый рядъ разныхъ лѣтописей), не удостоилась вниманія книжниковъ, державшихъ въ своихъ рукахъ кіевскую и черниговскую типографіи. Безжизненны были большею частію и поэтическія произведенія этихъ книжниковъ, сдѣланныя по чужимъ, схоластическимъ образцамъ (разнаго рода вирши — преимущественно религіозно - поучительнаго содержанія, и такія же школьныя драмы).

Тутъ сказывалась не только схоластическая односторонность школы, но и неблагопріятное отношеніе правительства, чувствовавшееся на Украинѣ очень живо и отражавшееся на литературѣ очень сильно. Рѣдко касалась она темъ болѣе живыхъ, общественныхъ и національныхъ, да и ихъ обыкновенно обрабатывала съ тою же вялостью и напыщенностью, какія вообще характеризуютъ эту схоластическую манеру [1]). Были и болѣе живыя вещи—шутливыя ин-

[1]) Довольно талантливо и сравнительно (очень сравнительно!) живо написано драматическое дѣйствіе: „Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ черезъ Богдана Зѣновія Хмельницкаго свободившая“, написанное неизвѣстнымъ авторомъ по поводу возстановленія гетманства въ 1728 г., оживившаго на-

термедіи, вставлявшіяся въ антрактахъ школьныхъ драмъ для развлеченія удрученныхъ напыщенною схоластикою слушателей, стихи легкаго содержанія, пародіи—но это была литература не серіозная, на которую смотрѣли какъ на забаву, не имѣющую значенія, и тисненія не удостаивали. Въ такихъ произведеніяхъ употребляли часто народную рѣчь чистую, на которую однако смотрѣли также не серіозно: «настоящія» литературныя произведенія писались макароническимъ языкомъ, все болѣе и болѣе подпадавшимъ вліянію великорусскаго и переходившимъ въ концѣ концовъ въ великорусскій.

Правительство принимало въ этомъ направленіи также очень энергичныя мѣры. Уже съ началомъ XVIII в. цензура преслѣдуетъ украинскія отличія въ книжномъ языкѣ, требуетъ, чтобы языкъ печатаемыхъ въ украинскихъ типографіяхъ книгъ былъ измѣняемъ примѣнительно къ великороссійскимъ изданіямъ или чтобы украинскія сочиненія для печати переводились «на великороссійское нарѣчіе». Это продолжалось затѣмъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія, пока въ литературѣ не исчезли украинскія особенности книжной рѣчи. Даже ходатайства кіевской типографіи о разрѣшеніи печатать украинскіе буквари, такъ какъ московскіе не покупаются, не было уважено.

Съ послѣдней четверти XVIII в. кіевскіе митрополиты подъ вліяніемъ правительства вводятъ великорусскій языкъ въ преподаваніе кіевской академіи, и она служитъ примѣромъ другимъ духовнымъ школамъ. Одновременно, съ отмѣною стараго украинскаго строя, правительство вводитъ новую систему свѣтскихъ школъ—гимназій и низшихъ училищъ, гдѣ преподаваніе, разумѣется, также происходитъ на великорусскомъ языкѣ. Подвергается гоненію украинское

дежды украинскаго общества на лучшее будущее. Несравненно слабѣйшая аналогическая драма Ляскоронскаго «Трагедокомедія», 1729, написанная для прославленія Петра II и верховнаго тайнаго совѣта. Бытовыми и общественными элементами наиболѣе (опять таки—сравнительно) богата драма Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ“ (1747).

произношеніе—даются инструкціи преподавателямъ въ этомъ отношеніи, издаются спеціальныя руководства. Епархіальное начальство слѣдитъ, чтобы священники и дьячки читали по церковно-славянски съ соблюденіемъ великорусскаго, а не украинскаго произношенія [1]).

Въ такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи объ успѣшномъ развитіи украинской литературы, о культурномъ движеніи. Старая школа коснѣла, литература вымирала. Такая школа и такая литература не могли удовлетворять украинскую интеллигенцію. Уже начиная со второй четверти XVII в. украинскіе юноши не только аристократическихъ, но и просто зажиточныхъ фамилій нерѣдко отправляются въ заграничные школы и университеты (особенно геттингенскій), а когда во второй половинѣ XVIII в. организуются порядочныя училища въ Петербургѣ, тамъ обучается много украинской молодежи. Въ сохранившейся петиціи отъ гетмана Разумовскаго и старшины имп. Екатеринѣ между прочимъ ходатайствуется объ открытіи взамѣнъ кіевской академіи университета съ богословскимъ факультетомъ, и еще одного университета—въ Батуринѣ, безъ богословскаго факультета, и свѣтскихъ гимназій, однимъ словомъ—просятъ полной секуляризаціи образованія. А въ ожиданіи осуществленія этихъ пожеланій, украинская молодежь въ большомъ числѣ отправлялась въ Великороссію. Великорусская школа и литература, совершенно свѣтская, съ предпочтеніемъ знаній практическихъ, прикладныхъ (такой характеръ получила она подъ вліяніемъ реформъ Петра) подходила гораздо лучше къ потребностямъ времени, чѣмъ богословско-схоластическое направленіе украинскихъ школъ, и кто могъ послать своихъ дѣтей куда нибудь дальше, обыкновенно дѣлалъ это.

Украинская аристократія вообще очень цѣнила образованіе. Людей съ европейскимъ образованіемъ среди нея уже въ

---

[1]) По присоединеніи правобережной Украины къ Россіи особенное вниманіе было обращено также на то, чтобы священники произносили молитвы „голосомъ, свойственнымъ россійскому нарѣчію“.

половинѣ XVIII в. было немало. Кромѣ чисто культурныхъ запросовъ здѣсь сказывалось и желаніе этого свѣжеиспеченнаго «шляхетства» придать себѣ возможно полнѣе «благородный» лоскъ, подчеркнуть свое различіе отъ сѣрой козацкой массы, изъ которой оно такъ недавно выдѣлилось. Поэтому оно въ культурности не цѣнило національныхъ моментовъ, которые могли бы тѣснѣе привязать его къ почвѣ, къ народу. Наоборотъ, тѣмъ болѣе цѣнили образованіе, чѣмъ болѣе оно было чужое (отдавали даже въ польскіе коллегіумы, хотя они по существу не отличались отъ украинскихъ школъ). Въ результатѣ образованіе, культурные интересы довершали рознь этой интеллигенціи съ народомъ. А такъ какъ изъ всѣхъ чужихъ культуръ съ великорусскою у украинской интеллигенціи и спеціально старшины было болѣе всего разныхъ связей, то въ концѣ концовъ она подпадаетъ весьма сильному вліянію великорусской культуры, «русѣетъ». Ища опоры своимъ сословнымъ стремленіямъ у русскаго правительства, стремясь добиться уравненія въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ, ища карьеры въ великорусскихъ правительственныхъ кругахъ и учрежденіяхъ съ уничтоженіемъ украинской автономіи,—она все болѣе и болѣе втягивалась въ теченіе великорусской культурной жизни.

То же было и съ духовенствомъ, которое, какъ мы знаемъ, еще въ послѣдней четверти XVII в. утратило свою автономію и было непосредственно подчинено великорусскимъ учрежденіямъ. Съ началомъ XVIII в. множество духовныхъ лицъ изъ Украины пошло по Россіи на всякія должности, начиная отъ наивысшихъ въ церковномъ управленіи; благодаря этому они почувствовали себя какъ дома въ великорусскихъ земляхъ, и это сближеніе въ концѣ концовъ тоже повліяло на обрусѣніе украинской церкви и школы. Въ серединѣ XVIII в. великорусское духовенство выходитъ изъ роли учениковъ Украинцевъ, и послѣдніе очутились въ очень тѣсной зависимости его и подъ тѣснымъ вліяніемъ великорусской культуры.

Еще въ началѣ XVIII в. воспитанники кіевскихъ школъ играли роль проводниковъ просвѣщенія и культуры въ вели-

корусскихъ земляхъ и еще во 2-й четверти XVIII в. такой крупный въ исторіи великорусской литературы дѣятель, какъ Кантемиръ, колебался въ своихъ стихахъ между произношеніемъ украинскимъ и великорусскимъ. Но во второй половинѣ XVIII в. украинская книжность пошла въ хвостѣ великорусской. И по мѣрѣ того, какъ изъ-подъ церковнаго языка у великорусскихъ писателей постепенно выступала живая великорусская рѣчь, ее перенимали и писатели изъ Украинцевъ, бросая свою книжную макароническую рѣчь. Общность церковныхъ элементовъ рѣчи у тѣхъ и другихъ послужила мостикомъ, который незамѣтно переводилъ украинскихъ писателей къ великорусской письменности.

Съ половины XVIII в. великорусская канцелярская рѣчь господствуетъ въ дѣлопроизводствѣ на Украинѣ. Книжная рѣчь рѣшительно сближается съ великорусской. Старая макароническая рѣчь вымираетъ съ срединою XVIII в. Она держится нѣкоторое время еще въ домашней перепискѣ, въ средѣ людей, вышедшихъ изъ мѣстныхъ школъ. Народнымъ языкомъ пишутъ еще, но больше въ шутку: веселыя интермедіи, пародіи, шуточныя стихотворенія, и не смотрятъ на него серьезно, какъ я уже сказалъ. Онъ представлялся «просвѣщеннымъ» Украинцамъ провинціализмомъ, не имѣющимъ никакой будущности («простонародное старинное здѣшнее, съ польскимъ и славянскимъ смѣшанное нарѣчіе», какъ величалъ его кіевскій митрополитъ Гавр. Кременецкій). Болѣе внимательнымъ наблюдателямъ онъ представлялся вымирающимъ куріозомъ, и авторъ первой грамматики народнаго языка Павловскій (изд. въ 1818 г.) мотивировалъ свою грамматику чисто-антикварными мотивами, называя украинскій языкъ «ни живымъ, ни мертвымъ», «исчезающимъ нарѣчіемъ».

Сознаніе своей особности было довольно сильно, но своеобразно. Не было недостатка въ людяхъ, которые «при всѣхъ наукахъ и въ чужихъ краяхъ обращеніяхъ остались козаками», какъ аттестовалъ одного изъ нихъ Румянцевъ. При всей зависимости отъ великорусской культуры и народности, они были о себѣ высокаго мнѣнія. «Эта небольшая частица лю-

дей, писалъ раздраженный Румянцевъ,—инако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличные люди, и что нѣтъ ихъ сильнѣе, нѣтъ ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе, и нигдѣ нѣтъ ничего хорошаго, ничего полезнаго, ничего прямо свободнаго, чтобъ имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть—то лучше всего». Очень жива была скорбь о утраченныхъ правахъ, о потерѣ автономіи; болѣе смѣлые, какъ мы видѣли, возвращались къ старымъ планамъ автономистовъ. Но все это не было достаточно серьезнымъ, не мѣшало имъ идти по дорожкѣ, указанной изъ Москвы, и, какъ надѣялась Екатерина—«желаніе къ чинамъ и особливо къ жалованью» преодолѣвало «умоначертаніе прежнихъ временъ». Изъ школы Румянцева вышелъ рядъ чиновниковъ, которымъ ихъ романтическія мечты не мѣшали ревностно тянуть государственную колесницу. Украинскіе патріоты ревностно трудились надъ развитіемъ великорусской культуры; извѣстный намъ Капнистъ, съ такою смѣлою миссіею являвшійся въ Берлинъ—составилъ себѣ имя, какъ видный великорусскій писатель, и вообще въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. выступаетъ въ великорусской литературѣ цѣлый рядъ болѣе и менѣе замѣтныхъ писателей (какъ Рубанъ, Максимовичъ-Амбодикъ, Богдановичъ, Нарѣжный, Гнѣдичъ и т. д., и т. д.), большинство которыхъ ничѣмъ особенно не заявляло своего украинскаго происхожденія.

Историческая традиція была очень слаба. Живо помнили борьбу съ Польшею (хотя украинскому «шляхетству» она представлялась также своеобразно—какъ борьба благороднаго (шляхетскаго) козако-русскаго народа съ шляхтою польскою за свои сословныя привиллегіи); памятны были главнымъ образомъ войны Хмельницкаго, воспѣвавшіяся народными пѣвцами—кобзарями въ циклѣ думъ, своею популярностью заглушившихъ не только болѣе древній эпосъ, но даже, въ значительной степени, думы болѣе ранней козачины. За этою героическою эпохою совершенно поблѣднѣла память о болѣе древней исторіи [1]), и ею

[1]) Уже авторъ Синопсиса черпаетъ свѣдѣнія о древней исторіи Руси изъ польскихъ компиляцій, а XIV—XVI вѣка украинской исторіи для него, можно сказать, не существуютъ.

очень мало интересовались; такъ какъ ее между тѣмъ включили въ свои компиляціи московскіе компиляторы, то и на Украинѣ привыкаютъ смотрѣть на эту старую Русь, какъ на часть исторіи Москвы. Утрачено было въ связи съ этимъ и національное имя—послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ терминологіи принимается для украинскаго народа имя «малороссійскаго», навѣянное отношеніями къ Московскому государству—«Великой Россіи», и подъ «русскимъ», «россійскимъ» народомъ разумѣли Великороссіянъ.

Такимъ образомъ украинско-русскому народу угрожало окончательное превращеніе въ аморфную этнографическую массу, обреченную на денаціонализацію. Правда, тоже XVIII столѣтіе, которое видѣло наибольшій упадокъ, принесло въ концѣ начатки возрожденія.. Но они были такъ слабы, что получаютъ свое значеніе лишь въ сопоставленіи съ позднѣйшимъ возрожденіемъ.

Нѣкоторые симптомы возрожденія показались прежде всего въ украинскихъ провинціяхъ, присоединенныхъ въ 1772 г. къ Австріи и получившихъ общее названіе Галиціи. Отчасти по принципамъ просвѣщеннаго абсолютизма, которыми руководились тогда въ правительственныхъ сферахъ, отчасти изъ желанія противоставить польской шляхтѣ, естественно тяготѣвшей къ Польшѣ, австро-русинскую національность, австрійское правительство старалось поднять эту послѣднюю. Объ эмансипаціонныхъ реформахъ по отношенію къ крестьянству я уже упоминалъ; кромѣ того, приняты были мѣры къ организаціи народныхъ школъ—низшаго и высшаго типа, при чемъ преподаваніе въ нихъ должно было вестись на «мѣстномъ» языкѣ (Landes-Volk-und Nationalsprache), и къ поднятію образованія уніатскаго духовенства. Основывая въ 1784 г. львовскій университетъ, правительство учредило нѣсколько каѳедръ русинскихъ, и при университетѣ особый лицей спеціально для приготовленія русинской молодежи къ университетскимъ курсамъ.

Но эти благія намѣренія, не говоря уже о томъ, что осуществлялись не всегда удачно, не долго просуществовали.

Они заглохли среди общей реакціи. Польская шляхта успѣла пріобрѣсти вліяніе на галицкую администрацію, а чтобы воспрепятствовать возрожденію мѣстной украинской народности, начала пугать ее (уже въ 90-хъ гг. XVIII в.) призракомъ россійской ирреденты (что русинскій языкъ—нарѣчіе великорусскаго, а уніаты тяготѣютъ къ православію, и т. п.)—пѣсенка, которая поется съ неоскудѣвающимъ успѣхомъ и до сихъ поръ. О томъ, какъ парализовано было всѣми этими причинами освобожденіе крестьянства отъ помѣщичьяго режима, я уже упоминалъ; подобнымъ образомъ затормозилась и организація школьнаго дѣла. Шляхта здѣсь играла также видную роль; подъ ея вліяніемъ вводится польскій языкъ вмѣсто русинскаго въ народныхъ школахъ—сначала высшихъ типовъ, а затѣмъ (1816) и въ сельскихъ начальныхъ училищахъ; въ виду ходатайства митрополита сдѣлана была только та уступка, что предоставлено сельскимъ обществамъ, буде пожелаютъ, заводить себѣ параллельныя школы съ русинскимъ языкомъ, причемъ однако духовенству преподавался совѣтъ, не влiять на населеніе въ этомъ смыслѣ, чтобы не причинять ему излишнихъ тратъ, и т. д.

Была вина впрочемъ и самой русинской интеллигенціи—она была ослаблена слишкомъ долгою летаргіею и не умѣла воспользоваться и тѣмъ немногимъ, что дѣлало или готово было сдѣлать для нея правительство. Народный языкъ—«простый и посполитый» казался ей слишкомъ низкимъ и она не воспользовалась открывавшеюся возможностью его употребленія и развитія. Профессора новооснованныхъ каѳедръ старались читать и писать возможно высокимъ стилемъ, мертвеннымъ макароническимъ «язычіемъ», которое само по себѣ сковывало всякое просвѣтительное движеніе. Вскорѣ (1808) русинскія каѳедры были и вовсе закрыты—по желанію самого русинскаго духовенства, въ виду того, что правительство смотрѣло на воспитанниковъ—ruthenici studii—какъ на менѣе образованныхъ сравнительно съ слушавшими лекціи на латинскомъ языкѣ и давало имъ потомъ меньшее содержаніе.

Въ концѣ концовъ нѣкоторое улучшеніе осталось лишь въ

положеніи крестьянъ и въ подъемѣ образованія духовенства, которое проходитъ теперь черезъ университетъ, каковъ бы онъ ни былъ, и изъ котораго вырастаетъ постепенно новая галицкая интеллигенція. Растетъ эта интеллигенція очень не скоро—выигравъ въ образовательномъ, культурномъ цензѣ, она много проиграла въ своихъ отношеніяхъ къ народности: простонародная масса казалось слишкомъ грубою для ея «культурныхъ» вкусовъ и, не будучи достаточно культурною для того, чтобы культивировать свою народность, она пошла за Поляками, какъ элементомъ болѣе культурнымъ. Польскій языкъ царствовалъ среди этой новой «интеллигенціи». Были такіе священники, которые не умѣли читать славянскаго письма.

Но все же извѣстный ростъ былъ, нѣкоторая ферментація давала себя чувствовать. Въ 1816 г. русинскій митрополитъ Левицкій, по инціативѣ своего каноника Могильницкаго (одного изъ представителей наростающаго культурно-національнаго движенія), обратился къ правительству съ ходатайствомъ о введеніи преподаванія на русинскомъ языкѣ во всѣхъ народныхъ школахъ. Когда комиссія по школьному вопросу постановила уже извѣстное намъ рѣшеніе о введеніи въ народныхъ школахъ преподаванія на польскомъ языкѣ, онъ внесъ протестъ противъ этого. Нѣсколько позже (1822) Могильницкій предложилъ меморіалъ въ защиту полноправности и важности русинскаго (украинско-русскаго) языка, напечатанный затѣмъ (подъ названіемъ: Rozprawa o języku ruskim) и бывшій первымъ ученымъ трактатомъ въ защиту этого языка (онъ перепечатывался поэтому много разъ). По его же инціативѣ основано было въ Перемышлѣ въ 1816 г. первое русинское общество для распространенія просвѣщенія среди народа. Впрочемъ, несмотря на свой очень скромный, клерикальный характеръ, общество это встрѣтило сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны польскаго духовенства и базиліанъ, и заглохло сразу.

Со второй четверти XIX в. начинаютъ возникать мысли о необходимости обращенія къ народному языку. Тутъ сказы-

валось вліяніе и славянскаго возрожденія, одинъ изъ видныхъ дѣятелей котораго Б. Копитаръ спеціально интересовался украинскою народностью и усиленно совѣтовалъ галицкимъ Русинамъ развивать книжный языкъ на чистой основѣ народнаго. Вліяли и первыя пробы литературной обработки народнаго языка въ восточной Украинѣ. Начинается полемика между защитниками церковнаго книжнаго языка и народнаго говора. Авторъ одной изъ первыхъ галицкихъ грамматикъ Іосифъ Лозинскій уже довольно рѣшительно стоитъ (не безъ непосредственнаго вліянія Копитара) на почвѣ народнаго языка (1833—4). Еще болѣе рѣшительно становится на народную почву кружокъ молодыхъ богослововъ, собравшійся въ львовской семинаріи въ 1830-хъ г., и подъ вліяніемъ указанныхъ выше факторовъ, а также и тогдашней революціонной польской пропаганды въ Галиціи, развившій въ своей средѣ народническіе и болѣе прогрессивные взгляды. Во главѣ его стояла такъ называемая «русская троица» [1]), отъ которой ведется обыкновенно національное возрожденіе галицкихъ Русинъ: Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ, въ началѣ 30-хъ гг. слушавшіе философію и богословіе во Львовѣ. Подъ вліяніемъ первыхъ литературныхъ произведеній и пробъ народоизученія въ восточной Украинѣ, кружокъ этотъ занимается также изученіемъ исторіи и словесности украинскаго народа, собираетъ этнографическій матеріалъ, пробуетъ свои силы на народномъ языкѣ и стремится провести народный языкъ въ церковную проповѣдь и дѣлопроизводство.

Но эти первыя попытки были встрѣчены очень неблагопріятно въ оффиціальныхъ кругахъ. Настроеніе здѣсь измѣнилось съ 1780-хъ годовъ радикально. Мѣстная австрійская администрація очень подозрительно отнеслась къ этому движенію; имѣя достаточно хлопотъ съ польскимъ національнымъ движеніемъ, она очень не рада была оживленію русинскаго обще-

---

[1]) Я напоминаю еще разъ, что въ Галиціи удержалась и доселѣ традиція русскаго имени, и тутъ и Поляки и Русины называютъ „русскимъ" языкъ и племя украинско-русское (въ отличіе отъ „великорусскаго" или „россійскаго").

ства. Въ тонъ ей отозвались русинскія духовныя власти и находившаяся въ ихъ рукахъ цензура русинскихъ книгъ. Первый альманахъ «Зоря», составленный кружкомъ Шашкевича, былъ запрещенъ цензурою (1834). Свой новый альманахъ—«Русалка Днистрова», составленный изъ народныхъ пѣсенъ и собственныхъ произведеній, еще болѣе осторожно, чѣмъ «Зоря», кружокъ Шашкевича, чтобы избѣжать австрійской цензуры, издалъ въ Пештѣ, но когда книгу прислали во Львовъ, всю ее конфисковала цензура, и только въ 1848 г. добились ея выдачи. Совершенно невинныя книги—церковнаго содержанія, оды въ честь царствующаго дома конфисковались потому, что были написаны недостаточно архаическимъ церковнымъ языкомъ или напечатаны не церковнымъ, а гражданскимъ шрифтомъ. Кружокъ Шашкевича подвергся всяческимъ гоненіямъ. Самъ Шашкевичъ—талантливый поэтъ, первый національный поэтъ Галицкой Руси, умеръ отъ лишеній черезъ нѣсколько лѣтъ на «голодовкѣ».[1]) Вагилевичъ не вынесъ также этихъ преслѣдованій. Все затихло.

Движеніе было придавлено. Но національная идея не умерла: среди этихъ гоненій на галицкихъ народниковъ, крѣпла и выходила на широкую дорогу народная украинская литература въ восточной Украинѣ.

Литература: Житецкій—Энеида Котляревскаго въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в., 1900. Заневичъ (Остапъ Терлецкій)—Літературні стремління галицких Русинів (в журналѣ Житі Слово, 1894.). Матеріалы и замѣтки по исторіи культуры и быта Галичины XVIII и нач. XIX в. собраны в. т. V Збірника сторично-фільософічної секції Наукового товариства ім. Шевченка, 1902.

XXIII.

Я уже отмѣтилъ выше, что оживленіе національнаго чувства и обращеніе къ чисто-народной стихіи, которое мы на-

---

[1]) Такъ называются приходы со скудными доходами, безъ жалованія—его Шашкевичъ не дождался до смерти.

блюдаемъ въ западной Украинѣ (Галиціи) во второй четверти XIX в., находилось уже подъ непосредственнымъ вліяніемъ національныхъ вѣяній и возрожденной національной литературы восточной Украины. Начатки этого возрожденія здѣсь датируются послѣдними годами XVIII в. (первое изданіе травестированной Энеиды Котляревскаго 1798 г.), но свое значеніе получаетъ это теченіе именно во второй четверти XIX в.

Я отмѣтилъ уже выше, что, несмотря на обрусѣніе высшихъ классовъ Украины, у нихъ оставался извѣстный областной патріотизмъ, скорбь по гетманщинѣ, романтическія воспоминанія о былой славѣ козачества. Легкость, съ которою теряли они свой національный обликъ, не исключала извѣстной національной гордости, а отчужденіе отъ народа не мѣшало имъ съ симпатіею относиться къ особенностямъ, хотя бы и внѣшнимъ, украинскаго быта, къ украинской народной словесности и ея языку. Такія мѣстныя симпатіи у обрусѣвшей интеллигенціи восточной Украины сами по себѣ однако не имѣли особаго значенія, не болѣе-чѣмъ подобныя же мѣстныя симпатіи у ополяченной и польской интеллигенціи западныхъ украинскихъ земель, выразившіяся въ извѣстной этнографической и антикварной литературѣ, въ пробахъ поэтической обработки мотивовъ украинской народной словесности. Онѣ получаютъ значеніе только съ обращеніемъ этихъ украинофиловъ къ народному языку.

Употребленіе этого народнаго языка не прерывалось впродолженіе всего XVIII в. Во второй половинѣ этого столѣтія это употребленіе дѣлается еще болѣе значительнымъ, такъ какъ народный языкъ не встрѣчаетъ уже соперника въ украинскомъ книжномъ (макароническомъ) языкѣ; съ тѣхъ поръ, какъ подъ вліяніемъ цензуры замеръ этотъ послѣдній (въ серединѣ XVIII в.), тотъ кто желалъ придать своему произведенію мѣстный, украинскій характеръ, естественно долженъ былъ обращаться къ народному языку [1]). Мы знаемъ людей, писавшихъ на немъ

[1]) Старый книжный языкъ не вывелся впрочемъ вполнѣ—однимъ изъ наиболѣе позднихъ и выдающихся представителей его былъ извѣстный украинскій философъ-моралистъ Григорій Сково-

много, и не безъ извѣстнаго таланта (какъ кіевскій священникъ Иванъ Некрашевичъ); но это писанье на народномъ языкѣ (оставляя даже въ сторонѣ произведенія, имѣвшія цѣлью осмѣять народный языкъ, украинскую жизнь и ея традиціи—т. е. простое зубоскальство) не считалось ничѣмъ серьезнымъ, и не удостоивались печати [1]. Только нѣсколько очень талантливыхъ произведеній на народномъ украинскомъ языкѣ, появившихся въ послѣднихъ годахъ XVIII и первыхъ десятилѣтіяхъ XIX в., заставляютъ взглянуть на него серьезно, и къ нему обращаются послѣ этого, какъ къ наилучшему выраженію своихъ украинофильскихъ симпатій, какъ наилучшему средству общенія со своимъ народомъ, своими земляками.

Такой поворотъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе. Этотъ языкъ, утраченный интеллигенціей и сохраненный народомъ, обернулъ, послѣ вѣкового отчужденія, украинскую интеллигенцію лицомъ къ народу, научилъ цѣнить и уважать его, сблизилъ съ нимъ. Языкъ рѣшилъ судьбу украинскаго возрожденія, возстановивъ разорванную связь интеллигенціи съ народомъ, открывъ дорогу къ народной душѣ, къ общенію съ нею. Отсюда оригинальное содержаніе, характеризующее эту новую украинскую литературу уже съ первыхъ шаговъ ея — народныя темы творчества, реализмъ и демократизмъ. Языку обязана Украина тѣмъ, что украинофильство не окончилось собираніемъ произведеній народной словесности, составленіемъ грамматикъ и словарей, а перешло въ настоящее національное возрожденіе. Съ этой точки зрѣнія первыя лите-

---

рода († 1794). Его языкъ, который онъ самъ называетъ иногда „малороссійскимъ діалектомъ", представляетъ наслѣдіе старой макаронической книжной рѣчи, подвергнувшееся сильнѣйшему вліянію великороссійскаго языка.

[1]) Ранѣе Энеиды Котляревскаго изъ произведеній на народномъ языкѣ, не говоря о народныхъ пѣсняхъ, включавшихся въ пѣсенники, напечатана была только небольшая пѣсня основателя Кубанскаго войска А. Головатаго—«Пѣсня черноморскаго войска, по полученіи на землю высочайшихъ граматъ», напечатанная въ 1792 г., какъ выраженіе лояльныхъ чувствъ Запорожцевъ.

ратурныя произведенія, вызвавшія серьезное вниманіе къ народному языку и послужившія началомъ литературной обработки его составили эпоху въ исторіи украинскаго народа.

Первымъ такимъ произведеніемъ была пародированная Энеида Ивана Котляревскаго. Авторъ ея происходилъ изъ небогатой дворянской (т. е. признанной въ дворянскихъ правахъ при послѣднихъ реформахъ) семьи и принадлежалъ къ образованному украинскому обществу. Свою пародію онъ написалъ въ молодости, подражая подобной же великорусской пародіи и едва ли преслѣдовалъ какія-либо цѣли, кромѣ простой шутки. Однако на нее обратилъ вниманіе одинъ изъ образованныхъ и богатыхъ его земляковъ и безъ вѣдома автора издалъ ее въ Петербургѣ въ 1798 г. Пародія обратила на себя вниманіе; въ ней авторъ обнаружилъ большой литературный талантъ, непринужденный юморъ. Но что главнымъ образомъ создало популярность его пародіи—это талантливые штрихи и цѣлыя картины украинской жизни, которыми напомнилъ ея авторъ, представивъ Энея и его спутниковъ въ видѣ ватаги украинскихъ бродягъ—козаковъ [1]), и чистый и прекрасный народный языкъ, которымъ было написано это произведеніе. Такой большой и талантливой вещи еще не видѣла Украина—въ печати вдобавокъ! Изъ-за пародированной фабулы Энеиды показалась картина украинской жизни, какой не знала украинская письменность—небывалая по широтѣ, реализму и артистической работѣ. «Перелицьована Енїеда» быстро разошлась и потребовала новаго изданія.

Это внушило Котляревскому желаніе продолжить свое произведеніе: первое изданіе заключало только три пѣсни, онъ написалъ потомъ еще три. Кромѣ того для сцены написалъ онъ оперетту «Наталка-Полтавка» [2]) и водевиль «Москаль-Чаривныкъ», гдѣ рядомъ съ талантливымъ изображеніемъ украинской жизни мы встрѣчаемъ уже сознательное стрем-

---

[1]) Такіе бездомные козаки были предъ глазами—въ видѣ Запорожцевъ разрушенной Січи.

[2]) Представлена первый разъ въ 1819 г.

леніе автора выдвинуть положительныя стороны народнаго быта, симпатическія стороны народнаго характера. Пьесы эти имѣли огромный успѣхъ — онѣ не сошли съ репертуара до сихъ поръ.

Несмотря на успѣхъ Энеиды, мы не видимъ, чтобы она непосредственно своимъ появленіемъ вызвала какое либо литературное движеніе (хотя и видимъ отдѣльныя произведенія, навѣянныя ею). Авторъ первой украинской грамматики (Павловскій), изданной въ 1818 г., т. е. двадцать лѣтъ послѣ появленія Энеиды, все еще называетъ украинскій языкъ «исчезающимъ нарѣчіемъ». Впервые то, что можно бы назвать украинскимъ литературнымъ движеніемъ, видимъ мы въ концѣ второго десятилѣтія XIX в., и то не въ Полтавѣ Котляревскаго, а внѣ границъ старой Гетманщины—въ столицѣ слободской Украины—Харьковѣ, который съ основаніемъ здѣсь университета (1805), а потомъ женскаго института становится первымъ культурнымъ центромъ восточной Украины, тѣмъ болѣе, что эти просвѣтительныя учрежденія были созданы стараніями и матеріальными жертвами самого мѣстнаго общества, а не просто открыты правительствомъ. Въ связи съ этимъ развивается здѣсь весьма оживленная для того времени литературная дѣятельность.

Но и эти школы, и это движеніе были великорусскими, съ очень слабою мѣстною окраскою. Культура, которая развивалась въ этомъ украинскомъ центрѣ, была культура великорусская. Украинское теченіе проявляется очень скромно, въ видѣ нѣсколькихъ украинскихъ книгъ и брошюръ, раздѣленныхъ годами, украинскихъ стихотвореній и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ мѣстныхъ журналахъ и альманахахъ, издаваемыхъ по великорусски. Рядомъ съ «настоящею» великорусскою культурою, къ которой серіозно относилось не только правительство, но и мѣстное украинское общество, это украинское теченіе выглядитъ мелкимъ провинціализмомъ, забавою или капризомъ этнографовъ и антикваріевъ

Все же, хоть въ скромныхъ размѣрахъ, это былъ первый литературный украинскій кружокъ, первая «школа». Въ

Харьковѣ одинъ за другимъ выступаетъ рядъ писателей съ большими или меньшими дарованіями, пишущихъ по украински въ харьковскихъ изданіяхъ: П. Гулакъ-Артемовскій, авторъ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореній (балладъ, сатирическихъ разсказовъ и лирическихъ произведеній, печатанныхъ съ 1817 г.), Григорій Квитка — авторъ первыхъ украинскихъ повѣстей, А. Метлинскій и Николай Костомаровъ — украинскіе поэты и этнографы; сюда же принадлежатъ и такіе дѣятели, какъ авторъ первой украинской грамматики Павловскій (1818), издатель историческихъ украинскихъ пѣсенъ Срезневскій (1833) и др. Въ концѣ 1820-хъ и въ 1830-хъ гг. уже тутъ дѣйствительно есть украинская группа. Въ чисто литературномъ отношеніи она дѣлаетъ большой шагъ впередъ и въ отношеніи разнообразія творчества, и въ смыслѣ серьозности и сознательности его. Появляются теоретическія оправданія писательства на народномъ языкѣ (Квитка въ 1833 г.). Украинскіе писатели подаютъ руку славянскому возрожденію и романтическимъ интересамъ къ народности. Но болѣе широкой идеи украинской національности здѣсь еще нѣтъ; даже опредѣленно выраженной общественной окраски въ произведеніяхъ этой школы мы еще не видимъ.

Появленіе между украинскими писателями такого первостепеннаго дарованія, какъ Тарасъ Шевченко (первое изданіе его «Кобзаря» въ 1840 г.), завершаетъ образованіе украинской народной литературы. Для украинскаго возрожденія такое скорое появленіе геніальнаго поэта — въ сорокъ лѣтъ послѣ первыхъ шаговъ народной литературы — было большимъ счастьемъ. Уже оно одно давало полное оправданіе новой литературѣ—для тѣхъ, кому такое оправданіе было нужно, и полагало прочное основаніе не только народной литературѣ, но и народному возрожденію. Въ тѣхъ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ, въ какихъ стояла украинская народность—состоявшая изъ безгласной, закрѣпощенной и темной народной массы съ одной стороны, и изъ денаціонализованной, потерявшей національное чувство и

историческую традицію интеллигенціи—съ другой, повторяю, появленіе Шевченка было большимъ счастьемъ.

Этотъ крѣпостной козачекъ (мальчикъ для посылокъ) и малярскій ученикъ [1]), не получившій никакого правильнаго образованія, но геніальною интуиціею восполнявшій пробѣлы своихъ знаній—составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе во всемірной литературѣ. Какъ лирическій поэтъ глубиною, непринужденностью и непосредственностью чувства и изяществомъ формы онъ не уступаетъ никому, но при этомъ остается уникатомъ по своей народности. Его творчество—творчество народа, достигающаго безъ посредствующихъ степеней высокаго интеллектуальнаго развитія и индивидуальнаго сознанія и соединяющаго въ своемъ творчествѣ непосредственность народной поэзіи съ сознательностью литературнаго творчества. Въ украинскую литературу онъ внесъ новое содержаніе, цѣлый рядъ новыхъ мотивовъ. Укажу только наиболѣе выдающіяся стороны—обращеніе къ прошлому, невиданное предъ тѣмъ одушевленіе народными войнами XVII—XVIII вв. и козачествомъ, въ идеализаціи котораго—согласно народной традиціи, онъ отыскиваетъ мотивы, созвучные его идеаламъ общественной справедливости, свободы и независимости; протестъ противъ крѣпостного права, вытекающій изъ тѣхъ же идеаловъ, которому по силѣ и напряженію нельзя указать ничего равнаго, и такой же протестъ противъ всякаго гнета.

Въ 1845 г., въ зенитѣ своего творчества, Шевченко переселяется въ Кіевъ, гдѣ встрѣчается съ двумя другими корифеями украинскаго возрожденія — историкомъ Костомаровымъ и этнографомъ (позже также выдающимся поэтомъ и историческимъ писателемъ) Пантелеймономъ Кулишемъ. Вокругъ основаннаго незадолго передъ тѣмъ кіевскаго универ-

---

[1]) Онъ родился въ 1814 г. въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи; въ 1838 г. выкупленъ былъ на свободу покровителями его поэтическаго и художественнаго дарованія (онъ былъ даровитымъ художникомъ).

ситета [1]) собирается кружокъ украинофиловъ, организующихъ такъ наз. Кирило-меѳодіевское братство. Оно просуществовало недолго, но въ исторіи украинскаго народа имѣетъ то важное значеніе, что здѣсь мы впервые видимъ попытки теоретическаго формулированія украинской идеи, съ характеромъ политическимъ и общественнымъ, въ духѣ прогресса и свободы: программа Кирило-меѳодіевскаго братства заключала въ себѣ такіе пункты, какъ образованіе славянской федераціи, уничтоженіе рабства во всѣхъ видахъ, упраздненіе сословныхъ преимуществъ, осуществленіе вѣротерпимости и религіозной свободы, свободы мысли и печатнаго слова.

Въ литературѣ программа кружка не успѣла проявиться. Въ 1847 г., по доносу одного студента кіевскаго университета, кружокъ былъ открытъ, участники были арестованы и подверглись болѣе или менѣе тяжелымъ наказаніямъ. Шевченко былъ отданъ въ солдаты и посланъ на азіатскую границу, съ воспрещеніемъ писать и рисовать; Костомаровъ и Кулишъ были высланы, съ воспрещеніемъ литературной дѣятельности и т. под. Въ развитіи украинской литературы и народнаго возрожденія наступаетъ невольный перерывъ. Только въ концѣ 1850-хъ гг. кирило-меѳодіевскіе братчики получаютъ возможность собраться въ Петербургѣ и вернуться къ литературнымъ и ученымъ занятіямъ. Въ 1861 и 1862 гг. этотъ украинскій кружокъ издаетъ «Основу», первый украинскій журналъ. Кулишъ и Костомаровъ стояли во главѣ его (Шевченко умеръ въ началѣ 1861 года). Но полнаго развитія идеи Кирило-меѳодіевской программы въ дѣятельности этого петербургскаго кружка не нашли, и сдержанность «Основы» во многихъ пунктахъ политическихъ и культурно-общественныхъ отношеній нельзя объяснять одними цензурными стѣсненіями. Идея полнаго и всесторонняго культурнаго развитія, оче-

---

[1]) Кіевскій университетъ былъ открытъ въ 1834 г. взамѣнъ польскаго университета въ Вильнѣ и такого же лицея въ Кременцѣ (на Волыни), закрытыхъ въ возстаніе 1831 г., и сначала имѣлъ очень оффиціозный характеръ, отъ котораго только со временемъ освободился.

видно, еще не представлялась съ полною ясностью кружку «Основы».

Самый фактъ, что центромъ украинскаго движенія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ сдѣлался Петербургъ—правительственный центръ, расположенный въ 1500 верстахъ отъ украинской территоріи, показываетъ, какъ слабо было еще это движеніе, какъ связано съ дѣятельностью немногихъ единицъ. Но самъ по себѣ этотъ петербургскій періодъ остается свѣтлымъ моментомъ въ его развитіи въ томъ отношеніи, что украинское движеніе, приготовившее въ своей литературѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ далеко скорѣе и глубже, чѣмъ это было въ литературѣ великорусской, въ этотъ моментъ, когда освобожденіе крестьянъ стало злобою дня для всей интеллигенціи въ Россіи (конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ), очутилось въ первыхъ рядахъ современнаго движенія и въ тѣсномъ общеніи съ нимъ. Съ этой точки зрѣнія, перерывъ, произведенный цензурными стѣсненіями и разсѣявшій петербургскій кружокъ, былъ вдвойнѣ неблагопріятенъ для украинскаго движенія. Интеллигенція великорусская, а съ нею и украинская (въ Россія), жила въ эти годы лихорадочною жизнью; время выдвигало одинъ за другимъ новые вопросы общественнаго и политическаго характера. Украинское движеніе, прерванное въ своемъ органическомъ развитіи почти десятилѣтнимъ антрактомъ, получивъ возможность проявить признаки жизни, начало съ того, на чемъ его представители остановились во время «Основы»—историко-этнографическихъ интересовъ, да довольно неясныхъ народническихъ стремленій. Вслѣдствіе этого оно оказалось въ глазахъ прогрессивной части общества какимъ-то анахронизмомъ и сдѣлалось для нея предметомъ снисходительнаго сожалѣнія или даже извѣстной непріязни.

Дѣятельность кружка «Основы» была прекращена въ 1863 г.: на украинофиловъ было брошено подозрѣніе въ связяхъ съ польскимъ движеніемъ и «польская интрига» стала съ тѣхъ поръ для извѣстной части прессы въ Россіи обычнымъ оружіемъ борьбы противъ украинскаго движе-

нія[1]). Цѣлый рядъ представителей украинскаго движенія подвергся административнымъ высылкамъ и разнымъ преслѣдованіямъ; печатаніе книгъ на украинскомъ языкѣ какого бы ни было содержанія стало невозможнымъ (воспрещено печатаніе всякихъ книгъ на украинскомъ языкѣ кромѣ беллетристики[2]) — не въ мѣру ретивая цензура перестала пропускать что бы то ни было на украинскомъ языкѣ). Литературная работа была задавлена почти на цѣлое десятилѣтіе.

Только съ началомъ семидесятыхъ годовъ цензура стала нѣсколько легче: книги на украинскомъ языкѣ начали понемногу пропускаться и стала возможною нѣкоторая литературная дѣятельность. Центромъ украинскаго движенія становится снова Кіевъ. Здѣсь создается спеціальный органъ для изученія Украины въ видѣ Кіевскаго отдѣленія географическаго общества и начинаетъ, въ 1873—5 гг., оживать литературная дѣятельность. Но эта передышка была непродолжительна—всего нѣсколько лѣтъ, и снова была прервана изданіемъ правительственнаго распоряженія 1876 г. (называемаго, по имени своего инициатора, закономъ Юзефовича), которое воспрещало всякую литературу на украинскомъ языкѣ кромѣ беллетристики, запрещало исполненіе украинскихъ пьесъ, печатаніе

---

[1]) Этихъ глашатаевъ «польской интриги» не смущало и не смущаетъ то обстоятельство, что въ разгаръ украинофильскаго движенія въ началѣ 1860-хъ гг. польскіе помѣщики Кіевской губ. подавали доносы на украинофиловъ, обвиняя ихъ въ стремленіи ниспровергнуть существующій строй, а галицкіе Поляки считаютъ мѣстное украинское движеніе интригою австрійскаго правительства и усердно стараются вооружить это послѣднее противъ представителей украинскаго движенія, обвиняя ихъ въ анархизмѣ и тяготѣніи къ Россіи.

[2]) „Чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ (малороссійскомъ) языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы, пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться". Историческій Вѣстникъ, 1902 г., кн. XI.

нотъ съ украинскимъ текстомъ и т. п. [1]). Хотя это распоряженіе не воспрещало украинской беллетристики, но въ дѣйствительности не пропускались никакія украинскія книги, какъ и послѣ запрещенія 1863 г. (если не считать нѣкоторыхъ случайныхъ появленій). Доходило до неимовѣрныхъ курьезовъ, въ родѣ вычеркиванія украинскихъ словъ изъ разсказовъ, писанныхъ по великорусски, требованія, чтобы при исполненіи на концертахъ украинскихъ пѣсенъ или романсовъ слова были переведены на великорусскій языкъ и т. д. Только въ 1881 г. на это было обращено вниманіе и министерство внутреннихъ дѣлъ издало циркуляръ, гдѣ смягчило нѣкоторыя запрещенія 1876 г. (разрѣшило украинскіе словари и представленіе пьесъ на украинскомъ языкѣ). Съ этихъ поръ дѣлается нѣсколько снисходительнѣе и цензура — беллетристическія произведенія на украинскомъ языкѣ начинаютъ проходить, хотя и со всякими трудностями и въ весьма ма-

---

[1]) Такъ какъ это распоряженіе, опубликованное затѣмъ, сохраняетъ дѣйствующую силу до сихъ поръ, небезъинтересно будетъ привести его цѣликомъ.

„Государь Императоръ 30 минувшаго мая Всевысочайше повелѣть соизволилъ:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи-

2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь.

а) историческихъ документовъ и памятниковъ.

б) произведеній изящной словесности.

Но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати,—и

3. Воспретить различныя сценическія представленія и чтенія. на малорусскомъ языкѣ, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ“.

ломъ числѣ. Практика цензуры отличалась вообще чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Не пропускались изъ беллетристики переводы на украинскій языкъ, беллетристика съ соціальнымъ оттѣнкомъ (хотя бы очень умѣреннымъ, вполнѣ допускаемымъ въ великорусскихъ произведеніяхъ), повѣсти и драмы, гдѣ выводились лица образованныхъ классовъ, и просто болѣе значительныя по объему беллетристическія произведенія (большія книги). Условіе, что украинскія произведенія должны печатать съ соблюденіемъ «общепринятаго» (т. е. великорусскаго) правописанія, давало поводъ къ требованіямъ неисполнимымъ, такъ какъ невозможно же писать по украински съ соблюденіемъ правилъ великорусской грамматики. Изъ пропускаемыхъ книгъ вычеркивались такія слова, какъ «Украина», «козаки» и т. п.

Подобными трудностями была обставлена и постановка украинскихъ пьесъ. Циркуляръ 1881 г. требовалъ для каждаго представленія особаго разрѣшенія губернатора или генералъ-губернатора и запрещалъ организацію спеціальныхъ украинскихъ театровъ и труппъ. Въ виду этого, напр., позволяли ставить украинскія пьесы только съ тѣмъ, чтобы кромѣ украинской пьесы въ то же представленіе была дана и великорусская пьеса, притомъ не меньшей величины. Долгое время всякія украинскія представленія были воспрещены въ предѣлахъ Кіевскаго генералъ-губернаторства, къ которому принадлежали тогда губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Черниговская и Полтавская, т. е. большая часть украинской территоріи Россіи, и украинскія труппы «для пропитанія» ѣздили по великорусскимъ городамъ, и т. п.

Конечно, въ подобныхъ условіяхъ сколько нибудь правильное развитіе украинской литературы, украинскаго движенія было немыслимо. Оно, правда, обнаруживало свою жизненность очень сильно. Въ продолженіе 1870 и 1880-хъ гг. появился цѣлый рядъ крупныхъ изслѣдованій, касающихся Украины, созданъ былъ спеціальный органъ для ея изученія (Кіевская Старина, съ 1882 г.), взамѣнъ закрытаго въ 1876 г. Кіевскаго географическаго отдѣла, выступилъ цѣлый рядъ

*

талантливыхъ беллетристовъ и драматурговъ, развился украинскій театръ, пріобрѣвшій (несмотря на всѣ стѣсненія) широкую популярность въ цѣлой Россіи, явилась украинская музыка. Но никакое правильное развитіе было невозможно тамъ, гдѣ появленіе украинской книги было счастливою случайностью; гдѣ изъ беллетристическихъ произведеній большинству не суждено было увидѣть свѣта и именно — наиболѣе серьезнымъ, идейнымъ вещамъ; гдѣ не допускалось изданіе на украинскомъ языкѣ сочиненій научныхъ и популярныхъ книгъ для народа и т. п. Даже сочувствіе украинству, участіе въ украинской литературѣ—хотя бы въ формахъ самыхъ невинныхъ, доставляло непріятности, иногда даже и очень серьозныя.

При такихъ условіяхъ сторонники культурнаго и литературнаго развитія украинской идеи, уже послѣ перваго запрещенія—1863 года, начинаютъ переносить постепенно свою дѣятельность въ Галичину, гдѣ въ это время начинаетъ подниматься народное украинское движеніе и развивается литературная дѣятельность.

Но и тамъ, хотя со времени кружка Шашкевича и галицкихъ народниковъ вообще, 1830—40-хъ гг., былыхъ гоненій уже не было, развитіе украинскаго возрожденія долго шло очень туго. Гробовое молчаніе реакціи, которая погребла первые начатки его, нарушила только буря 1848 г. Но галицкая Русь была слишкомъ задавлена, слишкомъ окоченѣла, чтобы принять участіе въ послѣднемъ движеніи. Къ тому же это движеніе въ Галиціи представляли Поляки, а цѣлью ихъ было возстановленіе Польши въ историческихъ границахъ. Этому Русины не могли сочувствовать. Правительство искало въ нихъ опоры противъ Поляковъ, и они откликнулись на этотъ призывъ съ полною готовностью. Не безъ участія тогдашняго австрійскаго намѣстника Стадіона (о которомъ долго потомъ Поляки говорили, что онъ «изобрѣлъ» Русинъ въ Галиціи), началась организація ихъ: основанъ политическій клубъ «Головна рада», и начала выходить газета «Зоря Галицька». Отчасти вслѣдствіе такой поддержки правительства, отчасти изъ оппозиціи Полякамъ, русинское движе-

ніе получило характеръ чрезвычайно лояльный и консервативный—австрійскій. И хотя устами политической репрезентаціи Русинъ и созваннаго осенью того же года «Собора русскихъ ученыхъ» были поставлены нѣкоторые весьма раціональные требованія и взгляды, которые предвосхищали въ многомъ позднѣйшую программу галицкаго возрожденія [1]), но въ общемъ вышли наверхъ изъ русинской интеллигенціи элементы реакціонные, движеніе не оказало возрождающаго вліянія на русинское общество, и когда правительство перестало оказывать свою поддержку (переставъ нуждаться въ Русинахъ послѣ подавленія революціоннаго движенія), падаетъ и глохнетъ и русинское движеніе.

Клерикально - консервативные элементы, игравшіе роль вождей и представителей русинскаго народа и его «интеллигенціи», на 9/10 состоявшей изъ священниковъ, и смотрѣвшіе на митрополита съ его соборнымъ капитуломъ, какъ на своихъ вождей, почувствовали себя безсильными и безпомощными безъ правительственной поддержки. Они остались пассивными зрителями важныхъ перемѣнъ, совершавшихся во внутреннихъ отношеніяхъ Галиціи среди затишья реакціи, воцарившейся во всей Австріи послѣ бурь 1848 г. На ихъ глазахъ реакціонные, клерикально-шляхетскіе элементы, выплывшіе наверхъ и среди польскаго общества, снискиваютъ довѣріе центральнаго правительства и получаютъ край въ свое полное, нераздѣльное и безконтрольное управленіе. Правительство головою выдаетъ польской шляхтѣ своихъ вѣрныхъ

[1]) Напр. домогательство, чтобы Галиція была раздѣлена на двѣ провинціи—восточную, съ украинскимъ населеніемъ (старыя воеводства Русское и Белзское), и западную, т. е. присоединенныя къ ней во время раздѣловъ Польши польскія провинціи съ г. Краковомъ; чтобы въ школахъ былъ введенъ русинскій языкъ; чтобы было организовано просвѣтительное учрежденіе по образцу чешской „Матицы“; чтобы установлена была единообразная грамматика и правописаніе для „рускаго“ (т. е. украинскаго) языка и онъ былъ ясно отграниченъ отъ польскаго и великорусскаго (Соборъ, какъ и вообще все это движеніе, стремилось къ отграниченію украинской народности и отъ польской и отъ великорусской).

слугъ, «восточныхъ Тирольцевъ», какъ называли Русинъ за оказанную въ 1848 г. вѣрность Австріи.

Намѣстники Галиціи начинаютъ назначаться по рекомендаціи польскихъ аристократовъ; вся администрація переходитъ въ руки шляхты; польскій языкъ становится языкомъ дѣлопроизводства и сношеній, вводится въ гимназіяхъ и университетѣ для всѣхъ предметовъ. Русины увидѣли себя во власти своихъ вѣковѣчныхъ враговъ, которые пошли на службу правительству за цѣну безконтрольнаго господства въ Галиціи и приступили къ систематической работѣ (praca organiczna) надъ угнетеніемъ русинскаго народа, осмѣлившагося имъ показать рога въ 1848 г., надъ превращеніемъ его въ аморфный строительный матеріалъ будущей, возобновленной Польши.

Русины не много выиграли и отъ введенія конституціи, представительнаго правленія и самоуправленія провинцій (начатаго октябрьскимъ патентомъ 1860-го и законченнаго австро-венгерскимъ соглашеніемъ 1867 г.). Наоборотъ, въ представительномъ строѣ польская шляхта, захватившая въ свои руки представительство Галиціи, могла оказать правительству еще болѣе цѣнныя услуги и—разсчитывать на еще большую поддержку его во внутреннемъ переустройствѣ Галиціи. Задержавъ въ своихъ рукахъ управленіе краемъ, получивъ подавляющее большинство въ новоучрежденномъ галицкомъ сеймѣ, польская шляхта отгораживаетъ Галицію непроницаемой стѣною отъ всякихъ вмѣшательствъ центральнаго правительства и парламента и, не считаясь ни съ законами, ни съ конституціей, которую сводитъ къ чистой пародіи въ галицкихъ отношеніяхъ, стремится къ тому, чтобы превратить Русинъ въ своихъ гелотовъ.

Русинская интеллигенція долго ограничивалась вздохами и глухими жалобами на это усиливающееся польское господство. 1850-ые года, когда начинается эта перестройка галицкихъ отношеній, были глухимъ и темнымъ періодомъ въ жизни ея. Начатки народничества были чрезвычайно слабы. Смѣлые сравнительно требованія и взгляды 1848 года были забыты. Въ литературѣ и публицистикѣ, чрезвычайно жалкихъ

и бѣдныхъ, велись споры между сторонниками сближенія съ народомъ и его языкомъ, и сторонниками «книжнаго» языка и «высшей» культуры, но велись такъ вяло и съ такимъ слабымъ культурнымъ аппаратомъ, что совершенно не подвигали вопроса. Вопросъ объ очищеніи уніатскаго обряда занималъ умы русинскихъ интеллигентовъ-священниковъ гораздо сильнѣе. Сколько нибудь активная политика ихъ пугала: Русины боялись прогнѣвить центральное правительство, которое для нихъ оставалось все еще единственнымъ якоремъ спасенія, — и тѣмъ усилить шансы Поляковъ.

Такъ называемая «азбучная война», возгорѣвшаяся въ 1859 г. по поводу предложенія намѣстника Галиціи гр. Голуховскаго—ввести латинскій алфавитъ въ русинскую письменность, вывела Галицкую Русь изъ оцѣпенѣнія. Введеніе латинскаго «абецадла» казалось заупокойнымъ звономъ по русинской душѣ. Съ большимъ единодушіемъ, забывъ свои распри, Русины выступили противъ этого проекта и успѣли убить его: правительство не настаивало на немъ.

Этотъ эпизодъ яснѣе поставилъ передъ глазами русинской интеллигенціи опасность, грозившую имъ отъ возрождающейся Польши. Бездѣйствіе грозило гибелью, нужно было искать выхода. Къ активной борьбѣ, къ организаціи русинскаго народа противъ польскаго господства эти священники и чиновники были неспособны. Имъ нужна была внѣшняя опора. Извѣрившись въ австрійскомъ правительствѣ, они все сильнѣе начинаютъ обращать свои взоры къ исконному сопернику Польши—Россіи.

Этотъ поворотъ подготовлялся постепенно. Защитники высшей культуры и «салоннаго языка», за неимѣніемъ таковаго на мѣстѣ, давно уже стали обращаться къ великорусской книжной рѣчи и свое «язычіе» уподоблять этой послѣдней. Это тяготѣніе было поддержано сношеніями съ нѣкоторыми русскими панславистами, особенно Погодинымъ. За чисто литературнымъ тяготѣніемъ пошло и политическое. Русское вмѣшательство въ венгерскую кампанію надолго оставило импозантное впечатлѣніе въ Галиціи, черезъ кото-

рую проходили русскія войска. Они напомнили о существованіи въ могущественномъ сосѣднемъ государствѣ «руской вѣры» и «руского языка», довольно близкаго къ книжнымъ элюкубраціямъ Галичанъ. Вздыхая подъ гнетомъ польской шляхты, галицкіе «патріоты» съ удовольствіемъ вспоминали о русскомъ царствѣ, такъ энергически подавившемъ у себя стремленія Поляковъ къ возстановленію исторической Польши. Россія рисовалась мечтающимъ Галичанамъ въ идеальныхъ чертахъ. Мечты о ней подогрѣлъ погромъ Австріи подъ Садовой. Ожидали близкаго разрушенія Австріи и русская оккупація Галиціи казалась уже близкою.

Въ такихъ обстоятельствахъ представители «москвофильскаго» теченія (какъ оно было названо) выступили въ львовской газетѣ «Слово» 27/VII 1866, подъ впечатлѣніемъ Кенитгреца, съ новымъ credo, которое затѣмъ было разработано въ подробностяхъ: галицкіе Русины — одинъ народъ съ Великоруссами, нѣтъ никакихъ Русинъ, есть только одинъ «русскій» народъ, отъ Карпатъ до Камчатки, украинская рѣчь — говоръ «русскаго языка», отличающійся только произношеніемъ, и «въ одинъ часъ» Галичанинъ можетъ научиться говорить по-великорусски (подъ такимъ заглавіемъ вышло тогда и руководство: «Въ одинъ часъ выучиться Малорусину по-великорусски»). Трудиться надъ созданіемъ народной украинской литературы — праздная затѣя; вѣдь есть готовая великорусская литература, которую нужно только усвоить.

Въ этомъ направленіи пошло большинство галицкаго общества. Къ консервативнымъ, бюрократическимъ симпатіямъ этихъ чиновниковъ и священниковъ какъ нельзя больше подходила дореформенная Россія (прогрессивная Россія 60-хъ и послѣдующихъ годовъ была и осталась имъ неизвѣстною и чуждою). При томъ же такая постановка русинскаго вопроса удивительно облегчала ихъ положеніе: несомнѣнно, легче было признать положеніе Галиціи безнадежнымъ и возложить надежду на оккупацію ея Россіею [1]),

---

[1]) Русскій путешественникъ, посѣтившій въ 1860-хъ гг. Львовъ, разсказываетъ о галицкихъ патріотахъ, встрѣченныхъ имъ на

чѣмъ трудиться надъ организаціею народныхъ силъ, просвѣщеніемъ и экономическимъ прогрессомъ народа, бороться съ Поляками и правительствомъ, и пр.

Но рядомъ съ этимъ клерикально-бюрократическимъ большинствомъ выступаетъ меньшинство — особенно среди тогдашней молодежи, которому украинское движеніе въ Россіи, оживившееся какъ разъ тогда, съ конца 50-хъ годовъ, было симпатичнѣе, а народная украинская литература съ ея демократическимъ и народническимъ направленіями, романтическими вздохами о козачинѣ — ближе и понятнѣе и по языку, и по содержанію, чѣмъ великорусская литература «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма», къ которой отсылали ихъ москвофилы (иначе «старорусы» или «твердые» Русины); эта молодежь предпочитала трудиться надъ улучшеніемъ положенія своей порабощенной народности, чѣмъ желать расплыться въ «русскомъ морѣ», обрабатывать народный языкъ — «языкъ пастуховъ и свинопасовъ», какъ его презрительно называли приверженцы «салоннаго» языка, чѣмъ «штокать» и «какать» съ изучившими «въ одинъ часъ» великорусскій языкъ своими «твердыми» земляками [1]). Среди нихъ широко идеализуется козачина (студенты и гимназисты даже одѣвались «по-козацки»), Украина для нихъ является священною землею, «Кобзарь» Шевченка — евангеліемъ. Они стараются приблизиться къ языку украинскихъ писателей, какъ образцовой обработкѣ народнаго языка, и примыкаютъ къ украинскому литературному движенію въ своемъ писательствѣ. Они получаютъ названіе «народовцевъ» или «Украинцевъ».

замковой горѣ: они объяснили ему, что высматриваютъ, не приближаются ли освободители—русскія войска.

[1]) Это изученіе ограничивалось обыкновенно усвоеніемъ нѣсколькихъ словъ, употреблявшихся гдѣ попало, когда «изучившій» хотѣлъ щегольнуть своимъ образованіемъ. Вслѣдствіе этого великорусскій языкъ «твердыхъ» Галичанъ сдѣлался притчею во языцѣхъ. Только въ самое послѣднее время москвофильская молодежь нѣсколько болѣе усвояетъ великорусскій языкъ.

Въ 1862 г. выходитъ первый литературный органъ этого направленія — «Вечерниці», литературный еженедѣльникъ. Онъ въ значительной степени заполненъ перепечатками украинскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Кружокъ народовцевъ былъ еще слишкомъ слабъ; «Вечерниці» продержались только несполна годъ, еще кратковѣчнѣе были журналы, основывавшіеся взамѣнъ ихъ (Мета, Нива, Русалка, 1863—6), и только съ 1867 г. налаживается журналъ «Правда» и издается потомъ до 1880 г. Такъ какъ въ Россіи не могло выходить никакое украинское періодическое изданіе, то «Правда» до нѣкоторой степени служила органомъ всеукраинскимъ, насколько это возможно было при цензурныхъ стѣсненіяхъ, не допускавшихъ его, какъ и другихъ галицкихъ украинофильскихъ изданій, въ Россію.

Уже послѣ перваго запрещенія украинской литературы въ Россіи (1863 г.), многіе украинскіе писатели переносятъ свою дѣятельность въ Галичину — входятъ въ сношенія съ народовскими кружками, принимаютъ участіе въ ихъ изданіяхъ, оказываютъ имъ моральную и матеріальную поддержку, необходимую особенно на первыхъ порахъ, когда народовство опиралось на небольшихъ кружкахъ, преимущественно молодежи. Въ этомъ первомъ періодѣ, 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, особенно дѣятельное участіе въ галицкихъ изданіяхъ принималъ и пользовался здѣсь вліяніемъ и авторитетомъ П. Кулїш. Его занимали особенно національныя отношенія Украины, такъ сказать ликвидація національныхъ споровъ съ Польшею и Москвою, и онъ пробовалъ въ Галиціи привести къ союзу украинство съ правящею польскою партіею. Эти попытки, какъ можно было предвидѣть, разбились; украинское возрожденіе и польская шляхта, вѣрная идеѣ исторической Польши,—это были элементы несоединимые, и Кулишъ самъ въ концѣ концовъ въ этомъ убѣдился (1882); но независимо отъ этого его дѣятельность имѣла большое значеніе въ галицкомъ возрожденіи. Кромѣ него усердно работаютъ въ галицкихъ изданіяхъ другіе писатели изъ россійской Украины, какъ Кониській, Нечуй-Левицкій и др. При слабости культурныхъ силъ

народовства эта поддержка возрожденной галицкой литературѣ была чрезвычайно цѣнна. Въ 80-хъ годахъ пріобрѣтаетъ важное значеніе дѣятельность бывшаго профессора кіевскаго университета Драгоманова, хотя и въ иномъ смыслѣ, чѣмъ напримѣръ Кулиша. Драгомановъ былъ неустаннымъ и очень рѣзкимъ проповѣдникомъ прогрессивности, европеизаціи народовства и украинофильства и въ этомъ смыслѣ оставилъ глубокіе слѣды въ исторіи украинскаго, спеціально галицкаго возрожденія, которое дѣйствительно нуждалось въ такомъ импульсѣ.

Выросши изъ кружковъ молодежи 60-хъ годовъ, народовство въ 70-хъ годахъ становится уже значительною силою. Это—меньшинство сравнительно съ представителями твердаго или москвофильскаго направленія, но меньшинство сильное, жизненное, привлекавшее къ себѣ все болѣе живое въ обществѣ. Въ то время какъ партія «твердыхъ» коснѣла и разлагалась въ своемъ реакціонерствѣ и отчужденіи отъ народа, народовство крѣпло и умножалось. Начавъ съ дѣятельности литературной (журналъ «Правда», общество Просьвіта для изданія книжекъ для народа съ 1868 г., Товариство імени Шевченка, основанное на капиталъ, собранный Украинцами въ Россіи), оно съ конца 70-хъ годовъ поднимаетъ голосъ въ политикѣ. Однако одновременно со своимъ внѣшнимъ ростомъ оно пріобрѣтаетъ «рутенскую» (какъ ее называютъ) окраску — клерикально-бюрократическую, хотя и не такую глубокую, какъ у «твердыхъ». Политическій союзъ съ партіей «твердыхъ», заключенный для борьбы съ Поляками въ 1880-хъ годахъ, не прошелъ также безъ нѣкотораго неблагопріятнаго вліянія на прогрессивность народовства.

Въ борьбѣ съ этимъ галицкимъ «рутенствомъ» состоитъ заслуга Драгоманова, который входитъ съ 1876 г. въ сношенія съ львовскою молодежью и позже основываетъ въ Женевѣ журналъ «Громаду» для пропаганды прогрессивныхъ идей въ галицкихъ и украинскихъ кругахъ. Въ Россію его изданія, по внѣшнимъ условіямъ, проникали меньше, но въ Галиціи публицистическая дѣятельность его и его союзниковъ, какіе нашлись

среди галицкой молодежи (особенно Ост. Терлецкаго и Ивана Франка), имѣла большое вліяніе.

Около 1891 г. вожди народовцевъ разорвали свой союзъ съ москвофилами и вошли въ союзъ съ правительствомъ, привлеченные обѣщаніемъ существенныхъ національныхъ уступокъ. Этотъ оппортунизмъ былъ очень несочувственно принятъ галицкимъ обществомъ, такъ какъ на дѣлѣ это оказалось союзомъ съ польскою шляхтою, представляющею правительство для Галиціи. Кружокъ Драгоманова, пользуясь этимъ моментомъ, рѣшилъ отдѣлиться отъ народовцевъ и организоваться въ отдѣльную партію такъ называемыхъ радикаловъ. Какъ партія, она не процвѣла, но имѣла немалое значеніе, какъ стимулъ прогресса для народовцевъ, которыхъ лѣвое крыло она представляла. Въ продолженіе 1890-хъ годовъ народовцы подвинулись такъ сильно влѣво, что въ концѣ 1900 года произошло ихъ сліяніе—народовская партія приняла всѣ главные пункты радикальной программы—соціальнаго и прогрессивнаго характера. Хотя нельзя сказать, чтобы эти принципы глубоко проникли въ массу народовской партіи—которая послѣ этой своей реформы принимаетъ оффиціальное названіе «національно-демократической», но само оффиціальное принятіе этихъ принциповъ въ ихъ программу было интереснымъ симптомомъ. Радикальная партія послѣ этого существуетъ только по имени; ея мѣсто заступаетъ соціально-демократическая партія, имѣющая значительную популярность среди молодежи, но въ общемъ пока также не преуспѣвающая, такъ какъ массу народа составляетъ мелкій собственникъ крестьянинъ, а городской пролетаріатъ сильно денаціонализованъ.

Эта эволюція украинскихъ націоналистовъ Галиціи въ 90-хъ годахъ имѣла значеніе не только мѣстное, но и для украинскаго возрожденія вообще, потому что въ послѣднее десятилѣтіе Галиція сдѣлалась центромъ украинскаго движенія для всѣхъ украинскихъ земель и даетъ тонъ украинскому возрожденію. Такое перемѣщеніе центра тяжести украинскаго движенія изъ географическихъ и историческихъ центровъ украинскаго народа въ западную окраину его территоріи, поставлен-

ную при томъ (какъ увидимъ ниже) въ весьма неблагопріятныя экономическія и общественныя условія, было результатомъ стѣсненій на восточной Украинѣ.

Я упоминалъ, что уже послѣ мѣръ 1863 г. украинскіе писатели начинаютъ помѣщать свои произведенія въ галицкихъ народовскихъ, только что зарождавшихся изданіяхъ и принимать участіе въ здѣшнемъ украинскомъ движеніи. Это тяготѣніе все усиливается по мѣрѣ того, какъ національное движеніе въ Галиціи крѣпло и изъ наивнаго козакофильства переходило къ разрѣшенію проблемъ культурнаго и политическаго развитія народа. Въ 1873 г. кружокъ украинофиловъ собираетъ небольшой (около 9,000 гульд. капиталъ для основанія въ Галиціи постояннаго учрежденія для развитія украинской литературы; на эти деньги была основана небольшая типографія и такимъ образомъ положено начало «Товариству имени Шевченка», учрежденію, которому — хотя значительно позже—дѣйствительно суждено было стать первостепеннымъ очагомъ украинскаго возрожденія и превзойти самыя смѣлыя надежды основателей. На первыхъ порахъ, вслѣдствіе незначительности своего основного капитала и слабости культурныхъ силъ Галиціи, это учрежденіе только прозябало. Интенсивный ростъ его начинается въ 90-хъ годахъ, когда въ немъ начинаетъ организоваться научная работа и кладутся прочныя основы для украинской науки.

Такъ какъ въ Россіи научная литература на украинскомъ языкѣ была абсолютно воспрещена, то къ организованной въ Товариствѣ Шевченка научной работѣ примкнули и писавшіе по украински ученые изъ Россіи, и оно получило значеніе представителя украинской науки вообще. Еще прежде примкнули Украинцы изъ Россіи къ литературнымъ изданіямъ Товариства Шевченка. Съ 1885 г. Товариство взяло на себя изданіе литературной газеты «Зоря». До 1893 г. эта газета допускалась въ Россію и въ послѣдніе года получила довольно широкое распространеніе. Основанный Товариствомъ Шевченка въ 1898 г. взамѣнъ «Зори», литературно-научный

журналъ, по типу европейскихъ revue—«Літературно-науковий вістник» допускавшійся въ продолженіи трехъ лѣтъ въ Россію довольно свободно, имѣлъ для россійской Украины еще большее значеніе въ томъ же смыслѣ: «Зоря» и онъ оживили литературную дѣятельность среди Украинцевъ въ Россіи, подняли ея уровень, расширили кругозоръ, вообще дали сильный толчекъ украинству. Даже чисто политическая, партійная жизнь Галиціи возбуждала живое участіе Украинцевъ изъ Россіи; галицкія изданія радикальной партіи 90-хъ годовъ выходили на средства доставлявшіяся изъ Россіи, и галицкая политика возбуждала живѣйшій интересъ здѣсь, среди того затишья, на которое было обречено украинство въ Россіи.

Прибавлю, что это тяготѣніе къ галицкой національной жизни въ концѣ концовъ возбудило видимыя опасенія въ административныхъ кругахъ Россіи: послѣдовали новыя запрещенія ввоза галицкихъ изданій въ Россію (между прочимъ запрещенъ и «Літературно-науковий вістник»), а взамѣнъ того нѣсколько ослаблена цензура для украинскихъ изданій въ самой Россіи. Эта послѣдняя дорога для ослабленія тяготѣнія къ Галиціи несомнѣнно вѣрна. Создавъ для украинской литературы въ Россіи нормальныя условія, правительство устранило бы вовсе это тяготѣніе, избавило бы Украинцевъ изъ Россіи отъ необходимости обращаться къ галицкимъ учрежденіямъ и изданіямъ, а Галичину—отъ бремени всеукраинскаго культурнаго и политическаго представительства. Но такая простая развязка вопроса, очевидно, еще не представлялась правящимъ сферамъ возможной.

Въ виду сказаннаго будетъ вполнѣ понятно, почему эволюція украинства въ Галиціи—получившей значеніе украинскаго центра,—была эволюціей украинства вообще. Развитіе на національной украинской основѣ различныхъ партій—съ болѣе умѣренными и съ крайними программами и требованіями, политическая, экономическая и просвѣтительная организація народныхъ массъ, начатки политической и національной борьбы, сильный культурный ростъ, сказавшійся въ успѣхахъ научной дѣятельности на народномъ языкѣ и расцвѣтѣ литера-

туры — все это должно было разсѣять много ошибочныхъ мнѣній объ украинствѣ. Должны были вполнѣ разсѣяться и предубѣжденія тѣхъ, которые смотрѣли на украинство, какъ на романтическій архаизмъ, несовмѣстимый съ прогрессивнымъ движеніемъ, и страхи тѣхъ украинофиловъ, которые хотѣли оградить украинскіе круги отъ вліянія современныхъ прогрессивныхъ теченій, боясь, что увлеченіе ими будетъ имѣть результатомъ равнодушіе къ украинскому національному вопросу и украинской національности.

Литература: Петровъ—Очерки украинской литературы XIX вѣка, 1884 и разборъ этой книги (гораздо болѣе цѣнный, чѣмъ самая книга) Н. Дашкевича въ отчетѣ о 19 присужденіи преміи Уварова петербургской академіи наукъ. Огоновскій—Исторія литературы рускои, т. II—IV, 1889—1894. Ост. Терлецький—Галицко-руське письменство 1848—1865, 1903) (книга даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе, заключая въ себѣ очеркъ жизни галицкаго общества). Ів. Франко з останнїх десятолїть XIX-го віку (въ журналѣ Лїтературно-науковий вістник, 1901, VII—IX).

XXIV.

Моя задача не была бы исполнена, если бы къ обзору историческихъ судебъ украинской народности я не присоединилъ очерка ея положенія въ данный моментъ. Конечно, очеркъ этотъ будетъ краткій и неполный, такъ какъ о многихъ вещахъ я не могу тутъ распространяться.

Я долженъ начать его съ Галичины, которая все еще идетъ впереди украинскаго національнаго движенія и представляетъ собою центръ украинскаго возрожденія [1]). Такое по-

---

[1]) Двѣ другія провинціи Австріи съ украинскимъ населеніемъ— Буковина и Угорская Русь, не играютъ такой роли. Угорская Русь стоитъ въ еще худшихъ матеріальныхъ условіяхъ и совершенно лишена интеллигенціи — духовенство здѣсь, отчудившись отъ народа, совершенно омадьярилось; эта украинская территорія стоитъ въ наиболѣе тяжелыхъ, почти безвыходныхъ условіяхъ. Буковин-

ложеніе ея однако — аномалія. Я упомянулъ уже, что общественныя и экономическія условія Галиціи вовсе не благопріятствуютъ такой первенствующей роли ея, не говоря уже о томъ, что географическій центръ украинскихъ земель — на Днѣпрѣ, и историческій центръ ихъ — въ Кіевѣ.

Многовѣковое господство Поляковъ въ Галиціи разорило этотъ несчастный край, не давъ ему взамѣнъ ничего хорошаго. Старые русскіе боярскіе роды, владѣльческій классъ ополячился всецѣло. Города и мѣстечки затоплены Евреями, оттѣснившими туземцевъ отъ торговли и ремесла. Въ болѣе значительныхъ городахъ мѣщане Русины ополячились также. Своей народности остались вѣрны только крестьяне и отчасти мелкіе мѣщане менѣе значительныхъ городовъ и мѣстечекъ. Ихъ въ общей сложности около трехъ милліоновъ — но въ какомъ плачевномъ экономическомъ положеніи!

Господствуя неограниченно, захвативъ въ свои руки земли — этотъ капиталъ края, польская шляхта (въ рукахъ которой еще теперь находится большая половина воздѣлываемой земли [1]) ограничивалась хищническимъ, варварскимъ расхищеніемъ природныхъ богатствъ этого края, описываемаго старыми писателями, какъ роскошная, текущая медомъ и млекомъ земля. Они вырубили лѣса, истощили почву, превратили

ская Русь еще малокультурна и дѣлаетъ первые шаги въ пробужденіи и подъемѣ народныхъ массъ. Имѣя передъ собою очень трудныя задачи въ національныхъ отношеніяхъ (господство Нѣмцевъ, румынскаго дворянства и такой же іерархіи), она ведетъ свою особую мѣстную политику, а въ культурномъ движеніи примыкаетъ къ сосѣдней Галиціи, изъ которой въ значительной степени черпаетъ свои культурныя силы.

[1]) Послѣдній ударъ крестьянскому землевладѣнію и хозяйству нанесенъ былъ шляхтою крестьянамъ уже подъ властію Австріи; благодаря близорукости австрійскаго правительства, помѣщики присвоили лѣса и пастбища, находившіеся въ общемъ владѣніи помѣщиковъ съ крестьянами. Процессы, которые вели крестьяне за эти сервитуты, окончились неудачею, разоривъ еще больше крестьянство.

въ нищаго крестьянина, ничему не научивъ его, не насадивъ въ краѣ прогрессивныхъ формъ земледѣлія, не прививъ промышленности—кромѣ винокуренныхъ заводовъ, продуктомъ которыхъ они спаивали крестьянъ, арендуя отъ себя монопольную продажу водки Евреямъ [1]. Ничего не сдѣлало для улучшенія хозяйства и развитія фабричной и заводской промышленности и австрійское правительство, получившее въ Галиціи по наслѣдству отъ Польскаго государства большія государственныя земли. Край въ настоящее время совершенно лишенъ фабричной и заводской промышленности, и развитіе ея теперь встрѣчаетъ уже чрезвычайныя трудности не только въ инертности господствующаго класса и въ политиканствѣ мѣстной (польской) администраціи, но и въ невозможномъ фискализмѣ австрійской административной системы и въ конкурренціи другихъ провинцій Австріи, отстаивающихъ свои экономическіе интересы, между тѣмъ шляхетскіе представители Галиціи стремятся только къ сохраненію своего господства въ краѣ и совершенно равнодушны къ интересамъ населенія. Впрочемъ, поддержаніе нищенскаго состоянія крестьянъ лежитъ даже въ интересахъ шляхетскихъ аграріевъ.

По переписи 1890 года 76,9% населенія Галиціи жило земледѣліемъ. Но не больше 10—12% крестьянскихъ хозяйствъ имѣетъ такіе участки, которые бы могли, при весьма примитивныхъ способахъ хозяйства и низкихъ цѣнахъ на продукты, создаваемыхъ конкурренціею сосѣднихъ земледѣльческихъ странъ (Россіи и Венгріи), содержать хозяйскую семью и удовлетворять чрезвычайно неприхотливымъ потребностямъ ея. Средняя величина крестьянскихъ участковъ (исключая горныя области, съ очень слабо развитымъ земледѣліемъ) 3—5 морговъ (отъ двухъ до трехъ десятинъ)—совершенно

[1]) Эта водочная монополія во 2-й пол. XIX в. была выкуплена правительствомъ отъ помѣщиковъ, но оно въ свою очередь сдаетъ въ аренду эту монополію помѣщикамъ и Евреямъ. Крестьянство, оплативъ стоимость выкупа, попрежнему содержитъ сословіе арендаторовъ и кабатчиковъ (крестьянскимъ обществамъ администрація не даетъ въ аренду этой монополіи).

недостаточна для содержанія крестьянской семьи. Огромная, преобладающая масса крестьянства должна искать посторонних заработковъ. При отсутствіи промышленности и при препятствіяхъ, какія ставятся администраціею отхожимъ промысламъ, за заработкомъ приходится обращаться къ помѣщикамъ, но эти послѣдніе, не боясь конкурренціи, а притомъ и хозяйничая очень плохо — держатъ цѣны на чрезвычайно низкомъ уровнѣ (во время полевыхъ работъ поденная плата работника колеблется между 25 и 75 крейцаровъ (отъ 20 до 60 копѣекъ) на своихъ харчахъ, а въ остальные мѣсяцы понижается до 15—20 кр.). Крестьянскія стачки, организованныя въ 1902 г., квалифицировались, какъ преступленія, по самымъ маловажнымъ поводамъ и безъ всякихъ поводовъ, влекли аресты, процессы, обвинительные приговоры, и были подавлены такимъ образомъ. Стремленія къ поднятію народнаго благосостоянія вообще встрѣчаютъ тяжелыя препятствія. Въ результатѣ крестьянство бѣднѣетъ и массами эмигрируетъ, главнымъ образомъ въ Сѣв. Америку. Нѣтъ населенія въ Европѣ болѣе несчастнаго, кромѣ Ирландіи, и теперь—когда Ирландіи улыбается лучшее будущее, Галиціи грозитъ опасность сдѣлаться уникатомъ въ Европѣ.

Русинская интеллигенція все еще очень слаба. Первые кадры ея составило духовенство, съ повышеніемъ его образовательнаго ценза, въ началѣ XIX в. Только въ послѣдней четверти XIX в. появляется сколько нибудь значительная свѣтская интеллигенція, изъ чиновниковъ, и понемногу—изъ лицъ свободныхъ профессій. Но интеллигенція эта, вышедшая изъ среды сельскаго духовенства и крестьянства, бѣдна и зависима. Большая часть чиновниковъ, боясь преслѣдованій со стороны высшихъ властей, принимаетъ слабое участіе не только въ политической, но и въ культурной жизни, такъ какъ даже на культурное движеніе среди русинскаго населенія польская администрація края смотритъ недоброжелательно. Главную массу работы въ политическомъ и культурномъ освѣдомленіи народныхъ массъ, въ политической и національной борьбѣ и теперь несетъ на себѣ сельское духовенство, которое все еще,

несмотря на старанія оторвать его отъ народа, не утратило своей связи съ народною массою и даетъ большое число стойкихъ защитниковъ его интересовъ, друзей его прогресса.

Сколько нибудь вліятельныя должности для Русиновъ закрыты. Администрація вся въ рукахъ Поляковъ и заботливо служитъ сохраненію господства польской народности и въ частности—польской шляхты. Выборы депутатовъ проходятъ подъ сильнѣйшею прессіею, со всякими злоупотребленіями, до открытаго насилія включительно. Благодаря этому представительство Русинъ въ парламентарныхъ учрежденіяхъ совершенно незначительно. Въ мѣстномъ сеймѣ (ландтагѣ) Русины не имѣютъ и 10 представителей, свободно ими выбранныхъ, на 161 общаго числа; въ вѣнскомъ парламентѣ они имѣютъ 6—7 депутатовъ (вмѣстѣ съ Буковиною), между тѣмъ какъ Поляки, представляющіе почти равное по численности населеніе, имѣютъ до 70-и. Имѣя въ польскихъ депутатахъ вѣрныхъ слугъ, правительство совершенно не считается съ голосомъ Русинъ и отдаетъ ихъ въ полное распоряженіе Поляковъ.

Школа также служитъ польскимъ національнымъ цѣлямъ. Организаціею народныхъ школъ Галиція вообще не можетъ похвалиться [1]), но украинскія села стоятъ еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ польскія. Хотя обученіе польскому языку должно быть необязательно, онъ въ дѣйствительности не только обязателенъ, но учителю поручается обращать даже главное вниманіе на его усвоеніе, и реальныхъ свѣдѣній школа даетъ мало. Зачастую въ украинскія села назначаются учителя и учительницы-Польки, совершенно не умѣющія по-русински. Гимназій съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ только четыре и ни одного реальнаго училища, съ польскимъ—25. Во львовскомъ университетѣ, который долженъ бы быть весь русинскимъ, такъ какъ предназначенъ для русинской части Галиціи, есть всего 6 каѳедръ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ, и всѣ ходатайства объ умноженіи числа этихъ

[1]) Изъ отчета за 1901/2 годъ выходитъ, что 37% сельскихъ обществъ не имѣло школъ; изъ 7.317 тысячъ населенія Галиціи по послѣдней переписи (1900 г.) 4.660 тыс. не умѣли ни читать, ни писать.

*

каѳедръ разбиваются на сопротивленіи польскихъ представителей, также какъ и требованія особаго русинскаго университета. Поляки разсматриваютъ каждое пріобрѣтеніе Русинъ въ этой сферѣ, какъ свою утрату, и за каждую гимназію и под. Русинамъ приходится вести войну со всѣми силами польскаго господства [1]).

Я долженъ былъ представить общую картину положенія украинской народности въ Галиціи, чтобы можно было надлежащимъ образомъ оцѣнить достигнутое здѣсь для украинства. При томъ нужно помнить, что Русины имѣютъ еще и внутренняго врага въ видѣ такъ наз. москвофиловъ. Теченіе это оскудѣваетъ съ культурнымъ подъемомъ русинской народности, но все же еще имѣетъ достаточно силъ, чтобы тормозить организаціонную работу національныхъ украинскихъ группъ, тѣмъ болѣе, что они получаютъ извѣстную помощь изъ Россіи, а въ послѣднее время пользуются поддержкою и польской шляхты. Въ своемъ отрицаніи украинства они предпочитаютъ школы польскія украинскимъ, культуру польскую своей національной. Какъ элементъ консервативный, реакціонно-клерикальный, они пользуются со-

---

[1]) Уже послѣ того, какъ написана была мною эта книга, разыгралась цѣлая буря изъ-за открытія новой русинской гимназіи въ Станиславовѣ. Хотя по школьнымъ правиламъ такая гимназія (въ виду большого числа учениковъ-Русинъ) должна быть открыта ipso facto, и правительство, въ виду усиленныхъ домогательствъ Русинъ, еще въ запрошломъ году включило въ бюджетъ расходы на содержаніе этой гимназіи, Поляки наложили свое veto, потребовали, чтобы правительство предоставило рѣшить этотъ вопросъ галицкому сейму, и хотя самъ императоръ высказался за необходимость этой гимназіи, большинство польскаго общества, раздраженное шовинистическою польскою прессою, а съ нимъ—и большинство сеймовыхъ депутатовъ воспротивились этой „уступкѣ“. Вопросъ выросъ до значенія первостепенной политической коллизіи, разрѣшенія которой съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали политическіе круги цѣлой Австріи. Въ концѣ концовъ галицкій сеймъ высказался противъ открытія гимназіи, и русинскіе депутаты всѣхъ оттѣнковъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ оффиціальныхъ креатуръ, сложили свои полномочія.

чувствіемъ правящей польской партіи, и дѣйствительно стараются, въ угоду ей, вліять на народныя массы въ духѣ интересовъ шляхты (такъ въ 1902 г. они отклоняли крестьянъ отъ стачекъ). Еще цѣннѣе они для Поляковъ, какъ союзники противъ украинскаго національнаго движенія и политическаго развитія русинской народности; въ этомъ направленіи они дѣйствуютъ съ полною беззастѣнчивостью.

Если все-таки, въ такихъ несказанно тяжелыхъ условіяхъ, въ Галиціи сдѣлано въ смыслѣ украинскаго національнаго развитія въ короткое время очень много, и то главнымъ образомъ своими силами, съ небольшой сравнительно поддержкою изъ россійской Украины, то это служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ жизненности и выносливости украинской народности, не выродившейся подъ пятивѣковымъ гнетомъ, и ея старой культурности, не утраченной среди упадка и рабства.

Это особенно осязательно сказывается въ культурномъ движеніи, въ литературѣ, въ наукѣ. Границы движенія раздвинулись широко, въ смыслѣ всесторонняго развитія націи, удовлетворенія духовныхъ потребностей ея—это цѣль, къ которой неуклонно, движется національное движеніе, несмотря на всѣ препятствія. Въ короткое время развилась значительная изящная литература, вытѣснившая польскую книгу изъ украинскаго общества. Организованная пять лѣтъ тому назадъ, въ столѣтнюю годовщину украинскаго возрожденія (появленія Энеиды Котляревскаго, 1798—1898) «Видавнича Спілка», несмотря на свои очень скромныя средства, выпустила до ста пятидесяти названій, произведеній оригинальныхъ и переводныхъ; это наиболѣе крупное книгоиздательство, рядомъ съ которымъ дѣйствуетъ цѣлый рядъ другихъ. Литературный журналъ—«Літературно-науковий вістник», несмотря на то, что ему закрытъ доступъ въ Россію, держится мѣстною подпискою вполнѣ прочно; онъ выходитъ ежемѣсячными книжками, по типу европейскихъ revue и знакомитъ своихъ читателей съ выдающимися явленіями европейской литературной и культурной жизни. Около него группируются всѣ выдаю-

щіяся литературныя силы Галиціи, а въ значительной степени—и россійской Украины.

Въ изящной литературѣ девяностые года выдвинули цѣлый рядъ новыхъ талантовъ, внесли большое разнообразіе и оживленіе. Новеллисты какъ Нечуй-Левицкій, Франко, Кобылянская, Стефаныкъ (я говорю только о живущихъ писателяхъ австрійской и россійской Украины и притомъ не имѣю намѣренія пересчитывать всѣхъ талантливыхъ писателей—что было бы слишкомъ долго), драматурги, какъ Кропивницкій и Тобилевичъ, поэты, какъ Франко и Самійленко, были бы замѣтны во всякой литературѣ. Талантливыхъ писателей и поэтовъ можно бы считать десятками. У нихъ много разнообразія въ манерѣ, выборѣ и обработкѣ темъ, и притомъ весь этотъ литературный мірокъ имѣетъ свою оригинальную прелесть въ сравненіи съ европейскими литературами. Въ немъ много оригинальнаго содержанія—укажу хотя бы на типы и картины изъ народной жизни, какихъ, за исключеніемъ, можетъ быть, великорусской литературы, не имѣетъ *ни одна* изъ европейскихъ литературъ; оригиналенъ и самъ колоритъ, тонъ этой литературы. Найди она талантливаго и популярнаго истолкователя, какимъ былъ для великорусской де Вогюе, для Скандинавовъ Брандесъ, Европа получила бы новый источникъ литературнаго наслажденія.

Средоточіемъ научной работы является «Наукове Товариство імени Шевченка» во Львові. Я упоминалъ уже объ обстоятельствахъ его основанія. Оно долго прозябало и только съ 90-хъ годовъ начинаетъ развиваться. Въ 1892 и 1898 гг. оно было подвергнуто кореннымъ реформамъ, придавшимъ ему строго-ученый характеръ. Оно представляетъ собою теперь родъ академіи наукъ и собственно должно бы носить этотъ титулъ, но такъ какъ для сообщенія этого титула нужно, чтобы былъ изданъ особый законъ, назначены субсидіи изъ государственныхъ средствъ, и кто либо изъ императорской фамиліи принялъ на себя протекторатъ новой академіи, то «Товариству» приходится ограничиться фактической академической организаціей, отложивъ попеченіе о ти-

тулѣ. Оно состоитъ изъ трехъ секцій: историко-юридическо-философской, филологической и естественныхъ и медицинскихъ наукъ, и пяти коммиссій: археографической, этнографической, лингвистической, юридической и медицинской) Каждая секція издаетъ ежегодно сборники своихъ трудовъ («Збірник секциї»). Кромѣ того издается общій бюллетень—Хроніка наукового товариства ім. Шевченка, по украински и нѣмецки, и ученый журналъ, посвященный историко-филологическимъ наукамъ—Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Послѣдній выходитъ книжками каждые два мѣсяца (вышло доконца 1903 г. 56 томовъ) и состоитъ изъ изслѣдованій и матеріаловъ, хроники и критико-библіографическаго отдѣла, составляющаго славу этого изданія. Отдѣльныя серіи изданій посвящены болѣе спеціальнымъ публикаціямъ матеріаловъ и изслѣдованій—ихъ девять: Fontes historiae ukraino-russicae 6 томовъ), Monumenta linguae necnon litterarum ukraino-russicarum (4 тома), Історична Бібліотека (24 тома), Українсько-руська бібліотека (заключаетъ изданія важнѣйшихъ украинскихъ писателей съ научнымъ аппаратомъ, новая публикація, 4 тома), Етнографічний Збірник (15 томовъ), Матеріали для українсько-руської етнольогії (6 томовъ), Часопись правнича і економічна (15 томовъ), Правнича бібліотека (3 тома), Лікарський збірник (8 выпусковъ). Наконецъ это же общество издаетъ упомянутый литературный журналъ—Літ.-наук. вістник. Всего выходитъ ежегодно до 20-ти томовъ научныхъ публикацій, не считая этого литературнаго журнала и бюллетеней.

Несмотря на недавнее сравнительно существованіе «Наук. Товариства», изданія его пріобрѣли уже почетную репутацію среди спеціалистовъ. Главнымъ образомъ онѣ посвящены, конечно изученію прошлаго и настоящаго украинскаго народа и его территоріи—исторіи, археологіи, этнологіи, фольклора, языка и литературы. Вѣдь «Наук. товариство» является единственнымъ національнымъ ученымъ учрежденіемъ и естественно—должно обращать особое вниманіе на разработку вопросовъ, наиболѣе близко связанныхъ съ судьбами украинскаго наро-

да, имѣющими не только чисто научное, но также и національное и общественное значеніе для него.

Отсутствіе украинскихъ высшихъ учебныхъ заведеній является крупнымъ препятствіемъ для развитія науки. Во львовскомъ университетѣ, какъ я уже упоминалъ, украинскихъ каѳедръ всего шесть, и кромѣ этихъ каѳедръ никто изъ Русинъ не можетъ получить профессуры. Люди съ научными способностями принуждены или обращаться къ другимъ занятіямъ, или искать каѳедры въ другихъ университетахъ. Въ послѣднее время вопросъ объ украинскихъ каѳедрахъ и особомъ украинскомъ университетѣ во Львовѣ сдѣлался очень жгучимъ. Осенью 1901 г. студенты-Русины выступили съ требованіями расширенія правъ украинскаго языка въ университетѣ и увеличенія числа украинскихъ каѳедръ; встрѣтивъ рѣзкій отпоръ со стороны университетскихъ властей (Поляковъ), они устроили сецессію, поголовно выписавшись изъ университета (въ числѣ 600) и перейдя въ другіе университеты. На эту манифестацію чрезвычайно сильно и дружно отозвалось все русинское населеніе въ Галиціи, собирая деньги для сецессіонистовъ и домогаясь при всякомъ удобномъ случаѣ основанія отдѣльнаго университета, ввиду враждебнаго отношенія нынѣшняго львовскаго университета къ національнымъ требованіямъ Русинъ. Но эти манифестаціи и домогательства не принесли никакихъ положительныхъ результатовъ. Поляки поставили въ правительственныхъ сферахъ вопросъ объ уступкахъ Русинамъ очень остро, и правительство не отважилось сдѣлать эти уступки. Весь этотъ инцидентъ только обострилъ вопросъ и польско-украинскія отношенія [1].

Отсутствіе необходимыхъ учрежденій не даетъ возможности украинской народности заявить себя надлежащимъ образомъ въ сферѣ искусства. Изъ украинскаго народа вышло немало талантливыхъ художниковъ, немало ихъ подвизается съ честью

---

[1]) Вопросъ позже обострился снова: осенью 1902 года мы прожили нѣсколько дней передъ перспективою кровавыхъ столкновеній между русинскими и польскими студентами университета.

и теперь, но за отсутствіемъ академій художествъ и національныхъ организацій художниковъ, они примыкаютъ къ чужимъ школамъ—русскимъ, польскимъ, нѣмецкимъ, и теряются въ нихъ. Немногимъ лучше стоитъ музыка. Отсутствіе большихъ, постоянныхъ національныхъ театровъ и консерваторій не даетъ возможности развиться оперной и симфонической музыкѣ, хотя украинскій народъ выдается своею чрезвычайною музыкальностью. Народныя украинскія пѣсни отличаются не только поэтическими достоинствами и удивительнымъ богатствомъ (украинская народная поэзія одна изъ богатѣйшихъ въ Европѣ), но и высокою музыкальностью; ими пользовались композиторы не только украинскіе, но и великорусскіе и польскіе. Украинскіе пѣвцы подвизаются въ разныхъ чужихъ краяхъ, у себя же дома музыка находитъ примѣненіе пока главнымъ образомъ въ опереттѣ и небольшихъ вокальныхъ композиціяхъ.

Такъ какъ въ Россіи, со времени извѣстнаго намъ циркуляра 1881 г., украинскіе спектакли и концерты терпимы, то въ развитіи драмы, сценическаго искусства и музыки Украина россійская идетъ впереди маленькой и бѣдной Галиціи. Но въ силѣ остаются и до сихъ поръ запрещенія отдѣльныхъ, исключительно украинскихъ представленій, постоянныхъ украинскихъ театровъ и спеціальныхъ украинскихъ труппъ; при такихъ условіяхъ, напр., организація оперныхъ украинскихъ спектаклей встрѣчаетъ почти непреоборимыя трудности.

Если въ Галиціи украинская народность, имѣя de jure полную свободу національнаго развитія, фактически стоитъ въ такихъ экономическихъ, общественныхъ и политическихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ свободное національное развитіе невозможнымъ, такъ что Галицкая Русь съ большимъ трудомъ несетъ на себѣ тяжесть даже нынѣшней культурной работы и должна разрѣшить цѣлый рядъ весьма сложныхъ политическихъ проблемъ, чтобы достигнуть свободы самоопредѣленія, въ Россіи наоборотъ, вообще говоря, украинская народность сдерживается въ своемъ развитіи *только* внѣшними стѣсненіями и воспрещеніями.

Огромный край, съ неистощенными еще, хотя и нераціонально эксплуатируемыми природными богатствами, съ задатками значительнаго развитія фабричной и заводской промышленности и торговли, съ весьма важными транзитными путями и прилегающимъ моремъ, онъ имѣетъ всѣ шансы матеріальнаго, а затѣмъ—и культурнаго развитія. Населеніе отличается большою физическою жизненностью (статистическія изслѣдованія указываютъ весьма высокій процентъ рождаемости), экстензивною энергіею и ассимилирующею силою массы: на свѣжей памяти исторіи создались большія украинскія колоніи и создаются далѣе (нпр. колонизація Усурійскаго края, на Тихомъ океанѣ, гдѣ статистика показываетъ въ 1883—1900 гг. 97% поселенцевъ-Украинцевъ), между тѣмъ какъ совершенно расплылись въ украинскомъ элементѣ искусственно введенныя, довольно значительныя поселенія Сербовъ и Болгаръ въ Новороссіи [1]). Пущенное въ широкій оборотъ представленіе о врожденной неспособности украинскаго племени къ организаціи стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактами исторіи; что же касается дарованій, то о народности, давшей Гоголя и Шевченка и безконечный рядъ менѣе яркихъ талантовъ въ разныхъ сферахъ культуры, не можетъ быть сомнѣнія.

При такихъ условіяхъ, занимая сплошную территорію, безъ чуждыхъ элементовъ, настолько значительныхъ, чтобы они могли нарушить національное единство территоріи, украинская народность имѣетъ всѣ шансы для развитія выдающейся національной культуры. Только Евреи представляютъ здѣсь значительную чуждую примѣсь, но созданію національной культуры, конечно, не представляютъ опасности. Значительный процентъ Поляковъ такъ называемыхъ юго-западныхъ губерній представляютъ въ огромномъ большинствѣ ополяченныхъ туземцевъ.

---

[1]) Къ сожалѣнію, оффиціальная статистика Россіи, особенно въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ, не выдѣляетъ украинскую народность въ особую категорію (говоря все о „русскомъ“ племени), и это сильно затрудняетъ наблюденія надъ украинскою колонизаціею.

Интеллигентные классы и городская буржуазія на Украинѣ и теперь еще находятся подъ полнымъ вліяніемъ великорусской культуры, но это потому, что нѣтъ—и не можетъ существовать въ такихъ условіяхъ украинской культуры. Украинскій театръ является почти единственнымъ проявленіемъ ея, и его широкая и устойчивая популярность (несмотря на бѣдность репертуара—о причинахъ которой ниже, и другія неблагопріятныя условія), живое сочувствіе къ нему въ этихъ интеллигентныхъ и буржуазныхъ сферахъ является весьма краснорѣчивымъ симптомомъ. Мнѣ самому приходилось встрѣчать людей, вполнѣ повидимому оторвавшихся отъ украинской народности, мало интеллигентныхъ, которые въ дорогѣ дѣлали большой кругъ, чтобы заѣхать въ городъ, гдѣ можно было попасть хоть на спектакль «къ Малороссамъ». Украинская книжка пользуется весьма значительнымъ спросомъ—хотя все еще является полузапретнымъ плодомъ. Кобзарь Шевченка, сочиненія Котляревскаго разошлись въ сотняхъ тысячъ. Допущенная цензурою въ 1898 г. хрестоматія избранныхъ украинскихъ писателей (нѣкоторый суррогатъ исторіи литературы) разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ, несмотря на довольно высокую цѣну и значительную величину выпуска (нѣсколько тысячъ).

Все сказанное даетъ мнѣ право съ полнымъ убѣжденіемъ повторить, что съ прекращеніемъ внѣшнихъ вліяній украинская народность вступитъ въ стадію широкаго національнаго развитія, подготовленнаго уже культурными успѣхами украинской національности въ Галиціи.

Противъ созданія національной культуры въ полномъ значеніи этого слова повторяется аргументъ, что украинская народность можетъ оставаться въ чисто этнографическихъ своихъ проявленіяхъ, что украинскій языкъ можетъ оставаться въ сферѣ «домашняго употребленія», для потребностей людей, не усвоившихъ великорусскаго языка, но для удовлетворенія высшихъ культурныхъ потребностей интеллигентнаго класса, языкомъ литературы, науки — долженъ быть только языкъ великорусскій. Этими аргументами, которые съ голоса охра-

нительной печати повторяются и разными «умѣренными» людьми украинскаго происхожденія, мотивируются запрещенія—еще остающіяся въ силѣ—научныхъ книгъ и научныхъ чтеній на украинскомъ языкѣ, переводной литературы, и даже сценическихъ и беллетристическихъ произведеній, гдѣ выводятся люди образованнаго класса.

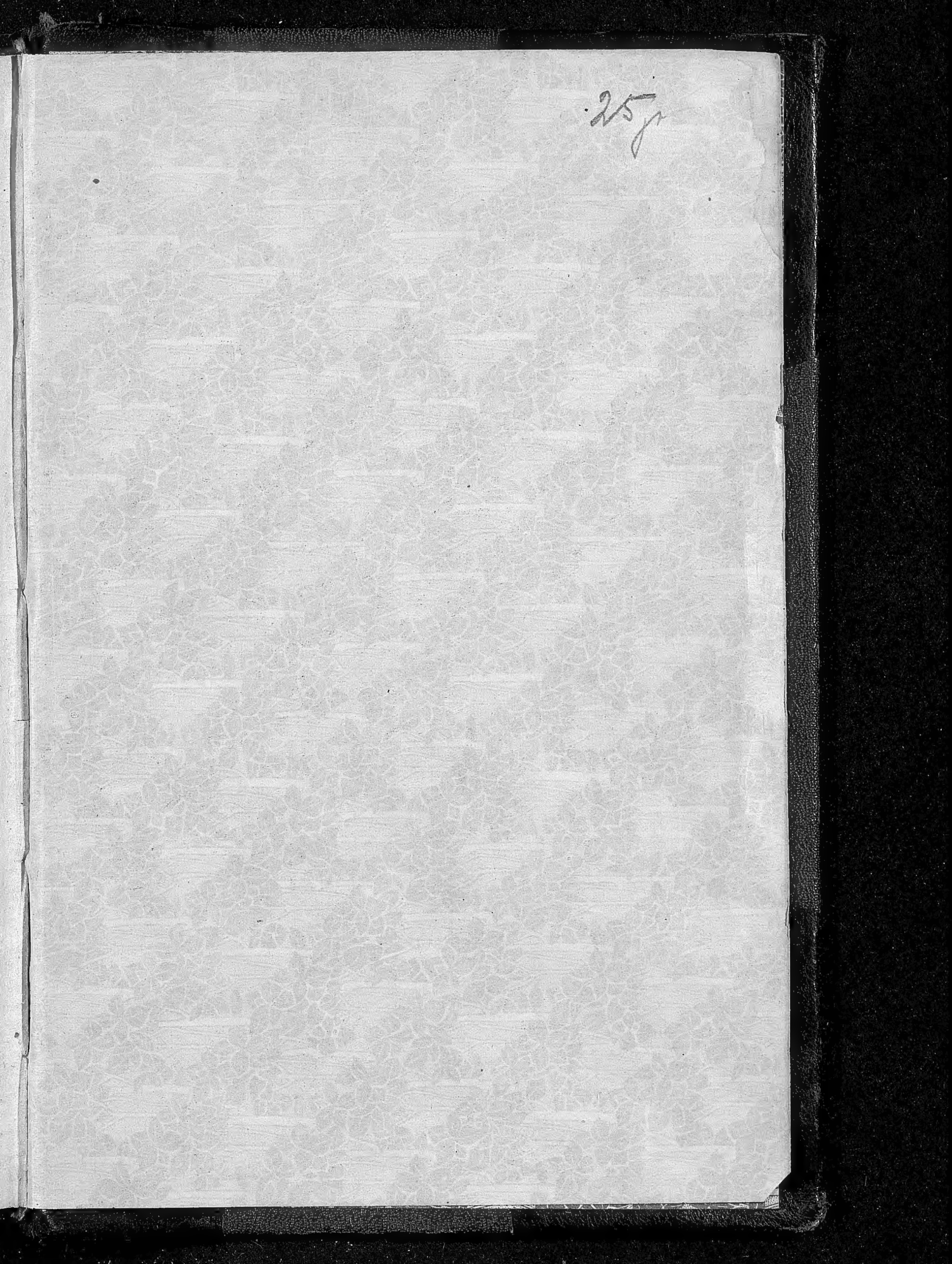
Всѣ подобныя средства дѣйствительно оказываютъ свое вліяніе, задерживаютъ, останавливаютъ культурное движеніе, но только до нѣкоторой степени: широкое и всестороннее развитіе украинской народности является вопросомъ только времени, быть можетъ—очень недалекаго времени.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОПРАВКИ *).

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
4	16 св.	ея	его
13	1 сн.	Йорданъ	Іорданъ
18	10 св.	находовъ	походовъ
—	6 »	Баянъ	Боянъ
40	18 »	однако	одинаково
43	4 »	φως	Ῥῶς
46	3 »	φος	Ῥῶς
56	16 »	князь-	князь
57	17 »	онъ	Олегъ
59	2 и 5 св.	Курою	по Курѣ
—	17 св.	Игореваго сына	сына Игоря
60	12 »	Хозаровъ	Хозаръ
69	17 сн.	послѣ слова «опереться»	нужно: «исключительно»
73	17 »	послѣ слова «Волынскомъ»	нужно: «княжествѣ»
—	11 »	дезорганизуетъ	дезорганизуя
74	11 »	ихъ	половецкія
82	2 св.	Ярослава и его сына	сына Ярослава
92	6 сн.	пришедшихъ	перешедшихъ
93	3 »	рецепцеію	рецепціею
96	3 св.	, князь малый	князь, малый
97	1 »	кихъ	какихъ
99	2 сн.	*канцлеръ*	канцлеръ
100	2 св.	они	они же
101	8 сн.	показывать	оказывать
104	17 св.	и проводило	приводило
105	5 »	этимъ	этимъ послѣднимъ
112	2 сн.	Смоляничъ	Смолятичъ
114	14 »	мозаики	мозаикѣ
121	16 »	1349 г.;	1349 г.
—	14 »	Но Любартъ	Любартъ
122	17 »	опольскогому	опольскому
—	6 »	рѣшеніе	но рѣшеніе
131	6 св.	1 и 3	1—3

*) Не отмѣчаю болѣе мелкихъ погрѣшностей, не мѣшающихъ пониманію текста.

Страница.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
137	6 сн.	послѣ слова «княжества»	нужно: «Литовскаго»
145	17 »	выработанную	выработанная (и такъ далѣе)
146	11 »	положила	наложила
147	2 св.	оказалось	оказалась
150	6 сн.	контрасты	контраста
153	16 св.	или	или прямо
154	9 сн.	они	онѣ
156	14 »	Збарожскихъ	Збаражскихъ
157	5 св.	династій,.. крестьянъ,	династій... крестьянъ
159	6 »	присвоять	усвоять
160	9 сн.	половинѣ	половинѣ XVI в.
164	15 »	гдѣ	на которыя
166	13 »	excallence	excellence
175	14 св.	къ вел. кн.	вел. кн.
177	18 сн.	закрѣпощено и тѣхъ	закрѣпощены и тѣ
179	9 св.	въ своей... формулировкѣ	на его... формулировку
180	6 »	казаками	козаками (такъ и ниже)
182	12 »	прочіе	прочія
183	2—5 »	допускались.. лишались	допускалось.. лишалось
184	3 сн.	разрѣшеніемъ	разрѣшенія
186	13 »	мѣстахъ	городахъ
—	3 »	праздничными	съ праздничными
187	4 св.	оборотъ	поворотъ
192	6 »	отношеній.	отношеній—козачеству.
208	5 сн.	онъ перенесъ	перенесъ
209	15 св.	польскія	панскія
211	8 »	а... оговорился	и.. оговорилъ
213	17 »	съ уніею	уніи
214	14—15 сн.	приняла	приняли
218	13 св.	масса	массу
220	18 сн.	дальновидные, политическіе	политически дальновидные
225	16—7 »	и то	при томъ
226	13 »	также	тамже
227	12 »	въ развитіи	съ развитіемъ
228	8—9 »	пришла.. до конфликта	произошелъ конфликтъ
256	2 св.	ея врагами	врагами Москвы
261	5 »	Polle	Rolle
—	8—9 »	historyczne:... Герасимучка	historyczne и... Герасимчука
264	8 сн.	обдѣлывавшіе	дѣлавшіе
265	16 »	послѣ слова «Москву»	слѣдуетъ: «чего не хотѣлъ сдѣлать
269	13 св.	старшиною	старшиною,
—	13 сн.	отказалось)	отказалось);
270	5 св.	не	онъ не
272	12 сн.	отношеній	союза
274	12 св.	воеводствъ	воеводствъ;
259—275		нумерованы ошибочно вмѣсто 257—272	
274	8 сн.	остановить	остановить.
278	2 св.	Szcrxsliwy.. powszechny	Szcrxsliwy... polski
285	12 сн.	культуры	культурѣ

25 р

